

The background of the cover is a textured, aged parchment or leather in shades of brown and tan. It features four large, ornate, embossed decorative elements in the corners, resembling stylized floral or geometric motifs. A faint, circular watermark or embossed design is visible in the lower right quadrant. The text is centered in a bold, black, serif font.

**АРХЕОЛОГИЯ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ:
АРХИВНЫЕ
МАТЕРИАЛЫ**

ТОМ V

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИНСТИТУТ
ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

**АРХЕОЛОГИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ:
АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ**

ТОМ V

Самарканд - 2019

Археология Центральной Азии: архивные материалы. Том V. «Восток во всем ...». Дневники и рисунки В.А. Шишкина. – Самарканд: МИЦАИ, 2019. – 241 с.

Руководитель проекта: Д.А. Воякин

Составители: Дж.Я. Ильясов, Г.В. Шишкина, С.Р. Ильясова

Ответственный за выпуск: А.Д. Искандерова

История науки – это не только история исследований, поисков и открытий, это также история личностей, усилиями которых, порой очень напряженных, эти открытия совершались. Одним из ученых, кто закладывал основы археологической науки Узбекистана, был доктор исторических наук, член-корреспондент Академии наук УзССР В.А. Шишкин (1894-1966). Востоковед, археолог и историк, он является автором выдающихся открытий, замечательных статей и монографий, руководителем работ на всемирно известных памятниках – городище Варахша и Афрасиабе – руинах домонгольского Самарканда. Публикация ранних дневников и рисунков В.А. Шишкина адресована специалистам, а также широкому кругу читателей, интересующихся культурным наследием Центральноазиатского региона.

Автор несет ответственность за выбор и предоставление фактов и мнений, содержащихся в этом издании и не выражающих идеи *ЮНЕСКО*. Обозначения и материалы, представленные в книге, не заключают в себе мнения *ЮНЕСКО* относительно легального статуса какой-либо страны, территории, города или зоны влияния, границ

«ВОСТОК ВО ВСЕМ»
ДНЕВНИКИ И РИСУНКИ В.А. ШИШКИНА

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ
ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ ВОСТОКА
(МОСКВА, РОССИЯ)

Предисловие

Сегодня возрождается интерес к истории археологической науки Средней Азии и, конечно же, к личностям, делавшим эту историю. Одним из крупнейших специалистов, стоявших у истоков археологии Узбекистана, был доктор исторических наук, член-корреспондент АН УзССР Василий Афанасьевич Шишкин (1894-1966), исследователь знаменитых памятников Согда эпохи древности и средневековья – Варахши и городища Афрасиаб (Самарканд), и еще целого ряда археологических, архитектурных и эпиграфических памятников. В последние годы растет внимание к его обширному научному наследию, хранящемуся в архивах. Это получило выражение в публикациях, основанных на его дневниках, первая из которых вышла в 2001 г., а вторая была опубликована семь лет спустя (Алпаткина, 2001. С. 117-124; Алпаткина, Иневаткина, Кулакова, 2008. С. 130-142). В 2015 г. в Самарканде под эгидой МИЦАИ в двух томах была выпущена книга «Археология Центральной Азии: архивные материалы». Во второй том этого издания вошли материалы из архива В.А. Шишкина (Архивные материалы ГМВ, 2015. С. 29-115). Здесь даны выдержки из его дневников и отчетов середины 1930-х – начала 1950-х годов, посвященных главным образом исследованиям Зарафшанской археологической экспедиции на территории Бухарской области. Во Введении к разделу приведены редкие фотографии, на которых запечатлен В.А. Шишкин и его соратники, архитектурные памятники Бухары, рабочие моменты на раскопках Варахши, снимки обложек и страниц из полевых дневников и альбомов, а также некоторые рисунки ученого (Никулина, 2015. С. 5-28). Текст дневников и отчетов также сопровождается зарисовками, чертежами и фотографиями, в том числе аэрофотоснимками, сделанными во время воздушных разведок района Варахши и западной части Бухарского оазиса в 1949 г. Данные материалы представляют несомненный интерес с точки зрения истории археологического изучения Узбекистана и содержат много важной и полезной информации.

Однако история науки – это не только история исследований, поисков и открытий, это также история личностей, усилиями которых, порой очень напряженными, эти открытия совершались. Спустя многие десятилетия после сенсационных открытий, проливших совершенно новый свет на историю великой и многогранной культуры народов Центральной Азии, на историю ее выдающегося искусства, важно помнить о тех, кто не позволил исчезнуть памятникам зодчества, великолепным многокрасочным настенным росписям, скульптуре и рельефам, которым после многовекового пребывания в полном забвении в недрах земли грозило окончательное уничтожение в ходе широкого хозяйственного освоения городских и сельских территорий. Понять и лучше узнать этих замечательных людей, о которых, к сожалению, сейчас уже мало кто может рассказать, могут помочь архивные материалы, а также их мемуары, интервью и воспоминания современников (См., например:

Массон, 1976; Ремпель, 1981; Ремпель, 1992; Горшенина, 2000; Ртвеладзе, 2012; Ртвеладзе, 2014). С этой точки зрения чрезвычайно интересны ранние дневники В.А. Шишкина, которые в настоящее время хранятся в архиве Государственного музея Востока в Москве (Архив ГМВ, Ф. I, оп. 5. «Архив Г.В. Шишкиной»). Важно отметить, что изданные МИЦАИ дневники середины 1930-х – начала 1950-х годов представляют собой довольно сухие, по большей части сугубо научные записи о тех или иных памятниках, маршрутных поездках, раскопках и т.д. И это вполне объяснимо: во-первых, задачей данной публикации и было представить научную информацию, а во-вторых, в самих дневниках практически нет лирических отступлений, которые могли бы приоткрыть внутренний мир автора. Понятно, что внутривосточная обстановка в стране постепенно менялась и не располагала к излишней откровенности даже при заполнении личного дневника; кроме того, с возрастом человек может и сам, без особого влияния окружающей действительности, утратить потребность в изложении на бумаге мыслей и эмоций, относящихся к его личной жизни и чувствам. Как бы то ни было, именно в ранних дневниках В.А. Шишкина, которые мы представляем читателю в данном издании, можно найти и интересные наблюдения, и описания тех или иных ситуаций, и его размышления о различных аспектах новой для него обстановки Востока, о выборе научного пути и т.п. Иными словами, за строками из дневника мы можем увидеть человека, который к тридцати годам прошел суровую школу жизни, был участником двух войн, но, несмотря на это, не утратил остроту восприятия и живейший интерес к познанию нового. Волею обстоятельств он попал из Вятской губернии в Туркестанский край, и эта солнечная земля покорила его сердце и ум. Глубокому изучению исторического прошлого этого края он посвятил всю свою дальнейшую жизнь.

Для современных читателей, и не только для тех, кто занимается археологией и историей искусства, публикация ранних дневников В.А. Шишкина важна не только с точки зрения знакомства с биографией исследователя, внесшего огромный вклад в изучение прошлого Центральной Азии, но и для лучшего познания истории страны, понимания культурной и политической обстановки в 1920-е – начале 1930-х гг., формирования в созданной в 1924 г. Узбекской Советской Социалистической Республике научных направлений в гуманитарной отрасли исследований.

Тетради В.А. Шишкина содержат, кроме записей о текущих событиях и осуществленных работах, также конспекты некоторых лекций и выписки из различных документов и книг, которые касались тех или иных исторических периодов и географических регионов, и помогали ученому в его исследованиях. Таковы, например, записи, которыми начинается тетрадь № 5. Конспекты и выписки показывают, какую серьезную подготовительную работу он проводил.

Еще одна очень важная грань личности археолога, историка и востоковеда В.А. Шишкина – его художественная натура. Будучи молодым человеком, он мечтал стать художником, и хотя не имел художественного образования¹, две его работы

¹ Со слов Г.В. Шишкиной, юношей Василий Шишкин пробовал поступить в художественное училище, и на экзамене, во время которого нужно было рисовать гипсовые формы, увидел, насколько хорошо это делает расположившийся рядом молодой человек. Решив, что у него самого получается далеко не так хорошо, В. Шишкин ушел с экзамена.

были представлены на Второй выставке картин Вятского художественного кружка (Вятка, 1912 г.)². У себя на Родине он начал трудовую деятельность в качестве учителя рисования. И несмотря на то, что интерес к науке – востоковедению, археологии, истории и архитектуре Центральной Азии – оказал несколько позже решающее влияние на выбор жизненного пути, любовь к рисованию и тонкое художественное чутье также принесли свои замечательные плоды. В.А. Шишкин оставил в своем архиве, основная часть которого хранится в Ташкенте, прекрасные карандашные рисунки, а также акварели, на которых запечатлены многие архитектурные памятники и ансамбли – в основном, Узбекистана. Часть этих памятников не сохранилась до наших дней, другие же во многом утратили свой первоначальный вид. Поэтому сегодня его рисунки интересны не только с художественной точки зрения, но являются также ценными историко-архитектурными документами 1920-40-х годов. Имеются зарисовки ландшафтов, артефактов, а также несколько замечательных портретов, сделанных В.А. Шишкиным.

Важно отметить, что Василий Афанасьевич дружил и общался со многими известными художниками, в 30-е годы переехавшими в Узбекистан или посещавшими наш регион. Из них наиболее известен Заслуженный деятель искусств Узбекистана Павел Петрович Беньков (1879-1949), один из основателей современного изобразительного искусства республики. Выдающийся художник, имя которого носит Художественная школа в г. Ташкенте, познакомился с Шишкиным во время своей первой поездки в Бухару в 1928-м г. В 1929-м г. он побывал в этом городе во второй раз, а в 1930-м переехал из Казани в Самарканд на постоянное жительство (Мкртычев, 2009. С. 22-24). Знакомство этих двух выдающихся личностей, надо полагать, укрепила совместная поездка на поезде из Бухары в Карши и Шахрисабз, состоявшаяся в ноябре 1928 г. Об этой поездке в тетради № 5 сохранилась очень лаконичная, к большому сожалению, запись. Из контекста понятно, что В.А. Шишкин выполнял свои исследовательские задачи; видимо, приглашение П.П. Бенькову принять участие в поездке исходило от него. 7 ноября в Карши они наблюдали праздничный парад с участием «дехан с огромными букетами цветов и хлопковых кустов с распустившимися коробочками, лопатами, ураками³ и т.д.», плясками и пантомимами с ножами. В Шахрисабз – любимый город Амира Темура, в котором «Потрясатель вселенной» хотел обрести свой последний покой, – они прибыли 8 ноября. Изучение архитектурных памятников древней столицы Кеша сопровождалось зарисовками живописных развалин Ак-Сарая и других сооружений – в архиве сохранились рисунки и В.А. Шишкина, и П.П. Бенькова. Этим двум выходцам из Поволжья, видимо, было интересно общаться и как землякам, и как художникам, очарованным Востоком. И конечно же, Бенькову было бы сложно найти лучшего рассказчика о древностях Бухары, Карши и Шахрисабза. По свидетельству дочери исследователя Галины Васильевны Шишкиной, Василий Афанасьевич не был мастером в живописи, но рисунком он владел очень прилично – по семейному преданию, П.П. Беньков

² От этого периода в архиве сохранились некоторые работы, в том числе автопортрет, выполненный в блокноте простым карандашом (рис. 1). Он датирован 14 декабря 1913 г., то есть, сделан за две недели до 20-летия автора.

³ Урак (ўрок) – серп.

и В.А. Шишкин как-то рисовали, расположившись рядом, торговца, продававшего свой товар под одним из торговых куполов Бухары, и Павел Петрович не сдержал возмущения: «Почему у вас лучше получилось?!». Понять его чувства можно – из них двоих именно он был выдающимся и маститым художником!

В декабрьской записи за 1931 г. (тетрадь № 11), описывая свою поездку в Самарканд, В.А. Шишкин отметил: «Виделся с Лурье⁴, Беньковым и познакомился с Татевосяном»⁵.

Другой известный художник, с которым В.А. Шишкин встречался в Бухаре – Адриан Владимирович Каплун (1887-1974)⁶. В архиве В.А. Шишкина имеются акварели работы А.В. Каплуна. На одной из них представлен вид на медресе Улугбека и Абдуллахана, т.н. Кош-медресе в Бухаре (рис. 45). Работа датирована 1933 г. На другой акварели, судя по заснеженному пику и высокой каменной башне, воплотились воспоминания Адриана Владимировича о Кавказе. На обороте рисунка Василий Афанасьевич карандашом записал имя, отчество и фамилию художника, а также, по-видимому, место и время, где получил этот рисунок: Бухара, 1934 г. Имеются в архиве и фотографии, на которых запечатлены Полина Андреевна Гончарова, супруга В.А. Шишкина, А.В. Каплун и Николай Михайлович Бачинский⁷, один из архитекторов, участвовавших в реставрационных работах в Бухаре. Фотография сделана в мемориальном комплексе Чор-Бакр в августе 1933 г. (рис. 44).

Еще одним художником, работавшим в Бухаре, был Георгий Гаврилович Свецкий. Сохранились два его этюда, подаренные В.А. Шишкину. Они написаны масляными красками, один – на картоне, для другого использован холст. Изображены глинобитные жилые постройки Бухары, видимо, производившие на художника впечатление своими закрытыми кубическими объемами и серовато-бежевой фактурой (рис. 46).

Представляется глубоко символичным то, что именно В.А. Шишкину – человеку тонкого художественного вкуса, в юности мечтавшему стать художником, – выпало счастье открыть миру доселе почти неведомые художественные сокровища Согда! Можно вообразить, какое ликование он испытал, когда Фортуна столкнула его с шедеврами братьев по духу – безвестных согдийских художников! Не следует, однако, забывать и о той ответственности, которая легла на плечи руководителя работ. Организовать консервацию и извлечение этих сокровищ – вот еще один научный подвиг, с которым В.А. Шишкин справился с блеском. Здесь оченьгодились его хорошие связи с Государственным Эрмитажем, в экспедициях которого он принимал участие в 1934 и 1939 гг. В Эрмитаже, авторитетнейшем научном центре, сумели высоко оценить выдающиеся способности В.А. Шишкина, в результате чего

⁴ Видимо, петроградский/ленинградский этнограф и востоковед Исаак Симхович Лурье (1874-1938), который в 1922 г. начал в Самарканде сбор и изучение материалов по культуре бухарских евреев.

⁵ Оганес Карапетович Татевосян (1889-1974) – известный живописец, Народный художник Узбекистана. См.: <http://ru.hayazg.info/> Татевосян Оганес Карапетович

⁶ [https://ru.wikipedia.org/wiki/Каплун, Адриан Владимирович](https://ru.wikipedia.org/wiki/Каплун,_Адриан_Владимирович)

⁷ Архитектор, сотрудник Института истории материальной культуры (Ленинград), вел работы по реставрации архитектурных памятников Средней Азии и Южного Казахстана. Многие годы дружил и состоял в переписке с В.А. Шишкиным.

последовало приглашение на работу в этот всемирно известный музей. Василий Афанасьевич долго колебался: с одной стороны предложение, от которого очень трудно отказаться, а с другой – ставший родным Узбекистан, возможность изучать его столь полюбившиеся древности каждодневно, буквально только выйдя за порог дома. Колебания прервала война. Если бы В.А. Шишкин, без долгих раздумий, согласился на почетное и лестное предложение переехать в Ленинград и работать в Эрмитаже, все могло закончиться трагически для всей семьи ...

Исследования Варахши стали полигоном, где отрабатывались методы работы со строительными материалами из необожженной глины, с настенными росписями и резным штукатуром. Раскопки этого и других археологических памятников под руководством В.А. Шишкина стали замечательной научной школой для начинающих специалистов, ставших со временем выдающимися учеными, посвятившими всю жизнь изучению исторического и культурного наследия нашей страны.

Издание текстов ранних дневников В.А. Шишкина, а также его рисунков станет определенным вкладом в историю науки и культуры Узбекистана и Центральной Азии. В настоящий момент, когда недавнее прошлое нашей страны, в котором было много драматических, и даже трагических явлений, но в то же время и множество побед и достижений – таких, например, как бурное развитие археологической науки – перестают замалчивать или подвергать тотальной критике, появилась возможность сделать доступными данные архивные материалы. Их издание является важным с точки зрения ознакомления широкой научной и культурной общественности республик Центральной Азии с этим уникальным, но малодоступным материалом. Составители надеются, что книга вызовет широкий интерес читателей.

Составители выражают глубокую благодарность руководству и сотрудникам Государственного Музея Востока (Москва) за содействие в работе над дневниками В.А. Шишкина, хранящимися в архиве музея.

Основные вехи биографии и научной деятельности В.А. Шишкина⁸

Василий Афанасьевич Шишкин родился 11 января 1894 г. (29 декабря 1893 г. по старому стилю) в селе Спасо-Талицкое Орловского уезда Вятской губернии (в настоящее время – Орловский район Кировской области Российской Федерации)⁹. Отец, Афанасий Шишкин, был школьным учителем, затем работал делопроизводителем сельскохозяйственного стола Вятской губернской земской управы. В. Шишкин также выбрал профессию преподавателя и, окончив Вятское реальное училище, получил должность учителя черчения и рисования в Сюмсинском училище¹⁰. Тем временем началась Первая мировая война (1914-1918) и в сентябре 1915 г. юный учитель был призван в действующую армию в качестве ратника ополчения. Он служил рядовым, затем был направлен курсантом в Казанское военное училище. Там он окончил ускоренные курсы и служил в чине прапорщика сначала в 106 Запасном пехотном полку в Вятке, затем в 19 Заамурском пограничном полку на юго-западном фронте¹¹. После октября 1917 г., в соответствии с бытовавшей в то время приказкой: «Курица – не птица, прапорщик – не офицер», репрессии, направленные против офицерства, по счастью, не коснулись В.А. Шишкина. В 1918 г. он вернулся к преподавательской деятельности в Сюмсинском училище. Это занятие продлилось недолго – в августе 1918 г. его снова мобилизовали, на этот раз в Красную Армию. Во время службы он последовательно занимал должности командира роты территориального полка, командира роты командно-инструкторских курсов, инструктора военного дела и т.д. В марте 1921 г. был направлен в Туркестан, где работал в Сырдарьинском областном военном комиссариате и в отделе Всеобуча Туркестанского

⁸ О В.А. Шишкине см.: Лунин 1965; Садыков и др. 1966; Лунин 1967; Кучкаров 1974; Кўчкоров 1974; Naumark 2003. P. 11-12; Сильви-Антонины, Мирзаахмедов, Адылов, Ильясов 2006. Эти публикации, а также воспоминания и замечания Г.В. Шишкиной использованы при написании Предисловия и данного раздела.

⁹ На современной карте Орловского района (<https://kartarf.ru/rayony/orlovskiy-2>) нам не удалось найти село Спасо-Талицкое; скорее всего, оно было переименовано в советский период.

¹⁰ Село Сюмси Вятской губернии – ныне центр Сюмсинского района Удмуртской Республики.

¹¹ Как сказано в «Личном деле лица начальствующего состава запаса», заведенном в Среднеазиатском военном округе: «Участвовал в войне с Австрией и Германией на Юго-Западном фронте с 15 августа 1917 г. по 10 января 1918 г.» Известно, что в ходе боевых действий он побывал на территории Румынии. Говорить о войне не любил, но, по словам Г.В. Шишкиной, как-то раз рассказал, что ему было безумно жаль видеть в каком-то из румынских городков, через который проходил их полк, сваленные в кучу и пылающие книги. Взять их было нельзя – это считалось бы мародерством, но было больно наблюдать, как огонь пожирает плоды интеллектуального труда многих поколений ... Со временем В.А. Шишкин собрал в Ташкенте прекрасную библиотеку.

военного округа в Ташкенте¹². Военная служба продлилась до конца марта 1923 г.¹³

Туркестан – совершенно новый для него регион – оказал на В.А. Шишкина неизгладимое впечатление. Еще будучи на военной службе, он осенью 1921 г. поступил в Туркестанский Восточный институт, преобразованный позже в Восточный факультет Среднеазиатского государственного университета (САГУ), который закончил в 1926 г. Обучаясь на отделении иранистики¹⁴, Василий Шишкин прослушал курсы лекций таких выдающихся востоковедов, историков и этнографов, как основатель и первый руководитель Восточного института Михаил Степанович Андреев (1873-1948), Александр Александрович Семенов (1873-1958), Николай Гурьевич Маллицкий (1873-1947), Иван Иванович Умняков (1890-1976), Евгений Дмитриевич Поливанов (1891-1938)¹⁵, отдельные курсы лекций академика Василия Владимировича Бартольда (1869-1930).

Педагогическое призвание В.А. Шишкина сказалось в том, что он параллельно собственной учебе с 1923 по 1925 г. поработал преподавателем в Ташкентском женском институте просвещения.

Студент Шишкин принимал активное участие в работе студенческого научного кружка, выступая на заседаниях с докладами и сообщениями. Кроме того, он участвовал в выполнении самых разных и важных общественных поручений и мероприятий – таких как перепись населения Ташкента весной 1923 г. или изыскания по водоустройству в Южной Туркмении в мае-июле того же года. Эта деятельность, увлекавшая новизной и возможностью знакомства с людьми самых разных национальностей и с разными регионами Средней Азии, отражена в дневниках, в которых можно найти и тонкие наблюдения заинтересованного и доброжелательного человека, и некоторые наивные рассуждения, естественные для того, кто только недавно попал в эти края. Сквозной нитью через записи проходит живейший интерес к историческим и археологическим памятникам.

В 1925 г. была опубликована первая научная работа В.А. Шишкина, посвященная

¹² Судя по послужному списку, непосредственного участия в боях братоубийственной Гражданской войны В.А. Шишкин не принимал, занимаясь в основном обучением будущих рядовых и командиров.

¹³ Дневниковых записей, предшествующих апрелю 1923 г., в архиве В.А. Шишкина не имеется. Мы не знаем, не было ли их вообще, или они попросту не сохранились в условиях постоянных переездов военного времени. Как бы то ни было, В.А. Шишкин, собственноручно обернувший свои тетради с записями в газетные обложки и пронумеровавший их, а также составивший их перечень, первым номером отметил дневник за 1923 год. Однако от предшествующего периода его пребывания в Туркестанском крае сохранились его карандашные, в основном, рисунки. Например, изображение мавзолея шейха Хавенди Тахура (Шейхантаур) от 9 июля 1921 г. (рис. 4) или замечательный портрет девочки, сделанный им в Ташкенте 11 августа 1922 г. и подписанный арабской графикой: «*Тургунохон Аъзимбой кизи*» (рис. 2).

¹⁴ В дневнике 1923 г. имеется замечательное рассуждение студента Василия Шишкина о том, какое языковое отделение выбрать. Хотя оно заканчивается лозунгом «Да здравствует тюркология!», окончательный выбор, судя по всему, был сделан в пользу иранистики. Тем не менее основным занятием Василия Афанасьевича стала археология Узбекистана, а глубокие знания персидского, арабского, узбекского и других тюркских языков, полученные на Восточном факультете САГУ и в реальной жизни, были огромным подспорьем в его многолетних исследованиях. В.А. Шишкин владел также французским и английским языками.

¹⁵ https://ru.wikipedia.org/wiki/Поливанов,_Евгений_Дмитриевич

названиям ташкентских махалля (Шишкин, 1925). К 1925 году относится и первый археологический опыт: в Самарканде он в качестве практиканта принял участие в раскопках знаменитого археолога-энтузиаста Василия Лаврентьевича Вяткина (1869-1932), первооткрывателя обсерватории Улугбека. В.А. Шишкин выехал в Самарканд 23 мая, а возвратился в Ташкент 4 сентября. Работы велись на городище Афрасиаб – руинах домонгольского Самарканда. В.А. Шишкин провел непосредственно на раскопках полтора месяца, расчищал помещения здания неясного, возможно, общественного назначения, относящегося к X в. и приспособленного позже под погребения. Помимо участия в раскопках на Афрасиабе он, конечно же, близко знакомился с великолепными архитектурными памятниками Самарканда; на некоторых из них (Чупан-ата) он также закладывал шурфы.

Часто бывает так, что первые в жизни раскопки оказываются довольно рутинными, и романтические ожидания увлекательных открытий разбиваются о суровую прозу однообразного ежедневного труда. Однако для молодого практиканта работа с В.Л. Вяткиным и первое соприкосновение с формирующейся археологией Узбекистана не были напрасными. Не кто иной, как В.А. Шишкин в 1948 г. завершил раскопки обсерватории Улугбека и опубликовал результаты этих работ (Шишкин, 1953. С. 3-100), а также написал специальный очерк, посвященный жизни и деятельности В.Л. Вяткина, своего первого наставника в археологии (Шишкин, 1963а. С. 144-151)¹⁶. Именно на поприще археологии В.А. Шишкину посчастливилось сделать открытия мирового значения. И именно на Афрасиабе ровно через 40 лет после первого участия в раскопках Василию Афанасьевичу довелось открыть и начать изучение настенных росписей т.н. «Зала послов», пожалуй, самого знаменитого открытия из всех, сделанных на этом городище до сих пор (Шишкин, 1966; Альбаум, 1975). Наверное, первую археологическую практику 1925 года можно назвать судьбоносной ...

С сентября 1925 г. В.А. Шишкин начал работать в должности научного сотрудника в штате Среднеазиатского комитета по делам музеев и охране памятников старины, искусства и природы (Средазкомстарис, затем – Узкомстарис) в Ташкенте. Он вел исследования в старгородской части Ташкента, в 1928 обследовал археологические и архитектурные памятники западной части Ферганской долины. В 1928 г. он был назначен уполномоченным Узкомстариса по Бухарской области и проработал в этой должности до 1936 г., дослужившись до поста председателя Бухкомстариса. Здесь он с большой энергией взялся за дело, занявшись изучением и сохранением архитектурных памятников Бухары, Бухарской и Кашкадарьинской областей. Под его руководством проводились работы по изучению исторической топографии города, исторической географии региона в целом, было положено начало составлению археологической карты области. В 1934-1935 гг. изучалась древняя оборонительная стена Бухарского оазиса – Кампир-дувал.

В Бухаре в октябре 1929 г. между В.А. Шишкиным и Полиной Андреевной Гончаровой был заключен брак. П.А. Гончарова (1902-1997) обучалась на Восточном факультете Среднеазиатского Государственного Университета в те же годы, что и

¹⁶ См. также: Новоселова, 1983.

Василий Афанасьевич, с 1928 г. работала этнографом в Бухарском музее, где собрала коллекцию золотошвейных изделий, инструментов, изучала мотивы и узоры, обычаи и обряды мастеров старинного искусства. С 1937 г. начала работу в Государственном музее искусств Узбекистана в Ташкенте, была консультантом-этнографом по различным видам декоративно-прикладного искусства. Прожив около 40 лет рядом с В.А. Шишкиным, она затем три десятилетия бережно хранила его архив¹⁷. Является автором монографии о золотошвейном искусстве Бухары (Гончарова, 1986).

К 1934 г. относится участие В.А. Шишкина в работах крупномасштабной Зарафшанской экспедиции, организованной силами Узкомстариса и Государственного Эрмитажа. Ее возглавил известный историк-востоковед Александр Юрьевич Якубовский (1886-1953)¹⁸. Во время этих работ В.А. Шишкин впервые посетил городище Варахша, изучение которого несколько позже станет основой его научной карьеры.

В 1936 г. вышла небольшая книга В.А. Шишкина, посвященная архитектурным памятникам Бухары (Шишкин, 1936). В этой работе впервые были систематизированы и изложены материалы по всем архитектурным сооружениям города, она на многие годы стала основным источником научной информации по данному вопросу¹⁹.

В Бухаре В.А. Шишкин много времени уделял общению с местными архитекторами, резчиками по ганчу, художниками-декораторами, которые привлекались им к работам по консервации и реставрации архитектурных памятников. А также с мастерами знаменитого бухарского золотого шитья и другими представителями художественных ремесел, многие из которых были в свое время вовлечены в строительство и украшение дворцов эмиров Бухары, в создание их гардероба и т.п. Поскольку во второй половине 1930-х годов начал раскручиваться маховик репрессий, многие из представителей указанных профессий, достигавших благодаря своему искусству и мастерству каких-то должностей при дворе эмира, начали привлекаться к суду как представители «эксплуаторской верхушки». В.А. Шишкин, проникшийся глубоким уважением и любовью к этим замечательным мастерам своего дела, ничем, собственно, не виноватым перед новой властью, пытался их спасти, в качестве эксперта выступая в судах в их защиту, чем вызвал пристальный интерес к своей персоне и недовольство органов НКВД. Результатом его благородной и самозабвенной деятельности по спасению культурного наследия и людей, это богатое наследие олицетворявших, стало то, что В.А. Шишкин попал в списки «бухарских националистов», подлежащих аресту. В лучшем случае это могло закончиться сибирскими лагерями. По рассказу Г.В. Шишкиной, однажды утром сотрудница Бухарского краеведческого музея Наталья Эдуардовна Шмидт, видимо, покупая в киоске газету, вдруг услышала от киоскера фразу: «Как жалко Шишкина!» Она, практически ежедневно встречавшаяся с его супругой Полиной Андреевной, работавшей в том же музее, и с ним самим, активно пополнявшим фонды музея после каждой поездки,

¹⁷ В.А. Шишкин и П.А. Гончарова покоятся на Боткинском кладбище г. Ташкента.

¹⁸ О нем см.: https://ru.wikipedia.org/wiki/Якубовский,_Александр_Юрьевич

¹⁹ Вот как ее охарактеризовал Л.И. Ремпель: «Книжка Василия Афанасьевича Шишкина о Бухаре (1936), в отличие от работ В.В. Бартольда и И.И. Умнякова, была основана не столько на письменных источниках и связанных с ними соображениях, сколько на непосредственном изучении памятников и топографии Бухары на месте», см.: Ремпель, 1981. С. 27.

испугалась и стала спрашивать, что же с ним случилось. От продавца газет, явно симпатизировавшего ученому, последовал ответ, что вот, мол, в газете он указан в списке врагов народа – бухарских националистов.

Н.Э. Шмидт поспешила сообщить эту печальную новость Шишкиным, жившим тогда в «комфортабельной» угловой худжре на втором этаже медресе Нодир-Диван-Беги, на площади Ляби-Хауз, вместе с 6-летней дочерью Галиной и родителями Полины Андреевны – А.Ф. Гончаровым и Е.А. Гончаровой. На экстренном семейном совете было решено, что Василию Афанасьевичу нужно немедленно уехать, скажем, в Ташкент, но, как это водится у истинных ученых и интеллигентов, денег на железнодорожный билет в доме не набралось. Неутомимая Наталья Эдуардовна снова поспешила, на этот раз в музей, благо он располагался буквально рядом – в медресе Кукельдаш, замыкающем ансамбль Ляби-Хауз. Там среди сотрудников музея была пущена по кругу шапка и спустя некоторое время «бухарский националист Шишкин» благополучно отбыл ближайшим поездом в Ташкент. Ареста и его фатальных последствий удалось избежать ...

Ситуация оказалась весьма нетипичной и приходится только гадать, по какой причине железная машина репрессий, безжалостно перемалывавшая миллионы людских судеб, в тот раз дала сбой. Возможно, собирая свои жертвы предыдущей ночью, сотрудники НКВД просто не успели добраться до всех, ведь списки публиковали, надо полагать, уже после арестов. Может быть, они собрали необходимое по плану количество «врагов», и В.А. Шишкин оказался «лишним». Быть может, они приехали бы за ним вечером того дня, когда он уехал. Всего этого нам никогда не узнать. Во всяком случае, в Ташкенте его не стали разыскивать (возможно, сознавая всю абсурдность обвинения?). А.И. Наймарк (Naumark, 2003. P. 12) резонно предполагает – причиной того, что органы безопасности оставили В.А. Шишкина в покое, могли быть чистки, которые периодически происходили в самих этих органах²⁰. Как бы то ни было, самое ценное, что можно вынести из этой истории – это представление о высоких нравах, царивших в коллективе Бухарского музея в трудные 1930-е годы. Ведь никто не предал, не сообщил «куда следует» о том, что «враг народа Шишкин собирается бежать», помогли материально – собрали денег на дорогу ... Подобную же глубокую порядочность проявили и коллеги в Ташкенте – Василий Афанасьевич был тут же переведен на должность научного сотрудника расположенного в столице головного учреждения – Узкомстариса. Ему предоставили и жилье – болохану в одной из махаллей Старого города, между Шейхантауром и Лабзаком. Весной 1937 г. в Ташкент переехала и семья, хотя и не без потерь – по дороге скончался отец Полины Андреевны. Нельзя не отметить, что немаловажную роль в столь благородном и бережном отношении к сотруднику В.А. Шишкину сыграла и личность самого героя – его глубокая порядочность и преданность делу.

Деятельный сотрудник, начинавший когда-то в Ташкенте свой путь в науку, снова занялся изучением памятников Ташкента и Ташкентского региона. Одним из них

²⁰ Так, 26 сентября 1936 г. был снят со своей должности глава НКВД Генрих Ягода, расстрелянный в 1938 г. как враг народа, шпион и предатель.

стал мазар Шоабдумалик в Ахангаранском районе, где в 1938 г. были проведены раскопки (Шишкин, 1940б)²¹.

В 1936-1938 гг. В.А. Шишкин работал в составе Термезской археологической комплексной экспедиции (ТАКЭ), возглавлявшейся Михаилом Евгеньевичем Массоном (1897-1986), еще одним выдающимся исследователем археологии, архитектуры и истории Средней Азии, основателем (в 1940 г.) кафедры археологии Ташкентского государственного Университета (ТашГУ), которую окончили многие специалисты, в том числе и составители этого издания. В широкомасштабных работах ТАКЭ приняли участие многие ученые: востоковед и археолог Всеволод Данилович Жуков (Горшенина, 2000. С. 76, 79, 86-87), И.А. Сухарев, старший научный сотрудник Самаркандского музея²², Дмитрий Дементьевич Букинич (1882-1939)²³, специалист по древней ирригации и археолог, путешествовавший вместе со знаменитым Николаем Ивановичем Вавиловым (1887-1943) (Есаков, 2008)²⁴ по Афганистану и ставший соавтором фундаментального издания «Земледельческий Афганистан» (1929), будущий директор Эрмитажа Борис Борисович Пиотровский (1908-1990)²⁵. Эрмитажными сотрудниками были также В.Н. Кесаев, А.С. Стрелков, В.К. Сухотина (Пиотровский, 1995. С. 132-137), также из Ленинграда прибыли будущий академик, изучавший знаменитое погребение неандертальца в гроте Тешик-таш в горах Байсуна, специалист по палеолиту Алексей Павлович Окладников и его супруга, художница Вера Дмитриевна Запорожская. Из Москвы приезжала Е. Пчелина, из Киева – М. Вязьмитина. Архитектурными обмерами занимались Н.М. Бачинский и юная Галина Анатольевна Пугаченкова (1915-2007), с именем которой в будущем будут связаны выдающиеся открытия и исследования в области архитектуры, истории искусств и археологии Средней Азии (Горшенина, 2000. С. 78-92).

В своих воспоминаниях о работах 1938 г. в составе ТАКЭ Г.А. Пугаченкова оставила ценные замечания о В.А. Шишкине: «Рыжеволосый вятич, которого судьба забросила с севера России в знойный Туркестан, уже в годах. ... Был он медлительно-обстоятелен – качество в археологии очень ценное, обеспечивающее документальную надежность наблюдений и фиксации фактов, педантичность проведения раскопок. При осмыслении же результатов помогало знание восточных языков, владение восточными первоисточниками. ... Как и в работе, он был аккуратен в быту, все у него было расположено в определенном порядке. ... Мне довелось работать с В. Шишкиным. Сначала я выполняла обмеры упомянутой выше мечети Чор-Сутун (раскопки которой вел В.А. Шишкин. – Дж.И.), а в конце сезона мы выехали с ним

²¹ В 2018 г., спустя 80 лет, исследования на территории, прилегающей к мавзолею возобновлены силами совместного отряда Института археологических исследований и Института истории Академии наук Республики Узбекистан (С.Р. Ильсова и Э.Ф. Вульферт), при финансовой поддержке Ташкентского отделения благотворительного фонда «Олтин мерос» (руководитель отделения – З.А. Эшмирзаева).

²² Погиб на фронте в период Великой Отечественной войны.

²³ О нем см.: https://ru.wikipedia.org/wiki/Букинич,_Дмитрий_Демьянович

²⁴ О нем см. также: https://ru.wikipedia.org/wiki/Вавилов,_Николай_Иванович

²⁵ О нем см.: https://ru.wikipedia.org/wiki/Пиотровский,_Борис_Борисович

вдвоем в Джар-Курган, где он изучал надписи на минарете, а я осуществляла его обмер» (Горшенина, 2000. С. 85-86).

Результаты исследований В.А. Шишкина в Сурхандарьинской области, осуществленные им в составе ТАКЭ, отражены в ряде его публикаций (Шишкин, 1941б. С. 3-15; Шишкин, 1945. С. 98-132; Шишкин, 1950. С. 58-70).

В книгах другого выдающегося ученого, доктора искусствоведения, неутомимого исследователя искусства Средней Азии Лазаря Израилевича Ремпеля (1907-1992) также находим краткие характеристики В.А. Шишкина, с которым он встречался в Бухаре 1930-х годов: «Василия Афанасьевича Шишкина уже не было тогда в Бухаре – он возглавлял Институт археологии²⁶ в Ташкенте, но приезжал в Бухару, направляясь на лежащую на границе песков ... Варахшу, где велись им раскопки. ... Мне приходилось быть у него в лагере дважды – в качестве приглашенного фотографа и непрошенного советчика. ... Василий Афанасьевич Шишкин не расставался с палочкой (ею он переворачивал осколки керамики во время разведки по бескрайним просторам, окружавшим Варахшу). Крепко скроенный, он не менялся с годами, разве что отяжелел и приобрел львиную осанку в посадке головы. Склоняясь к собеседнику, он не поднимал голову, но смотрел чаще в сторону; затем неожиданно вскидывал ее и смотрел как бы мимо вас остановившимся взором. Это был внимательный, вежливый, осторожный человек, медлительный в выводах, основанных на долгом и вдумчивом рассмотрении предмета» (Ремпель, 1981. С. 26, 27). И еще: «В этой роли (внештатного фотографа. - Дж.И.) я и попал на раскопки, начатые в 1939 г. Василием Афанасьевичем Шишкиным на городище Варахша. В.А. Шишкин был хорошо подготовлен к серьезным работам как востоковед и как археолог. В предшествующие годы он много сил отдал изучению Бухары, и я во многом отталкивался от его историко-топографических изысканий. ... Я был счастлив оказанным мне доверием и снимки свои десятилетиями хранил, как память об экспедиции В.А. Шишкина» (Ремпель, 1992. С. 100)²⁷.

В 1939 г. В.А. Шишкин работает в составе Зарафшанской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа и Института истории материальной культуры (руководитель – А.Ю. Якубовский), изучавшей городище Пайкенд в западной части Бухарского оазиса. В кратком полевом отчете этой экспедиции, опубликованном в 1941 г., Александр Юрьевич подчеркивает достоинства глазомерного плана городища и его округи, снятого В.А. Шишкиным, отмечает, что он «прекрасно выполнил задачу историко-топографического осмысления ближайших окрестностей городища», а также приводит несколько выписок из его рабочего дневника (Якубовский, 1940. С. 52, 53, 60-62).

С марта 1940 г. В.А. Шишкин был зачислен сотрудником в Институт языка, литературы и истории Узбекского филиала АН СССР (УзФАН). После образования в 1943 г. Академии наук Узбекской ССР и Института истории и археологии в ее составе он, по рекомендации целого ряда известных ученых, таких как академик Василий

²⁶ Точнее, Институт истории и археологии.

²⁷ К сожалению, в Кратком именном указателе, помещенном в конце замечательной книги Л.И. Ремпеля «Мои современники», в дату рождения В.А. Шишкина вкралась ошибка – 1883 г. (стр. 422).

Васильевич Струве (1889-1965)²⁸, проф. Камилла Васильевна Тревер (1892-1974)²⁹ и другие, был назначен старшим научным сотрудником института, а затем возглавил Отдел (сектор) археологии. Руководство отделом он осуществлял в течение более чем 20 лет, а с конца 1945 г. около двух лет исполнял обязанности директора института.

Несмотря на драматические события 1936 г., В.А. Шишкин мужественно продолжил изучение Бухарского региона уже в качестве представителя центральной организации Узкомстариса и академических институтов, полностью переключившись на археологические памятники западной части Бухарского оазиса. В 1934 г. им были впервые исследованы городище Варахша и целый ряд других памятников на землях древнего орошения (Архивные материалы ГМВ, 2015. С. 3-115), в 1937-1939 гг. были проведены раскопки Варахши. Результатом стала защищенная в 1943 г. кандидатская диссертация «К вопросу о древней культуре Бухары».

Раскопки Варахши были продолжены в 1949-1953 гг. и дали выдающиеся результаты, опубликованные в ряде статей и в капитальной монографии «Варахша» (Шишкин, 1941а. С. 3-15; Шишкин, 1947а. С. 225-292; Шишкин, 1948. С. 62-70; Шишкин, 1956. С. 3-42; Шишкин, 1957. С. 101-130; Шишкин, 1963б), ставшей одной из классических настольных книг любого исследователя истории, археологии и искусства Средней Азии. В науку были введены данные по топографии и фортификации, архитектуре и строительным материалам, предметы материальной культуры: керамика, стекло, орудия труда и вооружение Западного Согда периода раннего средневековья. Впервые так зримо предстал высочайший уровень монументальных жанров изобразительного искусства той поры: сюжетные настенные росписи и резной штук. Открытие, изучение и публикация материалов Варахши стали выдающимся вкладом В.А. Шишкина в науку и культуру не только Узбекистана, но и всего Востока. Помимо прочего, работа на Варахше, как справедливо отметил А.И. Наймарк (Naumark, 2003. Р. 12), стала прекрасной научной школой для целого ряда будущих выдающихся исследователей: архитектора В.А. Нильсена (1918-1994)³⁰, археолога Лазаря Израилевича Альбаума (1921-1997) (Левтеева, Минасянц, 2017. С. 232-233), востоковеда Натальи Васильевны Дьяконовой (1907-1996), историка искусств Вероники Александровны Мешкерис, каждый из которых внес замечательный вклад в познание исторического прошлого и великолепного искусства Средней Азии.

Все эти годы В.А. Шишкин осуществлял и педагогическую деятельность. В 1933-1934 гг. в Бухарском педагогическом институте он читал курс по истории Средней Азии, а в 1943-1945 гг. на историческом факультете Ташкентского государственного университета читал лекции по истории древнего Востока и древней истории Средней Азии. Наиболее продолжительный период преподавательской деятельности В.А. Шишкина связан с Ташкентским государственным педагогическим институтом имени Низами³¹, в котором он по совместительству проработал

²⁸ О нем см.: https://ru.wikipedia.org/wiki/Струве,_Василий_Васильевич

²⁹ О ней см.: https://ru.wikipedia.org/wiki/Тревер,_Камилла_Васильевна

³⁰ О нем см.: <http://shosh.uz/narodiyi-uzbekistana-datchane/>; <https://mytashkent.uz/?s=в+а+нильсен>

³¹ Ныне Ташкентский государственный педагогический университет им. Низами.

доцентом с 1944 по 1952 г. Именно в доме, построенном в 1936 г. по проекту знаменитого архитектора Алексея Викторовича Щусева (1873-1949)³² специально для профессорско-преподавательского состава Пединститута, семья Шишкиных получила квартиру весной 1945 г., незадолго до победы. В.А. Шишкин прожил здесь³³ более 20 лет с супругой, исследователем прикладного искусства Бухары, Полиной Андреевной Гончаровой, а также дочерью – известным археологом, крупнейшим специалистом по глазурованной керамике Согда, кандидатом исторических наук Галиной Васильевной Шишкиной, продолжившей дело отца и много лет возглавлявшей археологические исследования Афрасиаба, Варахши и других памятников Самаркандского и Бухарского Согда, работая в Институте археологии АН УзССР (Самарканд) и в Государственном музее Востока (Москва).

В годы войны заниматься раскопками было невозможно, тем не менее в 1944 г. В.А. Шишкин провел археологическую рекогносцировку в Гиждуванском и Вабкентском районах Бухарской области. В этих работах активное участие принял замечательный историк архитектуры В.А. Нильсен, автор нескольких основополагающих монографий по архитектуре Средней Азии (Нильсен, 1956; Нильсен, 1966; Нильсен, 1988).

В 1948 г. В.А. Шишкин завершил раскопки знаменитой обсерватории Улугбека. Как известно, она была обнаружена и изучалась в 1908 и 1914 гг. В.Л. Вяткиным, а в 1941 г. – И.А. Сухаревым. Итоги работ экспедиции были с максимальной полнотой опубликованы в специальном томе Трудов ИИА. Перу В.А. Шишкина принадлежит наиболее объемная статья (Шишкин, 1953. С. 3-100).

В 1949-1953 гг. были продолжены исследования Варахши. О выдающемся значении этих работ и их публикации сказано выше; еще одним из важных итогов стала успешная защита В.А. Шишкиным диссертации «Варахша. Опыт историко-археологического изучения» в 1961 г. (Шишкин, 1961). За нее автору была присуждена ученая степень доктора исторических наук.

Помимо археологии, В.А. Шишкин активно занимался арабской и персидской эпиграфикой. Он публиковал надписи на надгробных камнях из западной части Бухарского оазиса, одним из первых дал чтения надписей на целом ряде выдающихся средневековых архитектурных сооружений, таких как Джаркурганский минарет, мавзолей Шахи Зинды, большая соборная мечеть Бухары и других (Шишкин, 1940а. С. 24, 38-39; Шишкин, 1947б. С. 25-26; Шишкин, 1950. С. 64-69; Шишкин, 1962. С. 66-67; Шишкин, 1964. С. 161-167; Шишкин, 1970. С. 7-71).

С 1957 г. В.А. Шишкин сосредоточил силы на изучении одного из важнейших археологических памятников Средней Азии – городища Афрасиаб. Он подошел к данной задаче со свойственной ему основательностью. Была проведена тщательная работа по истории изучения этого огромного памятника, были привлечены данные письменных источников. В раскопках принял участие большой коллектив научных сотрудников Отдела археологии Института истории и археологии АН Узбекской ССР. Эти работы дали возможность лучше понять структуру города и стратигра-

³² О нем см.: https://ru.wikipedia.org/wiki/Щусев,_Алексей_Викторович

³³ Дом расположен на ул. Бабура (бывшая ул. Богдана Хмельницкого).

фию его многовековых напластований, а весной 1965 г. привели к выдающемуся открытию – в центральной части городища были найдены остатки здания³⁴, украшенного в третьей четверти VII в. замечательными настенными росписями. Значение этой находки непреходяще – уже многие десятилетия ученые из самых разных стран мира обращаются к великолепному историческому и иконографическому материалу, представленному на данных росписях, спорят об интерпретации сюжетов и реалиях, нашедших здесь свое воплощение. Раскопкам дворца, росписям Афрасиаба и их интерпретации посвящают целые монографии (Ахунбабаев, 1999; Mode, 1993) и международные конференции (Compareti, De la Vaissiere, 2006).

В год открытия живописи Афрасиаба – в 1965 году – В.А. Шишкин был избран членом-корреспондентом Академии наук Узбекистана.

К величайшему сожалению, Василию Афанасьевичу не довелось довести исследования дворца и росписей Афрасиаба до конца, самому интерпретировать находки, воплотить итоги этого исторического открытия в фундаментальной монографии. Во время плановых раскопок, 18 октября 1966 г., он, находясь в Самарканде, скончался от приступа острой сердечно-сосудистой недостаточности.

Наука, которой он отдал более 40 лет жизни, понесла тяжелую утрату. Тем не менее научные заслуги В.А. Шишкина, равно как его прекрасные человеческие качества, при жизни принесли ему заслуженное признание и страны, и научной общественности. Он был удостоен высоких государственных наград, а в начале 1964 г. было отмечено его 70-летие. Сохранились замечательные изделия знаменитого ташкентского мастера-гончара и исследователя традиционной художественной керамики Узбекистана Мухитдина Каримовича Рахимова (1903-1985), изготовленные им в качестве подарков к юбилею В.А. Шишкина. На глазурованном блюде (*ляган*) он нарисовал сирену – полуженщину-полуптицу, изображение которой украшало резное алебастровое панно найденное на Варахше. М.К. Рахимов использовал выполненную В.А. Шишкиным реконструкцию облика сирены, найденной во фрагментах (Шишкин, 1963б. С. 175, рис. 89-91). Вокруг центрального изображения вьется виноградная лоза, вверху – арабская цифра 70, а внизу – арабское благопожелание (рис. 47). На чаше (*коса*), копирующей самаркандскую глазурованную керамику X в., в выполненной арабским письмом круговой надписи содержится поздравление с юбилеем на узбекском языке.

Помимо собственных археологических изысканий и эпиграфических исследований, в которых он часто был первым, В.А. Шишкин много сил и времени отдавал работе по обобщению и популяризации археологических и исторических данных. Он был одним из авторов и редакторов фундаментальных изданий по истории Узбекистана (История ..., 1947; История ..., 1956), ответственным редактором ряда томов Трудов института истории и археологии, а также 1-5 выпусков серии «История материальной культуры Узбекистана».

³⁴ В.А. Шишкин в публикации, в которой он успел упомянуть росписи Афрасиаба, пишет, что жилое здание, стены которого были украшены живописью, принадлежало «одному из богатых и влиятельных феодалов» (Шишкин 1966: 12). Х. Ахунбабаев, продолживший раскопки комплекса в 1978-1985 гг., интерпретировал здание как дворец ихшидов – царей Самарканда (Ахунбабаев 1999: 9, 25).

В.А. Шишкин уделял большое внимание истории науки. Так, он был одним из редакторов книжной серии, посвященной русским ученым – пионерам исследований Средней Азии. Были выпущены тома о И.В. Мушкетове, Г.Д. Романовском, Н.А. Северцове, А.П. Федченко (Русские ученые-исследователи ..., т. 1, 1956; т. 2, 1958; т. 3, 1960; т. 4, 1961).

* * *

Дневники В.А. Шишкина, как правило, представляют собой общие тетради, заполненные записями, сделанными то простым карандашом, то цветным карандашом, то чернилами. Он собственноручно пронумеровал их и в еще одной общей тетради составил «Указатель к тетрадям», в котором привел их список с кратким содержанием. В публикуемых здесь дневниках записи иногда осуществлялись одновременно, то есть в одну тетрадь могли быть записаны события и эпизоды, относящиеся к разным годам. Поэтому для сохранения хронологического порядка событий мы публикуем содержание дневников не по принципу последовательности нумерации тетрадей, хотя она и составлена самим Василием Афанасьевичем, а по принципу последовательности событий.

Еще одной характерной особенностью тетрадей В.А. Шишкина было то, что в них изложение тех или иных событий его жизни, то есть дневниковые записи, часто сопровождалось планами и зарисовками, иллюстрирующими эти записи. Мы приводим их в текстах в той же последовательности. В то же время в тетрадях имеются записи лекций, конспекты русской и зарубежной научной или учебной литературы, выписки из арабграфических источников – таких, как вакфы, с которыми он активно работал в архивах в связи со своими исследованиями истории тех или иных архитектурных сооружений и т.п. Таково содержание большинства тетрадей. В трех тетрадях (№№ 6, 10 и 11) можно видеть обширные по объему записи пьес традиционного кукольного театра. Они записаны латинской графикой на таджикском языке, надо полагать, в Бухаре, видимо, прямо под диктовку кукловода (или кукловодов?). Все эти сопроводительные и дополнительные материалы, конечно же, многое говорят о В.А. Шишкине как о многогранной личности и скрупулезном ученом. Тем не менее приводить в данной публикации все эти материалы мы сочли нецелесообразным, сделав исключение для некоторых выписок из редких документов и изданий. А в качестве дополнения к образу замечательного человека и выдающегося исследователя в книгу включены его прекрасные рисунки.

Отдавая дань глубокого уважения памяти Василия Афанасьевича Шишкина – выдающегося русского и узбекистанского ученого, одного из пионеров археологической науки нашей страны, – предоставим слово, запечатленное в дневниках, ему самому.

В. А. Шишкин
Дневники 1923-1935 гг.

1923 год

Тетрадь № 1

Дневники 1923 года:

Стр. 2-9 г. Ташкент

10-24 Туркмения (Теджен, Красно-текинская волость, Каахка, Гинсбургская волость).

Арчиньян-тепе, стр. 20.

10 апреля 1923 г.

*Тошканд Иски шахар*³⁵

Перепись населения. Демографическая и производственная. Я – регистратор. Сегодня третий день Пасхи и пятый день переписи, на первые два дня праздника был перерыв.

Перепись в нашем участке протекает, кажется, довольно оживленно, публика подобралась удовлетворительная в смысле работоспособности, общительности и проч. Выписываю на память имена своих “соратников”: инструктор – Василий Иванович Туркин, регистраторы – Николай Шатога, Фрума Рубинштейн, Надя Белянкина, М. Лысункина. Быть может, останутся в памяти безалаберные вечера, проведенные на нашей “штаб-квартире” в махалля Хадра.

Мой район – махалля Иккинчи Хаузбаг. *A propos*, о названии махалля: по объяснениям Мухамеджана Турсунбаева, моего верного проводника, это название показывает, что когда-то, на месте теперешних оживленных улиц и улочек были сады – “*бог*” и в этих садах находились три пруда – “*ховуз*”, из которых впоследствии, при застройке соответствующей площади и получились названия трех кварталов: первый, второй и третий Хауз-Баг.

Благодаря переписи мне пришлось посетить внутренность очень многих домов, что, конечно, при наличии затворничества женщин совершенно невозможно при обычных условиях.

Обычный тип сартовского двора: вход с улицы через крытый коридорчик; в середине усадьбы, величиной от 15 до 70 сажен находится четырехугольный двор, вокруг которого размещены: дом, заключающий в себе одну комнату, кухня, обычно в отдельной пристройке, несколько галереек-террас и изредка другие постройки (кладовки, конюшни и т.д.). Внешний вид построек и внутреннее убранство домов варьируется сообразно с зажиточностью хозяина, но все без исключения постройки каркасного типа и почти без исключения с камышово-глиняной крышей. Внутри домов ковры, войлоки, одеяла.

Сарты не поняли характера и значения переписи, и каждый переписчик кажется им начальством, а посему в каждом доме ожидает радушная встреча, нередки

³⁵ Жирным курсивом выделены слова, написанные в оригинале арабским письмом.

дастарханы, чай, пловы и т. д. Едва ли даже они не надеются до некоторой степени подкупить переписчика, чтобы сделать его доверчивее и сговорчивее. Лгут очень много. Утаивают скот, скрывают свои занятия, а разного рода кустари-ремесленники скрывают рабочих. Все это великолепно знаешь, но ничего не можешь сделать. Фактическая проверка показаний совсем не входит в задачи регистратора, да и времени не хватило бы для этого дела³⁶.

Отношения с жителями 2-го Хаузбага установились лично у меня превосходные. Правда «Махалля комиссиясы» как будто бы не очень охотно сопровождает меня по домам. Но ведь [...] его работа несравненно скучней моей.

Языком более или менее овладел, могу вести все разговоры, касающиеся заполнения карточек исключительно по-сартовски. Это уже большой шаг вперед.

Один обычай, основанный, по словам Мухамеджана, на Шариате:

У одной женщины несколько лет тому назад уехал в Семиречье муж, дорогой он был убит; жена же считает его, зная о его смерти, живым и упорно не говорит о том, что он умер; и не имеет права говорить... Нужно для того, чтобы его оплакать, какое-нибудь вещественное доказательство в виде кусочка одежды или другой вещи покойного.

Только теперь я понял поведение в аналогичном случае Хадичи, которая, безусловно зная о смерти мужа, уверяла, что ждет его домой, а плач и слезы начались лишь после официального извещения.

Это сильно уронило мой взгляд на Хадичу, (и) с полной очевидностью показывает всю притворную лживость ее слез и громких воплей и талантливо разыгранных сцен отчаяния³⁷.

В.И. Туркин сообщил следующую сартовскую примету:

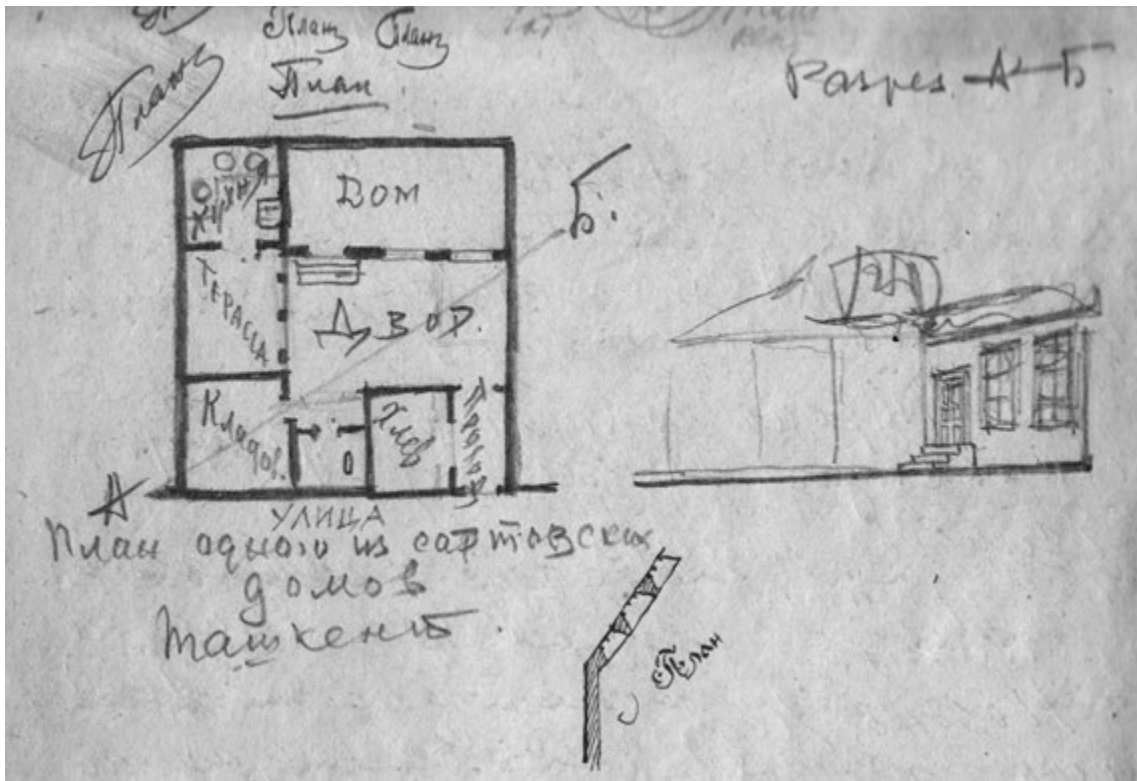
Если два голубя (горлицы) начинают драться на крыше дома, непременно будет ссора в доме.

Поздно. Недавно вернулся из чайханы, где тянул чай, закусывая лепешкой под звуки дутара и заунывно-искусственного сартовского пения. В комнате сиюду один. Кроме меня, никто не пожелал сегодня остаться здесь на ночь.

Завтра утром снова на работу – кончать перепись 2-го Хаузбага и начинать другие махалля.

³⁶ Примечание на полях: “Скверная вещь работа по статистике: разучишься верить людям. 20/VIII 23 г. Каахка”. Это примечание – свидетельство того, что В.А. Шишкин время от времени перечитывал свои записи. Его отношение к написанному могло со временем меняться, см. следующую сноску № 37.

³⁷ Поверх данного абзаца авторская пометка чернилами: “Глупо?!”. По-видимому, по прошествии определенного времени данный пассаж показался В.А. Шишкину излишне категоричным. Отметим, что среди портретов, нарисованных им, есть женский портрет с именем Хадича, написанным арабским письмом (рис. 3). Портрет, выполненный простым карандашом, датирован 7 января 1923 года и нет сомнений, что речь в данном месте дневника идет как раз об этой женщине. Демографическая и производственная перепись населения началась в апреле, так что Хадича, судя по всему, не из числа жителей махалли Иккинчи Хаузбог, и В.А. Шишкин познакомился с ней раньше. Несмотря на несколько суровую оценку ее поведения в сложной жизненной ситуации, именно Василий Афанасьевич сохранил нам облик этой симпатичной большеглазой, рано овдовевшей женщины, жившей в Ташкенте 96 лет назад.

12 апреля.

Кончился день. Наступил тихий и ясный весенний вечер с прозрачно-синим усыпанным звездами небом.

Конец дня и начало вечера провел в чайхане на углу махалли Хадра. «Восток» во всем: и в фигурах сартов, важно восседающих кружками с чайником чая посередине и пиалой ходящей в круговую, в ленивой мерности говора, создающего ровный гул, «Восток» и в слабом дребезжащем звоне дутара и в звуках туземного кларнета, тянущаго назойливо-однообразную мелодию, слабо доносящуюся издалека,

«Восток» и в караване верблюдов, проходящем мимо. Верблюды на ходу мерно покачивают головами, мерно позвякивают бубенчики у них на шеях и мерно покачиваются восседающие на их горбах киргизы³⁸ в огромных конусообразных меховых шапках.

Вот прошла свадебная процессия, впереди два молодых сарта в пестрых набекрень чалмах, один из них – жених. За ними следом, надувая шарообразно щеки, шествуют два музыканта, а за музыкантами толпа сартов в пестрых халатах и белых чалмах.

Едет сарт – «бай», толстая внушительная фигура в светлом полосатом халате, в огромной белоснежной чалме.

Проезжает ароба, нагруженная людьми, – это женщины в черных сетках-чадрах и в серых безцветных халатах особого покроя. Словом – «Восток»!

³⁸ В соответствии со старой терминологией, еще бывшей в ходу в эти годы, В.А. Шишкин называет здесь киргизами казахов.

Диссонансом врываются в эту картину звуки русской речи. Идут две женщины, ругая кого-то и за что-то крепкими словами.

Диссонансом врывается грохот трамвая, прокатившагося мимо.

Диссонанс в русском приветствии проходящего мимо Мухаммеджана.

Выпиваю чайник чая и иду без цели и без намерений по городу, грудь легко дышит после недавно бывшего дождя. Воздух изумительно чист и ясен.

Азанчи затянул свою песню... И потянулись седобородые, важные мусульмане воздать хвалу своему Аллаху. Вот я вижу их коленопреклоненными в открытой террасе мечети; склонившись над Кораном, что-то бормочет имам. Разгибаются все как один, делают движение руками и снова все замирают, склонившись до земли.

* * *

Поинтересовался сегодня причиной нежелания сартов сказать имя своей жены, когда его об этом спрашивают. Я полагал, что, быть может, есть указания на это в Шариате, так точно и безапелляционно определяющего поведение мусульман во всех случаях жизни. Расторопный и грамотный сарт, сопровождавший меня во время переписи, ответил отрицательно.

Если это так, то быть может, обычай скрывать имя жены сам собой вытекает из подневольного положения, затворничества женщины?

* * *

«Сарт» или «узбек»?

Насколько я знаком с этнографией, национальность индивидуума определяется сообразно тому, кто как себя называет.

Вот тут-то и создается во время переписи путаница. Все старики, все неграмотные и простые люди называют себя с гордостью «сарт», но сегодня молодой самоуверенный парень, кой-где и кой-чего понахватавшись, пустился агитировать, что они не сарты, а узбеки и бедные сарты не знают, как себя назвать.

Безусловно, все население старого города более или менее однородно в своем составе (?)³⁹, наша же перепись разделит их на две национальности «сартов» и «узбеков». Пропорциональное отношение первых к вторым немало зависит и от индивидуальности переписчиков, переводчиков и инструкторов.

* * *

Сарты боятся нашей переписи. Только сейчас наш хозяин Ахун-Джан приходил ко мне и просил не записывать его семью и дом. Насколько мог, успокоил его, что перепись вреда никому не принесет и что дом его и семью все-таки записать придется.

14 апреля.

Последняя ночь в старом городе. Завтра с помощью Фрумы (Рубинштейн) надеюсь закончить перепись населения 3-го Хаузбага и переселиться в новый город.

³⁹ Здесь и далее жирным шрифтом показаны вопросительные знаки, проставленные В.А. Шишкиным позже, при чтении собственных записей. В квадратных скобках приводятся замечания или вопросы, возникшие в неясных местах у составителей.

Несколько дней проведу там, а затем – в Аулие-Атинский уезд. Впрочем, “*худо хохласа*”!

В настоящий момент жду возвращения Фрумы с работы, чтобы проводить ее до трамвая. Первоначальное мое намерение было самому отправиться вместе с ней, но вспомнив, что завтра снова придется тащиться сюда рано утром, решил изменить это намерение и остаться здесь.

Сидя в чайхане с Вас. Иван.⁴⁰, увидели мы Богдановского, проходившего мимо, зазвали его к себе, напоили чаем. Разговорились. Разговор, как и следовало ожидать, зашел об институте и, между прочим, о преимуществах и недостатках тюркского и иранского отделений.

Попробую сейчас разобраться в своих мыслях по этому поводу. Интересно будет после на досуге проверить мои теперешние заключения.

1. Кругозор тюркского отделения шире – от Северной Сибири до Балканского полуострова, тогда как иранцы, чего доброго, ограничатся небольшой и бедной Персией и Афганистаном. Индустан же требует особого изучения.

2. Персия и иранизм избитое место, тюркология – новая наука.

3. Персию и иранские языки придется изучать исключительно по книгам – тюркскую речь можно ежедневно слышать вокруг себя.

4. Персия и иранцы за границей (в большинстве), тюрки – дома. И мое искреннее убеждение – прежде чем смотреть в окна, нужно поинтересоваться тем, что находится в доме.

Да здравствует тюркология!

22 апреля.

За этот период, в который я не брал в руки своей тетрадки, закончилась демографическая, промышленная и торговая перепись. Конец переписи ничем особенным не ознаменовался. Удалось только попасть на «той» устроенный по случаю свадьбы, но и там замечательного было только полный двор народу и плов, которым угостили меня и Надю Белянкину (мы работали с ней вместе этот последний день). Материалы по переписи, разработка которых н...

23 апреля.

Так вчера ничего и не написал. Помешало появление некоего изделия государственного объединения “Турквино”. Втроем (с Ветлугинским и Козловским /инструктор спорта/) подвыпили, что-то такое куролесили ... Словом, получилась ерунда.

Продолжаю вчерашнее.

Материалы по переписи сданы. Поступил на летние работы в Эконом. Отдел Водного Управления; как говорят, придется ехать в Туркменскую область, что отлично устраивает иранистов и совсем мало – тюркологов (?). Из В.И.⁴¹ едет студентов человек 10.

Ну-с, бросаю писать; пойду, пообедаю, посижу в библиотеке, а в 5 часов нужно пойти в Институт на собрание Профсекции.

С завтрашнего дня состою на службе в Водном Управлении.

⁴⁰ Василий Иванович Туркин.

⁴¹ Восточный Институт.

10 мая. Теджен.

Вот уже вторая неделя пошла, как мы выехали из гор. Ташкента. Предполагавшиеся вначале работы в Самаркандской области не состоялись и нас всех двинули на практику в Туркменистан. Выехали вечером 3 мая. Для нашей группы отведены были три вагона, в которых мы с багажом едва разместились.

После проводов (окропленных произведениями Кавказа) расселись по своим местам. Меня проводили на станцию бывшие сослуживцы Ветлугинский, Бренц и Штеренштейн. На старой службе я приобрел-таки друзей, как будет на новой – «еще ничего в волнах не видно».

Поезд тронулся в путь поздно ночью. Побалагурив немного, пассажиры нашего вагона, в котором ехал начальник Эк. Отдела Путилов с своими сотрудниками и инструкторами, успокоились и разлеглись спать. Я тоже кой-как примостился в конце скамейки. Спать было неудобно, часто просыпался и закуривал трубку.

Утром замелькали степи, горы, промелькнули Тамерлановы ворота, Заравшанская долина, Самарканд. Бухару проехали ночью, но к Аму Дарье подъехали уже 5 мая днем. Благодаря этому удалось полюбоваться величавой среднеазиатской рекой, увидеть громадный полутораверстный мост.

Тотчас за Аму Дарьей – Чарджуй, а за Чарджуем бесконечные Кызыл-Кумы, поросшие изредка саксаулом и какими то диковинными цветами, напоминающими формой своих соцветий бутылку.

Перед Мервом пустыня переходит в степь.

Развалины Старого Мерва. Громадная площадь, по-видимому, превышающая своими размерами территорию Старого Ташкента, покрыта сплошь развалинами домов, башен и каких-то построек неизвестного назначения. Развалины, окруженные стенами с башнями, производят довольно внушительное впечатление.

11/V.

Тотчас за развалинами Старого Мерва река Мургаб с почти скрытым в зелени новым Мервом.

Вечером пятого мая прибыли в Теджен. Разместились на ночь на станции. Разостлали на перроне кошмы и разлеглись вповалку рядом, сложив свои пожитки в кучу. Назначили дневальство. Первыми караульщиками на нашем конце оказались В.Л.М. и Бровка, которые сидели молча у моих ног и не давали мне спать.

Утром осматривал Теджен. Это оказалась небольшая кучка домов с плоскими крышами. Имеется несколько небольших улиц с убогими маленькими лавочками, торгующими обувью, сыром (местным), чуреком, солью и еще кой-какой мелочью. Убогий город и, по-видимому, такая же убогая торговля. Улицы пустынные. Несколько деревьев имеется только на станции и на берегу р. Теджен.

Обращает на себя внимание масса разрушенных построек – работа Жлобинцев⁴², как говорят. Почти без натяжки можно сказать, что половина Теджена находится в развалинах.

⁴² Слово написано неразборчиво, за правильность ручаться трудно.

Река Теджен в этом году бушует. Размыта водокачка. Земляные насыпи, устроенные на всякий случай по левому берегу Теджена, не выдержали и развалились.

Главное зло Теджен причинил на туркменских полях. Во избежание размыва железнодорожного полотна воду отвели в сторону, благодаря чему с одной стороны оказались залитыми некоторые поля. Другие же, наоборот, посохли из-за опустевших арыков.

17/V.

Через несколько дней по приезде всем отрядом ходили в аул Кара Юрма, расположенный в нескольких верстах от Теджена. Аул представляет из себя десятка полтора кибиток, построенных из камыша и войлока и расположенных в два ряда. Вокруг аула отдельные клочки возделанной земли.

28/V. Аул Душак, Красно-Текинской волости.

Семь дней тому назад оставили Теджен и в составе отряда: Русинов, Шишкин, Шорохов, Вялова, Сатуров, Суфиев и Хасанов, отправились на работу в свой район (Чаача-Каахка). За несколько дней до нашего отъезда отправилась группа, назначенная в Аму-Дарьинскую область под руководством И.Е. Суслова.

Станция Душак.

Небольшая станция. При станции поселок в 20-30 домов с обсаженными деревьями улицами. Имеется небольшой базарчик.

По приезде на станцию расположились предварительно биваком под деревьями у перрона. Женщина, торговавшая во время прохода поезда молоком, быстро сварила нам суп, принесла молока и яиц. Пока шли приготовления к трапезе, Русинов, я и Шорохов пошли в волостной исполком. Волостной исполком помещается в противоположном от станции углу поселка. Председатель – туркмен, довольно прилично говорящий по-русски. Секретарь – русский. Встретили довольно предупредительно.

На другой день состоялось собрание мирабов Красно-Текинской области. Шесть седобородых в огромных черных шапках туркмен расселись кружком и внимательно слушали в передаче переводчика слова Русинова.

Старик – чаачинский мираб – рассыпался в комплиментах. Он говорил, что мы приехали для их пользы, благодарил.

Понял ли он действительно пользу, какую туркменам могут принести наши изыскания, весьма сомнительно, но восточная вежливость повелевает гостю говорить комплименты, и он говорил.

31/V. Ахча-Тепе.

Необходимо вести дневник ежедневно. Такая масса интересных и, может быть, ценных наблюдений и впечатлений сидит в голове, что запомнить все и изложить в порядке по истечении нескольких дней невозможно. Поэтому вкратце только припомню все, что произошло в начале работы, чтобы перейти к настоящему моменту.

До настоящего времени работа проведена в двух аулах – Коуку-Зеренге и Душаке. Оба аула настолько похожи один на другой, что описать их можно вместе.

Внешний вид аулов являет собой картину перехода от кочевого быта к оседлому. Постоянные глиняные постройки, довольно убогие и неприглядные, перемешиваются с юртами, покрытыми войлоком. Летом живут все в юртах. Постройки и юрты

разбросаны на значительном пространстве почти без всякого порядка. Ни улиц, ни заборов нет. Есть только несколько дорог. Зелень отсутствует. Кой-где торчит несколько деревьев.

Всего в обоих аулах 410 хозяйств. Аулы расположены рядом и разделены только одним арыком.

Река Келет, питающая эти аулы, представляет из себя жалкую речушку с желтой солоноватой, неприятной на вкус водой. Отводы из реки расходятся по полям и река разбирается для орошения вся без остатка. Начинается река в пределах Персии, в Келетских горах, в утесистых, крутых гребнях, которые хорошо видны из аула.

Работа в аулах закончена. 29 мая выезжаем дальше – в Ахча-Тепе. Г.П. Соколов, бывший также с нами во время работы в Душаке и Коуку-Зеренге, отправился в Полторацк.

На двух арбах разместили кой-как багаж и разместились сами. Русинов и Рахмеджан пошли пешком впереди лошадей. Тянулись убийственно медленно по однообразной дороге до Махмал-Тепе (28 верст). Я скоро натер ногу и вынужден был сесть на арбу.

Слева тянулись синие Келетские горы, справа – бесконечная ровная степь, покрытая не особенно богатой, но довольно густой травой. Кой-где мелькают белые пятна солончаков.

Было душно. Вдали виднелось большое озеро, в зеркальной глади которого отражались деревья, – это мираж. Буквально не верилось, не хотелось верить в то, что этого нет в действительности, что это только игра воздуха и света, до такой степени была жива и естественна картина.

Усталые голодные лошади дотащили наши арбы до Махмала. Махмал оказался маленьким аулом, имеющим вполне оседлый вид, обсаженный деревьями, из которых выглядывают глинобитные домишки и юрты. Старшина (аршин) аула оказался гостеприимным и распорядительным стариком. Моментально появились под тенью ив чайники с чаем, пиалы, яйца. Через час или немного больше подали арбы. Моя нога все больше и больше начинает меня беспокоить. Я уже почти не могу ходить. Кой-как добрался до небольшого арычка, чтобы обмыть ее и перевязать. Образовался нарыв.

Сели на арбы. Отправились сопровождаемые пожеланиями счастливой дороги. Снова те же картины – горы справа, степь слева, высокие курганы далеко видны в степи. Огромное множество ящериц снует взад и вперед в траве и перебегает дорогу, почему-то все в одном направлении – слева направо. “Суфи-Турган” – маленькая пташка, похожая видом на воробья⁴³, – наполняет воздух своим веселым чириканьем. Есть еще какие-то другие птицы – нечто среднее между рябчиком и куропаткой⁴⁴. Они тоже встречаются в большом количестве. До наступления темноты в Меана не приехали, и конец перегона сделали при мрачном и таинственном свете поднимающейся красной луны.

После долгого блуждания по улицам аула попадаем, наконец, на двор старшины.

⁴³ Жаворонок. Правильное название на узб. языке – сўфитўрғай.

⁴⁴ Пустынный рябок?

Встречены были с полной готовностью. Старшина усадил нас в своей михманхане, напоил чаем, угостил каким-то особо приготовленным мясом.

Проспав ночь на дворе, тронулись в дальнейший путь. До Ахча-Тепе осталось 16 верст. Проехали мимо огромного холма, вокруг которого видна масса битой глиняной посуды. Промелькнули развалины какой-то крепостцы, очевидно, персидской. Горы справа становятся ниже, а против аула Ахча-Тепе видна большая широкая долина, в которой должен помещаться персидский Чаача.

Временно поместились в юрте старшины. Я впервые попал внутрь туркменской юрты. Юрта состоит из решетчатого остова, закрытого сверху кошмой. Внутри – кошмы и незатейливый туркменский хозяйственный инвентарь. По обыкновению напились чаю и расположились отдохнуть. После обеда собралась аульная администрация – старшина, мираб, мирза. Нам отвели квартиру в михманхане, слепленной из глины на краю аула. Злосчастный хозяин квартиры, согласно туркменского обычая, зарезал для встречи гостей барана и был огорчен, когда узнал, что мы не можем ему не заплатить за то мясо, которое у него взяли (? (знак вопроса относится к слову «огорчен»)).

Аул похож на те, которые мы уже видели. Переход от кочевья к оседлому образу жизни. Рядом с постоянными постройками – юрты. Но эти юрты обсажены деревьями, через арки кой-где устроены мостики, есть сады, обнесенные заборами.

Перехожу к сегодняшнему дню:

Сижу один в нашей михмон-хоне. Русинов и Шорохов отправились в поле для обмера земельных участков, по которым мы будем устанавливать средний высеv, необходимый для учета земель. Я остался дома все из-за той же ноги, почти совершенно лишившей меня возможности двигаться. М.Ф.В(ялова) пошла на реку стирать белье. Оставшийся дома переводчик Суфиев спит. Тишина нарушается только жужжанием мух и чириканьем ласточек, свивших свое гнездо в углу сводчатого потолка михмон-хоны.

18/VI. Ст. Душак.

Работа в Красно-Текинской волости закончена.

Красно-Текинская волость занимает значительное пространство ограниченное с одной стороны Келетскими горами и их отрогами, с другой – рекой Тедженом и с третьей – песками.

Все это пространство занимает плоская ровная степь, на которой старые курганы и развалины персидских крепостей видны на большом расстоянии. Наибольшее пространство занимает поросшая травой, кой-где солончаковая, степь. По степи мириадами шныряют ящерицы, есть змеи, полевые мыши, очень много птиц: суфи-турганов и бульдюков. Первые напоминают жаворонка своей звонкой залиистой песней, вторые являются, кажется, видом куропаток. Более крупных животных я не видал. Растительность ограничивается несколькими видами жестких колючих трав, названий которых я не знаю.

Человек в этой бедной безводной степи живет только вдоль рек, берущих свое начало в горах за персидской границей. Эти горы очень не высоки, скалисты и круты, имеют весьма причудливые очертания. Снегов нет. Поэтому стекающие с них

реки бедны водой, имеют очень непостоянный уровень и очень разливаются после дождей.

Рек три: Келет, Меана и Чаача.

Река Келет вытекает из ущелья Келетских гор, течет прямо на север и по выходе из гор, пройдя через несколько мельниц, разбирается вся целиком, точно так же, как и остальные реки, на орошение полей.

На реке Келет расположена станция Душак и аулы Коуку-Зеренг и Душак, составляющие из себя, собственно, один аул. В этих аулах 410 хозяйств. Жители всей волости исключительно туркмены-теке. Занимаются земледелием. В аулах Душак и Коуку-зеренг имеется только полевое хозяйство. Сеют пшеницу, ячмень, кунжут, люцерну. В старое время, когда благодаря договору с Персией они получали достаточное количество воды, сеяли также хлопок, но в этом году хлопка нет совершенно.

На другой реке – Меана – расположены: большой аул Меана и на особом отводе из реки аул Махмал-Тепе. В первом ауле около 500 хозяйств, во втором – 130.

На реке Чаача два аула – Чаача (300 хозяйств) и Ахча-Тепе (140 хозяйств).

Внешний вид этих аулов непрезентабелен. Это поселения людей только-только порвавших, да еще и не совсем, с прежним кочевым образом жизни. В аулах есть постоянные глинобитные постройки, но рядом с ними красуются кочевые юрты. Правильных улиц нет, постройки и юрты разбросаны в высшей степени беспорядочно и занимают большую площадь.

Ахча-Тепе, Махмал, Меана и Чаача скрашиваются группами деревьев, обрамляющими некоторые усадьбы. Есть в небольшом количестве фруктовые деревья. В аулах же Коуку-Зеренг и Душак даже и это украшение совершенно отсутствует.

Туркменская глинобитная постройка очень примитивна; в плане представляет из себя прямоугольник; в целом – коробку с плоской крышей; кроме двери имеется одно (много – два) окно. Ни галерей, ни крылечек, ни каких либо других украшений нет.

Юрта такого же типа, как и юрты других туркестанских кочевников.

Она состоит из деревянного решетчатого, весьма остроумно сконструированного остова, покрытого сверху кошмами, а снаружи нижней цилиндрической части юрты камышевым чиём.

В юртах сделаны деревянные, иногда резные двери. По самой середине находится очаг, над которым имеется отверстие в потолке, закрываемое и открываемое куском кошмы с помощью особо приспособленных веревок.

Все убранство юрт, которое я видел, заключается в разостланных на полу кошмах (за очагом, в задней части юрты) и повешенных на стенах ковровых мешках с длинными бахромами, в которых хранится незамысловатое имущество полукочевника-земледельца. Тут же в юрте и хозяйство – седло с чепраком, кувшины для воды, масла и чала, кумганы для кипячения воды. Изредка попадают и самовары. Кой-какая мелкая рухлядь хранится в поставленном сбоку шкафчике.

В каждом ауле есть мечеть, представляющая из себя вариант той же самой глинобитной постройки. Отличие мечети от обыкновенного жилого дома только в том, что перед мечетью имеется дворик с галереей и устроен внутренний выход на крышу. Величина их та же, что и обыкновенной хижины.

Поселок при станции Душак радует взор правильно разбитыми улицами, обсаженными деревьями; по улицам проведены арыки, облицованные кирпичем; на базаре 20-25 лавок, из которых значительная часть пустует. Торгуют эти лавки солью, спичками, матой, табаком, посудой и разной мелочью. Есть две чайханы, циркульник, портной, кузнец. Весь поселок содержит в себе 30-40 домов. Есть таможня.

Население поселка смешанное: туркмены, персы, армяне, русские.

Туркмены – смирный и миролюбивый, кажется, народ. Конечно, кровь кочевника, промышлявшего еще так недавно барантой на персидской границе, течет в его жилах. Отсюда колтаманство.

Колтаманы, насколько это выясняется из расспросов и рассказов, имеют очень мало общего с басмачами Ферганской и Самаркандской областей. Басмач – повстанец, с ярко выраженной политической окраской. Колтаман – просто-напросто разбойник, грабитель. Разорился человек, не хочется ему работать, надоедает оседлая жизнь – ворует туркмен лошадь, достает где-нибудь оружие – вот и колтаман.

Несколько дней тому назад группа колтаманов, человек в 17, сделала нападение даже на аул Душак и вызвала немалый переполох. Теперь они ушли и, говорят, находятся в Махмал-Тепе, откуда мы только что уехали.

Туркмены – рослый и видный народ. Их и без того значительный рост увеличивается еще громадной мохнатой шапкой черного или белого цвета. Шапка – краса и гордость туркмена. Туркмен в плохой ободранной шапке, – наверняка – бедняк, плохой хозяин. В остальном костюме туркмена состоит из: 1) тюбетейки, одеваемой под шапку, 2) штанов и рубахи из белой маты, 3) халата различного материала и качества, но неизменно серого, коричневого или темнокрасного цвета, халат красиво шит, плотно облегает стройную номадскую фигуру и подтянут ремненным поясом, за который заткнут толстый длинный нож-кинжал. Обувь довольно разнообразна: кожаные поршни (?) – лапти, стягиваемые веревками; неуклюжие толстые калоши; туфли с невероятно высоким каблуком без задников и, наконец, просто кусок кожи, привязанный веревками к подошве ноги.

Туркменки менее красивы, чем мужчины. Быть может, это объясняется сравнительно большей осмысленностью и интеллигентностью мужских лиц, но факт тот, что мужские лица гораздо приятнее видеть, чем женские. В костюме туркменки так же, как и в костюме туркмена, главное – головной убор. Этот головной убор имеет форму монашеского клобука, всегда красного цвета, украшен монетами и другими блестящими побрякушками. Простое платье красного или фиолетового цвета спускается до щиколоток, а из-под платья выглядывают узкие шальвары. Волосы заплетены в косы, к которым привешены также монеты, бусы и пр. На груди ожерелье, на руках браслеты все из тех же монет. Лицо женщины не закрывают, но при мужчинах берут один из углов платка, спускающегося с головного убора, в рот и закрывают им нижнюю губу и подбородок.

Обращает на себя внимание необыкновенное количество ладанок и талисманов. Ими покрыты костюмы туркмена, туркменки, ребенка, даже на лошади, ишаке и верблюде болтаются треугольники из материи, в которые зашита бумажка, исписанная каким-нибудь муллой. На некоторых детях я видел до 7 талисманов, развешанных на тюбетейке и на плечах.

Девушка возраста 14-15 лет носит такой же костюм, как и замужняя туркменка, но с нашитым сверху на головном уборе блестящим металлическим шишаком.

* * *

Припоминаю один случай в ауле Кара-Юрме: у юрты сидела женщина. Перед ней туркмен с ножом. Туркмен взял руку женщины, разрезал ее, и из раны потекла на землю черная венозная кровь. Туркмен – лекарь. По рассказам, эта женщина несколько лет тому назад была сильно больна, так что ей пришлось пустить кровь; лекарь же разъяснил, что если ей не пускать в это же время каждый раз кровь, она снова будет болеть. Перспектива быть больным каждый год не улыбается доверчивой туркменке, и изобретательный табиб (*табиб*) имеет ежегодно верный заработок.

* * *

Вопрос о дальнейшей нашей работе не решен. Возможно на днях расформирование отряда. Попадем или нет в довольно интересную Гинсбургскую волость – неизвестно.

* * *

Двумя вещами знамениты туркмены: коврами и лошадьми.

Лошади действительно есть прекрасные. Стройные, красивые, легкие и выносливые, но что касается ковров, то их почти нигде нет. Только у старшины (аршин) аула Махмал-Тепе для нас дали три ковра хорошей тонкой текинской работы. В остальных же аулах ковры не только не предоставлялись нам, но даже и на глаза не попадались ни разу. Обходились кошмами. Но эти кошмы тоже не хуже плохого ковра; плотные, чистые, с красивым рисунком мягких тонов.

* * *

Среди туркмен очень мало грамотных людей. Они совершенно не знают календаря. Единственное деление времени, известное кажется всем туркменам это деление года на четыре части:

Гюз (*гуз*) – 10 сентября-10 декабря

Кыш (*кыш*) – 10 декабря-10 марта

Яз (*йаз*) – 10 марта-10 июня

Томыс (*тумус*) – 10 июня-10 сентября

Кроме этого деления времени знают Науруз (*науруз*) ок. 10 марта и мусульманский месяц Рамазан (*рамазан*), который они зовут роуза.

20/VI.

Все еще сидим в Душаке. Приводим в порядок работу, сделанную в Красно-Текинской волости. Встаем утром, умываемся в речке и идем пить чай в чайхану или к жене железнодорожного сторожа, которая, кроме утреннего чаю, варит нам ежедневно на всю компанию обед, доставляет молоко и стирает белье. Это довольно интересная семья: муж – пьяница, по-видимому, слабовольный человек; его жена – худощавая энергичная женщина – стирает, торгует при проходе поездов булочками, супом и молоком; целая куча ребятишек.

Помещаемся мы в пустом доме, занимавшемся раньше, кажется канцелярией начальника милиции. Базар – в противоположном углу четырехугольного поселка (“города”) и до него расстояние не меньше 100 или 150 сажень! Сажень в 20 начинается степь, а недалеко течет река Келет-чай несущая стремительно с гор свои желтые воды.

28/ VI.

Каахка или по новому – Гинсбург – большой поселок (город) при станции того же имени.

30/VI. Пос. Хиваабад.

Описание Каахка отложу до возвращения туда.

1/VII.

Третьего дня вечером приехали мы в молоканский поселок, именуемый Хиваабад⁴⁵ по названию города, лежащего в развалинах в одной версте от поселка.

После долгих рассуждений о способах передвижения нашли, наконец, молокана, который, покончив свои дела в Каахка, ехал на своем фургоне в обратный путь в поселок. После долгой торговли сговорились в цене. Тотчас же после обеда отправились в путь

Дорога шла по узкой ложине, окаймленной невысокими холмами. Вначале, от Каахка, все дно ложины изрыто кяризами, снабжающими “город” питьевой водой. Вдоль дороги тянется ряд телефонных столбов, провода с которых сняты; это – телефонная линия, соединявшая когда-то с Каахкинской таможней Хиваабадский пограничный пост. Тянулись медленно. На половине пути стемнело. Но вскоре вышла луна, и в серебристом свете ее промелькнули стены и башни старого персидского города. Развалины занимают довольно большую площадь – около одной квадратной версты, расположены в широкой долине на берегу реки Лаин-Су.

Вообще все эти места покрыты развалинами. Степь пестрит высокими холмами, покрытыми жженым кирпичем, битой посудой и т. д. Когда-то здесь была цветущая цивилизация, богатые торговые города, сады, поля ... И все смыто как вешним потоком, снесено до основания временем и стихийным нашествием кочевников, гордо попиравших копытами своих коней свежие следы древней культуры. Жаль, что я так мало интересовался историей этой части Туркестана и даже не могу себе представить даты, когда была разрушена вся эта масса городов и крепостей.

Ночью приехали в Хиваабад. Наш возница, Иван Васильевич, сначала немного хмурый, дорогой разговорился, а в поселке оказался весьма радушным хозяином.

На вопрос Русинова: “Где старшина?” он ответил, что везет нас к себе как гостей, а к старшине можно будет успеть и утром. На небольшом дворике перед хатой нашего хозяина уже шипел и свистел на столе самовар, около самовара красовался кувшин со свежими вкусными сливками. Напившись чаю, несмотря на свою большую ногу, я направился гулять. Ночь была поистине великолепна. Яркая полная луна

⁴⁵ На последующих страницах дневника В.А. Шишкин приводит название этого поселка в разной форме: Хейваабад, Хиве-Абад, Хивеабад. Это связано, надо полагать, и с разным произношением данного названия местными жителями, и с тем, что стандартное написание не было выработано. Мы в дальнейшем изложении будем придерживаться первого варианта – Хиваабад.

заливала неверным светом ущелье, в котором расположен поселок, весь утонувший в садах. Река Лаин-су шумно катилась в стороне у подошвы холма.

На другой день утром осмотрели школу, покинутую год тому назад последней учительницей, и ввиду того что там оказалась мерзость запустения, решили поместиться у старшины, у котораго для нас нашлась комнатуха, и приступили понемногу к работе.

Хивабад оказался небольшим (54 двора) поселком, населенным молоканами, выходцами из Карской области, переселившимися сюда в поисках привольных земель семнадцать лет тому назад.

Это, по-видимому, дружный и хозяйственный народ.

После туркменских аулов приятно развлекал глаз вид русских хат, полузакрытых зеленью садов, приятно было видеть плуги, косилки, телеги. Вообще, обстановку русской деревни. Приятны были и звуки чистой русской речи. Молокане оказались приветливыми и развитыми людьми. По-видимому, поголовно грамотны. Свободно обращаются с цифрами. Хозяйство молокан невелико. Посевы на душу не превышают 0,5 десятины пшеницы и небольшого клочка богарного ячменя. Им при переселении дали мало земли, да и водой хозяева этих мест туркмены обидели их.

С большим трудом и затратами был устроен кяриз. Вода желобом была проведена через речку Лаин-су в поселок и на поля. Но это оказалось необдуманном предприятием, половодье смыло их желоб, вторично построили желоб и снова половодье. Долго продолжалась борьба со стихией и ... люди сдались. Желоб через реку оказался непрактичным, а сифон под рекой дорогим, не по силам небольшой общине. На целый год поселок остался без воды для своих садов и посевов. Засохло все. Тогда только вмешалось правительство и выделило молоканам небольшую канавку из правой ветви Лаин-су. Этой канавы им едва-едва хватает для поддержания своего хозяйства, а прозрачная чистая вода стойваго дорого кяриза изливается в р. Лаин-су и смешивается с ее желтыми илистыми водами.

М.Ф. (Вялова) была на молоканской молитве. Мало что можно извлечь из ее лирических сообщений: ели, причитали, молились, благодарили Бога за свежий хлеб, за выздоровление хозяйки ...

20/VII.

Давненько я не брал в руки своей тетрадки. За это время произошло порядочное число всевозможных мелких событий.

Расставшись с Хивабадом, попрощавшись с хозяевами, направились в другой молоканский поселок, расположенный в 6-ти верстах от первого – Арчиньянь.

Арчиньян, так же, как и Хивабад, растянулся у подножья невысоких глинистых холмов; непосредственно за холмами возвышаются неприступные зубцы Копет-Дага. Голые скалы, голые холмы, кой-где покрытые колючками, – вот пейзаж представившийся нам по дороге из Хивабада. Местами, правда, эти скалы дико-красивы. В этой дикой пустыне домики Арчиньяна, потонувшие в зелени садов, радуют взгляд своей уютностью, миром и тишиной веет от них, но поднимите чуть-чуть взгляд, и он упрется в колючие скалистые зубцы, угрожающие безоблачному летнему небу. Синему, глубокому небу.

В Арчиньяне около 50 домов, вытянутых в две шеренги по прямой, широкой улице. Вдоль улицы идут глиняные и булыжниковые заборы, соединяющие избу с избой. Перед несколькими хатами торчат заготовленные обломанные ... косилки и другие орудия. Сразу при въезде в поселок бросается в глаза сравнительная зажиточность населения и хозяйственность, соединенная с разгильдяйством.

Остановивались в школе. Школа – один из самых скверных домиков во всем поселке, – состоит из одной комнаты, в которой наставлены парты. Перед партами висит черная классная доска. Больше нет никакой обстановки. Тут же на дворе, в другой постройке, помещается хозяин этой жалкой лачуги. У него посредине двора устроена великолепная виноградная беседка, в которой приятно было сидеть, пить чай. Там же мы и работали⁴⁶.

Одна из достопримечательностей Арчиньяна – высокий холм (ок. 15 саж. высоты), возвышающийся у северо-восточного конца поселка. Он, безусловно, искусственный, что доказывается его совершенно правильной формой. У подножья холма, в обрывах арыка, на глубине от 1/2 до 1 1/2 аршин, можно видеть массу черепков, что доказывает, что это место было давно обитаемо.

На самом холме нет ни следов построек, ни черепков. Только кольцеобразный уступ в склоне холма около его вершины наводит на мысль, что здесь была когда-то круглая башневидная постройка. Один из черепков, подобранных у подножья холма, имеет оригинальный рисунок. Везу его с собой.

Население Арчиньяна ничем не разнится от населения Хиваабада. Это те же молкане, той же самой секты.

Первое впечатление производят они довольно приличное. Степенный вид, радушие; но только глаза слишком бегают и в некоторой замкнутости их чувствуются гонимые не так давно сектанты. Плутоваты. При расчетах всегда происходит с ними очень много разговоров. Никаких денег принимать не желают, говоря, что продукты, данные ими, не покупные, и брать денег за них нельзя. Но если вы дадите им денег, так, чтобы этого не видели односельчане, они будут торговаться, как торгуется всякий костромской или саратовский мужик. Видел их молитвенник, в высшей степени безграмотно и неряшливо написанный и изданный где-то на Кавказе. Молитвенник – сборник молитв, приуроченных к различным случаям жизни. Молитвы эти представляют из себя набор фраз, нередко бессмысленных, и снабжены пояснениями, по какому случаю их должно петь и с какими обрядами: «с воплем», «с земным поклоном» и т. д., а также такие: «тихо», «громко».

Пробыв два дня в Арчиньяне, возвратились снова в Каахка. Опять поместились в гостеприимной каахкинской школе. Хозяин – учитель Алиш-Бек Алиев – оказался в отъезде, но за время нашего путешествия возвратилась из Асхабада его жена, очень симпатичная и простая женщина. Через несколько дней вернулся и сам Алиш-Бек, добродушный толстяк-перс, происходящий из интеллигентной семьи азербайджанских персов – его дядя – поэт и историк (по словам самого т. Алиева) – служил консулом в Баку. Алиев – довольно развитый человек. Знает персидский (тюркский)⁴⁷,

⁴⁶ Со следующего абзаца карандашную запись сменяют чернила.

⁴⁷ Вероятно, имеется в виду азербайджанский язык.

фарси, туркменский, а может быть, и другие языки. Занимается и литературным трудом. Им изданы уже две книжки туркменской азбуки, одна готовится в печать, составлен русско-туркменский словарь.

Неприятно действует только его полное неумение воспитывать своих детей.

Во внутренней жизни отряда произошли крупные недоразумения, приведшие, в конце концов, к развалу отряда. Печальную роль в этом деле сыграл не кто иной, как начальник отряда т. Р(усинов).

Сегодня ночью приехал Соколов и привез с собой отряд Шумана и производителя работ Манохина. Приехали они с ночным поездом, когда я как раз был на станции, по случаю отъезда Раисы Николаевны Алиевой, которую мы с М.Ф. Вяловой и Н.М. Шороховым обещали проводить и помочь ей при посадке.

Теперь приезжие спят. М.Ф. заканчивает свои Юз-Башинские карточки, Н.М. уехал на осмотр голов арыков, Русинов по обыкновению слоняется, как сонная муха, из угла в угол. Дальнейшая судьба наша неизвестна.

17/VIII.

Без малого месяц не брался за свой дневник. За это время многое изменилось и в конструкции отряда и в нашей работе.

По порядку:

Отряд Русинова расформировался. Сам он с Кугелем поехал в Красноводск для обследования полосы, прилегающей к железной дороге. Мы же во главе с Шуманом, отправив предварительно в Самарканд Манохина с Лимаревым, Молочниковым и стариком Хасановым, принялись за работу в Гинсбургской волости. Но за работу принялись не сразу. Много нужно было разговоров, шума и пререканий с Юз-Башинцами и Он-Бегинцами, да и из гостеприимного Гинсбурга пускаться в грязные, голые туркменские аулы не казалось очень заманчивым. В Гинсбурге составила даже маленькая компания, в которую вошли учительницы и АК. Несколько вечеров провели за отчаянно разбитым роялем в Железнодорожной школе. Играла М.Ф. (Вялова) довольно сносно, пел секретарь местного Исполкома.

Но ... все в мире преходяще ...

Пришлось снова приняться за работу. Закончили Он-Бегинские и Юз-Башинские общества, город Гинсбург со станцией и двинулись дальше – в аулы на той же Лаин-Су – Араб-Кала и Камирли-Кала, носящие общее название Боворст. Это средней величины аулы. Производят снаружи довольно приятное впечатление благодаря довольно значительному количеству садов. Населены аулы туркменами Алюли (Алиэли). Народ, правда, мельче и менее красив, чем текинцы. Немного шумливее и живее их. Язык также отличается меньшей четкостью и выразительностью, хотя от текинского разнится очень мало.

Закончив систему Лаин-Су, перебросились на Казган-Су. Все посещенные нами до сего времени аулы похожи один на другой. Названия их: Казган, Махтум, Таза, Кесеули, Ходжа (все с прибавлением слова – Кала). Аулы похожи на сартовские кишлаки. С кривыми улицами, с усадьбами, обнесенными глиняными дувалами. Дома из сырцового кирпича с плоскими крышами. Юрт не видно совсем, ни одной.

Один из посещенных нами аулов ярко отличается от других. Это – Таза-Хасар – деревня населенная персидскими курдами. Прямая, широкая улица обсажена деревьями. Дома из сырцового кирпича с плоскими крышами; в архитектурном отношении имеет некоторые особенности. Окон нет, есть только двери и какие-то отдушины, не дающие совершенно света. Одни ворота поразили меня оригинальной конструкцией. Четыре трехгранных столба из сырцового кирпича закрыты глиняной крышей на деревянных балках. В каждом из столбов с внутренней стороны – глубокие ниши. Одна из ниш углубляется и переходит в полувинтовую лестницу, ведущую на крышу. Оригинальны также зернохранилища, стоящие в домах. Это огромные глиняные сосуды в виде ваз с круглым отверстием внизу. Сосуд на четырех коротких ножках.

Костюм жителей мужчин заимствован у туркмен. Те же халаты, те же громадные шапки, но костюм женщин оригинален. Он состоит из коротких шальвар, собранных складками у пояса и распущенных внизу, т(ак). что их сразу можно принять за короткую юбку. Сверху одета кофта-блуза, широкая внизу, с прорезями по бокам. Голова закрыта платком таким образом, что один конец его может закрывать нижнюю часть лица до переносицы.

Есть очень красивые лица, к(ак). напр(имер). молодой курд, сидевший во время опроса рядом с М.Ф. и помогавший ей при разговорах. Красивых женских лиц я не видел.

* * *

Сегодня, закончив аул Хаджа-Кала, перебросились в Кызылджа-Кала, где я и нахожусь в настоящее время. Этот аул населен текинцами рода Тохтамыш. Впервые после Красно-Текинской волости снова увидел юрты, разбросанные в беспорядке по широкой степи. Кой-где – пятна зелени – виноградники и горунджевые⁴⁸ посевы; вдали виднеются развалины Пештага, с высокой башней, наклонившейся на сторону в середине. Кой-где в степи видны высокие курганы – развалины персидских крепостей, а слева, на юге, синееет Копет-Даг.

Типичные текинские физиономии – худощавые, выразительные и серьезные. Текинская плавная гармоничная речь. Женщины в высоких клобукообразных головных уборах, покрытых побрякушками. Между прочим, этот убор я видел только у текинок, у туркменок других родов его нет. Некоторые носят красный платок, навернутый на голову в виде скуфьи, у некоторых белый платок, повязанный вокруг головы с выпущенными на спину двумя концами.

⁴⁸ Рисовые.

Схематический план Кувайт Тепе

1925 год

Тетрадь № 2

1. Дневник 1925 г. – Самарканд. Лл. 1-20г.
Описание Афросиаба. 1-
Раскопки Афросиаба. 2-7.
Памятники Самарканда.
Поездка на Даргом.
2. Ташкентские записи (памятники). Лл. 21-22.
3. Sohn Wiener. История стилей. (Конспект до Итальянск. готики). Лл. 22-29.
4. **Шаджарай турки**. Фихрист и отрывки. Лл. 29-32.
5. Консп. Н. Веселовский. Памятники Ходжа Ахрара в Самарканде. Л. 32.
6. Консп. В. Бартольд. Отчет о поездке в Средн. Аз. ...1893-94 гг. Лл. 34-40.
7. Материалы о Занги Ата. 41-51.
8. Конспект грамм. персидского языка по Р. Галунову. 53-70.
9. Таджикская грамм. по лекц. проф. А.А. Семенова. 70-72.
10. Переводы из Омар Хайяма, Хафиза. Саади и Фирдауси. 72-89.

Если тебе не удастся жизнь,
Знай: удастся смерть.

Ташкент 1925

Адрес: Восточный факультет Ср.Аз.Гос.Унив.

(1 октября 1925 г.)

4 сентября возвратился из Самарканда, куда выехал по командировке данной Средазкомстарисом.

В Средазкомстарис⁴⁹ я попал благодаря, пожалуй, Ив.Ив. Умнякову – заведующему отделом (или секцией) охраны памятников старины. Удалось устроиться там практикантом.

В Самарканд выехал 23 мая. Прибыв туда, поехал разыскивать Самкомстарис, которого никто не знал. Вполне естественно. Попадаю в старогородской Исполком и совершенно неожиданно нахожу здесь Ал.Ив. Коротуна – «ученого» секретаря Комстариса. По его указаниям еду в **кушхуд махалла**, где сотрудники Комиссии, приехавшие на летний сезон, основали свою квартиру в ташкари зажиточного мусульманского дома. За чайным столом застаю здесь Б.Н. Засыпкина⁵⁰, Аф.Ал. Афанасьева, Вас.Ал. Красильникова, Вяч.Никол. Владимирова и одну даму – жену Бор(иса). Никол(аевича). – Александрю Михайловну. Они только что передо мной приехали в Самарканд и только-только начали устраиваться.

⁴⁹ Среднеазиатский комитет по охране памятников старины и искусства.

⁵⁰ Борис Николаевич Засыпкин (1891-1955), русский, советский архитектор и реставратор, с 1937 г. жил и работал в Узбекистане. См. о нем: Ремпель, 1981. С. 23-24; Горшенина, 2000. С. 74-76; https://ru.wikipedia.org/wiki/Засыпкин,_Борис_Николаевич

В тот же день нами осмотрен был музей и от В.Л.⁵¹ было получено распоряжение идти утром на раскопки на Афросиаб. Так началась моя археологическая работа.

Квартиру отвели мне в *Тилля Кори*, в одной из худжр, выходящих фасадом на Регистан, с великолепным видом на площадь, решетчатым окном над дверью и высоким купольным потолком. За время моего пребывания там посещал частенько наших комстарисовцев в Кош-Хаузе, несколько раз бывал в Новом городе, где разыскал Русинова, служащего в Госплане, Бор. Царенко и его брата и Н.В. Рейс.

Когда я попал на Афросиаб, оказалось, что там раскопки давно уже начаты и только-только еще начали отрывку второго холма.

Сам по себе Афросиаб представляет из себя возвышенную местность, пересеченную оврагами и покрытую холмами различного вида и величины. Площадь городища – 2 квадр. версты. Со всех сторон гряда высоких холмов – остатки мощных городских стен, построенных из пахсы и местами из сырцового кирпича. В середине городища возвышается высокий и большой холм – цитадель. По Вяткину, это городище делится на три части. Часть примыкающая к цитадели по находимым в ней предметам может быть отнесена к VI веку. Западная часть к VIII-X векам и последняя, примыкающая к группе мавзолеев Шах-и-Зинда, – наиболее поздняя, просуществовавшая до XIII века. Город снабжался водой из канала, проходившего со стороны Биби-Ханым с водопроводом (*Джуи арзиз*).

Под городищем проходят почти засыпавшиеся подземные ходы, в один из них нам удалось проникнуть сажен на 70. Это узкая галерея с круглым потолком. Когда-то, по-видимому она была сделана в рост человека, но теперь по ней можно двигаться только на четвереньках, а иногда даже ползком. Потом ход становится настолько низким, что пролезть нет возможности. Вход – с северной стороны холма от Сиаба. Второй ход, в котором удалось побывать, имеет ряд входов с западной стороны. Это целый лабиринт, в котором, однако, можно видеть некоторую систему. Главный ход идет в NS направлении. Он пересекается целым рядом других ходов имеющих, по-видимому, выход наружу. Но эти выходы теперь засыпаны, в другую сторону поперечные ходы кончаются тупиком. Мы шли по главному входу сажен на пятьдесят, пока, наконец, обвал не преградил нам путь. Этот ход не всегда одинаковой ширины и высоты. Местами он переходит в подобие комнат до 3 метров шириной.

Третье подземелье, в которое мы попали во время нашей экскурсии под руководством Муминова, знающего их, имеет вход сверху с городища с N стороны от цитадели. Здесь имеются развалины какой-то высокой башневидной постройки. Под постройкой идет подземелье, ведущее в большое помещение с полуцилиндрическим потолком. Это помещение вырублено в лессе. Стены носят до сего времени (как стены и потолок также и других ходов) следы какого-то рубящего орудия вроде кирки. Из этого помещения узкий ход дальше к N. Ход этот кончается колодцем сажени в две глубиною. Большое помещение, о котором я упоминал выше, сообщалось с поверхностью земли, по-видимому двумя вертикальными колодцами, которые хорошо видны. В ходах масса летучих мышей, нетопырей и в особенности

⁵¹ Василий Лаврентьевич Вяткин.

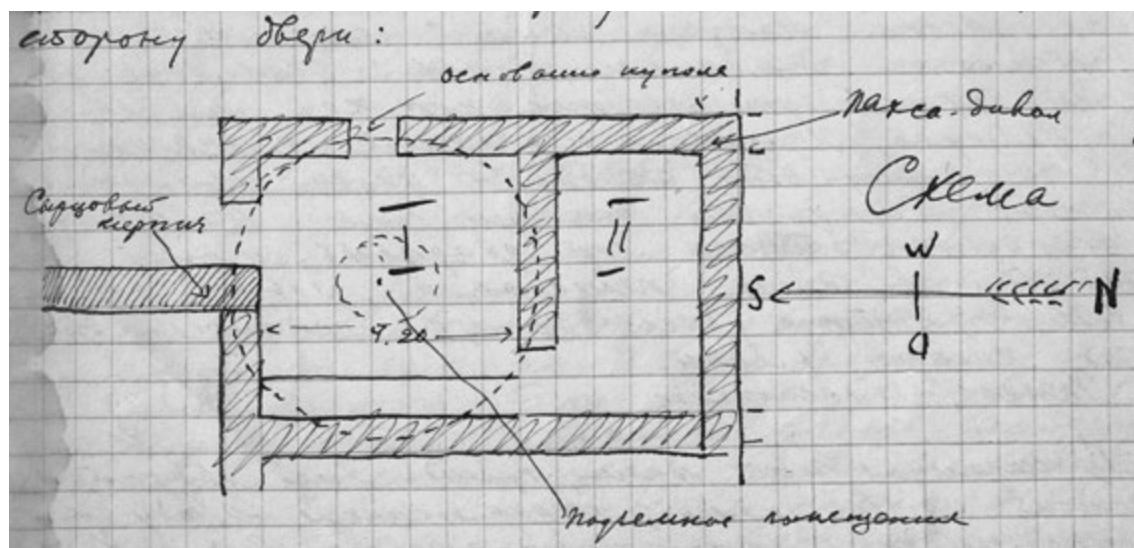
земляных клопов. Около двух недель прошло уже с тех пор, как мы были в пещерах, я успел переехать в Ташкент, где и пишу эти строки, а укусы земляных клопов еще до сего времени болят. Вяткин рассказывал, что он лет двадцать тому назад был в этих пещерах и главное впечатление, которое у него, кажется, осталось – эти же самые клопы.

Теперь о раскопках.

Центральная часть здания, прежде всего открытая, состоит из двух комнат, соединяющихся между собою дверью, очевидно, с архитравным – арочным верхом. Хотя с обеих сторон и сохранились пяты арок, в виде наклонной в сторону двери сырцово-кирпичной кладки, но арочного перекрытия здесь быть не могло, так как дверь находится как раз в парусе свода и ее высота не позволила бы установить арку.

Стены здания – «дивол-пахса». Южная комната представляет из себя квадратное помещение с входом с южной стороны. Ввиду того, что этот вход (опять с слабо сохранившимися следами арки) заложен был очень плотной, как будто бы битой глиной, можно вывести заключение, что дверь была заделана когда-то и взамен ее был сделан вход с западной стороны, где имеется также дверь по-видимому грубо и наспех пробитая.

Мало того. У меня сейчас при записывании всего этого на память мелькнула мысль о том, что южная дверь была очень широкой. Пожалуй, около 2,5 метров. Дело в том, что к югу от середины (приблизительно) описываемого помещения отходит стена из сырцового кирпича, не приложенная к стене-пахсе, а проходившая как будто бы сквозь нее и образующая восточную сторону двери:

Стены, как уже сказано, состоят из пахсы (в три слоя, кроме восточной стены помещения II, состоящей из 4-х слоев). Помещение I оштукатурено в несколько слоев (4 или 5) причем первые слои тонкой алебастровой штукатуркой, последние – глина с саманом. На стенах помещения II никаких следов штукатурки не имеется.

Помещение I было перекрыто когда-то куполом с полукруглыми довольно хорошо сохранившимися парусами. На пахсе покоится один ряд сырцовый кладки, который и связывает тело стены с перекрытием. Ввиду того, что диаметр основания купола значительно больше стороны квадрата стены, на стенах образуются сегментные полочки. Купол и паруса оштукатурены так же, как и стены.

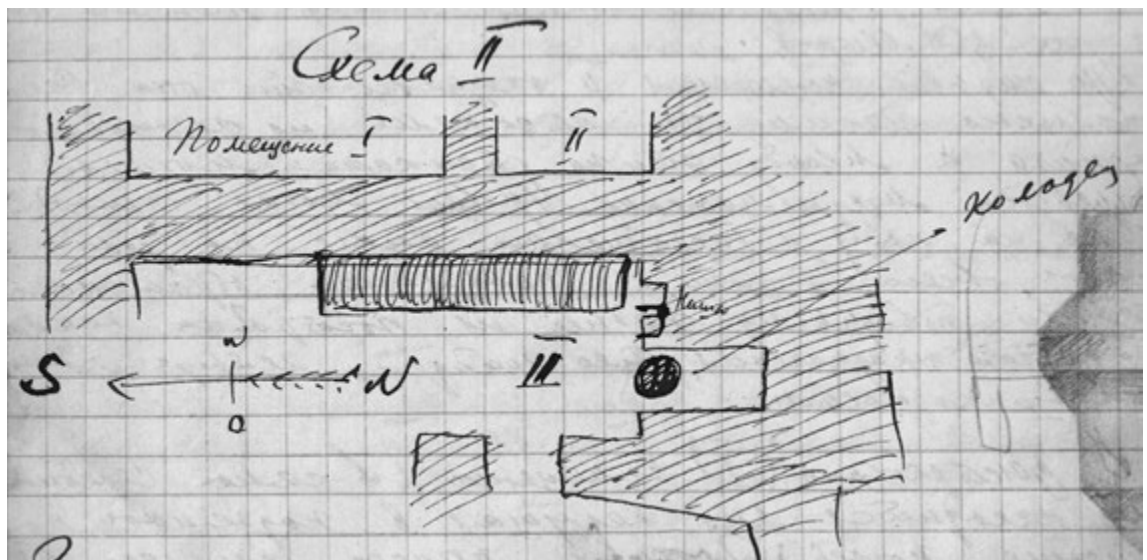
Помещение II было перекрыто, по-видимому, цилиндрическим сводом, от которого сохранились кой-какие остатки с северной стороны. (См. имеющийся рисунок). Расстояние между пятами свода ок. 1,5 метров.

При отрывке помещения II оказалось, что оно все заполнено какими-то стенками из сырцового кирпича, а между этими стенками – могилы. Погребения мусульманские. Уровень могил приходится не на полу, а значительно выше на разной высоте, всего в этом помещении, обращенном в склеп, по-видимому, позднее из постройки какого-то другого назначения, было найдено четыре полуистлевших костяка.

В центральном (I) помещении, в самой середине пола, находится яма, ведущая в подземное помещение – погреб. Глубина погреба, круглого в плане – 2,20 м., диаметр по полу тоже 2,20 м. Погреб был наполнен мягкой, свободно черпавшейся ведром землей с массой черепков, кусочков угля, осколков кирпича и проч. Между прочим, здесь найдены были: осколки закопченных котелков из огнеупорной глины, много фрагментов прекрасной поливной глиняной посуды, два довольно хорошо сохранившихся глиняных кувшина небольшой величины, оригинальной формы пятилопастная глиняная чаша, глиняный горшечек, тонкий стеклянный флакончик, одна серебряная ушная сережка.

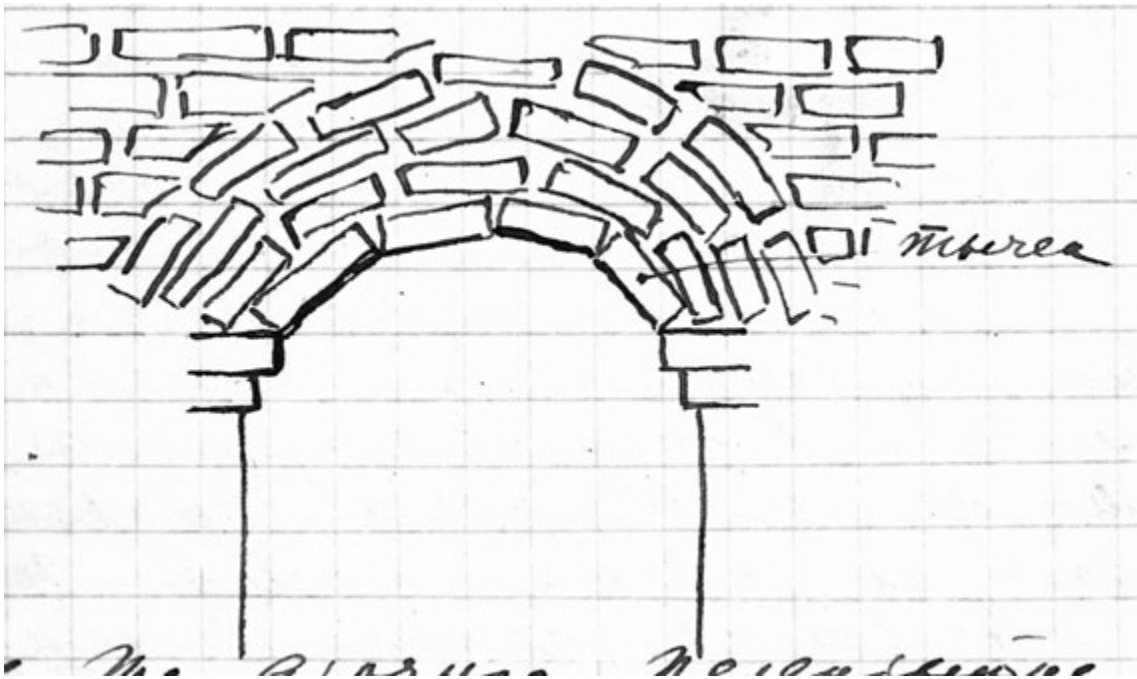
Находились в этих двух комнатах также и монеты – 2-3 саманидских медных, и одна – по всей вероятности, византийская. Монета сохранилась настолько плохо, что разобрать на ней что-либо не представляется почти возможным. Видны только изображения двух каких-то голов.

С восточной стороны к описанному помещению примыкает еще большая комната, сохранившая следы сводчатого перекрытия в виде основания свода.

Здесь интересна западная стена, состоящая, как уже сказано выше из трех слоев пахсы, на которой и покоится основание свода, перекрывавшего помещение III. При переходе кладки стены в свод употреблен интересный прием. Положенными вкось двумя кирпичами один на другом выложен ряд крупных зубцов.

Такие же зубцы встречаются и на противоположной – восточной – стороне помещения. Южная стена не сохранилась, а на северной стороне имеются две ниши: одна (западная) небольшая на высоте около 0,75 м. от пола, а вторая рядом с ней начинается от самого пола, имеет такую высоту, что под ней может стоять человек очень высокого роста. Глубина этой ниши – 2 с лишним метра. Здесь имеется очень оригинальный вид сводчатого перекрытия по такой схеме:

Такое же арочное перекрытие существовало и над маленькой нишей рядом, только, по-видимому, не в 4 кирпича, как здесь, а только в два. Это перекрытие не сохранилось, т.к. оно испорчено вырытой здесь могилой. Вообще могилы (их всего было 11, кроме тех которые были обнаружены в помещении II) очень сильно способствовали разрушению постройки, т.к. они рылись должно быть уже тогда, когда все это сооружение имело вид холма. Разбивались стены из сырцового кирпич, своды, купола. Затем могила закладывалась сверху рядом таких же сырцовых кирпичей (быть может, взятых из вырытой ямы), поставленных наклонно на конец, и все это засыпалось землей.

Описанные три помещения, по-видимому, с частью постройки очень плохо уцелевшей с восточной стороны и составляли первоначальную часть здания.

К стене помещений I и II приложена другая стена из сырцового кирпича. Ввиду того, что стена центральной постройки была оштукатурена глиной с саманом, ясно, что первоначально здесь была только одна стена, и по всем данным эта первоначальная стена могла быть только стеной сооружения, вмещающего комнаты I и II. Эта приложенная вплотную вторая стена носит на себе остатки основания купола, перекрывавшего южную часть помещения № IV и своды составлявшего перекрытие северной части этого помещения. Западная стена помещения (IV) очень толста (до 2-х метров), сверху разрушена и никаких следов перекрытия не сохранила. Не сохранились также и поперечные стенки с запада на восток. Возможно, что они были каркасными. Во всяком случае, на возможность каркасной стены здест намекают те желобовидные вертикальные выемки, которые имеются в южной части западной стены комнаты IV. Этим выемкам две. Они находятся рядом на расстоянии примерно одного метра одна от другой и очень похожи формой на углубления, сделанные для помещения в них круглых деревянных столбов.

Западная стена не сохранила никаких следов штукатурки, но восточная сторона ком. IV, на которой сохранились остатки свода и купола (радиусом купол похож на купол центрального (I) помещения), имеет несколько слоев штукатурки из глины с саманом.

Та же самая картина с приложенной вплотную второй стеной наблюдается также и с северной стороны. По-видимому, здесь тоже, когда-то было помещение позднейшей постройки. Но никаких следов северной его стороны найдено не было. Это помещение интересно своим полом, выложенным из слоев «Чупан-Атинского кам-

ня» (глинистого сланца?). Пол довольно гладкий и ровный. Стена этого помещения, приложенная к помещению II, имеет две глубокие ниши. Она оштукатурена глиной и выбелена. В западной нише этой стены нацарапано на штукатурке каким то особым орудием:

Бисми л-Ляхи р-Рахмани р-Рахим

и рядом более мелко: ***Кул Ху Аллаху Ахад***

Восточная часть постройки к дороге от Биби Ханым на Сиаб сохранилась плохо, и отделить там первоначальное от последующих наслоений не представляется возможным.

Есть еще интересная особенность в описанной части открытой нами постройки. А именно: по всем стенам несущим своды (кроме внутренней части пом. I и II) приложены еще параллельно основной стене из сырцового кирпича. Это наводит на мысль о контрофорсах, построенных позднее, когда своды помещений IV, V и III, возбуждавшие опасения жителей, пришлось подкрепить. Эти стены достигают очень большой толщины. Они имеются с востока, севера и запада. То, что эти стенки-контрофорсы построены позднее, доказывает то, что они закрывают опять-таки оштукатуренные и отделанные стены и подпирают, как бы несут на себе часть свода, отнюдь не будучи связаны с ним конструктивно. Это особенно хорошо можно было проследить в комнате III.

Вот и все, что можно сказать о центральной части постройки. Все остальное, что мы открыли, находится с южной стороны. Там оказались только остатки каких-то стен. При наличии некоторой доли воображения можно видеть здесь несколько помещений, но открыто полностью ни одно из них не было.

Интересен пол, который встречается с этой стороны – белый, гладкий и твердый, местами очень хорошей сохранности, по-видимому, алебастровый. Основания открытых нами стен (уцелели только самые основания) оштукатурены алебастром или глиной и имеют приятный чистый вид.

В двух местах найдены куски алебастровой штукатурки, расписанной красками. В одном случае это довольно плотная штукатурка, сохранившаяся кусками в 5-10 кв. вершков. Краски несколько сероватые, бледные. Писано, по-видимому, довольно жидкой краской. Судить о рисунке по этим остаткам не представляется возможным. Очевидно, преобладал растительный орнамент.

Второй вид кусочков штукатурки: штукатурка более рыхлая. Размер сохранившихся кусочков очень незначителен (maximum 2 кв. вершка). Краски значительно ярче и свежее: индиго, киноварь, охра.

Эти кусочки являются, по-видимому, частью росписи верхних частей стен или потолка.

Об отделке комнат этой части постройки можно судить еще также по небольшому куску тонкой работы панели (вернее – фриза) из алебастровой штукатурки. Этот кусочек очень оригинального рисунка сильно отличается по стилю от алебастровых панелей, добытых Вяткиным и Массоном из находящегося по соседству южнее раскапываемого нами холма. Наш кусок имеет мало углубленный и очень мелкий орнамент. Там орнамент весьма рельефный, общая толщина штукатурки много больше.

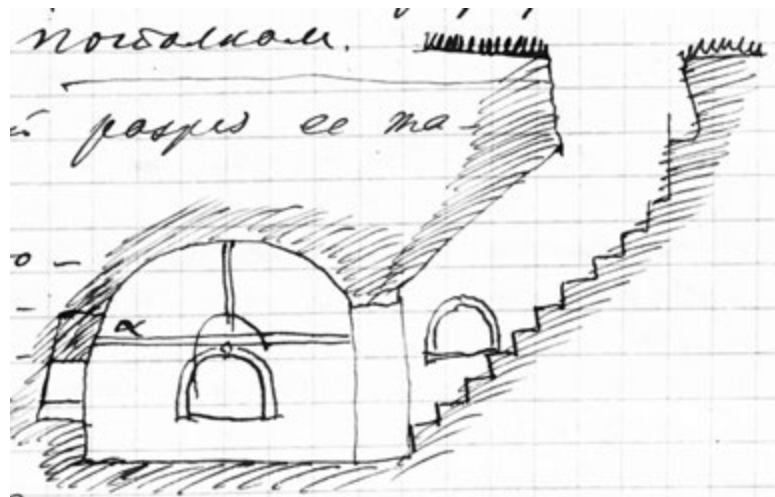
Вот, кажется, и все, что можно было написать на память о наших раскопках. Здесь не хватает, конечно, очень существенной части описания – цифр. Но все мои замеры и чертежи остались в Самарканде, копии для себя я так и не сделал, несмотря на сильное желание, не хватило для этого времени.

Впрочем, я забыл еще написать о «Чилля-Хона» и колодцах.

«Чилля-хона» находится недалеко от дороги к ЮВВ от помещения I.

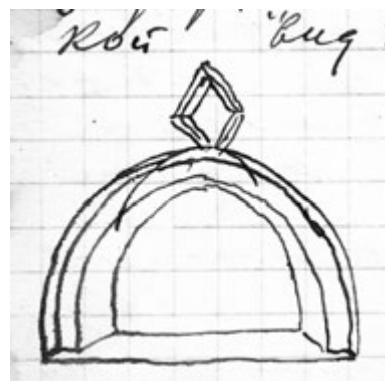
Она состоит из хода, ведущего вниз в направлении SN по десяти ступеням, весьма крупным, и круглого подземелья около 2,30 м в диаметре у основания с полусферическим купольным потолком.

Примерный разрез ее таков:

С трех сторон помещения «Чилля-Хоны» находятся неглубокие ниши. Две ниши, расположенные симметрично по обе стороны двери у лестницы, ведущей в Чилля-Хону, несколько меньшего размера. Стены «Чилля-Хоны» обмазаны глиной с саманом и имеют своеобразные украшения. Потолок обведен горизонтальным кантиком, к которому сверху крестообразно опускается такой же кантик из центра купола.

Оригинально отделаны также и ниши внутри «Чилля-Хоны». Они имеют такой вид:

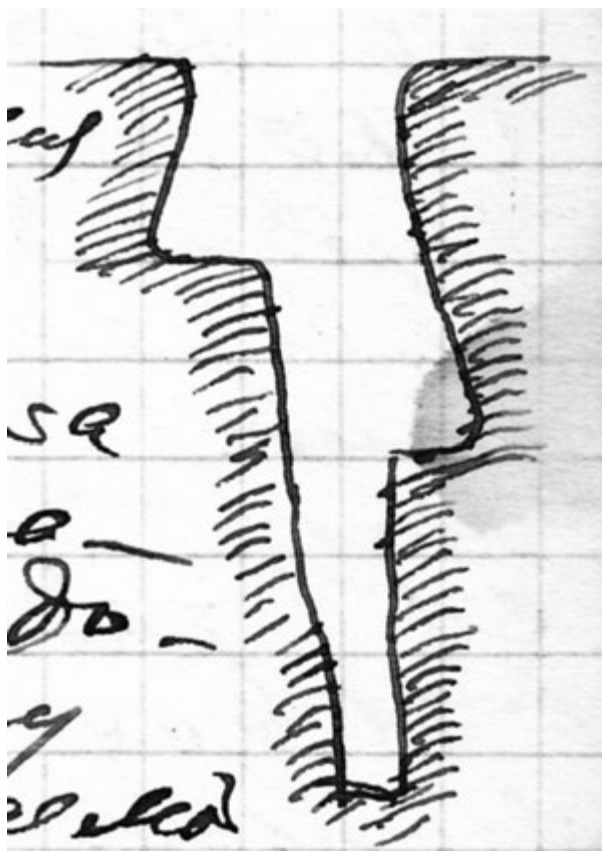

Эта Чилля-хона служила, по-видимому, когда-то кельей для отшельника. Никаких предметов обихода в ней найдено не было.

Один из колодцев я уже описал вместе с нишей в помещении III.

Второй колодец, обложенный сверху кирпичом (жженым), имеющий 28 аршин глубины (из них 4 1/2 аршина – слой воды), найден к юго-западу от комнаты IV. Этот колодец служил, конечно, для добывания воды. Он был закрыт большими глыбами «Чупан-Атинского» сланца.

Третий колодец – к югу от комнаты VII. Глубина его около 4 метров. Ширина значительна только вверху (около 1 метра), книзу он много уже. Оригинально то, что этот колодец имеет приспособления для лазанья в него. В разрезе он будет таков:

Назначение этого колодца для меня не ясно.

Таким образом, нами открыта была в продолжение полуторамесячной работы постройка довольно значительная по числу помещений в ней и занимаемой площади. Постройка возведенная не одновременно. По встречавшимся монетам она не могла быть заброшена позднее X века. Возможно, что более старая часть постройки относится даже к 9 веку (вряд ли к 8, как предполагает Вяткин).

Трудно судить о назначении этой постройки. Василий Лаврентьевич полагает все же, что это было сооружение общественного характера – монастырь, медресе, хонака или что-либо в этом роде.

Могилы, находящиеся в помещении II, устроены здесь позднее. Помещение, наверное, не было построено для них.

По-видимому, дело обстояло так. В постройку неизвестного нам назначения было погребено несколько человек. Быть может, это придало постройке характер мазара, к которому и стали пристраиваться боковые помещения. В общем, все это для нас пока: «темна вода во облацех небесных».

Кончаю этим описание Афрасиаба и перехожу к самому Самарканду.

Большая мощеная улица, обсаженная деревьями ведет от Абрамовского бульвара Нового города к Регистану – центру Старого, центру старой мусульманской культуры и учености с огромными медресе. Тотчас за Регистаном другой центр – базар с Чор-су посередине. От этого Чор-су (торгового центра) расходятся радиусом новые улицы. Таков, в общих чертах план города, восточного, яркого, пыльного, солнечного.

Главные памятники старины: 1) Гур-Эмир. Памятник весьма известный. Много расписывать о нем не стоит. Состоит он из восьмигранного главного здания, увенчанного круглым, довольно высоким барабаном и мощным рубчатым куполом с уцелевшей с одной стороны голубой майоликовой облицовкой. Этот купол интересен своей деформировавшейся как бы припухшей с одной стороны формой. Говорят, что он качается во время ветра, и мастер, ремонтировавший его, отказался от работы. Особенностью Гур-Эмира является еще [то, что] его барабан открытый, кажется больше чем на половину снизу.

С южной стороны к центральному телу здания пристроена мощная входная арка, потерявшая теперь совершенно свою былую облицовку. Вот и все, что относится к первоначальному *Гури амир*'у. Это все окружено было (позднейшими строителями, главным образом Улуг-Бекем) всевозможными пристройками, часть которых разрушалась (с восточной стороны), а часть уцелела. Часть облицовки на центральном восьмиугольнике погибла, по-видимому, как раз из-за этих пристроек. Ворота, ведущие теперь во двор Гур-Эмира с разрушенной верхушкой, сооружены также при Улуг-Беке, как гласит надпись – мастером Мухаммадом сыном Махмуда из Исфагани. Время постройки Гур-Эмира точно неизвестно. Неизвестно также, какой именно памятник описывает Клавихо. Мне кажется, что попытки отнести это описание к Гур-Эмиру или Ак-Сараю довольно беспочвенны.

Внутри Гур-Эмир имеет торжественный и несколько мрачный вид. Я видел его без пола, разобранного в 1924 году для ремонта. Все находившиеся здесь надгробия сложены в боковых нишах (между прочим, и знаменитый черный нефрит Тимура с очень тонкой, мелкой резьбой). Свод склепа обнажен и хорошо показывает свою крестообразную форму. В облицовке Гур-Эмира внутри нет изразцов, что послужило основанием заключить, что описание Клавихо не относится к нему, но Мрочковский, художник, работавший в этом году на Ак-сарае, базируясь, правда, только на русском переводе, говорит, что описание Клавихо можно понять и таким образом, что его слова об «изразцах и стекле» можно отнести только к наружности здания, оставив в отношении к внутреннему устройству только «лазурь и золото». И действительно, Гур-Эмир был богато расписан изнутри. Эта роспись начиналась сразу же над изящной панелью, в свою очередь, расписанной золотом, из какого-то неизвестного мне минерала, быть может, просто мрамора особого строения. Эта

роспись имеет некоторые особенности – она была рельефной, а для нанесения рельефа служили листы из папье-маше, прикрепленные к стенам и потолку. Это папье-маше уцелело лишь в немногих местах.

В Гур-Эмире есть свой шейх, получающий мзду от проходящих поклониться праху бывшего потрясателя не только Средней Азии. Шейх – розовый маленький старичок, очень вежливый и предупредительный. Шахматист, благодаря чему здесь же в пристройке к мавзолею можно постоянно видеть несколько человек согнувшихся над шахматной доской.

Между прочим, о шахматах. Мусульманские (вообще «Восточные» конечно) шахматы имеют некоторые особенности: 1) при расстановке шахмат (шатрандж) король ставится против короля, ферзь – против ферзя. 2) пешка при всех обстоятельствах ходит только на следующий квадрат, не перескакивая через него. 3) рокировка делается ходом коня и еще кой-что в этом роде. Цвет фигур – белый и красный. В общем, если не считать этих мелочей, принцип и характер игры тот же самый. Играют чрезвычайно сосредоточено и быстро. О шахматах есть немного в «*Матлуа (?) ал улум ва маджмуа ал фунун*». Я начал переводить отрывки из этой книги для Льва Вольдемаровича Заморжицкого, но, к стыду моему, не окончил. Заморжицкий очень интересуется восточными шахматами и порассказал по этому поводу немало интересного.

Рядом с Гур-Эмиром находится небольшой, плохо сохранившийся Ак-Сарай, представлявший из себя когда-то мавзолей, служивший, по соображениям М.Е. Массона, первоначальным местом успокоения для самого Тимура и его наследника. Описание мавзолея, приводимое Клавиho, приурочивается Массоном как раз к Ак-Сараю. Но уже не говоря ничего о том, что Клавиho писал свою книгу на память в Испании, следовательно, мог и поднапутать, все же не совсем доказано, что он описывает именно Ак-Сарай.

То, что сохранилось от Ак-Сарая в настоящее время, – мавзолей – имеет крестообразный план. Внешние углы образованные стенами креста заполнены небольшими комнатками с купольным перекрытием, по-видимому, в два этажа. С южной стороны, судя по сохранившимся остаткам арок, шла какая-то большая пристройка, может быть, целое большое здание, частью которого являлся теперешний Ак-Сарай. Надо полагать, что Ак-Сарай имел когда-то очень приятные формы, которые можно лишь угадывать в настоящее время. Никаких следов изразцовой облицовки нет. Мною была произведена там небольшая работа – очистка крыши от невероятного количества земли, скопившейся на ней. Также и там обнаружено основание барабана, но изразцов, хотя бы самых незначительных кусочков, нет совершенно. Изнутри Ак-Сарай был великолепно отделан. Стены и потолок были расписаны «золотом и лазурью», внизу шла широкая мозаичная панель. Очень интересно здесь то обстоятельство, что роспись сделана на ложных алебастровых сводах и куполах, связанных с конструктивными сводами и куполами лишь очень слабой железной арматурой. Между конструктивным и декоративным перекрытиями – довольно значительное пустое пространство.

Начну описание памятника снизу.

Восьмиугольное подземелье – склеп, имеет гладкую мраморную облицовку. Выходов из склепа два: один – в южной части здания, выводит в самое помещение мавзолея, второй – рядом с ним, полузасыпанный, ведет в несохранившуюся теперь часть постройки. С восточной и западной сторон в подземелье шли наклонно стрельчатые окна. Своды этих оконных отверстий довольно хорошо сохранились. Весь этот склеп был перекрыт «звездчатым» восьмисоставным сводом, разобранным в настоящее время, так как он начал разваливаться. Пол, тоже разобранный в настоящее время, находился значительно выше, чем теперь. Дальше стена была облицована великолепнейшей, очень тонкой и изящной мозаичной панелью. Но ... эта панель по наблюдениям худ(ожника) Мрочковского, с которым, пожалуй, приходится согласиться, имеется только в одном углу. В других углах ее нет. Вот это обстоятельство, в связи с полным, по-видимому, отсутствием облицовки снаружи здания, и говорит о том, что Ак-Сарай не был никогда закончен. Постройка была почему-то приостановлена и после уже не восстанавливалась. Над панелью идет довольно широкая белая полоса, опоясывающая все здание, под нею идет полоса надписи (*сулс*), переходящая в обрамление арок. Все остальное пространство, включая и сталактитовую обработку боковых сводов, покрыто изящной росписью. По технике здесь, как обнаружено тем же Мрочковским, есть два вида росписи: роспись на бумаге, наклеенной на алебастровую штукатурку, и роспись непосредственно на штукатурке. Во всем остальном техника росписи, кажется, одинакова и рисуется примерно в таком виде. На белой выровненной поверхности штукатурки наносится черной краской тонкий контур рисунка. Затем весь рисунок выполняется рельефно «кундалем» – краской из қызыл-кесак'а⁵² с небольшим содержанием какого-то клея. Все это покрывается золотыми листочками (на меду – по Абду Кадыру) и золотится. По этой золоченой поверхности снова наносится тонкий контур, и фон закрашивается темно-синей краской. Так получается роспись «золотом и лазурью» Клавихо. И нужно сказать, что роспись эта даже в том виде, как она сохранилась теперь, облупившаяся и почерневшая (все стены мавзолея страшно закопчены), производит чарующее впечатление.

Недалеко от Гур-Эмира, близ дороги, ведущей из Нового города в старый – мавзолей над прахом шейха Бурхон-ед-дина, называемый Рух-Абад. Это довольно мощное здание, представляющее из себя кирпичный куб, почти без всякой отделки снаружи, на котором возвышается восьмиугольник, переходящий непосредственно, без того высокого барабана, который бы видим на всех остальных самаркандских (включая Шахи-Зинда) постройках. Вход в мавзолей через пристройку с западной стороны, в которой имеется довольно большое помещение с прекрасно-исполненным гипсовым панно – кажется, позднейшей работы. В самом мавзолее без всяких украшений довольно большое надгробие шейха, осененное целым рядом знамен. Входящего встречает испуганный гам множества птиц, ютящихся здесь. При мавзолее медресе построенное, по-видимому, недавно.

В центре города – Регистан, квадратная площадь; одну сторону этого квадрата образует улица, ведущая к Чор-су, три других – три медресе. Эта площадь – очень

⁵² Комковатая красная глина.

характерный показатель того, как мусульманский зодчий понимал свое искусство, сочетая так странно и неподражаемо декоративность форм с мощной монументальностью конструкции, как он, архитектор XVII века, возвысился до мысли об ансамбле целого ряда построек и пришел к архитектурно-художественной обработке целой большой площади, создав из трех отдельных зданий, совершенно целостное и гармоничное целое.

Из трех медресе первое место принадлежит, конечно, старому могучему медресе, построенному Мирзой Улуг Беком в 821-23 г. хиджры, т.е. 1418-1420 годах, с огромным *ништоқ*'ом, прорезанным мощной аркой, возвышающимся на 16 сажен. Пештак соединяется с двумя наклонно стоящими минаретами, вызвавшими известную полемику о том, были ли они построены прямо и наклонились от времени, или же так поставлены они по мысли художника-архитектора, стремившегося усилить декоративный эффект. По данным Мауэра, исследовавшего фундаменты, минареты стояли прямо, но ввиду того, что Мауэр – человек крепкий в своих убеждениях, сложившихся неизвестно каким образом, и доказательства исходят скорее из его убеждений, чем из фактов, вопрос, пожалуй, еще не решен.

За громадным пештаком с входной аркой – небольшой двор медресе окруженный худжрами и другими пристройками. Все это облицовано роскошной Улуг-Бековской изразцовой мозаикой.

К сожалению, этот роскошный в полном смысле слова памятник много пострадал от времени и людского вандализма. Второй этаж худжр, как известно, был разрушен и кой-где уцелевшие остатки арок одни говорят, что формы медресе были несколько иные, чем теперь. Облицовка держится плохо и местами очень плохо сохранилась. Из великолепных мраморных и мозаичных звезд, украшавших тимпаны главной арки, сохранилось очень мало. Да, кроме всего, сказывается еще и наш интеллигентский мещанский вандализм в попытках сделать «красивую» железную решетку и еще более нелепо – «красивое» обрамление входных дверей.

Против Улуг-бека другая стройная красавица Регистана – медресе Шир-Дор, построенное местным правителем Яланг-Туш Бий Аталыком в 1619 году на месте хонаки Улуг Бека с огромным, как гласит предание, большим, чем у Биби-Ханым, куполом. Шир-Дор представляет из себя почти точную копию м. Улуг-Бека и благодаря более поздней постройке сохранил лучше свои первоначальные формы двухэтажного медресе. По обе стороны пеш-тоқ'а находятся небольшие зубчатые куполки, на первый взгляд, странно примыкающие в перспективе к пеш-тоқ'у, и только после, всмотревшись, понимаешь, что эти куполки – просто способ перехода посредством законченной архитектурной формы, перехода от громады пеш-тоқ'а к более низким крыльям, заканчивающимся стройными изящными минаретами, увенчанными корзиной из сталактитов. Впрочем, каково было завершение четырех Улуг Бековских и двух Шир Доровских минаретов нам неизвестно. Проводить же аналогию между башней Арсланхана в Бухаре и Самаркандскими минаретами вряд ли возможно. Слишком различен их стиль и время постройки (Башня Арслан-хан-Мухаммед бен Сулеймана построена в XII веке, до монголов).

Во время моего пребывания в Самарканде велись – да еще и теперь продолжают – ремонтные работы на некоторых памятниках. Самая большая работа идет

на Шир-Доре под руководством Б.Н. Засыпкина. Перекладывается главная арка над входом. Арка эта имеет в ширину около 15 метров, следовательно, работа довольно крупного масштаба, но ведется она (это, конечно, мое личное впечатление, хотя и Матвей Матвейч со мной вполне согласен) как-то боязливо и недостаточно энергично. Восстанавливается часть облицовки южной стены, как будто бы довольно удачно. Здесь производится, между прочим, могу похвастать – под моим давлением, опыт замены выпавших изразцов простыми облицовочными кирпичиками такого же типа, как и употреблявшиеся в свое время самими строителями медресе. Кроме работ на Шир-Доре, подправляется и подкрепляется Ак-Сарай, что-то делается теперь в Шах-Зинда, что именно – не знаю, работа началась как раз перед моим отъездом, отремонтирован и, пожалуй, весьма неудачно, мавзолей Чупан-Ата, а инженер Мауэр руководит работами в Гур-Эмире, где должен восстановить разобранный в 1924 году пол.

Третья достопримечательность Регистана – Тилля Кори, построенное тем же самым Ялангтуш-Бий Аталыком на несколько лет позднее Шир-Дора. Это постройка уже совсем другого типа. Того самого типа, который послужил образцом для многочисленных среднеазиатских медресе. К ним принадлежат наши ташкентские: Кёкельдаш и Бейлибеги, Бухарский Мир Араб и многие другие. В середине огромный пештак с большой аркой. Но ниша, образованная этой аркой, не прямоугольна в плане, а представляет шестиугольную фигуру (половину правильного восьмиугольника). По обе стороны *ништоқ*'а идут крылья, составляющие по высоте несколько меньше $\frac{2}{3}$ высоты *ништоқ*'а. Сами эти крылья имеют отношение: 2 высоты к 3 ширины и заканчиваются небольшими минаретами, верхушки которых обвалились, как говорят, во время какого-то землетрясения. Фасад медресе имеет два этажа. Каждое крыло вмещает в себя по 8 худжр (по 4 в каждом этаже). В главной арке в верхнем этаже есть три худжры. Соответствующие верхним нижние арочки являются входом во двор медресе, кроме средней, забранной кирпичной решеткой. Медресе имеет огромный двор, окруженный со всех сторон одноэтажным рядом худжр. С западной стороны великолепно разукрашенная внутри мечеть. Над мечетью был когда-то купол, обрушившийся во время того же самого землетрясения. Теперь остался только барабан.

Облицовка Тилля Кори, сохранившаяся очень плохо, показывает уже совсем другой стиль и другое понимание мастером, возводившим медресе, декоративных форм. Если Шир Дор, может быть, из необходимости подражания Улуг-Беку очень близок к постройкам Тимуровской эпохи, уступая ей только в качестве изразцов, строитель Тилля Кори дал другую орнаментуку. Очень жаль, что не сохранилась совершенно облицовка пештака. Она, наверное, еще ярче показала бы разницу между строителями эпохи Тимуридов и эпохи Шейбанидов.

В мечети Тилля-Кори один раз в год (в день Курбон-Байрама) производится торжественное богослужение. В этом году был заполнен весь огромный двор, половина площади перед медресе и галереи второго этажа по фасаду, что оказалось совершенно неожиданным для меня. Я жил тогда в крайней с восточной стороны большой худжре и сидел дома. Запоздав выйти, чтобы посмотреть на молитву, я увидел, что открыть дверь совершенно невозможно, не потребо-

жив несколько мусульман, начавших уже молиться на своих ковриках у самой двери.

Зато видел я пятничное богослужение в том же Тилля Кори. Обстановка старого медресе, значительное скопление людей, которые также не помещались в мечети и располагались на молитву во дворе, создавали совершенно особое, несколько мистическое настроение. Да кроме того, служители мечети усиливали эффект тем, что слова имама: *Аллаху Акбар* повторялись в двери мечети в южной и восточной арках медресе. Сильное впечатление эта служба произвела также и на бывшего со мной Вал. Попова, студента-архитектора.

Недалеко от Регистана в южном направлении находится мазар Чиль Духтарон. Название чрезвычайно распространенное в Средней Азии. В одном Самарканде мы насчитали четыре постройки, именуемые «Чиль-Духтарон». Мазар очень сильно пострадал. Вернее даже, что осталось от него очень немного – кой-какие части. Основания стен и угловые устои, покрытые отчасти прекрасной мозаикой. В середине – несколько рядов надгробий. Содержится памятник очень скверно, даже не загорожен ни стеной, ни решеткой, и, когда мы вошли туда с каким-то стариком узбеком, отрекомендовавшимся: «я здешний поп», от нас боязливо побежала целая стая бродячих самаркандских собак, которых так много.

К востоку от Шир-Дора – базар, состоящий из нескольких рядов лавок вдоль улиц. Базар сравнительно небольшой, во всяком случае, сильно уступающий ташкентскому. Здесь также есть очень интересный памятник – Чор-су, или иначе «тюбетечный базар», т.к. главным товаром, который здесь продается, являются тюбетейки всевозможных форм и рисунков. Здесь можно встретить ташкентские, кокандские, маргеланские и проч. Самое здание представляет из себя постройку с круглым помещением посередине, перекрытым плоским чашкообразным куполом. От центра отходят по радиусам шесть боковых стрельчатых сводов. Построено все это сравнительно недавно, около 100 лет тому назад. На этом основании несколько умных архитектурских и инженерских голов (к нашему великому огорчению среди них оказался и Мауэр) решили, что этот памятник недостаточно ценен (вернее – стар) и подлежит сломке. Одно только умные головы упустили из вида, что таким образом мы должны будем совершенно стереть с лица земли всякий след предшествовавшей нам эпохи, а если наши потомки будут так же рассуждать?..

Медресе Ориф Джон Бой еще более новая постройка. Возведена она всего около 80 лет тому назад, никакой облицовки из изразцов, конечно, нет и в помине. По фасаду это подражание Тилля-Кори, только, конечно, несравненно в более мелком масштабе, с пропорциями, наглядно показывающими упадок вкуса, а сохранность этого совсем нового медресе, пребывающего, пожалуй, не в лучшем состоянии, чем Шир-Дор, указывает также и на сильный упадок инженерно-строительного искусства.

К востоку же от Регистана – медресе Шейбани-хана, построенное еще при его жизни, т.е. в XVI веке. Это было большое, двойное – «кош» – медресе. Но при проведении большой улицы, ведущей от Регистана к Биби-ханым, южная половина, а также и часть северной, были разрушены. Никаких следов входного сооружения – пештака – не сохранилось. Его заменяют ворота, построенные недавно из русского кирпича. Самое медресе, от которого уцелело, таким образом, всего лишь

несколько худжр, ничего из себя особенного не представляет, никаких орнаментов, изразцов или чего-либо подобного там нет, и о ней, пожалуй, совсем не стоило бы говорить, если бы не усыпальница Шейбани Хана.

Усыпальница эта представляет из себя мраморный склеп, квадратный в плане со стенами в сажень вышиной. На плоской крыше склепа, который не имеет, между прочим, нигде входа, тридцать с лишком мраморных надгробий. Это родственники и приближенные хана. Сам хан, убитый во время одного из своих походов в 1510 году, погребен здесь же, но его надгробный памятник увезен отсюда и находится в Петрограде.

Следующим памятником, если идти дальше в восточном направлении будет Биби-Ханым, знаменитая мечеть, построенная Тимуром в честь старшей своей жены Сарай Мульк Биби Ханым в 1399-1405 годах. Это поистине грандиознейшее и великолепнейшее сооружение Самарканда, поражающее одинаково как стройностью и пропорциональностью своих форм, так и изяществом и роскошью деталей. Так сочетать декоративность убранства с архитектурной монументальностью форм удавалось немногим строителям всех времен и народов. Впервые, попав к Биби-Ханым в первый же день пребывания в Самарканде, утомленный уже несколько Регистаном, я был просто ошеломлен. Я чувствовал себя придавленным и невероятно маленьким перед развалившейся наполовину громадой.

Остатки восточной входной арки поражают своей величавостью и массивностью. Впечатления архитектурной формы они почти уже не дают. Трудно даже вообразить какова была эта арка, с двумя круглыми минаретами по бокам. Орнаментировка – характерная для Самаркандских, хотя бы Улуг-Бековских памятников. Входная арка ведет в обширный, заросший теперь тузовыми деревьями, двор. Мечеть представляла когда-то протянутый с запада на восток прямоугольник. В середине западной стороны этого прямоугольника – главная мечеть. От нея отходили аркады из мраморных колонн на север и юг. На углах стояли круглые минареты. Из них уцелел теперь только отчасти один. От аркад не осталось никакого следа, кроме обломков колонн, валяющихся во дворе вместе с глыбами от мраморного цоколя и другими, подчас очень интересными, фрагментами мраморных деталей, место которых теперь никак не определишь. По-видимому, эти аркады на мраморных колоннах окружали весь двор мечети. Следов угловых сооружений на восточной стороне нет. Северная и южная аркады прерывались двумя симметрично расположенными сравнительно небольшими постройками с куполами. Куполов-то теперь уже нет. Сохранились, да и то не совсем, лишь их барабаны. Но, как ни великолепы входная арка и боковые постройки, они никак не могут идти в сравнение с главной постройкой. Мечетью. Передняя арка заключена между двумя легкими и изящными, восьмигранными минаретами. Сужающиеся вверху линии дают эффект устремления вверх. Квадратное (вернее даже кубическое) основание мечети несет на себе высокий барабан, увенчанный голубым куполом, сверкающим своим глубоким и чистым тоном на горячем синем небе. Даже теперь, когда от купола остались жалкие обломки, изборожденные глубокими трещинами, впечатление получается чарующее, да, правда, быть может, трещины даже усиливают это впечатление. На меня Биби Ханым производила такое впечатление: казалось, что вот все это сейчас

развалится и все очарование исчезнет. Вот ночью, когда один сюда придешь, Биби-Ханым производит довольно жуткое впечатление темными громадами, упирающимися в звездное небо.

Замечаю, что описание Биби-Ханым становится у меня слишком лирическим, чего археологу, восточнику и (в проекте) историку отнюдь не подобает. «Не по Сеньке шапка». А посему перехожу к тону эпическому.

Стройные восьмигранные минареты не имеют своего завершения. Изразцовое убранство их очень оригинально и отличается большим чувством меры, оно заключается в звездах из мелкой хорошей мозаики в соединении с терракотой. И вот именно то, что кошинная рубашка минаретов не сплошная, придает им какой-то особенно благородный и элегантный вид. Нужно все-таки признать, что в этом отношении строители Ирана нередко пересаливали и, одев всю свою постройку (примеры есть в Шах Зинда) сплошной майоликовой и изразцовой оболочкой, придавали ей вид какой-то пресыщенности и тяжеловатости, а в общем показывали в некоторой степени недостаток художественного чутья. Но не только облицовка. И формы, и пропорции, как я уже сказал, тщательно продуманы. И здесь опять очень хороши ребра восьмигранника, который очень сильно, но в меру, суживается кверху. На самой арке облицовки почти нет. Никакого намека на тимпаны и их облицовку – также. Значительная часть передней стены мечети, закрывавшей с запада арку, обрушилась. Также сильно пострадала мечеть и внутри. Внутренний купол сохранился немногим лучше внешнего, и в потолке зияет огромное отверстие. Птицы, сидящие на куполе, роняют иногда куски алебаstra и кирпичей, которые с сильным гулом падают на пол, вернее, на землю, так как пола нет. Паруса купола тоже сильно разрушились, и вся эта громада, висящая над головой, держится, что называется, на «честном слове», да еще на каких-то палочках, представляющих из себя каркас. Прямо против входа довольно простой и скромный мехроб со сталактитовой обработкой верха. Из имеющихся двух боковых входов – северный заложен кирпичом, а южный открыт, но очень плохо сохранил свою арку. На стенах мечети можно заметить следы росписи. На куполе видны куски папье-маше, с помощью которого роспись вверху была сделана рельефной. Судить о характере этой росписи, конечно, не приходится, слишком мало данных. Остальная поверхность стен была расписана по алебастровой штукатурке. Довольно хорошо уцелел небольшой кусок этой росписи под входной аркой. Роспись и здесь была сделана отчасти рельефной, но не с помощью папье-маше, как в Гур-Эмире, и кундаля, как в Ак-Сарае, а как раз противоположным приемом – углубленными вырезками в алебастровой штукатурке.

За Биби-Ханым кончается город. Против мечети стоит еще, также плохо сохранившаяся, без наружной облицовки, с провалившимся куполом, стройная гробница самой Сарай-Мульк Биби Ханым. Внутри сохранилась изразцовая панель с раскрасками по ней золотом, которое еще можно кой-где увидеть, следы росписи по штукатурке. Над панелью проходит полоса арабской надписи, обрамляющая арки. Вся остальная поверхность стен разбита на мелкие планы, разрисованные растительным орнаментом. Середину пола занимает восьмиугольная открытая сверху яма-склеп, облицованная мрамором; в четыре стороны от этой ямы отходят своды из кирпичной кладки. Прямо против двери на другой стороне склепа – мраморное

надгробие, положенное на мраморные плиты, украшенные очень тонкой и изящной резьбой. Внизу под этим надгробием под сводом склепа несколько камней без всяких украшений и надписей.

На выезде из города, на склоне Афросиаба расположена мечеть «Ходжа-Хызр». Если я упоминаю о ней в своем дневнике, то только для того, чтобы отметить ее безвкусию и претенциозность. Мечеть обычного среднеазиатского нового типа. Кирпичная коробка с навесом на столбах. Но входное сооружение и минарет представляют из себя нагромождение совершенно непродуманных и несвязанных между собой масс, украшенных к тому же скверными изразцами, которые кажутся такими бледными и тусклыми после блеска кашинной одежды Биби-Ханым. Это произведение нашего достойного Ходжи-Бобо – Абду-Кадыра, первого архитектора и керамиста современного Туркестана.

Даже слабые в архитектурном отношении соседние мазары – Махсум Дивана, приятно выглядят только потому, что они-то построены без всяких претензий, так, как умел средний строитель из местных, без всякого стремления превзойти самого себя. Ходжа-Хызр показателен в том отношении, что он очень определенно и ясно говорит о непонимании теперешним мастером, о совершенном непонимании великолепных старых образцов, которые всегда торчат перед его глазами. Впрочем, Аллах с ними, с этими детьми великой художественной культуры.

Шах-Зинда производит чарующее впечатление, пожалуй, не меньшее, чем Биби-Ханым не отдельными пропорциями памятников, а сказочным, прямо каким-то феерическим ансамблем всех этих мавзолеев и ходов. Монументальные ворота, построены Улугбеком. За воротами небольшая мечеть с открытой террасой. Слева два мавзолея, стройных, с высокими куполами на высоких и стройных барабанах. Внутри этих мавзолеев беленые стены без всяких украшений. Прямо против входа – священная лестница в сорок священных ступеней (на самой деле их только 38). Ступени очень крупные. Лестница была когда-то очевидно мраморной, судя по некоторым остаткам, теперь она цементирована. Вверху лестницы снова входная арка, ведущая в коридор между гробницами, углубленный в виде траншеи приблизительно на 2 метра от уровня земли. Тотчас за этой аркой – четыре мавзолея. Первый справа разрушен. Уцелела только передняя, выходящая в сторону коридора стена. Дверь замурована. Второй справа мавзолей, построенный над прахом жены Тимура Ширин-Бика-ака, с каким-то другим небольшим мавзолеем, примыкающим к нему, – постройка весьма интересная, как по роскоши сплошной изразцовой одежды снаружи, так и по росписи внутри. Роспись очень похожа на роспись гробницы Сарай-мульк, но что здесь интересно, так это изображение цапель в шестиугольниках изразцовой панели, выполненные золотом, и изображения сорок на стенах. Очевидно, мастер-шиит допустил здесь эту вольность (также как, и великолепные львы и лани в тимпанах Шир-Дора или львиные головы на петлях дверей в мечети Ходжа Ахмеда Ясави в Туркестане и китайские драконы в Аннау). Если усыпальница Ширин-Бека-Ака покрыта мозаикой и майоликой, похожей на таковую-же остальных памятников Самарканда, то три остальные гробницы этой группы совершенно не похожи на них, будучи облицованы роскошной рельефной майоликой. Особенно мне понравилась вторая слева постройка, возведенная, как гласит скромно прит-

кнущаяся в уголке надпись неким Шамсуддином (*амал Шамс ал-дин*). Описывать подробно остальные мавзолеи (их остается еще шесть) было бы утомительно, скучно, да боюсь кой-что и перепутать – писать-то приходится ведь на память. В общем – все они очень интересны, каждый по отдельности, в любых группировках и все вместе. В самой мечети Шахи-Зинда (верхней) ничего особенно замечательного я не нашел, кроме новой двери, копирующей, повидимому, скверно, старую дверь, написанную Верещагиным под названием «Двери Тамерлана», увезенную в Петроград. Ограничусь теперь только записью исторической справки об этих мавзолеях: мечеть Шах-Зинда построена над могилой Кусам-Ибн-Аббаса, убитого в Самарканде в 627 году. В общем, все постройки, сгруппированные здесь, возведены в 1360-1435 годах, целиком относясь к Тимуридской эпохе.

Интересны нравы людей, живущих здесь и пользующихся благами от подношений богомольцев. Здесь есть два шейха: «нижний» и «верхний». Нижний – это тот, который сидит у ворот и прикреплен к нижней мечети, а верхний – у самой могилы Шах-и-Зинда – двоюродного брата пророка. Все подношения богомольцев должны делиться поровну, но 1 сентября с.г. какому-то правоверному вздумалось посильнее задобрить того шейха, который сидит ближе к гробнице, и он привел барана к нему через маленькую калитку в верхней части галереи. Нижние люди нижнего шейха проведали об этом и между двумя шейхами большой «уруш» имел место. Только В.Л. Вяткину, случайно оказавшемуся здесь вследствие выполнения его незаконной, но обязательной обязанности – сопровождения репортеров «из центра», удалось убедить их поделить этого барана пополам. Говорят (ссылаюсь на свидетельство В.Л.), эти шейхи – богатый народ, так как доброхотные даяния верующих до сего времени очень обильны.

Все остальные памятники Самарканда я знаю значительно меньше – был у них, ввиду их отдаленности, только по одному разу. Это: Намазгох, облицовки с роскошными аркадами внутри и громадным тутовым садом во дворе; Ишрат-хона с высоким стройным порталом, на котором сохранилась отчасти прекрасная изразцовая облицовка; купол мечети упал. В боковых пристройках над мозаичной изразцовой панелью очень хорошая, такого же типа и техники, как в Ак-Сарае, живопись. Словом, здание чрезвычайно интересное, и мне очень жаль, что я не зарисовал его и не изучил более подробно. Мечеть Ходжи-абди-Бирун, недалеко от Ишрат-Хоны находится на очень старом мусульманском кладбище. Сама по себе эта постройка ничего интересного из себя не представляет.

Медресе и мечеть Ходжа-Ахрар. Помню очень плохо, т.к. был там только однажды, проездом в Агалык, и времени для осмотра не было совершенно. Но, в общем, это медресе такого же типа, как Улугбек и Ширдор, только меньше и несколько, как будто, беднее.

Пои-расад (Расад-Хона) – обсерватория Улуг Бека. О ней сказать совершенно, кажется нечего.

Вот с Чупан-Ата пришлось познакомиться гораздо основательнее. Как я уже упоминал, здесь производился в этом году ремонт – подкрепили и обмазали купол и барабан (окрасив, кстати сказать, купол в довольно нелепый розоватый цвет). Кой-где поддержали стенки и переложили крышу.

Облицовка на Чупан-Ата сохранилась отчасти только на куполе и барабане, стены никаких следов кашина не имеют.

Раньше почему-то было распространено мнение, что мавзолей Чупан-ата построен непосредственно на скале; подкопавшись в этом году под цоколь мавзолея, я доказал, что под стенами находится подушка из мягкой земли значительной толщины. Вопрос о том, имеется ли в действительности могила под надгробием Чупан-Аты остался и в этом году открытым, т.к. дорыться до склепа (если он существует) я не решился из «политических» соображений.

В четверти версты к юго-западу от Чупан-Ата имеется еще небольшая кирпичная постройка, из кирпича разной формы и величины, сложенная отчасти на алебастре, отчасти же просто на глине. Внутри эта постройка оштукатурена. Перекрыта низеньким чашеобразным куполом. На юг, запад и север отходят боковые стрельчатые сводики, из которых северный очень сильно деформировался и грозит падением вместе с опирающимися на него парусами и куполом. При попытках найти в середине погребение, ничего обнаружено не было, – погребения здесь нет. Только сверху оказался еще не совсем разложившийся труп мусульманина, судя по костюму, нашедшего здесь свой преждевременный конец. От руки ли разбойника или басмача – Аллах лучше знает.

Сверху, с горы, на которой стоит Чупан-Ата открывается прекрасный вид на Зарашанскую долину. Сам Зарешан в виде ряда переплетающихся ленточек, ярко-синих между беловатыми песчаными и зелено-изумрудными берегами теряется в противоположных сторонах горизонта. Сады занимают все видимое пространство до самых гор, синюющих с трех сторон. Только холмы Чупан-Атинских высот, да Афросиабское городище выделяются в почти сплошной зелени своим унылым неприветливым видом. Город едва виден вдаль в голубоватой пыльной дымке.

По дороге из города на Чупан Ата имеются остатки окружавшей когда-то Самаркандский оазис 40 верстной стены – *Дивори қиймат* в виде бесформенных валов и бугров.

В одну из пятниц за время моего пребывания в Самарканде мы совершили прогулку в Агалык, о котором нам очень много говорили самаркандцы: о его красоте, о прекрасном горном воздухе, прозрачной чистой воде и проч.

Приготовления начались за несколько дней. Больше всех хлопотала, конечно, Александра Михайловна, по обыкновению взявшая на себя хозяйственные заботы. Да досталось еще Азимбаеву, который должен был достать извозчика, арбы и ишаков.

Отправка назначена была в 6 утра, но само собою разумеется, что когда мы выехали за ворота, начался уже десятый час.

Я до Ходжи-Ахрара шел пешком, утопая местами в пыли дороги, между серыми домами и дувалами сплошь тянущимися до самого Хаджи-Ахрара. Дорогой рассматривал фасады домов, разделанные зачастую очень любопытным, простым и прямо-таки архаическим орнаментом из елочек, кругов, звезд, простых арабесок и арочек, грубо выдавленных в сырой глине. Эта орнаментация очень характерна для окраинных самаркандских улиц. Ничего подобного ни в Ташкенте, ни в той части Ферганы, которую я знаю, я не видел.

Сделав крутой поворот вправо, я совершенно неожиданно для себя увидел базарную площадь с значительным количеством народа и арб, с огромными чайханами,

рассчитанными на большое количество приходящего люда, а в глубине площади – сверкающий мозаичный портал мечети Ходжа Ахрар. Ввиду того, что почти все члены экспедиции уже собрались, а вскоре подъехали и отставшие, времени для осмотра мечети не было, пришлось влезть на арбу и ехать дальше опять по таким же кривым и пыльным улочкам, которые вдруг, без всякого перехода обрываются, и начинается голая степь до самых гор. Тотчас же у выезда из кишлака Ходжа Ахрар снова развалины *Дивори қийамат*, но здесь лучше сохранившиеся. Справа видна, например, довольно сносно уцелевшая *дарвоза хона*, в виде высокого башневидного сооружения, а против нее какая-то почти кубическая (как мне помнится) постройка, названная ехавшим со мной пожилым узбеком *Чихил духтарон*⁵³, но о назначении этой постройки ничего дельного он сообщить не мог. Вещи интересные, и очень жаль, что Самаркандская Комиссия о них забыла и, кажется, не намерена предпринимать никаких мер к их обследованию.

Дальше еще достопримечательность – мощный, мутный и быстрый Даргом, милостями которого живет самаркандский оазис. Течет он в высоких отрывистых берегах, мрачный и величественный. Через Даргом имеется каменный мост, переброшенный через канал смелой и очень высокой аркой. Мост очень старинный, по обе стороны его стояло когда то по паре высоких минаретов, от которых теперь нет и следа. Да и самая арка моста не так давно переложена русскими инженерами. К мосту крутой и трудный спуск. Дальше за мостом – широкая степь. В степи – курганы. Курганов здесь множество. Стоят они одиночками и целыми группами разной величины и формы. Кой где развалины каких то башен.

Самый Агалык (первоначально по-видимому – *Аханг лик*) – небольшой кишлак, вытянувшийся вдоль речки (забыл название) в начале ущелья, втиснутого между невысокими, но крутыми известковыми холмами. Здесь центр добывания и обжига извести. Мы видели много готовых к обжигу бунтов камня-сырца, сложенного в цилиндрические кучи с закругленным в виде купола верхом.

Ну! Чтож еще про Агалык? Сходили мы на один из соседних холмов, сажен, очевидно, на 100 над кишлаком, видели другой небольшой кишлак – Ак-Буйра – в соседней долине, пили чай, ели плов...

Рассказы оправдались полностью – южный пейзаж с широкими далями восхитителен, горный воздух чист и ясен, вода в реке прозрачна до последней степени.

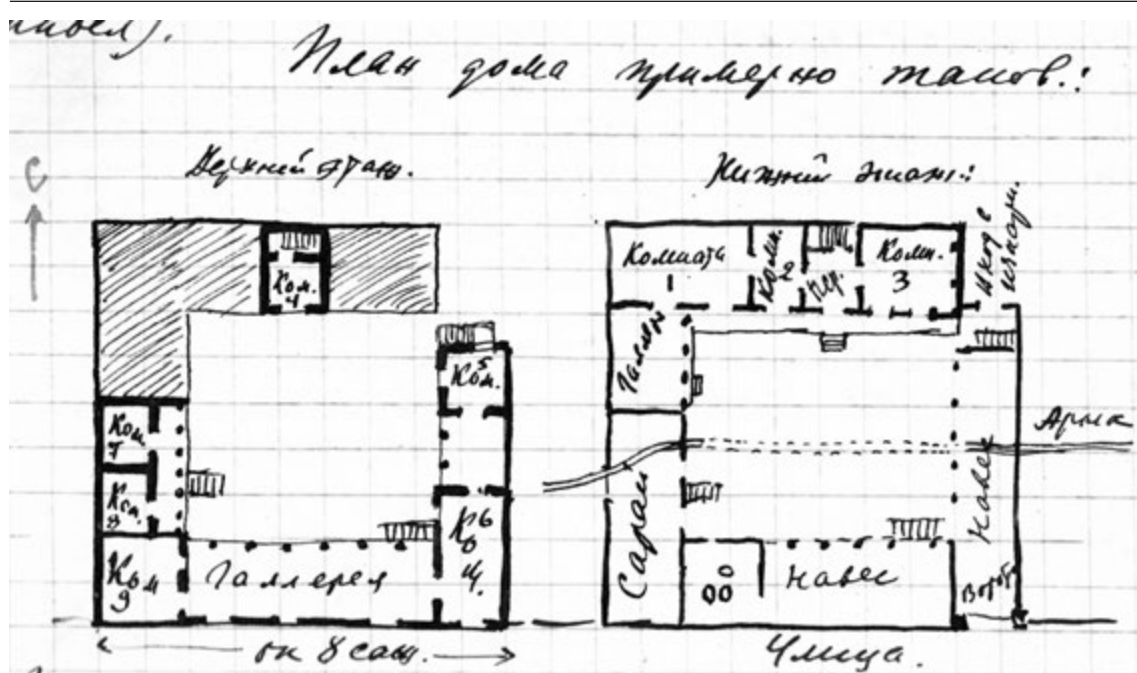
За несколько дней до нашего визита в Агалык, на соседний Ак-Бура напала шайка басмачей (как говорят, человек в 50), пришедшая из Таджикистана через горные проходы, пограбила и убила трех мирных жителей.

Обратная дорога была малоинтересна, очень скоро стемнело, и любоваться можно было разве только звездным небом – картина в Туркестане весьма не редкая. Чтобы рассеять скуку, дорогой балаганили и горланили песни.

О своей квартире в Тилля-Кори я упоминал уже, теперь остановлюсь подробнее на доме № 699 в махалля Кош-Хауз как типе мусульманского ташкари (ичкари этого дома я, к сожалению, не видел).

План дома примерно таков:

⁵³ На поле пометка: По-вид(имому). *Чиль худжра?*

Техника постройки, конечно, самая обычная – каркас. Стены комнат 1, 2, 3 и 4 богато расписаны. Особенно интересен и употребителен сильно мотив стилизованного букета роз в декоративной арочке (сноска: Этот же мотив я встречал часто в других постройках – домах и мечетях. Даже в росписи дворца эмира бухарского в Ситораи Мохосса он очень обычен). Все сделано очень тонко и тщательно. Встречается сталактитовая обработка ниш и карнизов потолков. Сталактиты также покрыты яркой росписью. Есть надписи и арабески. Мягкостью тонов и выдержанностью стиля роспись выгодно отличается от очень похожей, но более грубой и не так тщательно скomпанованной в целом росписью в квартире Попова и Лопатина там же, в махалля Кош-Хауз.

По приезде в Ташкент, пересматривая негативы Комстариса, я нашел очень хорошую роспись в эмирском дворце в Старой Мохоссе. Вернее – точную копию, на-верное, только более тщательную по отделке. Сам же по себе мотив стилизованного цветка в вазе в декорировке стен встречается и в тимуровских постройках (мозаика Ак-Сарая).

На этом описание самаркандского периода моей работы, неполное и случайное, полагаю законченным и, хотя зовут меня Василий Лаврентьевич снова в Самарканд, от поездки туда придется воздержаться.

Возвратился из Самарканда в Ташкент 4 сентября, намереваясь по приезде приняться за зачеты, но какое-то постоянное чувство усталости и недомогания до сего времени, т.е. до первого октября не дало мне даже и приступить к занятиям. С 13 сентября служу в Средазкомстарисе, где разбираю негативы.

1 октября 1925 г.

2 октября.

Только что возвратился из старого города, потратив день на обход ташкентских старых построек.

Прежде всего, конечно, зашел посмотреть на старого знакомого – Шейхантаур. Мой знакомец изрядно изменился. Но, впрочем, – о виденном расскажу по порядку.

Подошел я с правой стороны, мимо прекрасных резных ворот, зафотографированных А.А. Семеновым. Посмотрев ворота, прошел на кладбище, которое оказалось скрытым чуть не все. Старые священные деревья сиротливо стоят и ждут падения. Несколько из них, будучи подрыты и подмыты водой, - свалились уже и лежат на земле. От коридорчика с целым рядом небольших построек на нем осталось очень мало, а от входной арки, зиарат-хоны и замыкающей арки ничего не осталось. Даже сагона по сторонам оказались в значительном числе разрушенными. Сам мазар Шейха Аттахура стоит нетронутым. Дверь, как всегда закрыта, но в окно видна верхняя часть помещения, причем особенного ничего нет. Видно только, что внутри здания имеется такое же сухое дерево, как и на кладбище рядом.

Таким же остался и Мазар Тюля-Бия, с железной конусообразной крышей. Часть Алтунлик-мечети заново раскрашена в светлые тона и очень много потеряла в своем виде.

По преданию, сообщенному А.А. Семеновым, мазар Тюля-бия (сноска: Калдургач бий) построен около 600 лет тому назад. Глядя на самое здание мазара, можно с уверенностью сказать, что если это и так, то от первоначальной постройка уцелела, быть может, только в самой нижней части. Весь же верх, также как и у соседнего мазара Шейха Антахура, безусловно, совершенно новый. Алтунлик-мечеть по ААС⁵⁴ построена около 100 лет тому назад.

Мазар Юнус-Хана датировки в надписи над входом не имеет, есть только дата смерти Юнус-Хана – 892/1487 год. Имеется дата позднейшего ремонта – 1903 год, когда, очевидно, и была сделана эта надпись.

Заглянув в окно мазара Юнус-Хана, я видел по углам боковых четвероугольных устоев мраморные, должно быть, резные колонки. Интересно бы было взглянуть на них поближе.

Из Шейхантаура отправился в соборную мечеть, что против медресе Ходжи-Ахрара. Благодаря тому, что день был пятничный, а время после полудня, мне удалось наблюдать здесь пятничное богослужение. После того, что я не так давно видел в Тилля-Кори, оно поразило какой то своей невыдержанностью. Нет тех сплошных рядов салля, большая часть молящихся просто в тюбетейках, да и склоняются головы для молитвы не так дружно, как в Самарканде. Сразу чувствуется, что здесь религия ближе к своему естественному концу.

Пройдя мимо медресе Кукельдош, направился в сторону Бекляр-Беги (Бейли-беги). Бекляр-Беги, хоть и новый, не так уж характерный, производит приятное впечатление своими общими формами, но определенно досадное впечатление производит какой-то неподходящий здесь, да и вообще неважно сделанный памятник Ленину, для которого специально разрушена часть медресе. Памятник получился

⁵⁴ По А.А. Семенову.

окруженным развалинами. Может быть, это символизирует собой «развалины старого мира»?

Мечеть Пулат-бая рядом с Бекляр-Беги замечательно интересна своими резными колонками и особенно великолепно сделанной деревянной резной дверью. По ААС – мечеть Пулат-бая построена ок. 100 лет тому назад. Медресе же – во времена кокандского Омархана (1808-1822).

На обратном пути снова зашел в медресе Кукельдош. Здесь тоже от старой XVII века постройки осталась только нижняя часть постройки. Мне кажется совершенно очевидным, что здесь был так же, как у современников Кукельдоша Тилля-Кори и Шир-Дора, *ништоқ* и высота здания была тогда значительно выше, чем теперь, хотя вряд ли больше 7-8 сажен. Вообще, конечно, по сравнению с самаркандскими гигантами, размеры Кукельдоша, как и всего остального в Ташкенте, – крайне мизерны.

Остатки облицовки на фасаде дают картину орнаментировки, совершенно отличную от Самарканда, как по сочетаниям тонов поливы: зеленый, синий и белый, так и по характеру рисунков майолики, составляющей панно на пилонах и тимпаны входной арки, что тоже не встречается в Самарканде. Между прочим, здесь заметны следы ремонта, попытки восстановить выпавшую облицовку новой. В мозаичные полосы на пилонах вставлены майоликовые плиты, повторяющие рисунок мозаики. Но эти плиты по тонам и качеству поливы сделаны уже очень неважно. Точно так же заменялись новыми и майоликовые плиты в панно. Здесь новое отличается от прекрасной мастерской старой работы тусклостью поливы и грязной тона, и позднейшие плиты резко отличаются от первоначальных.

1926 год

Тетрадь 8

Стр.

1. Занги-Ата⁵⁵

6а. Поездка в Дабусию.

17а. Выдержки из E. Kuhnel'a о Бехзаде.

18а. Конспект книги Rivoir'a (до стр.108).

53а. Конспект книги Diez'a.

55а-56. Некоторые замечания о медресе Улугбека в Самарканде.

57а. Б. Денике. Термез. «Новый Восток» сб. 22.

60. Яфетическая теория. Некот. выписки из статей И. Бороздина, С. Асфендиярова, В. Аптекаря из журн. «Новый Восток» № 22.

61а. Черняевский, Е.Н. Советский Восток и его искусство.

62а. Осборн Т.Ф. Человек древнего каменного века (не оконч.).

23 апреля 1926 г.

Чайхана у разъезда в полуверсте от Ногай-Кургана.

Вышел из дома в 8 часов утра. Прошел мимо крепости и б. Беш-Агачских ворот по большой дороге мимо мазара Лянгар-Бово (Ходжа Нуреддин). По пути зашел на мазар, стоящий на большом старинном кладбище. Мазар небольшой из жженого кирпича обычного мусульманского типа, положенного на алебастре. Интересна его конструкция: четырехкупольная нижняя часть чуть-чуть шире диаметра высокого и широкого барабана, увенчанного круглым куполом (обычным – среднеазиатским, сходным с куполом Занги-Ата). Мне не удалось заглянуть внутрь, но все же сдается что это – круглая купольная постройка. Малая величина квадратной части как будто-то бы совершенно исключает нужду в каких-либо пендантивах, и, если в углах есть ниши, то они, пожалуй, не должны иметь конструктивного значения. Рядом с мазаром находится *чилля хона*. Вход и отверстие, похожее на колодец идущий сверху, обложены жженым кирпичем. Место интересное и требует, пожалуй, более тщательного осмотра. Так как я направлялся в Зенги-Ата, то решил сэкономить пластинки и фотографировать здесь не стал.

Дорога от Мазара Лянгар Бово до Ногай-Курганского разъезда идет все время между серыми заборами садов

В 12 часов дня пришел в Занги-Ата. Уже издали услышал громкие голоса – зикр был в полном разгаре.

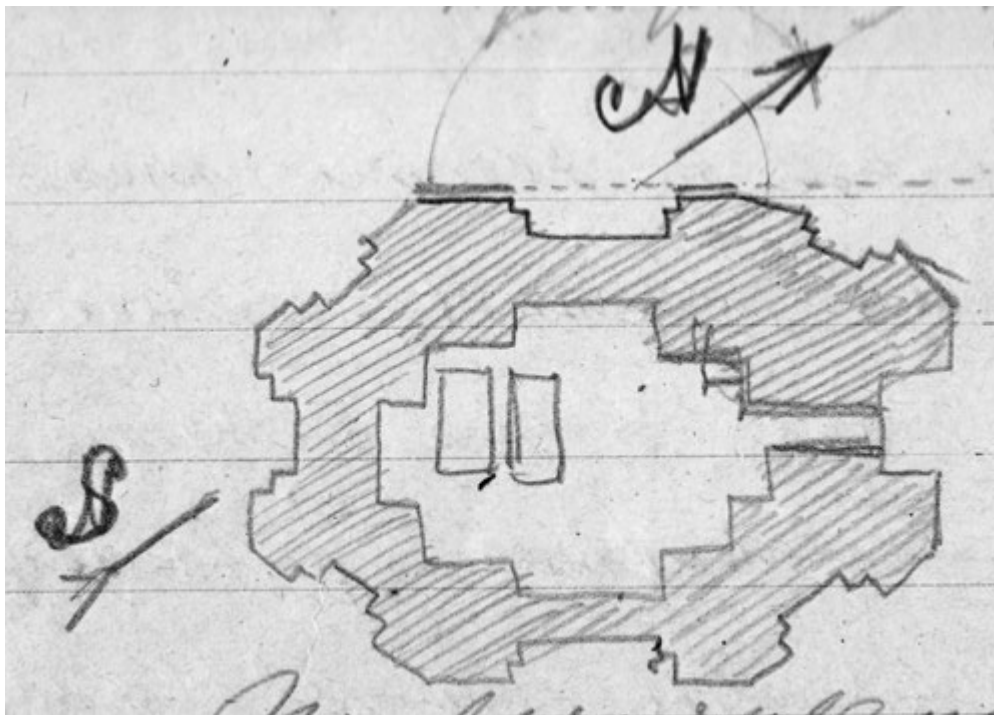
Пока производилась пятничная молитва, я решил осмотреть подробнее мазар Анбар биби.

Сегодня – роскошный, несколько жарковатый день. Первый после нескольких недель ненастья и холода. Солнце как-то особенно ярко светит. В синем безоблачном небе вьются аисты. Иногда доносится их характерное щелканье.

⁵⁵ В дальнейшем изложении используется также форма Зенги-Ата.

Мазар Анбар Биби в том же состоянии, как был осенью прошлого года, когда я совершил две прогулки сюда. Нового только три желто-черных флага, сверкающих издали красивыми золотистыми пятнами и ярко выделяющихся на фоне свежей темной зелени.

Прежде всего, ориентирую мазар:

При вычерчивании фасада мазара Анбар-Биби вертикально наклонные линии не должны быть прямыми. Поверхность наружных стен выпукла.

С южной стороны заметны вверху следы ремонта. Кирпич квадратный плоский – ... x ... x ... см. Положен на алебастре.

Встреченный мною словоохотливый старик Махмуд Хаджи сын Умар-Ходжи, погребенного рядом с мазаром в небольшой пристройке, сообщил, что имя другой женщины, погребенной рядом с Анбар Биби – Улуг Подшо, она будто бы дочь Богра-Хана, мать учителя Зенги-Ата и первого мужа Анбар-Биби Хаким-Ата (*улуг подшо*). Еще он сообщил интересное предание, что Тимур расставил своих солдат от Туркестана до того места, где находятся мазары Зенги-ата и Анбар-Биби, эти солдаты передавали цепью тот кирпич, из которого выстроены оба здания.

Фотографии:

1. Анбар-Биби с южной стороны. Диафр. 96 / Выдержка 1/25.
2. Фасад мазара Зенги-Ата. Диаф. 48 / Выдержка 1/25.
3. Кирпичный откос с южной стороны мазара. Выдержка 1/50 / Диафрагма 6.
4. Михраб. Диафрагма 0 / Выдержка 25 сек.
5. Пендантив. Диафрагма 0. Выдержка 45 сек.
6. Внутри мазара. Диафрагма 0 / Выдержка 1 мин.

С южной стороны мадрасы 6 худжр. Купол не симметричен двери, находящейся в ложном углу на северной стороне. Строна минарета у основания около 2 м.

Створ – куполок на северной стороне – западный конец главной арки. На одной оси с мехрабом мечети. От решетки до минарета 16 метров.

Осмотрел мозаику. Она невероятно искажена простой подкраской, по-видимому, масляными красками. Цвета: синий, бирюза, черный, желтый со следами позолоты, белый. Есть красные неглазурованные вставки – михраб великолепен, но очень грязен.

Зиорат. Сначала пришел какой-то казак⁵⁶ с женой, крупной и даже красивой казак-хотун и больным малышом-сыном. Заходили в мазар, женщина, выйдя из мазара с причитаниями и стенаниями ходила вокруг, прикасаясь к мазару грудью и распростертыми руками. Та толпа, которая недавно неистовствовала в *худжр*'е, а теперь безмятежно и спокойно сидела и судачила около входа в мадрасу, тотчас же по приходе киргиза, собралась у мазара и с набожным видом начала молиться. Я не видел, что им дал киргиз, но без вознаграждения вероятно не обошлось. Только что ушла другая киргизка, приходившая с маленьким сыном на руках.

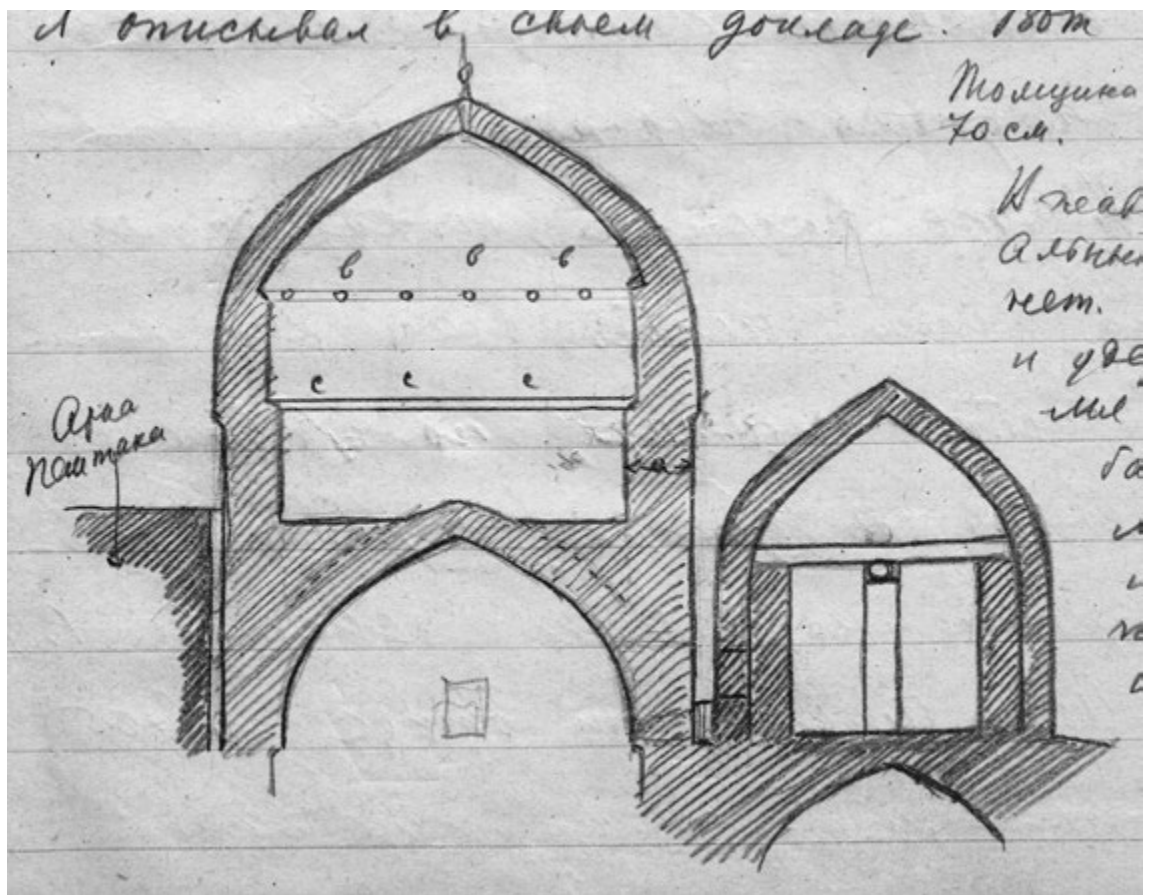
Вся железная решетка, закрывающая главную арку мазара увешана маленькими косичками из волос – жертва матерей за своих первенцев.

В траве около мазара я заметил какую-то возню и писк. Подойдя ближе, увидел редкую картину: две черепахи. Самка довольно крупная (около 16 см длины) и самец почти вдвое меньше. Здесь-то мне и удалось видеть некоторый биологический момент и слышать любовные стоны самца, которому никак не удавалось выполнить желаемое. Самка спокойно кушала траву и в самый последний момент поворачивалась боком к своему кавалеру. Биологический процесс этот выполнялся так: самец ползет сзади на самку, становясь почти вертикально, *fallus* имеет вид крючка, которым он пытается попасть в *vagina* самки, находящуюся снизу под хвостом. Но меня поразило больше всего судорожное пыхтенье самца и его тонкие визгливые стоны. Он был так увлечен своим делом, что не обратил никакого внимания на меня, хотя я близко наклонился к нему и даже притронулся карандашом к его спине. А самку я весьма спокойно смерял сантиметром, что дало мне возможность уточнить представленную сначала наугад длину ее спины (панцыря).

Кирпич мазара Зенги-Ата 24,5-27 x 25-26 x 4,5-6.

Конец дня посвятил осмотру конструкции куполов и кладки обоих мазаров. Мазар Анбар-биби сложен из таких же кирпичей, как и Зенги-Ата. Кроме тех балок, на которых лежат радиальные опорные стенки, в эти же опорные стенки вложены еще две пары арчевых связей. Никаких признаков того, что нижние балки были врублены – нет. Между прочим, эти балки только касаются верхней точки конуса купола, но не лежат на ней. Большой купол Зенги-Ата имеет как раз такую же конструкцию, как я описывал в своем докладе. Вот его кроки:

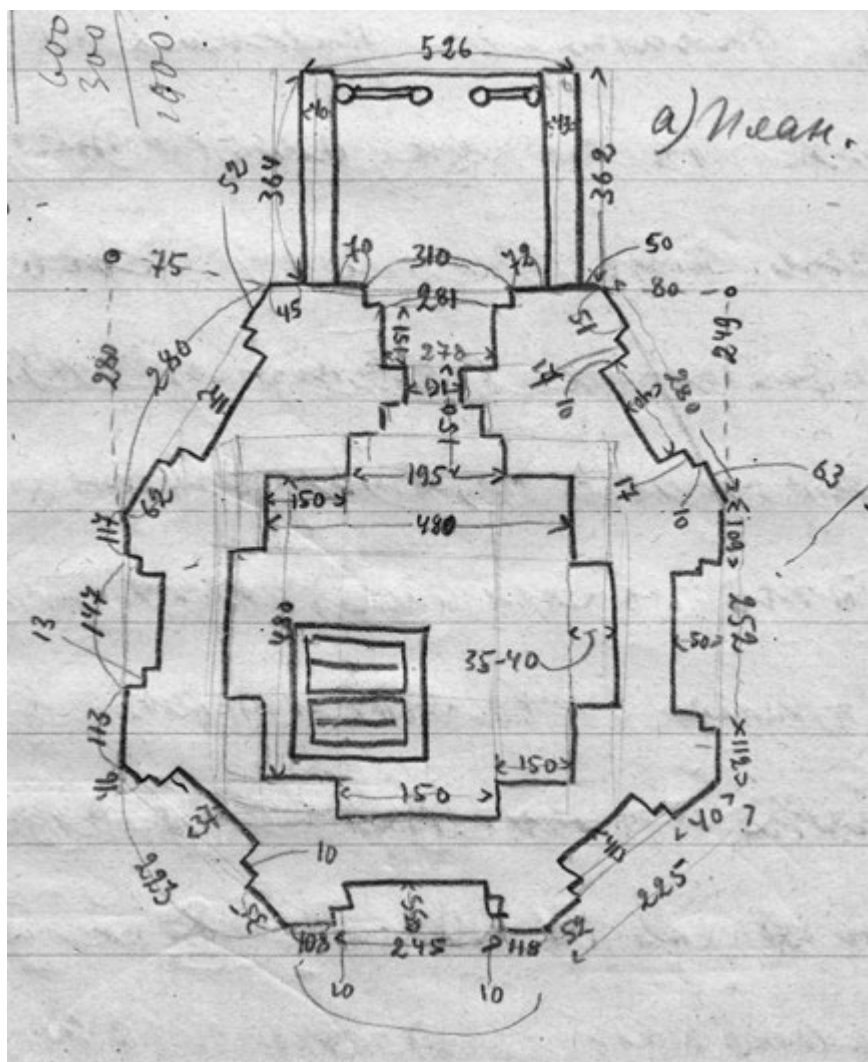
⁵⁶ Казак.

Толщина барабана с–а равна 70 см. В главном куполе радиальных опорных стенок нет. Купол связывается и удерживается двумя рядами арочных балок (в. в. в. с. с). Меньший купол имеет импосты – пилястры, крестообразно расположенные внутри барабана купола.

Назначение откоса с западной стороны здания, примыкающего к пештаку, остается неясным. Мысль о том, что это остатки какой-то другой, более древней, быть может, даже чем мазар, постройки, при ближайшем рассмотрении оказалась лишенной всякого основания. Этот откос сложен из такого же кирпича, как и мазар, но положен он не на алебастре, а на глине. Скорее всего, это неумело сложенный контрфорс, надобности в котором обнаружилась после падения первоначальной арки пештака. А это падение, по-видимому, действительно имело место, так как кладка верхней части пештака, по сравнению с кладкой хотя бы барабана купола производит несравненно более свежее впечатление. Может быть, этот откос и действительно является остатками какой-нибудь пристройки к мазару, уничтоженной впоследствии. Тогда эта масса кирпича могла быть сохранена ввиду опасений за устойчивость западного пилона пештака.

Замер мазара Анбар-биби и Улуг-Подшо.

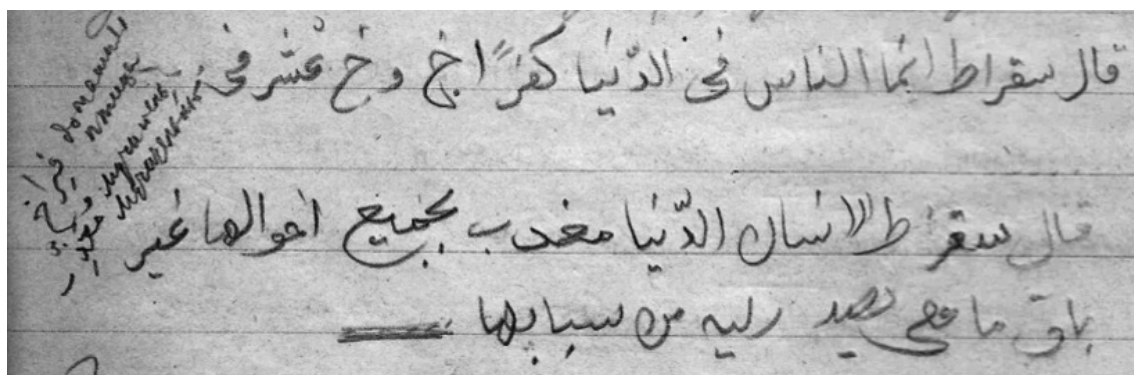
29 апреля 1926 г. воспользовавшись концом отпуска, а также подошедшим рядом праздников (1-е мая и Пасха) предпринимаю небольшую поездку. В последний момент, изменив свое первоначальное намерение – ехать в Сайрам и Аулие-Ата, направился вместо того в Самарканд и Кал’а-и Дабуси. Сегодня, 30 апреля, утром приехал в Самарканд, с помощью кукушки⁵⁷ добрался до старого города и расположился пить чай в чайхане рядом с Самаркандским **чорсу**.

Из увиденного мною дорогой до Самарканда отмечу только те курганы, которые в большом количестве расположены в Санзарском ущелье («Тамерлановы Ворота»). Между прочим, за станцией Милютинской (если считать от Ташкента) есть интереснейший могильный бугор весьма значительной ширины и высоты с плоским верхом. Этот бугор окружен концентрическими круговыми рядами маленьких бугорков, раза в 2-3 больше современных могильных холмиков. Этим рядам я насчитал семь.

⁵⁷ Кукушка – в просторечии название паровозов или коротких поездов местного сообщения.

Теперь возвращаюсь к Самарканду. Напившись в чайхане чаю, я пошел прямоком на Афрасиаб к месту прошлогодних раскопок. Снова увидел свои знакомые траншеи. Почти все открытое нами в прошлом году, несмотря на миновавшую дождливую зиму, прекрасно сохранилось. Раскопки, продолжавшиеся после моего отъезда расширили первоначальную площадь на запад, и юго-запад, детализировали открытое мною на западной стороне. Затем раскопки велись еще на трех местах: на холме, находящемся рядом с моим с западной стороны, на холме с северной стороны и в том месте через дорогу, где в подрытых пещерных траншеях меня покусали так сильно земляные клопы в прошлом году. По количеству выбранной земли сделано как будто бы много, но в получении каких-либо ощутительных результатов приходится несколько усомниться. Конечно, новые работы должны были дать материалы для дополнений и, б(ыть).м(ожет), поправок к моим чертежным работам. Вернее: к одной из них – общему плану произведенных работ.

Осмотрев раскопки, направился дальше – к Шахи-Зинда. Дорогой прилег в тени широкого надгробного камня. Бессонная ночь, проведенная в поезде, сказала свое, и я... уснув, проспал целый час.

Это надпись (жалкие остатки, которые мне лично удалось прочесть) с портала мавзолея Ширин Бика Ака.

Шахи-Зинда я обошел сегодня кругом и исходил вдоль и поперек внутри, потратив на это около двух часов. Осмотрел место раскопок М.Е. Массона. Открытие, сделанное им, очень интересно. Оказывается, галерея не кончается мавзолеем Ходжи-Ахмада, а поворачивает под прямым углом к западу. Здесь найдены фундаменты двух мавзолеев, один – с изразцовой облицовкой, другой – с орнаментом, выложенным кирпичами, что придает ему весьма архаический вид. Затем – мавзолей, не знаю его название и дату постройки, у которого открыт пол и надгробия внутри. Обнаружена, между прочим, интересная изразцовая (мозаичная) панель. Прошел по Регистану, ходил и даже лазил по Биби-Ханым, посетил Гур-Эмир и Ак-Сарай. Заходил в медресе Ориф-джон-Бой, – справился о Мухаммаджоне, но оказалось, что те двое муллабачей, которых я о нем спросил, даже не знают его. Наводил о нем справки в Тилля-Кори у старика Махсума, но и он знает только, что Мухаммаджон в Самарканде, не знает, где живет и что делает.

В Гур-Эмире розовый старик-шейх узнал меня и весьма любезно пригласил посмотреть на шахматную игру, которая была в полном разгаре. Играли главным образом седобородые старики, весьма азартно и оживленно, зрители принимают в игре, вопреки правил *маджмуа алканун*^а, самое активное участие. Мусульманскую партию, которую я просмотрел от начала до конца, я понял не совсем ввиду незнакомства с фигурами, почему было трудно следить за игрой, с одной стороны, и некоторыми специфическими ходами – с другой. Зато партию в «русские» шахматы, партию, в которой принимало участие наибольшее число публики, понял прекрасно и убедился в том, что играют они совсем неважно.

Биби-Ханым: 1) Внешний купол и барабан поддерживался весьма значительным числом радиальных стенок, лежавших непосредственно на внутреннем куполе.

2) Число рядов арок на западной стороне было не меньше семи, с северной и южной сторон – четыре.

3) Футляр их вторых стен опоясывал главное здание мечети с трех сторон, кроме фасадной. С северной стороны еще замечается солидное утолщение до высоты окружавших двор аркад.

В заключение сделал визит В.Л. Вяткину. Я нашел его в столовой, работающим над какой-то рукописью, как оказалось, он готовит доклад о раскопках на Афросиабе, а ввиду того, что, несмотря на значительный интерес, возбуждавшийся издавно Афросиабом, до сего времени не сделано полного его описания, точно также, как не сделано сводки производившихся на нем в разное время и разными лицами археологических работ. Вот поэтому-то Вас. Лав. и намерен несколько расширить свой отчет, предпослав ему первую часть – общий очерк Афросиаба. Относительно работ, сделанных после меня на Афросиабе, я, конечно, несколько ошибся. В.Л. показал мне фотографию открытого здесь михраба – ниши из алебастра, чрезвычайно интересную по стилю вещь, очень сходную с деревянными колоннами и михрабом, открытыми в Таджикистане М.С. Адреевым. Кстати, и фотографии последних также нашлись у В. Лав. Для меня лично несомненно их родство, а так как афросиабский михраб – вещь довольно точно датирующаяся по месту нахождения, то это открытие представляет довольно значительный интерес как с точки зрения истории искусства, так и материальной культуры Средней Азии. В той же комнате (а В.Л. в том холме, который находится рядом с раскопанным мною, нашел около 10, кажется, комнат), найден кусок облицовки стены также с очень характерным орнаментом, напоминающим сасанидскую торевику. Все найденные им комнаты имели пол, выложенный жженым кирпичом и обмазанный алебастром. Я выразил свое недоумение относительно пола без кирпича, только из одного алебастра, обнаруженного нами прошлым летом, так как этот пол не казался мне достаточно прочным. В.Л. высказал предположение, что этот пол накрывался, по-видимому, коврами или камышовыми плетенками. Ясный отгиск такой плетенки на полу был им в прошлом году обнаружен. В общем, результатами раскопок В.Л. доволен. Он говорит, что для него многое подтвердилось и многое выяснилось. Жаль только, что михраб вряд ли удастся перенести в музей и сохранить, т.к., по словам В.Л., он оказался слишком тонким и хрупким. Если я буду работать здесь, надо будет что-нибудь изобрести.

Дальше разговор зашел о Добусии, в которую я намереваюсь поехать. В.Л. совету-ет обратить главное внимание и проследить: 1) цитадель; 2) стены шахристана, 3) стены рабада. У него, как он сказал, есть некоторые материалы по Кал'а-и-Дабус из вакуфных документов. Возможно, что я сделаю ему подарок, передав в его рас-поряжение материалы, которые мне удастся получить при обследовании городища.

Теперь, чтобы использовать досуг, попытаюсь набросать план работ на Кал'а-и-Дабус: 1) общий осмотр местности и выяснение пунктов, подлежащих фотографи-рованию. 2) Детальный осмотр хонаки и гробниц, снятие эстампажей, замер (ар-хитектурный только). 3) Фотографирование. 4) Кроки местности с указанием стен, цитадели, системы орошения. Постараться выяснить, находилась ли Кал'а-и-Дабус все время на одном месте, или переходила так же, как Самарканд. Стены необходи-мо пройти вдоль всей длины. Быть может, удастся найти места ворот, башен и т.д.

Писано 29/IV-26 г. в разных местах города Самарканда. Закончено на вокзале в 9 ¼ часов вечера.

1 мая.

Утром сегодня приехали, наконец, с Дружининым и Кахаровым, моими двумя спутниками на станцию Зияддин. Задержавшись ненадолго на станции, чтобы на-пить чаю и купить папирос и курительной бумаги для предполагавшихся нами эстампажей надписей, двинулись по дороге на Кал'а-базор, находящийся в самых развалинах Кал'а-и-Дабус. Прошли по пыльной дороге через сады и поля около 16 верст. Слева был виден недалеко от развалин города большой курган, справа – два меньших. Наконец, мы вышли на большую плоскую возвышенность, представля-ющую из себя остатки древнего города. День выдался базарный в том базарчике, который находится в развалинах. Теперь здесь только раз в неделю (по субботам) бывает оживление и толкотня. Базар довольно значительный, но бывший здесь когда-то довольно значительный кишлак почти исчез. Осталось только три жилых дома, пустующие в небазарное время, караван-сарай и лавки, а также – развалины домов, между которыми особенно выделяются развалины кал'ы Зияддинского бека. Калья представляет из себя четырехугольник, почти квадрат, с глинобитными зуб-чатыми стенами, не имеющими хода наверху, и не очень толстыми. По углам стен – четыре башни, также глинобитные. Главные ворота находятся на южной стороне. Двор был некогда разделен на две почти равные части, представлявшие, конечно, мужскую и женскую половины. Все пространство внутри стен замка заполнено остатками строений обычного мусульманского типа. К западной стене примыкает сохранившаяся лучше других частей резиденции бека – мечеть, используемая те-перь как склад дровяных материалов. Мечеть не блещет отделкой. Стены выбелены. Роспись михраба пестра, груба и бесвкусна.

Самые стены кальи очень сильно разрушены – в них много проломов: большие проломы с западной, северной и восточной сторон.

Ходили мы сегодня по кладбищам, окружающим мазар-хонако, называемый Хо-нако-и-Имам Бахр или Абу-Хурейры. Ничего интересного на кладбище мы не на-шли. Старых надгробных камней не оказалось, да и те, которые имеются, почти без всяких надписей, с какими-то только звездами.

Самая хонака оказалась точно такой же, как я себе ее представлял. Она не производит совершенно старого вида ни внешним своим оштукатуренным обликом, ни конструктивными особенностями. Замечательна хонака своими двумя пештаками – западным и восточным и куполом совершенно, как будто не среднеазиатской формы – луковичным. Завтра нужно будет произвести фотографирование как мазара, так и замеры калъы. Более же подробное описание всего виденного отложу до завтрашнего дня.

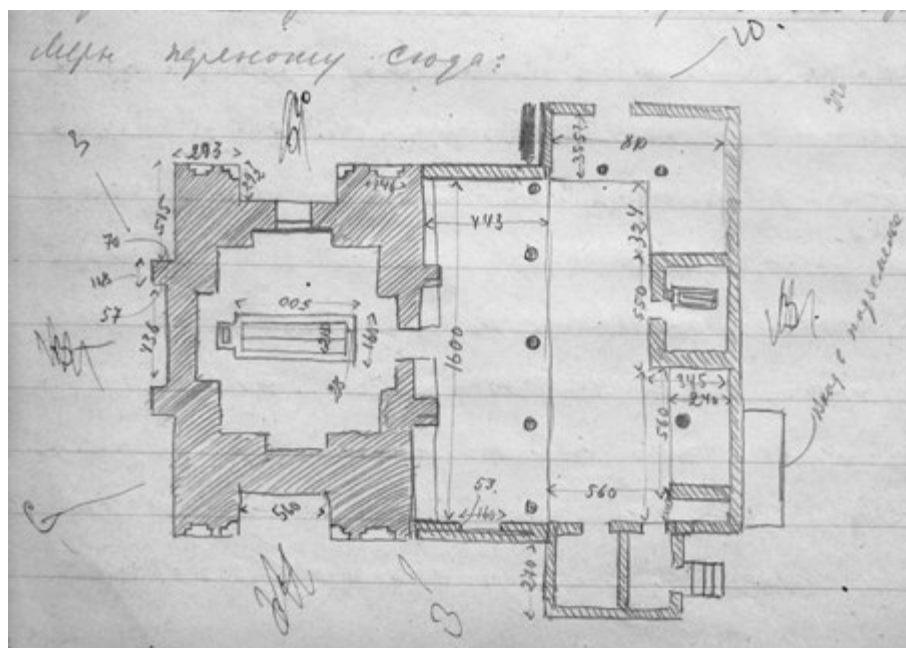
Упомяну здесь только о находках, сделанных во время предварительного обхода городища: кусочек майоликовой рельефной керамики и кусок терракоты с очень интересным мотивом орнаментации, живо напоминающим мотивы эллинства. Оба эти предмета найдены нами к северу от следов двух больших хаузов.

3 мая 1926 г.

Возвратился сегодня в Ташкент, рано утром, выехав вчера, 2 мая, из Зияяддина страшно усталый и почти больной – на почве расстройства желудка сильнее всего разболелась голова, так что я с трудом прошел расстояние от городища до станции Зияяддин (*зия ад-дин*).

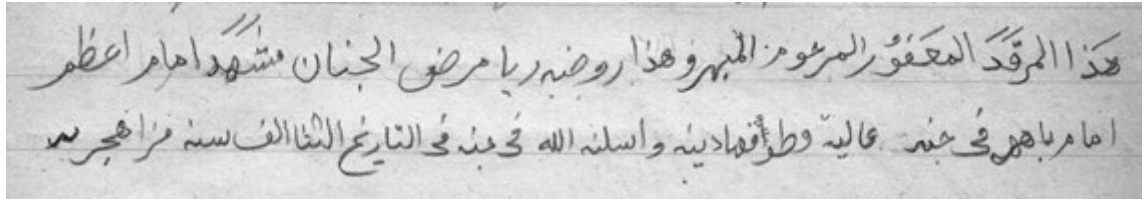
Теперь, отдохнув несколько, решил привести в порядок и записать свои наблюдения и впечатления на свежую память.

В Зияяддине были зафотографированы мною: Мазар (западная и северная стороны) и внутренний вид, где, главным образом меня интересовали конструкция пандантивов. Нужно будет просмотреть фотографии в Комитете, ибо таких пандантивов я точно не помню ни на одном из известных мне памятников, что вместе с луковичевидным куполом придает этой постройке какой-то несколько особенный вид, хотя, как я уже упоминал, постройка, по-видимому, не старая. Мазар был нами схематично замерен. Замеры переношу сюда:

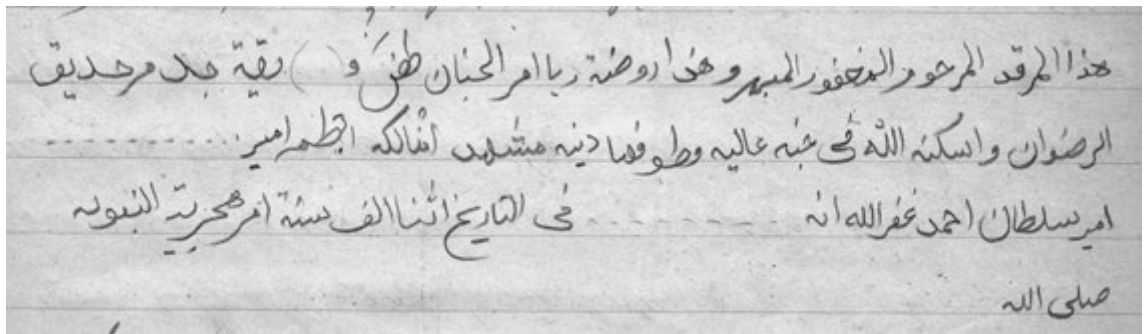

Таким образом, Хонако-и-Имам Бахр, так же, как и две надгробные плиты, были нами достаточно подробно осмотрены, замерены и сняты. Ниже я воспроизведу надписи на плитах.

1. Надпись на плите в хонако:

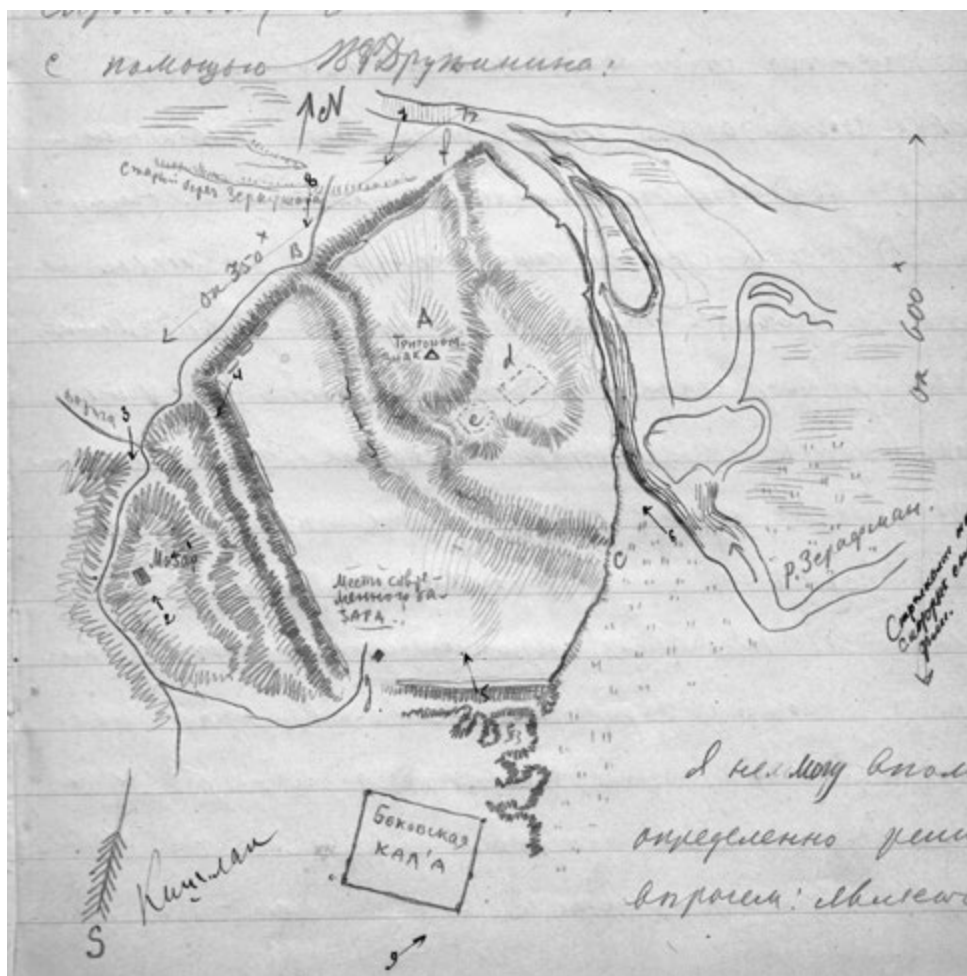

2. Надпись на плите рядом со зданием хонако:

Мусульмане, находящиеся здесь, как, например, наш хозяин дервиш, старик при мазаре Ишан; слепой Мулло-Козы и некий имам, бывший здесь же, ничего относительно происхождения галечника и надписей не знают совершенно. Человека, похороненного в мазаре, называют и Имом-Бахр, и Абу-Хурайро (или: Абу-Хувайро). Они же говорили, что Имам-бахр построил хонако, в которой и был погребен сам строитель. Относительно второй могилы они могли только сказать, что это какой-то шом-подшо, но кто был в действительности этот *амир султон ахмад*? На всякий случай придется прибегнуть к помощи таблиц Лен Пуля. Совершенно загадочным является пока для меня то обстоятельство, что дата обеих камней одна – 1002 год хиджры (1594 Р.Х.). Придется порыться в литературе. Может быть, найдутся какие-нибудь исторические личности, жившие здесь.

Осмотреть так подробно, как хотелось это сделать, все городище не удалось. Оно разбросано на громадном протяжении, и, вследствие усталости, недостатка времени и некоторого нездоровья, не удалось его даже обойти, как бы следовало, ограничившись одной цитаделью, очень большой, занимающей большое пространство с очень заметными следами стен, но без остатков каких бы то ни было построек. Воспроизвожу здесь глазомерные кроки снятые мною с помощью В.Ф. Дружинина:

Я не могу вполне определенно решить, впрочем: является ли тот неправильный четырехугольник, который я здесь вычертил, действительно цитаделью, или же это – самый шахристан какого-либо определенного периода существования города; в последнем случае район около тригонометрического пункта может быть цитаделью, так как эта часть несколько возвышается над всей остальной площадью. Задача осложняется еще тем, что размеры этого городища нельзя теперь определить. По-видимому, весьма значительная его часть размыта Зерафшаном. Стены были окружены некогда глубоким рвом, который можно проследить с трех сторон; самое городище перерезывалось большим каналом, снабжавшим цитадель (шахристан?) водой, наполняя два хауза (с и d), один из которых имеет овальную форму, другой – четырехугольную. Места ворот городских могли быть в двух пунктах: f и g или же еще на той стороне, которая теперь размыта Зерафшаном. Высота стен, если на них смотреть из рва, достигает 6-7 сажень, внутри они выделяются мало и далеко не везде.

От описания остальной, виденной мною части городища воздержусь, т.к. при недостаточном знакомстве с ними легче напутать. Скажу только здесь, что холмы занимают колоссальное пространство, в виде валов, плоских и широких бугров, курганов и т.д.

Орнамент терракоты из Кал'а-и-Дабус

Тетрадь № 5

Вакуфные документы:	Шейхантаур – 1335 г. ⁵⁸	1.
	Мечети Кесак-курган	2а
	Выписки – Ходжа Ахрор	3
	Медрессе Барак-хан	4
	Муи Муборак	4
	Занги-Ата	5
	Медрессе Кукельташ	7а
	Мечети Пули Афанди	10
Иноят-нома Саид-хана 1863 года		12
Дело медр. Муи-Муборак		12а
	Медр. Шукур-хан Вали	16
	Вакфия Муи Муборак	16
	Вакфия Шукур-хан	20

⁵⁸ На полях с копией вакфа мазара Шейхантаур написано: «Копия снята 29 июня 1926 года».

Список медресе в Ташкенте	21
Дело Бешагачской мечети	21
Мечеть Иски-Намазгох	22
Мечеть Тохлы Джаллят	23
Медр. Иса Ходжа Кази-калян	24
Меч. махалли Раис	29
Меч. Ходжи Мумоль	29
Меч. Хатун-Мачит	29
Вакфы мазаров Имама Мухаммеда и Ходжа-Мохруи	30
Медр. Ходжа Ахрор	32

[Стр. 10-11]

Дело поземельно-податного комиссара IV участка
Ташкентского уезда № 20 за 1888-1891 гг.

О вакфах мадрасы Муи Муборак, учрежденной Мирзою Ахмадом Кушбеги, сыном Мухаммад-Амина.

Мирза Ахмад Кушбеги жил в махалля Пули-Арандж (Сибзарской части) (Дальше он называется жителем махалли Укчи Шейхантаурской части).

1. Подлинника **вакфнома** не имеется (копию см. на стр. 16). Есть только перевод. Содержание вкратце следующее: Славословие Аллаху. Вакуфодатель – Мирза Ахмет Парваначи Мухаммад Аминов, в месяце Рабби-уль-Авваль 1274 года, употребил свое состояние на оживление пустых земель и пожертвовал их в вакуф м(адрасы). Муи-Муборак, находящей в мах(алла). Пули-Арандж на площади Махуд. Первый участок (2 ½ таш × ½ таш) в местности Иски Ташкент между Зенги Ата и Чиназом. Граничит с востока с общественной дорогой и речк(ой). Чирчиком (где находится мазар Бадр-Ата), с севера – арыком Куркульдак⁵⁹, с запада – с землей Нор-Ходжи Ишана Шады-ман Ходжаева, с юга – частью [...] земли Махмуда и частью с речкой Чирчик, частью с землей киргиз⁶⁰ рода Киршавлы и частью с мазаром Хазрат Садр-Ата.

Второй участок за воротами Тахта Пуль в ¼ таша от города и называется Ак-тепа. С запада граничит с вакуфной землей м(ечети). и м(едресе). Ходжи Ахрара, с севера с землей Ходжи Ахрара, с востока с рекой Кунгираа и арыком Тархан.

Третий участок с севера от Ташкента в местности Сары Агач. Граничит: с севера⁶¹ – с землями киргиз рода Казакия[?], с запада – с арыком киргиз рода Кунград, с севера – с арыком Кунгураа (котловиной) и с юга – с арыком Тархан.

Условия вакуфодателя.

Приписка: Верность перевода никем не засвидетельствована и т.д.

Там же другие переводы, значительно разнящиеся от приведенного.

⁵⁹ Искажённое «Куруқ кўлтик» (узб.) – «сухой рукав».

⁶⁰ См. примечание 4.

⁶¹ Возможно, правильное было бы «с востока».

[Стр. 12-32 – выписки из вакфов; простым карандашом, арабская графика, краткие примечания]

[Стр. 12а-16]

Из протокола от 10 июля 1891 г., составленного податным комиссаром IV участка Надв. Сов. Благовещенским:

Показания Мирзы Ахмад Кушбеги: Во время Худояр Хана он занимал пост «военного министра и генерал-губернатора» всех местностей Ташкентского района. Земли между Зенги-Ата и Чиназом «населения не имели и служили пристанищем грабителей и воров, которые грабили проходящие между Чиназом и Зенгиатами торговые караваны, а хозяев их убивали и топили в Чирчике». С разрешения Худояр Хана был выведен арык (кутерма) из Крукульдака и доведен до Юль-Тышкена. Сделан был вызов людей, желающих поселиться в местности Иски-Ташкент. Переселенцы собрались из разных кишлаков Туркестана и Коканда, занялись хлебопашеством. Мирзо Ахмад пожертвовал всю землю в вакф Муи-Муборак. В настоящее время «значительное количество (земли) отмыто р. Чирчиком, кроме того, захвачено полковником Жемчужниковым и ныне состоит во владении его наследников 76 дес. 2800 саж. Танапный сбор с земель = 1500 руб., харадж = 70 батманов разл. хлебов. Общий доход не выше 1850 руб. в год».

Земля в местности Ак-Тепе орошена желобом, выведенным из Боз-су.

Участок в местности Сары-Агач (в Ниязбекской и частью в Булатовской волости) орошен арыком Сары-Агач из Зах-арыка.

В 1864 и 1865 годах Мирзо Ахмад советовал командующему Кокандскими войсками Алим-Кулу вступить в подданство России. Это вызвало подозрение в приверженности Мирзы Ахмада к России и заставило его бежать в Маргелан. В 1865 г. после смерти Алим-Кула и падения Ташкента М. А. предполагал возвратиться в Ташкент, но боялся вражды со стороны киргизов и сартов, оставаться в Маргелане, подчиненном Худояр Хану было также небезопасно. С 12 тысячами киргиз, сартов и кипчаков М. А. отправился в Кашгар к Якуб Беку, «которого он же сам назначил управлять этой окраиной». Дорогою киргизы взбунтовались и разграбили караван М. А. По прибытии в Кашгар Якуб Бек принял М. А. ласково, но, опасаясь его самостоятельности, не отпускал от себя. Здесь М. А. провел 12 лет. В 1878 году, когда Кокандское ханство было присоединено к России, а Якуб Бек убит в войне между китайцами и кашгарцами, М. А. бежал в Ташкент.

«В настоящее время вакуфную землю (2117 десятин 1200 саж. по съемке 1889-90 гг.) населяют киргизы родов: чаншклы, рамодан, уймаут, чакчам и сарты. На вакуфной земле расположено целое селение Иски-Ташкент, в котором еженедельно по средам бывает базар. При усадьбах в Иски-Ташкенте и при курганах, разбросанных на всем пространстве вакуфных земель разведены сады и произведены древесные насаждения».

Из Журнала общего присутствия Сыр Дарьинского Областного правления по временному поземельно-податному отделению 27 марта 1892 г. № 10.

Показание жителя аула Катаргал Зенгиатинской волости Бохадур Ходжа Азамат Ходжа Оглы (опрошенного в июле 1890 г.).

Лет 68 тому назад (следов., ок. 1822 года. – Ш.) правитель Ташкентского района Ляшкар Бекляр Беги убедился в пригодности земли между З.-А. и Чиназом. В р. Крукульдак воды было недостаточно. Ляшкар Б. Б. предпринял прорытие канала из Салара. Арык Крукульдак был доведен до Чиназа. Ляшкар Бекляр беги устроил в Чиназе крепость, базар и, по приказанию Мадали Хана, вызвал туда различных воров, убийц и проч., обещав им помилование. Проведенный Ляшкар Б. Б. арык имел неправильное течение. Бохадур Ходжа (автор показаний) обратил на это внимание, обратившись за помощью к Ляшкар Бекляр беги, который дал наряд на рабочих, и Крукульдаку было придано другое направление, посему явилась возможность увеличить размеры орошаемой площади. Бох(адур). Х(оджа). обратился к новому хакиму Ташкентского вилайета Мирзе Ахмаду, который приказал собрать 3000 человек мардикеров. Собралось только 1000, остальные откупились деньгами. Работа была закончена в три года.

По показанию Абдураима Мазакирова, со времени орошения земель Иски-Ташкента прошло около 30 лет (т.е. с 1858 года примерно).

Из прошения М. А. Кушбеги, записанного со слов просителя А. Диваевым 10 апреля 1896 года (Русский текст).

Отец М. А. Мухаммад-Амин-Мирза был визирем у Мадали Хана в течении 20 лет. «Ханство Мухаммад Амина было обширно, оно простиралось с запада до Джизака, с востока до Кашгара, с юга до Кара Тегина, с севера до гг. Верного и Казалинска. Мадали Хан царствовал 22 года, вскоре после его смерти умер и Мухаммад Амин Мирзо. После Мадали воцарился Ширали-Хан, назначивший М. А. государственным казначеем. В 1840 году (приблиз.) Шир-Али был убит Мурад Ханом, который процарствовал всего девять дней, а затем был свергнут и убит Худояр Ханом. М. А. назначается хакимом по всему течению Ангрена и Курамы, за службу здесь пожалован чином «дотхо». Затем М. А. назначается правителем Ташкента в чине «парвоначи» «с ханским уполномочием и подчинением /мне/ войска». По прибытии в Ташкент он построил мадрасу Муи-Муборак.

На границе Бухары и Туркестана был ограблен большой караван с товаром до 1 миллиона рублей. М. А. удалось поймать хищников, за что эмиром бухарским он пожалован чином «Куш-Беги».

М.А. расширил Чимкент, устроил в Сайраме базар. Хакимом в Чимкент он (М.А.) назначил Сайид Ходжу. Основал базар в Аулие-Ата, назначил хакимом Атабек-додхо. В Мерке и Асфаре провел каналы, хаким. назнач. Муллу Мухаммед Ризо-додхо. В Ит-кучу вывел крепостцу, поставил там гарнизон, подчинив его Рустам-бек додхо. Восстановил Пишпекскую крепость, назначил туда 500 человек под начальством Рахматулла-батыра. В местности Манар заложил крепостцу, хаким – Кипчак Хангельдыбай. Укрепил Карабаткан, начальником войска послал Абду Расуль Бия. Заложил крепостцу в Кызыл Джаилма Ташти, назначил Пардабек-понсата с 500 людей. Возведены крепостцы в Чулак Кургане, Сузаке, Джулеке, Чардаре и Чиназе. Оросил местности: Иски-Ташкент, Сары-Агач, Ак-тепе и Хан-курган (последняя

пожертвована в вакуф мадр. Зенги Ата). Когда М.А. было 38 лет Эмир Музаффар арестовал Худояр-Хана и отправил его в Бухару, а М.А. назначил регентом ханства. Затем, после отъезда Эмира из Коканда, он получил приглашение покорить Кашгар Кокандскому ханству, выступил в поход и вместе с Якуб бекем занял Кашгар, Янги-Хиссар, Яркенд, Каргалик, Хотан, Туить (?), Ак-су, Байсарам, Кара Шаар, Урумчи, Манас, Дованча и Хамадан. Кашгарская провинция сделалась вассальной Кокандскому ханству, а Якуб-бек – ее владетелем.

В 1898 г. М.А. уже не было в живых, как показывает прошение его наследников.

[Стр. 21-21а]

Местности Ак-Тепе (та самая, о которой говорится в вакфнома Мирзы Ахмада Кушбеги) тождественны с местностью Ат-Чапар.

Махалля Хафиз-Кухаки в Кукчинской части.

Мадрасы Ташкента в 1899 г. (список не полный):

Ишан Кулы Додхо, Ходжа Ахрар Вали, Барак-Хан, Бекляр Беги, Махмуд Да-стурханчи, Мат-Карим Хальфа, Кукельдош, Абдул Касым-Хан-Ишан, Муи-Муборак, Казы-Калян и др. (Джуманбай, Чархчи-Куча, Калля Хона, Хон-Бово-бой, Ахмад-Махдум (в м. Арпа Пая – упразднено?) Хонходжа Ходжи, Иса Ходжа Козы, Ходжа Ахмад Ходжи Касымтай, Атабай-Ходжа, Рузы Мухаммад Ходжи) / 21.

[Стр. 28а]

Сведения о медресе Иса Ходжа Козы-Каляна Юнус Ходжа Ишанова, находящемся в махалле Кизыль-Курган, Сибзарской части г. Ташкента (выписка).

«Медресе основано 55 лет тому назад ташкентским казием Иса Ходжа-Козы-Каляном Юнус Ходжа Ишановым на собственные средства – сначала была построена мечеть и спустя пять лет учреждено медресе. Мечеть 6 лет тому назад отремонтирована заново, так как бывшие землетрясения испортили купол мечети. Здание медресе капитальному ремонту не подвергалось за исключением подштукатуривания стен и смазки крыши. В данное время медресе состоит из одной мечети и 15 худжр, которые все требуют большого ремонта». Составлены капитаном Чертовым в 1892 году.

Тетрадь 9⁶²

Список махалля Ташкента	стр. 1
Заметки к истории и топографии Ташкента (зарисовки решеток, надписи, строит. терминология и пр.)	8а
Выписки из книги Хорошихина	14-15
План городища Той-тепе	26
Выписки из Ташкентских вакуфных документов	26а
Выписки из В.В. Бартольда (Туркестан) и Н.Ф.Петровского к истории Ташкента	29а
Из ст. Б.Илькин. Из поездки в местность древнего Ульджакента. ПТК., ч. 6, 45-52	34
Схематический план городища Ак-тепе	36а

Список *махалля* Старого Ташкента:

I. Шейхантаурская часть (*шайх хованди тахур*):

1. Шур-тепе. 16/VII, 1926⁶³
2. Курган-тепе.
3. I Олма-зор.
4. II Олма-зор.
5. Кышлок-тепа.
6. Кыят-дзар-боши.
7. Турк-олма-зор. 2/VII
8. Ганч-тепе 1 и 2. 2/VII, 16/VII
9. Бодак.
10. I Арка-куча.
11. II Арка-куча.
12. Дзар-куча.
13. Кальгатай.
14. Хаузлик.
15. Чукур-кышлок.
16. Пушт-и-бог.
17. Ширин-кудук.
18. I Хауз-бог. 27/VII, 20/VIII
19. II Хауз-бог. 20/VIII
20. III Хауз-бог. 20/VIII

⁶² Надпись на титульном листе: Шишкин Василий Афанасьевич, Научный сотрудник Средне-Азиатского Комитета по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы. Студент Восточного факультета Средне-Азиатского Государственного Университета (эта надпись, кроме имени, зачеркнута и написано новое название учреждения: Старший научный сотрудник Узкомстариса). Ташкент, Ургутская, 1. 1926.

⁶³ Названия махалля дублируются арабским письмом; даты, проставленные напротив некоторых из названий означают, вероятно, даты их посещения автором.

21. I Катор-тирак.
22. II Катор-тирак.
23. Балянд-мачит. 20/VIII
24. Тарнау-боши. 20/VIII
25. Кудук-боши. 2/VII
26. Серлик-мачит. 2/VII, 16/VII
27. Хышт-мачит.
28. Сугал-мачит.
29. I Ок-мачит. 28/VII, 20/VIII
30. II Ок-мачит. 20/VIII
31. III Ок-мачит. 20/VIII
32. IV Ок-мачит. 20/VIII
33. I Дегрез. 16/VII, 20/VIII
34. II Дегрез. 16/VII
35. I Игарчи.
36. II Игарчи.
37. Укчи. 20/VII
38. Чармак.
39. Дукчи-куча.
40. Занджирлик. 28/VII
41. I Кыят. 16/VII
42. II Кыят.
43. Турк. 16/VII
44. Кыят-Янги-Шахар. 7/VII
45. Турк Янги-Шахар
46. Могол-куча.
47. Тоджик.
48. Кыят-тепа.
49. Джангох (место битвы Юнуса Ходжи с тремя Ташкентскими хакимами). 16/VII, 20/VIII
50. Хадра. 16/VII, 20/VIII
51. Гаукушт (?).
52. I Кор ягды. 2/VII, 16/VII, 28/VII
53. II Кор ягди. 2/VII, 16/VII
54. Шатак 1 и 2 (Болотистая местность, а так как дорога очень грязна, приходится припрягать добавочных лошадей). 2/VII, 16/VII
55. Шахидон-тепа. 16/VII
56. Раис-куча.
57. Дивонбеги.
58. Орип-джон-бой.
59. Мараим-халифа (*мухаммад рахим халифа*).
60. I Мирганча. 16/VII, 28/VII
61. II Мирганча. 20/VII
62. III Мирганча. 20/VII

63. Дархон.	28/VII, 20/VIII
64. Пстак.	
65. I Иля.	
66. II Иля.	
67. Иер-тишкон.	2/VII, 16/VII
68. Тарлок.	
69. Ходжа-Рушнойэ* ⁶⁴ .	
70. Падаркуш*.	
71. Дивона-Бурх*.	
72. Кашгар.	
73. Минор-Янги-Шахар.	2/VII, 7/VII, 16/VII
74. Азад	2/VII, 16/VII
75. Зокир.	2/VII
76. Ак-курган.	7/VII
77. Чулпон.	
78. Олмазор.	20/VII
79. Навои.	28/VII, 20/VIII

II. Бешагачская часть.

1. Катор-тол.	
2. I Кора-тош.	20/VII
3. II Кора-тош.	20/VII
4. Чакар.	10/IX
5. Бешагач.	2/VII
6. I Арпа-пойя.	2/VII
7. II Арпа-пойя.	2/VII
8. III Арпа-пойя.	2/VII
9. Чорсу.	10/VII
10. Чукур-купрук.	
11. Дарвоза-и-Самарканд.	
12. Тиконлик-мазар.	
13. Кок-мачит.	20/VII
14. Серлик-мачит.	20/VII
15. Балянд-мачит.	
16. Джарлик-мачит.	
17. Темирчилик.	
18. Гуль-бозор.	20/VIII, 10/IX
19. Гуза-бозор.	
20. Кугурмач.	
21. Узбек.	
22. Козы-Низамиддин.	
23. Сузук-ота.	

⁶⁴ Примечание В.А. Шишкина: «Взяты из книги А. Шишова Сарты, ч. I».

24. Сузук-ота-Чакар.
25. Чулпон-ота.
26. Зенги-ота.
27. Бадир-бой.
28. Мирзо-Гозы.
29. Мурод-Хон.
30. Мадали-Хон.
31. Теша-бой.
32. Дозук-бой.
33. Ота-бой-Ходжи.
34. Бададь-бой.
35. Хонако. 10/IX
36. I Ишон-Гузар.
37. II Ишон-гузар.
38. III Ишон-гузар.
39. IV Ишон-гузар.
40. Ходжа-куча. 10/IX
41. Иски-наmozгох.
42. Сарычупон.
43. Зевак (Зебак). 20/VII
44. Сарапроз.
45. Дархон.
46. Бой-куча.
47. Аския.
48. Хуркон-куча.
49. I Комилон (?).
50. II Комилон.
51. Янги-Калон. 9/VII, 10/IX
52. Милляр*.
53. Терс-арык*.
54. Яланкар. 20/VII, 10/IX
55. Ляйлак-Хона.

III. Сибзорская часть.

1. Кунджак.
2. Кора-гут.
3. Уч-куча. 16/VII, 10/IX
4. Хауз-бун.
5. Кумлок. 16/VII, 10/IX
6. Якка-Чуб.
7. Чакар.
8. Тик-куча.
9. Ун-кургон.
10. I Сибзор.

11. II Сибзор.	
12. I Кадавот.	
13. II Кадавот.	
14. III Кадавот.	
15. Тинчоб.	
16. Пушт-и-хаммом.	
17. Тарнау-боши.	20/VIII
18. I Тахта-пуль.	16/VII, 10/IX
19. II Тахта-пуль.	10/IX
20. III Тахта-пуль.	16/VII, 10/IX
21. IV Тахта-пуль.	16/VII, 10/IX
22. V Тахта-пуль.	16/VII, 10/IX
23. VI Тахта-пуль.	10/IX
24. VII Тахта-пуль.	16/VII
25. VIII Тахта-пуль.	16/VII, 10/IX
26. IX Тахта-пуль.	16/VII
27. X Тахта-пуль. (она же Ках-Ота).	16/VII
28. Кора-Сарой.	
29. I Равот.	
30. II Равот.	
31. III Равот.	
32. I Дарвоза-кент.	
33. II Дарвоза-кент.	
34. Махсыдузлик.	20/VIII
35. Чархчи-куча.	10/IX
36. Сук-пуруш.	
37. Кошукчилик.	
38. Парчабоп.	16/VII, 10/IX
39. Конглы.	
40. Чувулач.	
41. Яу.	
42. Козы-куча.	
43. Джигит-боши.	
44. А'лам-шахид.	
45. I Кох-ота.	10/IX
46. II Кох-ота.	
47. III Кох-ота.	
48. IV Кох-ота.	
49. Мазор-хон.	16/VII, 10/IX
50. I Ахунд-гузор.	16/VII, 20/VIII, 10/IX
51. II Ахунд-гузор.	16/VII
52. III Ахунд-гузор.	16/VII
53. I Ходжа-куча.	16/VII, 10/IX
54. II Ходжа-куча.	

55. III Ходжа-куча.	
56. Ходжагон.	16/VII
57. Иски-Джува.	20/VIII, 10/IX
58. Табиб-куча.	
59. Чувулдок.	
60. Беш-огайни.	
61. I Тешук-капка.	16/VII
62. II Тешук-капка.	16/VII
63. Джин-куча.	
64. Баходур.	16/VII
65. Олпок.	
66. Шохин-гузар.	10/IX
67. Ходжа Тарозшиканд.	
68. Хотин-мачит.	
69. Лябзак.	
70. Хазрет-Имам.	
71. Берлик.	16/VII
72. Наиб-куча.	16/VII

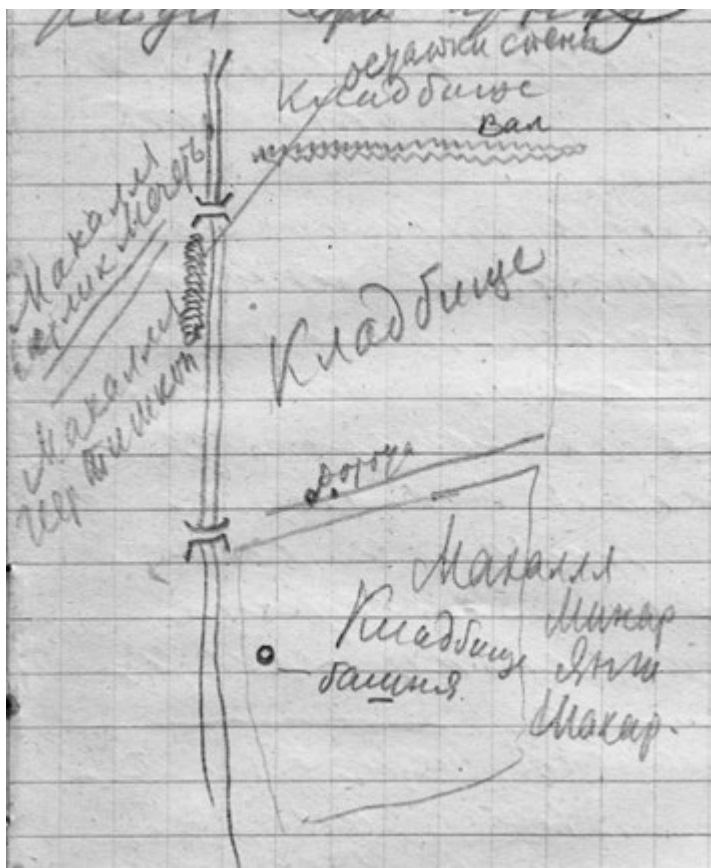
IV. Кукчинская часть.

1. Кунджак.	16/VII
2. Гузар-боши.	16/VII
3. Кош-тут.	16/VII
4. Хиабон.	16/VII
5. Тол-куча.	
6. Чукур-кышлок.	
7. Кесак-курган.	16/VII
8. Джар-арык.	
9. Дамак.	
10. Кукча-Дарвоза.	
11. Катга-мачит.	
12. I Секечмон.	
13. II Секечмон.	
14. III Секечмон.	
15. I Тохлы-Джалляб.	
16. II Тохлы-Джалляб.	
17. I Пчокчилик.	16/VII
18. II Пчокчилик.	16/VII
19. Чархчилик.	
20. I Сари-Хумдон.	
21. II Сари-Хумдон.	
22. Кунчилик.	
23. I Джагатай Янги-Шахар.	
24. II Джагатай Янги-Шахар.	

25. I Джагатай-тепа.	
26. II Джагатай-тепа.	
27. I Джагатай.	16/VII
28. II Джагатай.	16/VII
29. I Джагатай Чакар.	
30. II Джагатай Чакар.	
31. III Джагатай Чакар.	
32. Узгент.	
33. Айрилиш.	
34. Калля-хона.	16/VII
35. Козы-куча.	
36. Ходжи-Мулюят.	
37. Хонако.	16/VII
38. I Лянгар.	16/VII
39. II Лянгар.	16/VII
40. I Хопиз-кухаки.	16/VII
41. II Хопиз-кухаки.	16/VII
42. I Са'бон	
43. II Са'бон.	
44. III Са'бон.	
45. Кыл-бельбог.	
46. Халим-куп.	
47. Моли-харом.	
48. Ишк-абод.	
49. Махкама.	
50. Кора-киик.	
51. Пода-хона.	
52. Са'бон Ок-тепе.	
53. Оллон.	
54. Оби-назир.	
55. I Кукча-янги-шахар.	
56. II Кукча-янги-шахар.	
57. Чакышмол*.	
58. Кала-хона*.	
59. Ходжи-Малик.	16/VII
60. Шейх- Са'ди.	16/VII

Всего названий махалля:	В Шейхантаурской части:	79
	В Сибзорской части:	72
	В Бешагачской части:	55
	В Кукчинской части:	60
	Всего: 266	

Перейдя снова арык, я направился по правому его берегу по узенькой скользкой после дождя тропинке, проходящей в нешироком пространстве между берегом арыка и строениями. Дорога проходит частью по каким-то земляным кучам, частью почти у самой воды ниже этих куч. Случайная находка – горлышко с плечиками от сосуда сероватой глины типа т.н. «бомб»⁶⁵, орнаментированного незамысловатым узором – найденная мною на поверхности земли рядом с местом, где изготовлялся кирпич-сырец, заставила меня присмотреться к тем буграм, мимо которых я проходил. Они тянутся на незначительное протяжение в виде невысокого разрытого вала над самым арыком. Внимательное рассмотрение этого вала привело меня к предположению, что это-то и есть остатки уничтоженной, скрытой и обращенной, вероятно, во многие сотни тысяч кирпича-сырца, старой Ташкентской стены. Интересна в этом случае и моя находка. К берегу арыка примыкает в этом месте махалля Иер-тишкон. Пройдя через эту махаллю и перейдя через арык по старому деревянному мосту, я попал в махалля Минар-Янги-Шахар. С правой стороны, довольно высоко над обрывом арыка, только через дорогу от вышеописанного находится другое кладбище.

⁶⁵ Керамические сосуды сфероконической формы, получившие в среднеазиатской археологической литературе название «симв-кузача» («кувшинчик для ртути»), были распространены в X-XII вв.

На кладбище, почти над самым обрывом стоит небольшая загадочного вида глинобитная башня. Замерена она мною не была. Думаю, что это нужно будет сделать в ближайшее же время. Вид ее цилиндрический (вернее – усеченного конуса). Внутри идет винтовая лестница. Кем, когда и для чего построена эта башня? Почему она возведена из такого непрочного материала как глиняная пахса? Имела ли она значение сторожевой башни, минарета? Впечатления заброшенности эта башня не производит. Верх ее, по-видимому, обвалился, но зато над ней сделана камышовая крыша, защищающая ее от дождя. Интересно бы было проследить, как долго в Туркестанских условиях может сохраниться такого типа постройка.

Вот, в сущности, и все результаты моей сегодняшней экскурсии.

На кладбище наблюдал несколько похорон. К одним присмотрелся: довольно большая толпа народа, исключительно мужчин, быстрым шагом тащила «тобут» с приделанными к ним по бокам белыми занавесками. Остановившись у могилы, поставили носилки на землю, сняв с них покойника, опустили в могилу и... зарыли. Все очень просто. У зарытой могилы молча присели и сидели все минуты две-три. Затем – короткая фатиха, амин и толпа стала расходиться. В то время, когда покойника несли к могиле, молодой парень выкрикивал все время: «Ой, ота! Ой, ота, джоним-ширин, ота!».

Возвращался домой через Шейхантаур, подойдя к нему со стороны Олтунлик-мечети. Площадь древнего кладбища изрыта канавами для закладки фундамента нового здания. Глубокие котлованы (до 2 саж. от старого уровня кладбища) идут все время в жилом слое, но кроме костей ничего в них не видно. Кой-где можно заметить кирпич или небольшую прослойку золы.

7/VII. Проходил сегодня по Кашгарской части: Кыят-Янги-Шахар, Минор-Янги-Шахар. Вышел снова, но теперь уже прямой дорогой к описанному выше минарету и свернул направо. Махалля Минор Янги Шахар тянется далеко – почти до Московской улицы нового города. Но я не вышел из старого города здесь, а, свернув налево, перешел через небольшой арык и оказался в махалля Ак-Курган, не указанной в моем прежнем списке. Мне сдается, хотя это нужно проверить, что эта махалля – совсем позднейшая и находилось вне стен Янги-Шахара. Проследить продолжение того вала, который идет к востоку от Лябзакских ворот мне по недостатку времени (вышел поздно) не удалось. Не тождествен ли этот Ак-Курган с тем Ак-тепе, который фигурирует в вакф-номе Мирзы Ахмад Кушбеги? По вакф-номе он находится с северной стороны Ташкента, за городской стеной. Красивая местность с богатыми садами. Родники. (Справка: Местность Ак-тепе находится в ¼ таша от гор. стен у Тахтапупльских ворот), т.о. мое предположение не было верно.

9/VII. Дорога из Ташкента в Зенги-Ата: б. Бешагачские ворота – большая дорога по махалля Беш-Агач и Янги-Калон. Самаркандские ворота. С левой стороны дороги – остатки прежней стены города, без верхних частей. За воротами (или перед ними?) старый мазар Лянгар-Бобо. Дальше идет очень холмистая местность, заросшая деревьями. Есть сады. Требуется более тщательного осмотра.

Ввиду того, что мазар уже был осмотрен, а кроме того, не хотелось отрываться от компании, ничего существенного не сделал. Пробовал осмотреть кладку стен более подробно. Это оказалось очень трудным, т.к. стены очень сильно заштукатурены.

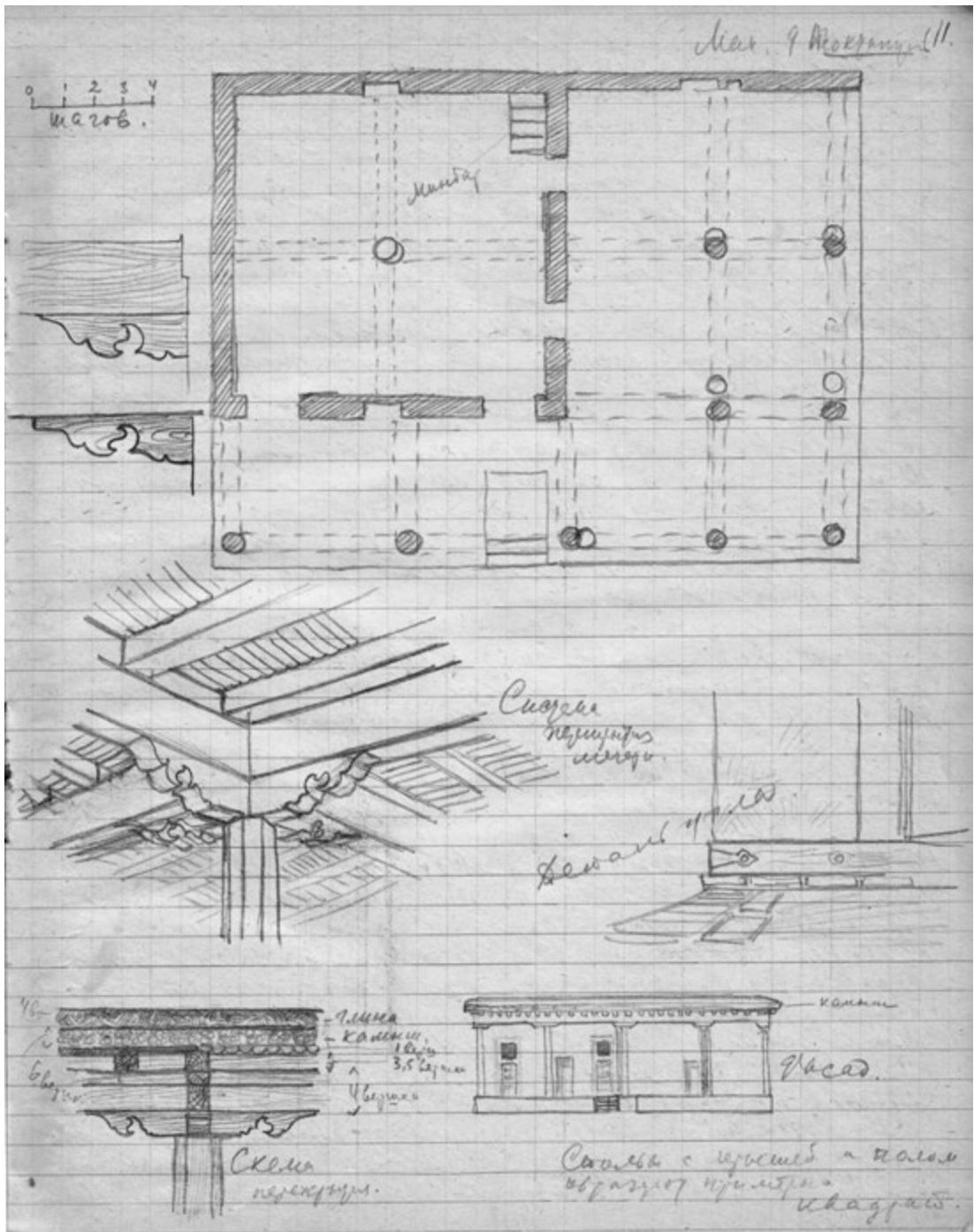
При осмотре кладки мазара, меня поразило то обстоятельство, что швы как будто бы только снаружи обмазаны алебастром, а на самом деле цементом кладки служит обыкновенный глинянный раствор.

16/VII. Вышел из дома в 7 ч. 30 м. Направился через Урду, махалля: Кыят, Тюрк, Ганч-тепе, Шатак, Иер-Тишкан, Серлик-мечеть (где-то еще проходил, помню, через кусочек *бозор*'а) к Лябзакским воротам. Перейдя через Анхор по мосту, что в махалля Иер-Тишкан, прошел некоторое расстояние вниз по берегу Анхора, чтобы проследить, по возможности, продолжение того вала, который был мною замечен прошлый раз. Проследить его, однако, не удалось, никаких признаков этого вала, по крайней мере, на теперешнем правом берегу Анхора, не оказалось.

Дошел до инженерного вододеливателя в голове Анхора (у кирпичного завода), осмотрел разрезы почвы. Везде мертвый, не тронутый лесс. Пройдя некоторое время по правому берегу Боссу, перешел через него по перекинутым через этот арык несколькими бревнам. Оказался в мах 1-я Шахидон-тепа. На некоторых домах уцелели старые вывески: Янги-Шахар, Ш. Направился дальше по направлению к Тахтапульским воротам. Проходя через теперешнюю махалля 10-я Тахтапуль, заметил много не снятых еще старых надписей: Ках-Ата. Здесь мы имеем дело, как оказалось, с самым новейшим переименованием махалля. В махалля Кох-Ата (10-я Тахтапуль тоже) проходил большой дорогой с внутренней стороны остатков старой городской стены. Эти остатки очень похожи на то, что я видел по дороге в Зенги-Ата в махалля Янги-Калон. Теперь сижу на кладбище за (?) Тахтапульскими воротами.

Проходя по кладбищу, видел на одной из могил поставленную «коса» с полувысохшей похлебкой из риса. На некоторых других могилах посуда и черепки. Об обычае ставить пищу на могилы я раньше совершенно ничего не слышал.

Здесь я даю план небольшой мечети за Тахтапульскими воротами. Мечеть обычного типа – каркасная с тополевыми столбами, перекрытыми балками, показанными на моем плане. Крыша – камыш и саман. Есть глинобитный минбар. Никаких украшений и надписей нет. Двери простые, филенчатые.

Пройдя по 5, 3 и 1 Тахта-Пуль, вышел снова к базарчику в конце трамвайной линии. Проходя по правому берегу арыка текущего в глубоком овраге и, по-видимому, представлявшего из себя некогда городской ров, видел на левом берегу этого арыка ясные остатки городских стен.

От базарчика Тахта-Пуль пошел сначала по трамвайной линии, затем свернул направо. Проходил по махаллям: Хасанбай, Уч-куча, Тешик-капка, где опять есть

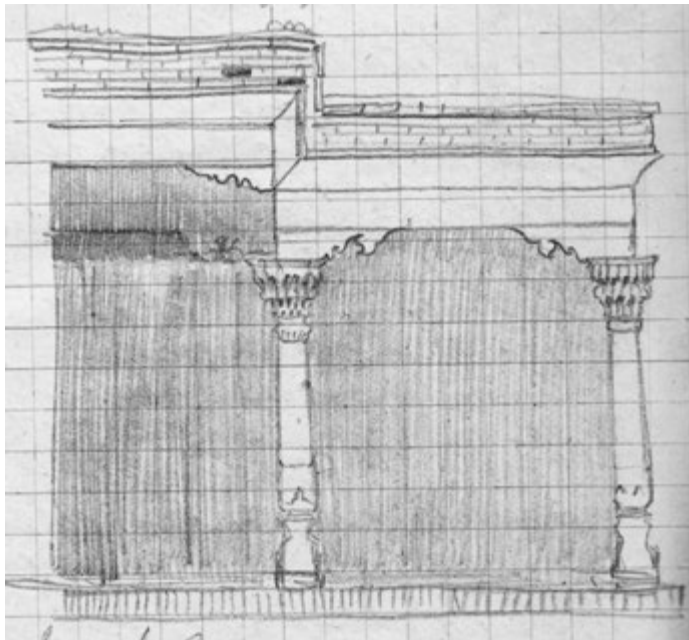
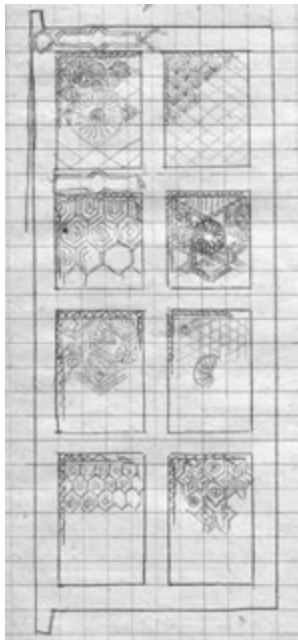
базар, вероятно, у бывших маленьких ворот (Тешик). Возвратившись от этого базарчика в махалля Уч-Куча, свернул направо. Проходил через махалля: Бирлик, Ходжагон, Мазар-Хан и вышел прямо к мавзолею Барак Хан. По пути следования ничего интересного не заметил.

Для продолжения обхода старого города совершенно необходимо иметь план, так же, как и схему арыков.

Продолжаю свое странствование. Пройдя по обычной дороге до мадрасы Бекляр-Беги, пошел через книжный базар в Кукчинскую часть. Направление мне пока не ясно, но, по-видимому, это улица, ведущая к Джагатайским воротам. Махалли: Кунджак, Хопис-Кухаки, Ходжи-Малик, Кош Тут. В махалля Хопис-Кухаки есть довольно большая мечеть, кирпичная, с куполом. Мечеть Турсун-Ата Гузар-Боши-махалля. Чрезвычайно интересный и ценный памятник Ташкентского деревянного творчества. Обычный тип мечети с навесом на столбах, с расписными балками и плафонами, разделанными затейливым узором разноцветной штукатуркой стенами. Особенно, пожалуй, интересны резные капители колонн, бывшие когда-то тоже раскрашенными, но теперь по большей части отмытые. Мечеть, конечно, не древняя, но, по-видимому, изрядно старая. Спрошенный мною человек лет 45 говорит, что когда он был маленьким мальчиком, то тогда мечеть была такой же. Размеры мечети средние. Общее впечатление производит она приятное. Лучшего образца такого рода мечетей, пожалуй, и искать нечего.

Интересна также входная дверь во двор мечети. Примитивная резьба простым геометрическим прямоугольным орнаментом. Прямые полотнища двери (без филенок) разделены на восемь равных поверхностей. Каждый из этих прямоугольников заполнен своим орнаментом, не повторяющимся в других. Примерно воспроизвожу рядом.

А также зарисую приблизительно и мечеть: (вернее ту ее часть, которую видно с моего очень удобного места):

Ну-с! А теперь направляюсь домой. Уже времени, наверное, около 5 часов.

Махалля Пчакчилик. Мечеть и мадраса Шарафаддин-бая⁶⁶ 1285 года Хиджры⁶⁷. Махалля Джегатай, Хиябон. Небольшой мазарчик. Лянгар, Кесак-Курган, Хонако, Калля-Хона, Мазар-Охта, Улуг-Ота, Мазар Махсы-Дуз.

20/VII. Вышел из дома уже под вечер с намерением сделать небольшое турне по ближайшим махалля старого Города. Махалля Укчи – много кузнецов. Мах. Яланкар – мазар и большая купольная мечеть, окруженная деревянной галереей со скромной, но удачно скомбинированной росписью. Мазар, по словам сидевшего тут мальчугана лет 15, построен над прахом его деда *Алим хан*'а – шейха. В махалля Кук-мечеть есть большая мечеть с куполом. Вход был заперт на замок, и проникнуть за дверь для осмотра мечети не удалось.

28/VII. «Весь Ташкент на 1925 г. Адресная и справочная книга. Под ред. Ар.Э. Бродского. Изд. Комитета Ташкентской биржи труда.

Стр. 10-12. Ташкент. Географическое положение. Почва. Климат. Название. Время возникновения. История Ташкента.

Положение: 41°19'32» с. ш. И 38°57'58» вост. долг. на высоте 455 м над ур. м.

Почва – лесс с содержанием углекислых солей, магния и кальция.

Средняя годовая температура: 13,7°С».

Автор (раздела) «Истории Ташкента» (полторы страницы) не известен (не Поливанов ли?).

«Ташкент в разные эпохи носил и разные названия – Шаш, Джадж и Бинкет. Первое название Ташкента было таджикское Чач-кент, а когда в область Шаша пришли турки, они согласно особенностям своего языка, переделали Чач в Таш, оставив первоначальное окончание (sic! – В.Ш.).

Возникновение Т. народные сказания (? – В.Ш.) относят к глубокой древности. Более или менее достоверные сведения о Т. начинаются с VII в., когда об этом городе под именем Чача упоминается китайским путешественником Сюан-Дзаном. В этом столетии владетели Шаша считались вассалами китайского императора.

В VIII в. Шаш был завоеван арабами. К этому времени относится и появление первых магометан в области Шаш.

В IX в. Шашем владел Яхья, внук основателя Саманидской династии.

В X в. город был окружен двумя рядами стен. В окрестностях были устроены громадные насыпи до 10 саженей высоты, имевшие по всей вероятности стратегическое значение (чепуха! – В.Ш.). Часть этих насыпей сохранилась и по сие время в новом Ташкенте, на бывшей Ярмарочной площади».

XI в. – Илек-ханы (Махмуд Богра-хан).

Начало XIII в. – Хорезмшахи.

⁶⁶ Прим. автора: Интересна майоликовая надпись, сделанная в указанное выше время. По стилю сходна, скорей, не с майоликами старых памятников, а с современными этой надписи керамическими изделиями.

⁶⁷ 1868-1869 гг.

1220 – Чингиз-хан, через семь лет после разгрома – Джагагай, потомки которого правили до 1370.

1361 – Тимур двинулся из Ташкента в Самарканд. 1363 – Тимур в союзе с эмиром Хусейном нанес у Ташкента поражение Джетаминцам. В 1365 г. Тимур провел месяц в Ташкенте, готовясь к борьбе с Хусейном, после победы над последним снова вернулся в Ташкент.

1467 – владел Юнус-Бек, потомок Чингиз-хана. Хан Ахмед выгнал его из Ташкента.

Русские получили сведения о Ташкенте от Даниилы Тубина, посланца царя Ивана Грозного к ногайцам в 1534 г.

В конце XVI в. при Федоре Иоанновиче Ташкент становится известным под именем Ташкура.

1505 – Шейбани-хан.

Начало XVII в. – киргизы⁶⁸ до 1740 г. С 1785 г. – бухарские ханы. Столкновение между кокандскими и бухарскими ханами. Ташкент присоединен к Кокандскому ханству. 1840 – Ташкент передан бухарскому эмиру, под властью которого оставался до завоевания русскими (откуда он взял?! – В.Ш.).

27 сентября 1864 – двинулись на Ташкент русские (откуда? – В.Ш.) и взяли его штурмом 17 июня 1865 года.

С 11 июля 1867 ген. Кауфман.

28/VII 1926. Проходил по большой трамвайной улице. Зайдя недалеко влево (махалля Занджирлик), свернув направо, вышел в махалля Ак Мечеть (I), с интересной довольно, расписной деревянной мечетью (не очень, по-видимому, старой – спросить было некого). Зарисовка в альбоме. Затем прошел по большому арыку (Бозсу?) протекающему N-S по старому городу. Очень интересны обрывистые берега арыка. Ряд старых кладбищ. Мазар Дивони. Бурх-Сармост (рядом с Рахат-богча в махалля Джанггох).

Мечеть «Хотун-Мачит» построена около 85 лет тому назад (по показаниям мусульманина, которые нужно еще проверить).

Список мадраса старого г. Ташкента:

Сибзарская часть:

1. Мадраса Шукурхан. Построена за 50 лет. Вакуфы пожертвованы Мирзой Ахмадом Кушбеги.

2. Мадраса Бекляр-Беги, построена за 29 лет в царствование Мухаммад-Али-Хана. Имеет вакуфное свидетельство с печатями хана и др.

3. Мадраса Шагбек-бий, разрушено.

4. Мадраса Иса-Ходжа-Казы Ташкендский. Построена за 30 лет. Основатель пожертвовал в вакф доходы кишлаков Карамури и Тарнау. Вакф-нома с печатями Шир-Али-хана, Абдурахман-хана и др.

⁶⁸ Казахи.

5. Мадраса Чамсан-бий, построено за 12 лет. В махалля Тахтапуль. Вакф-нома Сейид-Султан-хана, сына Малля-хана.

6. Мадраса Науруз-Мухаммад (или Барак-Хан) построено 231 г назад. Исправлено полководцем Малля-Хана Канаат-Ша-бием.

7. Мадраса Муи-Мубарак, основано Мирзой Ахмадом Кушбеги.

8. Мадраса Хазрети-Имам с соборною мечетью, без вакуфов.

В этой части 78 мечетей, 25 училищ мужских и 15 женских.

Кукчинская часть.

1. Мадраса Бури-Ходжа. Основана за 50 лет.

2. ? ---

На Ташкентском базаре находится 29 караван-сараяв, 6 больших бань, лавок 1600.

Биш-Агачская часть.

1. Кукаль-таш.

2. Ходжа-Ахрар.

3. Сайид-Абдуль-Касим.

75 мечетей.

Шейхантаурская часть.

1. Ишан-Кули Ляшкар Кушбеги; постр. 26 лет.

2. Тахт-Так.

3. Дикзер; постр. Махмудом Дастарханчи 30 лет назад.

(стр. 88-95)

В Ташкенте всего 300 мечетей. Из них 260 в городе, 40 в окрестностях, в садах. Имамов – 300, суфи 300 (стр. 86).

Мадраса Барак-хан – основано 319 лет назад; число худжр: 36; число мулл: 100; мечети: 1; мактабы: 1; мударрисов: 4.

М. Шакир-хан – осн. 60 лет назад; 19 худжр; 40 мулл; 2 мударриса.

М. Бегляр-беги – осн. 36 лет назад; 64 худжры; 200 мулл; 1 мечеть; 1 мактаб.

М. Ишанкулы додхо – осн. 26 лет н.; 34 худж.; 70 мулл; 1 меч.; 1 мак.; 9 мударрисов.

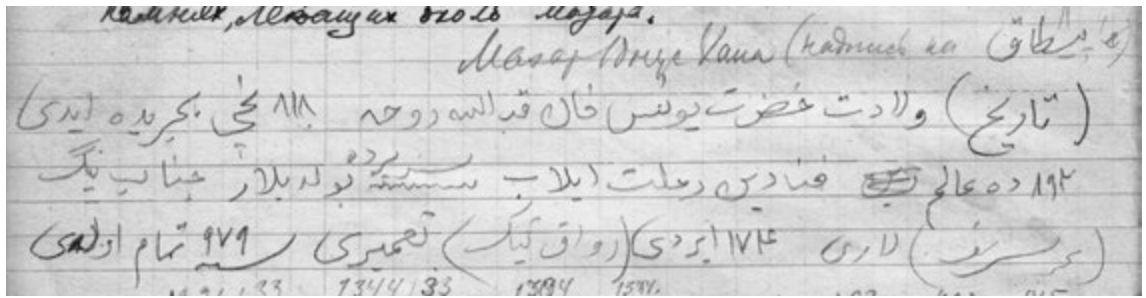
М. Ходжа Ахрор Вали – осн. 420 лет н.; 20 худжр; 64 муллы; 2 макт.; 4 мударриса.

М. Дервиш Хан (Кукельдаш) – осн. 450 л.н.; 41 худ.; 60 мулл; 1 меч.; 1 мак.; 7 мудар.

Всего: 210 худжр, 534 муллы, 4 мечети, 6 мактабов; 26 мударрисов (стр. 87).

1281/1864 Мулла Алим-кул потребовал на ведение войны с русскими взносов с мадраса. Тогда было учащихся: 8000 учеников, 4000 учениц, 1500 учителей.

Из книги А.П. Хорошихина «Сборник статей, касающихся до Туркестанского Края. Очерки Ташкента», С-Петербург, 1876, стр. 75-118.

Дата последнего ремонта Мазара Юнус-хана – 1321 год (1903-1904).

Арка пештака своей отлогой формой напоминает арки Ак-Сарая.

План мазара обычный (квадрат с четырьмя глубокими нишами-арками). Паруса того же типа, что и в Хонако-Имам-Бахра. Общие пропорции постройки выше, стройнее. В пятах арки торчат какие-то как будто бы деревянные ?. В восьми выступающих ребрах-углах каменные полуколонки.

Оригинальная особенность конструкций – апсида с северной стороны.

Мазар Ходжа-Мастура. Высота около 5 м.

13/VIII 26 г. Ходил в старый город с Дружининым. Направились пешком. Прежде всего зашли в Шейхантаур, чтобы посмотреть, в каком положении дело с новыми работами. Ничего нового обнаружить там не удалось. Фундаменты нового здания уже возведены, выводятся стены. Сухие деревья (арчи) продолжают падать. Осыпь у цоколя Калдыргач-бия в том же положении. Необходимо, на мой взгляд, выложить стенку кругом оставшейся неиспорченной площади, дабы укрепить с одной стороны ее от обвалов, а с другой стороны – сохранить оставшуюся площадь от дальнейших посягательств. Значительную часть от оставшейся площади не занятую ни сагонами, ни постройками можно еще, пожалуй, срыть, б(ыть). м(ожет), воспользовавшись этим обстоятельством произвести здесь небольшую раскопку-разведку.

Дальше мы прошли к махалля Иски-Джува. Здесь интересны, не сомневаюсь, что это именно так – остатки какой-то древней сырцовой постройки из больших кирпичей. Это сырцовая стена выходит фасом прямо на большую трамвайную улицу, и очень странно, что она до сих пор осталась незамеченной. Раньше, чем делать предположения относительно назначения этой постройки, нужно выяснить, насколько возможно, ее вид и с других сторон, тем более, что самое слово «джува» мне не ясно. В стенке нашли ничего особенно не говорящие два небольшие осколка посуды. Один из них – довольно толстый осколок днища какого-то сосуда из розовой глины с бледно-зеленой поливой.

Хатун-мечеть, Ригистан. Холм с кладбищем Ходжа-Мастура. Вверху не представляющий из себя ничего интересного мазар. Высота холма около 5 метров. В обресе срытой части холма целые ярусы погребений (я насчитал в одном месте – 7). Интересно бы было произвести некоторые антропологические измерения. Напротив – через улицу длинный холм – вышиной около 6 м – мазар и кладбище Охта Улуг-Ата. («Охта» – мерин).

Мадраса Кокельдош. Остатки облицовки (мозаика зеленого, синего и белого цветов) в тимпанах арок левой стороны двора.

[Стр. 17-17а]

Из вакуфных документов

1. Описание границ вакуфной земли Мазара Святого Шейх Антахура (да освятит Аллах его могилу), которая находится в городе Ташкенте, вне городских стен, в местности арыка Тука-типа около трехсот танапов [ограниченной] таким образом: с запада граничит с общественным арыком, называемым Бардам-типа, с севера – частью с общественным арыком, называемым Оби-Карасу, частью – с землей наследников Ишан-Юнуса-Ходжи, сына Шахид-Рохат-Ходжа, с юга – частью с землей *мулки сарибог*, частью – с арыком Кыпчак, и частью с землей *буджгон*, принадлежащей казне.

2. Описание границ [участка земли на] арыках Каирма и Кара-Салкын (?), находящейся в упомянутой выше местности [ограниченной] таким образом: с востока – с упомянутой землей хаджи, частью с землей Сари-бог, частью с землей Наукат-типа, с севера – с упомянутой выше (1.) землей, а частью с общественным арыком. С запада – частью с общественным арыком, а частью с землей вакуфа *пули* ... святого Юнус Хана (да освятит Аллах его могилу), с юга – с землей того же вакуфа.

3. Описание границ участка Чирагчи, находящегося в той же местности, [который граничит]: с востока – с общественным арыком, с севера – с общественной дорогой, с запада – частью с землей Ялангач-Курган (пропуск?), с юга – с землей Ялангач-Курган.

Печати: Мухаммад Азим Хан кози сын Мухаммад Раджаба
Мухаммад Фахраддин Ходжа кози, сын Мухаммад Хаким Ходжи.

Выкопировка из вакф-нама 1230 года хиджры, подлинник находится, вероятно, у мутаваллия мазара Шейхантаур (см. тетрадь текстов стр. 1-2).

Хвала Аллаху, который сообщил нам тайны знания и веры, молитва и благословение нашему господину с утверждением и верой (?), его семейству и сподвижникам ... Эта васика составлена в том, что в месяце шаввале, во время благополучное и счастливое 1230 года, в высшем управлении в столице – Ташкенте, охраняемой от ... перед казием ислама и учеными (людьми), уважаемыми и т.д.

[Стр. 17а]

20 августа 1926 года.

1. Мазар Иброгим Ата в Сибзарской части и холм около него.
2. «Кукнор-хона» в махалля *Джанггох*.
3. Мазар Уппок-Ата в махалля *Иски джува*.
4. Махалля *Иски джува*.
5. Мазары:

Мазар Дивона Бурх Сармаст в махалля Джанггох.

Небольшой мазар квадратный в плане (5 м²) из квадратного жженого кирпича на алебастре.

На невысоком квадратном параллелограмме (3 м высоты) лежит другой параллелограмм выс. около 1 м со срезанными углами, с добавочными трехгранными призмами, прислоненными к срезанным углам в виде контрфорсов. Над вторым параллелограммом – восьмигранник (0,30 м), на нем уже лежит купол. **Пеишток** находится с СВ стороны. Внутри мазара (насколько это видно в щелку запертой на замок двери) находится довольно обычного вида надгробие, на котором лежат огромные рога архара. За надгробием видно знамя на двух палках с нашитой на нем надписью (*ла иллахи ила аллах* и т.д.). Паруса неожиданной нитевидной формы, частично в пятах выступающие из стены. Купол, судя по высоте здания снаружи (ок. 7 м), – одинарный. Высота **пеишток**'а около 6 ½ м. По словам мусульманина, которого я видел здесь прошлый раз, мазар построен около 20 лет назад. Сам мазар находится на довольно высоком холме (или обрыве берега), укрепленном со стороны дороги высокой стеной из квадратного жженого кирпича.

Кладбище Ходжа-Парвоз занимает довольно значительную площадь рядом с мечетью в махалля Ахунд-Гузар. Ничего достопримечательного на этом кладбище нет. Судя по его высоте над дорогой, оно должно быть весьма старым.

Мазар Хаджи-Мекка рядом с мечетью того же имени в мах(алле). (Махсыдузлик?) неподалеку от мадрасы Бекляр-Беги. Мечеть расписная, построена, как сказал имам мечети, шестьдесят с чем-то лет тому назад. В росписи имеется дата: 1282 г. х. = 1866, что и дает от сего года шестьдесят лет.

Относительно «Кукнор-хона» все спрошенные отзывались незнанием.

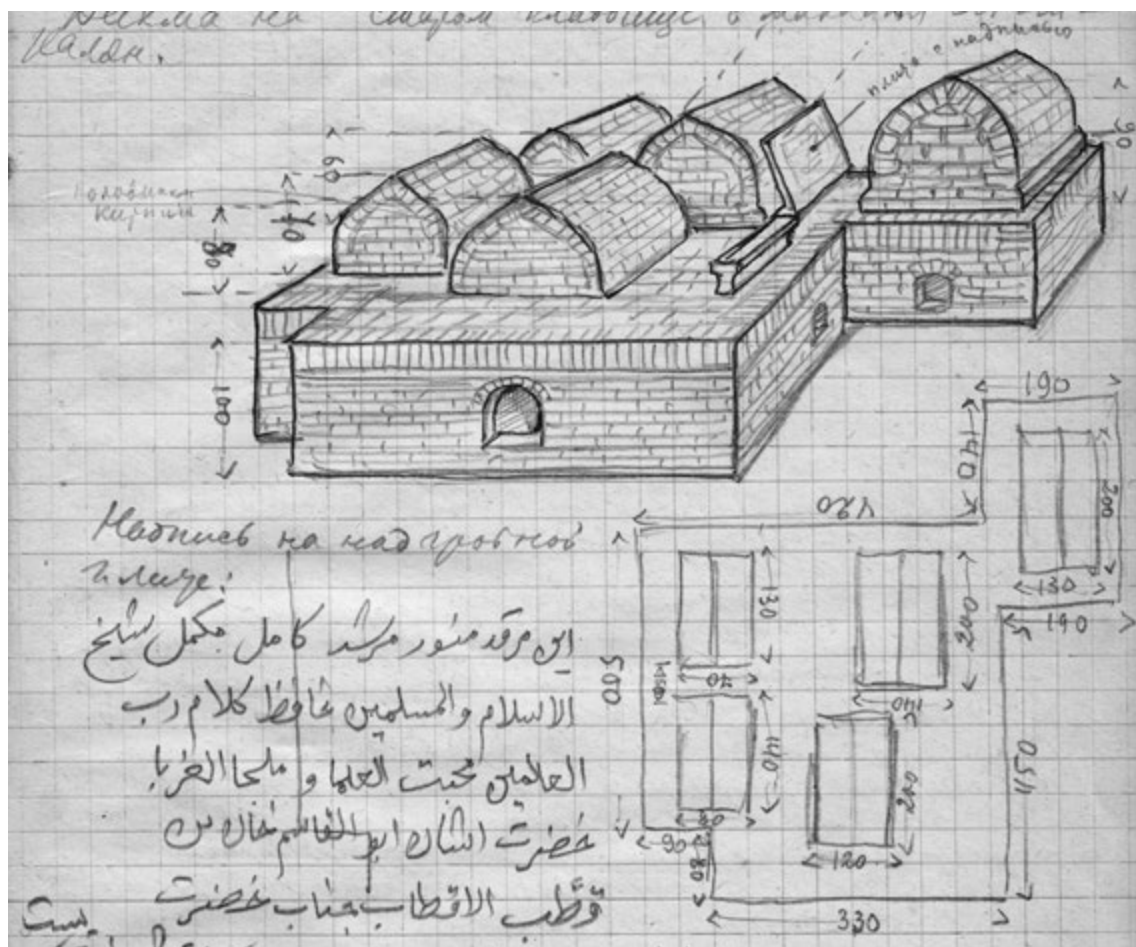
Еще одно толкование слова «джува» – человек в мечети Ходжи Мекка производит его от персидского *джуи* Таким образом, если принять это толкование – махалля Эски-Джува значит – махалля старого арыка.

Мазар Уппок-Ата в махалля Иски-Джува представляет из себя довольно высокий холм обычного типа ташкентских могильных холмов. На холме сверху находятся три-четыре кирпичных сагона – очевидно, совсем не старого происхождения. Сам Уппок-Ата был ничем, по-видимому, не замечательным дедом говорившего с нами узбека.

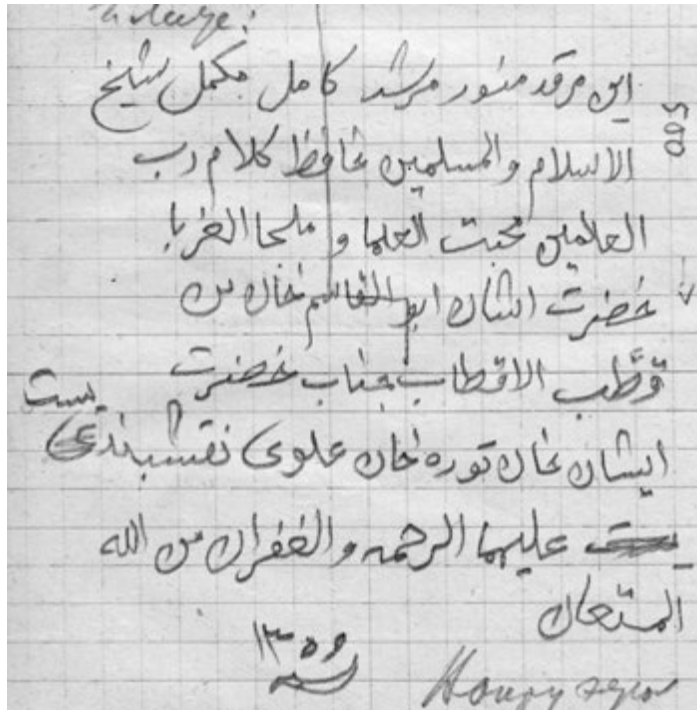
Мазар Ходжа Рушнои в махалля того же имени: небольшая глинобитная каркасная (фахверковая) постройка, состоящая из трех стен, перекрытых камышово-глиняной плоской крышей. Под этой постройкой обмазанная глиной сагона. Четвертая сторона закрыта деревянной решеткой. При мазаре имеется довольно старое кладбище, занимающее около десятины. У мазара пруд со старыми тутами громадной толщины, торчащими из воды. Интересна ряска, сплошь покрывающая поверхность заброшенного, надо думать, пруда, так густо, что производит впечатление зеленого бархатного ковра.

10/IX-1926.

Дахма на старом кладбище в махалля Янги-Калян.

Надпись на надгробной плите:

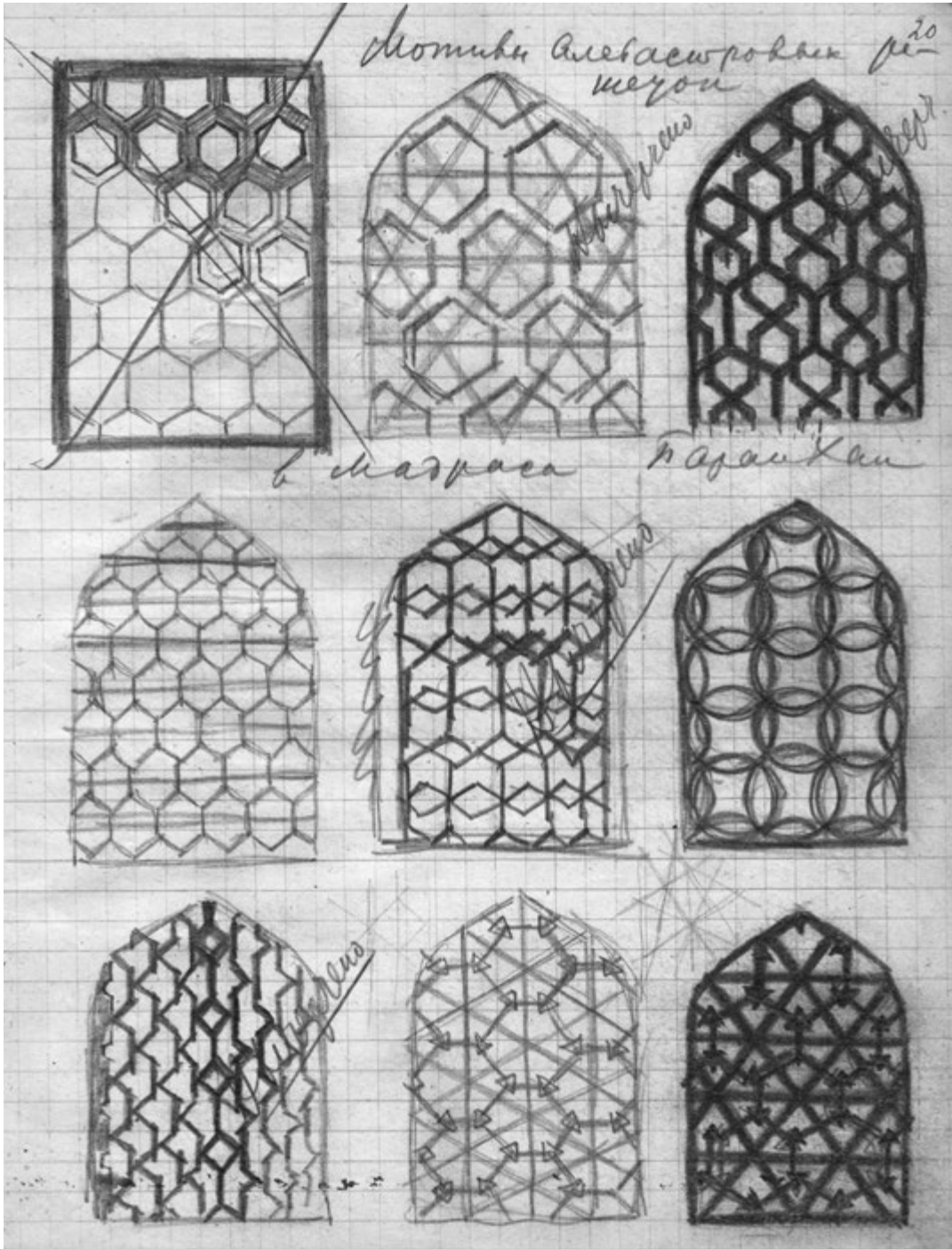
Вокруг этой надписи идут благочестивые фразы.

Несколько дальше описываемой дахмы – почти уже развалины довольно большой мадрасы типа Бекляр-беги, но меньших размеров. Фасад мадрасы сильно пострадал. Пештак с отвалившейся передней стеной накренился вперед и грозит падением. Необходимо осмотреть ее более подробно. Как-то не верится, что эта мадраса, построенная шейхом Абул Касым ханом. Она производит, во всяком случае, более солидное в смысле древности впечатление. Интересна резная, но, к сожалению, раскрашенная грубо масляной краской входная дверь. Посмотрев бегло на мадрасу, прошел через махалля Яланкар и Гулистан к базару, а там – в старгородской музей, чем и кончилось мое сегодняшнее путешествие.

Зашел по пути еще в Шейхантаур. Оригинальным мне показалось то, что (чего я не замечал почему-то раньше) входная купольная постройка внутри сложена из квадратного мусульманского кирпича и как бы дальше облицована снаружи русским кирпичом. Площадь старого кладбища продолжает сдаваться и теперь, кажется, подошла вплотную к намеченным Средазкомстарисом границам. Надгробные камни: три на уцелевшей еще части кладбища и камней пять, сваленные у входа на теперешнюю спортивную площадку. Необходимо их осмотреть поподробнее.

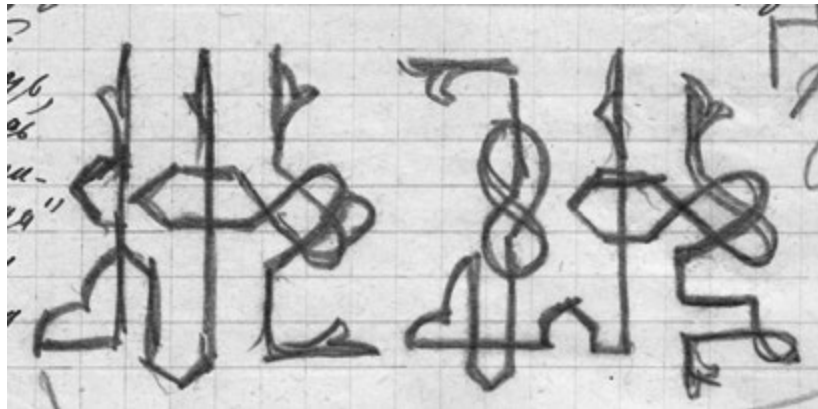
17/IX. Шейхантаур. Надгробные камни. Махалля Парчабоф. Зарисовка и осмотр всех памятников. Замеры кирпича у Имам Каффалья.

Ходил сегодня в Старый Город с Дружининым. Прежде всего, занялись мы с ним сниманием отпечатков с трех надгробных камней, имеющих в Шейхантауре. Надписи пока еще не прочтены, но, судя по датам (727 и 74?), они обещают быть интересными. Посмотрели еще сегодня изнутри мадрасу Ишан-кул-Додхо.

Мотивы алебастровых решеток в мадраса Барак Хан

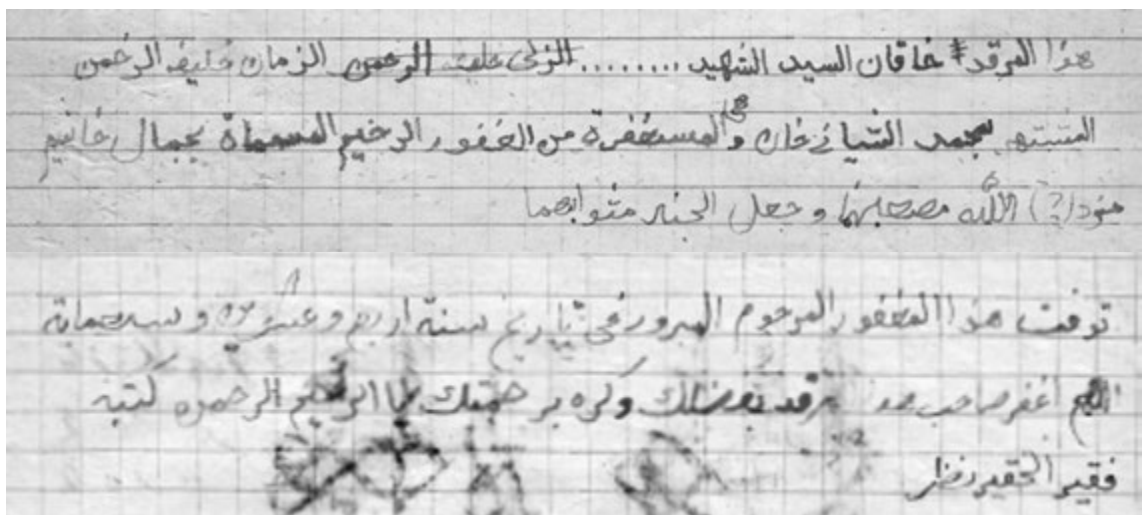
После окончания шейхантаурской работы (которую в ближайшее же время нужно будет продолжить), направились «для таджикской праздника» к некоему каратегинцу Мулла Нуру, содержащему чайхану на кигиз-базаре, недалеко от Старогородского музея. Мулла Нур оказался толстым добродушным человеком, с которым можно было, хотя и плохо, поговорить, сыграть несколько партий в шашки, съесть большой арбуз. В общем, завязалось довольно приятное и памятное знакомство, которое нужно будет, по возможности, не только поддержать, но и углубить, так как именно у него в чайхане собирается большая часть каратегинцев, приходящих на заработки в Ташкент.

Повторяется 2 1/2 раза

Осмотрели мы еще мадрасу Барак-Хан, которая оказалась совсем пустой и заброшенной. Здесь я, заинтересовавшись многочисленными формами **панджара**, зарисовал их схематически на обороте.

Из надписей на надгробиях Шейхантаура: (камень № 2)

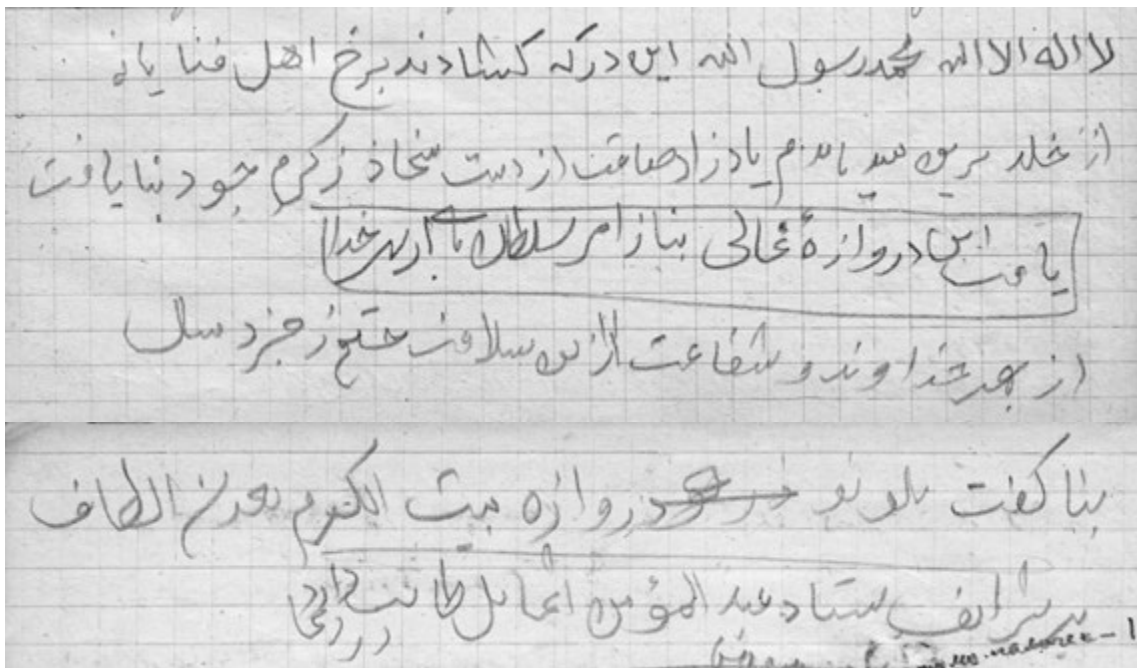

Эта могила хакана Сайида времени халифа Рахмана (милостивого) прозванного Мухаммадом Шейбани(?) ханом и кающейся перед Прощающим, Милосердным госпожи Джемаль-Ханым, да вознаградит Аллах могилу их и да сделает наградой их обоим рай. (Сделана) эта могила прощенная, помилованная и благочестивая в семьсот двадцать четвертом году⁶⁹. Боже! Прости обладателя этой могилы по достоинству своему и по милости твоей, о Милостивый, Милосердный. Писал это презренный бедняк Назар.

1/X-26.

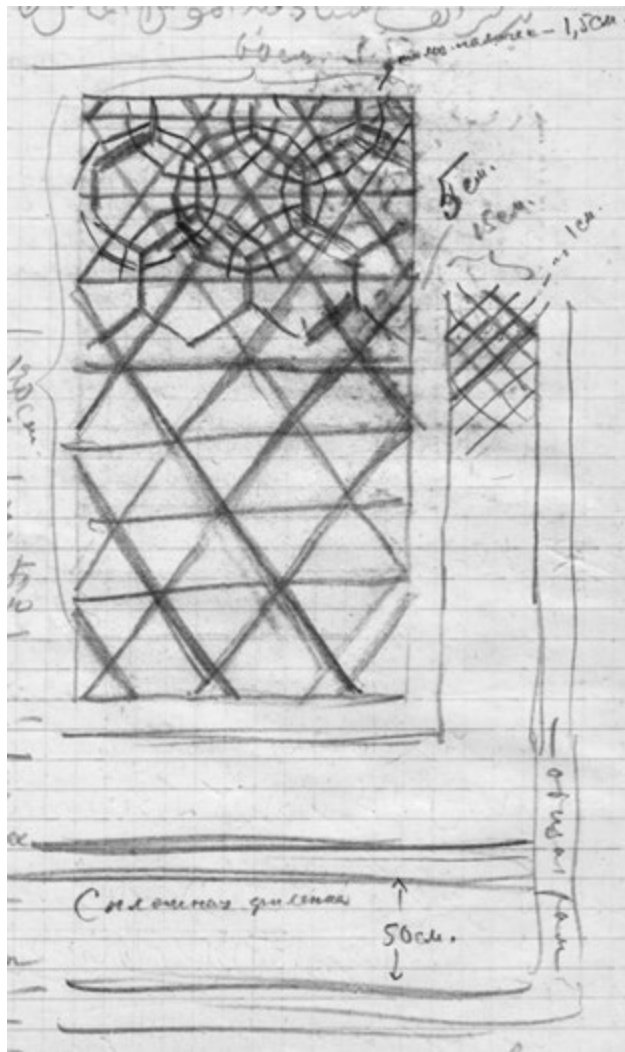
Мечеть с хорошими резными дверями *катта масджид* в махалля Кукча.

Мазар Ходжи Зайнутдина. Надписи на двери⁷⁰:

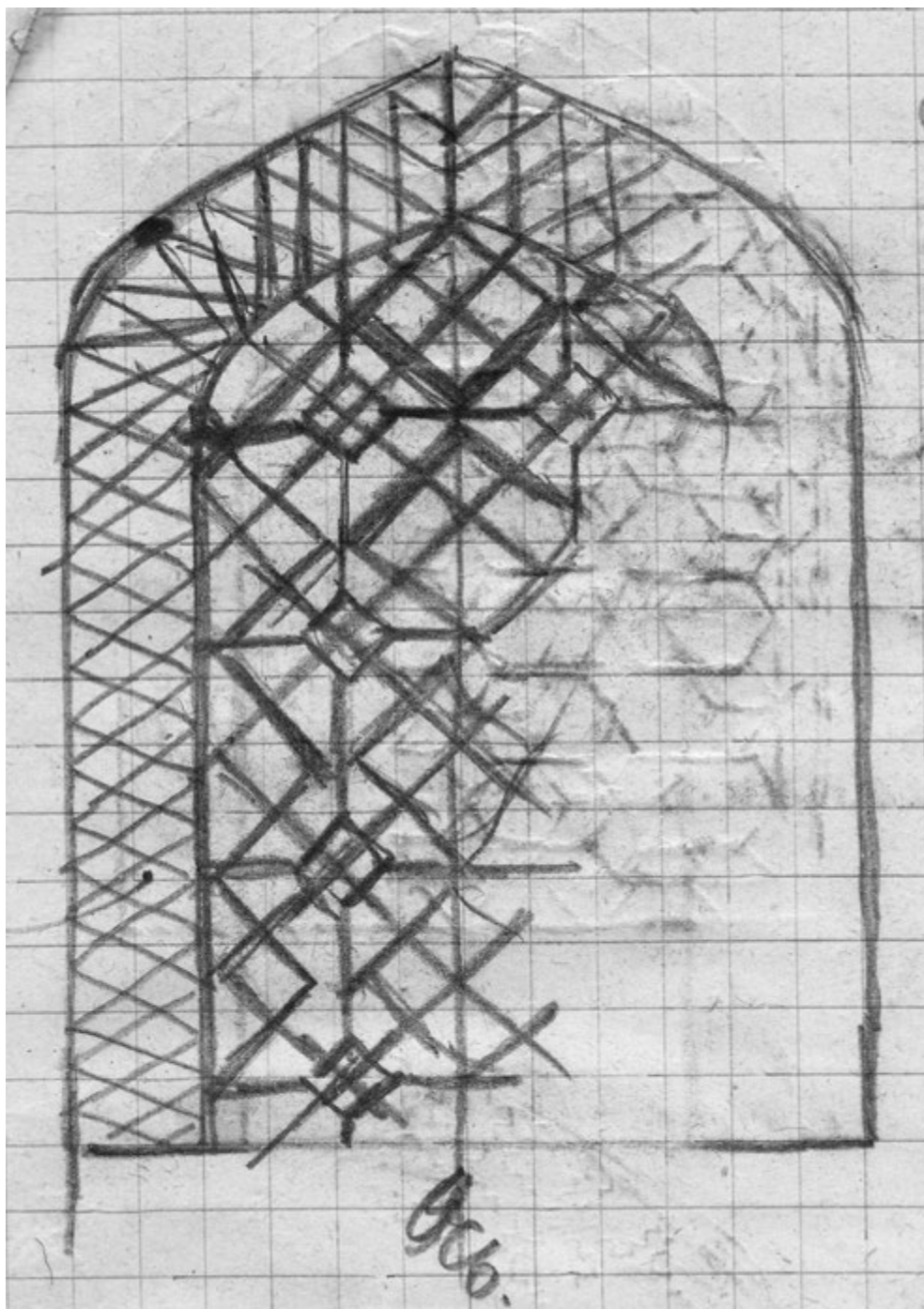
⁶⁹ 1323-1324 гг.

⁷⁰ Фотографии и перевод этой надписи см.: Шедевры 2011: 452-453.

Деревянная решетка над дверью мазара Ходжи Зайнитдина

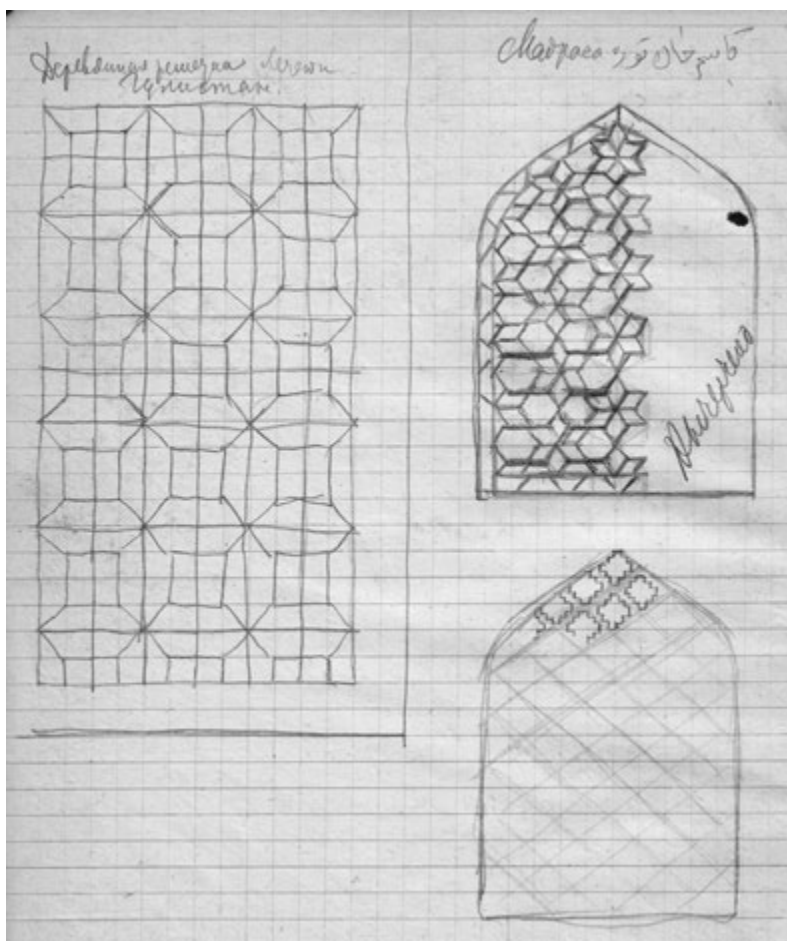
Мазар Ходжи Зайнутдина – хотя и не старая, но интересная постройка. Довольно высокий пештак облицован (а может быть, и вообще сложен) из русского кирпича, но остальные части постройки вместе с чилля-хоной производят, тем не менее, достаточно самобытное впечатление. По лестницам в угловых массивах можно пройти на крышу, заглянуть и даже зайти в барабан купола. Здесь интересная особенность. Барабан, подобно таковому же мазара Занги Ата, освещен двумя (или тремя?) окнами. Над этими окнами выведен нижний купол. Весьма странно то обстоятельство, что ниже этих окон мазар закрыт глинобитным потолком. Любопытно бы было заглянуть в него снизу, из самого мазара. Но это обстоятельство, что потолок построен под самыми парусами, дает мне возможность в недалеком будущем произвести замеры и зарисовку парусного пояса, а также точные замеры нижнего купола с его формой, толщиной и проч. Выше этого купола барабан, опять-таки сходный с Занги-Ата, скреплен двумя рядами арчевых связей, радиусные стенки контрфорсы здесь имеются, но полуразрушены.

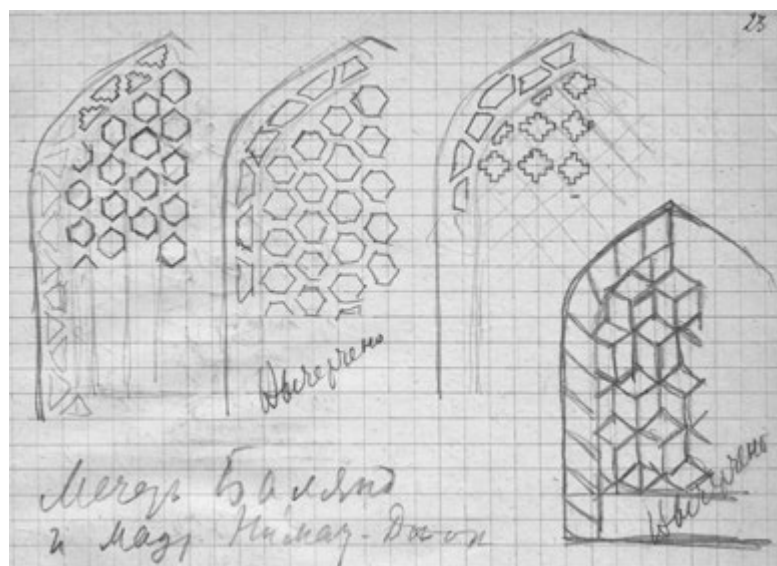
Алебастровая решетка мазара Ходжи Зайнутдина

Кроме Ходжа Зайнутдина, осмотрели сегодня мечеть Айрилиш – весьма типичная, но скромная и новая постройка (интересна резная дверь).

Каменная мечеть в махалля ... недалеко от клеверного базара. Новая, с большим куполом.

[Стр. 22а]

[Стр. 23]

[Решетки-панджара из различных памятников Ташкента]

К терминологии строительного дела.

1. Колонна, столб – ustun (sutun) – *устун (сутун)*.
2. Сталактитовая капитель – moxammas (*мухаммас*) от араб. *хамсун*.
3. Балки, на которых лежат ряды потолочных палочек – tusun (*тусун*).
4. Палочки, составляющие потолок – toqi (*тоқи*) (Миргиязов), vajsа (?).
5. Дощечки, которыми закладываются промежутки между торцами балок- tusun над фронтальным архитравом – p̄romon (*пр̄м̄ан*).
6. Слой камыша на крыше – bogʻot (*бугот*).
7. Обмазка крыши глиной – s(š)uwoq (*сுவак*).
8. Решетка в окне – ranḡora (*ранджора*).
9. Решетка узорная – ḡim-ḡimalik ranḡora.
10. Решетка между столбами мечети:
 - точеная – šoda ranḡora;
 - из дощечек с прорезями – taxta ranḡora;
 - с вырезами в виде звездочек – kuzanak.
11. Резьба по алебастру – axta
12. Штукатурка (верхняя, отделанная) – qum-s(š)uwoq или ganḡ-s(š)uwoq.
13. Первая грубая штукатурка, набрасываемая руками – šarloq.
14. Боковой косяк двери – jondor (*йандор*).
15. Архитрав двери – turum (*турум*).
16. Порог – ostona.
17. Выступ полотнища двери, входящий в гнездо дверного архитрава и заменяющий шарниры – ostona turumi.
18. Кольцо – xalqa.
19. Цепочка - zanḡir.
20. Скобка для цепочки - zülpr̄in.

15/X.

В махалля 2-я Караташ – довольно большая мечеть с хорошей росписью (ок. 15 мотивов).

В махалля Хонака Б.А. мечеть в глубине двора. У мечети имеются кирпичные ворота из очень тонкого кирпича 24 x 24 x 3 (3,5).

1-Тиконлик мазар. Мечеть построена 52 года назад: роспись, дерев. решетки.

В Каляхона мечеть большая, кирпичная (мус.) с куполом.

21/X 26.

Поездка в Той-Тепе. Вчера около 3 часов после некоторого ожидания на автомобиле. Куйлюк, мост через Чирчик деревянный с фермами, кишлак Биктемир, влево от дороги – Хтай-тепа [гурхано?], вправо (на восток) верстах в двух от Биктемира и верст в 1½ от дороги – Мазар-Корсоз-вали, скрывающийся в карагачевой роще. Еще какой-то кишлак – названия не помню. Чугун-тепа. В Той-тепе – остатки древней крепости.

Развлечения: dog-woz̄c̄ilik (канатоходцы); masxaraci⁷¹, qol-quyŕc̄aq⁷², [zan-wok?], ходули и проч. Артель артистов: Кенжибой со своей семьей, узбечка, вышедшая замуж, татарка танцовщица.

Двор с конюшнями.

Масхарачи (Аскиябоз⁷³) – маймун, стул, чертенок, перепелка.

Танцовщица-узбечка. Стометровый человек (ходули). Танцовщица-татарка.

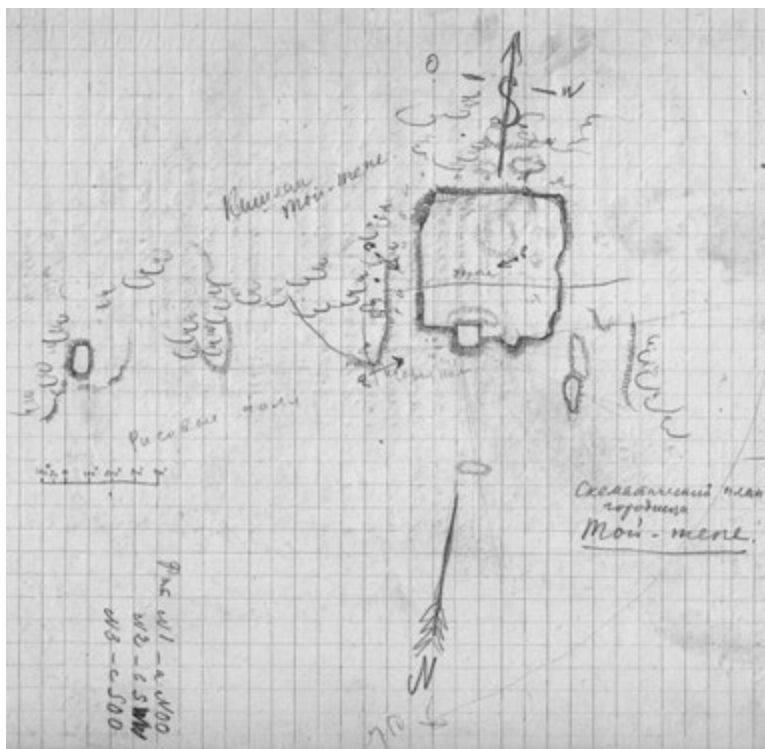

[Стр. 25a]

⁷¹ Клоуны (узб.).

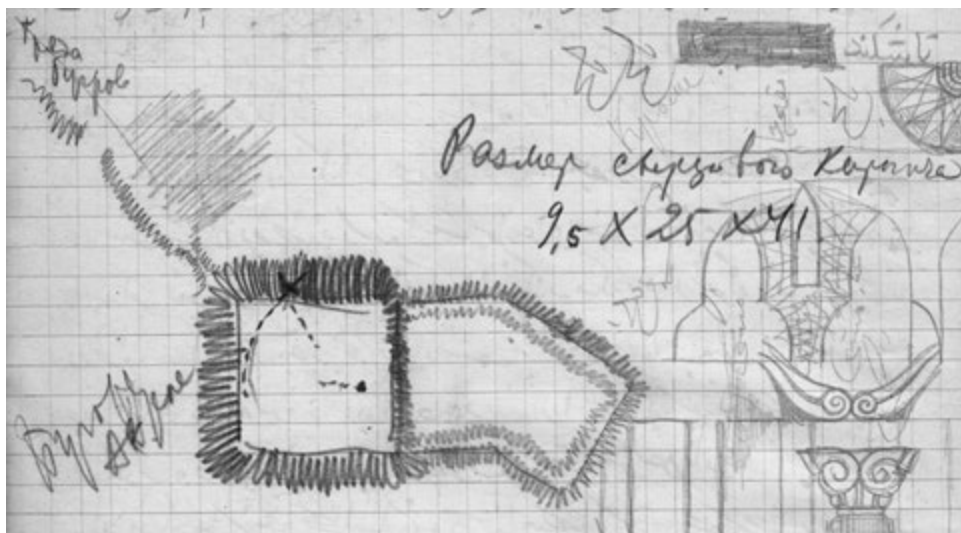
⁷² Ручная кукла (узб.).

⁷³ Остро слов (узб.).

[Стр. 26]

[Стр. 26а-29 – выписки из ташкентских вакф-нома; стр. 29а-34 – выписки из литературы; стр. 34а-35 – вакф]

[Стр. 35а - схематический план Актепа Юнусабадского]

[Стр. 37-40 – запись лекции В.В. Бартольда от 24.05.1927; стр. 40а-46 – выписки из вакфов, зарисовки, заметки]

1927 год

Тетрадь № 6

Learn to labour
and to wait
(Longfellow)⁷⁴

Лекции В.В. Бартольда по истории Туркестана	4-21 и 28 ⁷⁵
Черновик протокола совещ. Средазкомстариса с участием В.В. Бартольда 21 мая 1927.	21
Заметки о Чор-Бакре	29
Записи кукольного театра	стр. 31 и до конца

Совещание

21 мая 1927 года

М.М. Цвибак

Акад. В.В. Бартольд

Ив.Ив. Умняков

М.Е. Массон

Е.М. Пещерева

В.А. Шишкин

М.М. Цвибак Докладывает о перспективах работы на текущий бюджетный год. Отмечает, что в связи со сметами и реорганизациями Комитет не сумеет развить полностью свою работу, но кое-что сумеет сделать, т. к. некоторые средства есть.

Экспедиции археологические, этнографические.

Издательства. Капитальные издания – альбом.

Следующий том «Известий»⁷⁶. Прежние Известия заключали слишком много отчетного характера.

Экспедиции: просить Вас. Влад.⁷⁷ наметить экспедицию с тем, чтобы он сам мог руководить этой экспедицией.

Особенно важно разрешить некоторые главные вопросы ввиду поездки председателя в Самарканд для разрешения бюджетных недоразумений.

⁷⁴ «Учись трудиться и ждать» (англ.). Лонгфелло (Генри Лонгфелло, американский поэт, 1807-1882).

⁷⁵ Лекции В.В. Бартольда, законспектированные в тетради № 6 В.А. Шишкиным, состоялись 3, 7, 10, 14, 17, 20 и 27 мая 1927 г.

⁷⁶ Известия Средазкомстариса.

⁷⁷ В.В. Бартольда.

Ив.Ив. Умняков Ввиду того, что присутствующие ознакомлены, зачитывать его нет смысла. Приступить прямо к обсуждению вопросов, затронутых в протоколе. Когда И.И. в конце марта был в Самарканде, говорил с Вяткиным (об Афросиабе). Вяткин может за эту работу взяться. Ему нужно 7500(?), если Средазкомстарис гарантирует 1500, то Вяткин остальную сумму будет просить у Наркомпроса⁷⁸ Узбекистана.

В.В. Бартольд Что именно Вяткин хочет сделать?

И.И. Умняков Два места: соборная мечеть и здания около Новобухарских ворот, он интересуется обоими этими местами и предполагает произвести раскопки.

В.В. Бартольд Находит, что раз раскопки 25 года не закончены, то их нужно закончить. Критика методов возможна, Вас. Лавр.⁷⁹ знает Самарканд лучше всех.

В.А. Шишкин Отмечается необход. вести раскопки либо весной, либо осенью.

В.В. Бартольд Настаивает на том, что должна быть закончена работа на комплексе зданий у Новобухарских ворот. Продолжать это рано или поздно. Выяснить, что сделано и насколько эта работа приближается к цели.

М.М. Цвибак Таким образом, раскопки на Афросиабе остаются в плане работ Комитета.

Ассигн. на археологию. Пригласить специалиста по материальной культуре.

В.В. Бартольд Требуется для этой работы (раскопки) предварительная подготовка. Кроме того, все специалисты, которые могли бы взяться за эту работу, уже приглашены в то или иное место. Т.о., лучше было бы в этом году в отношении раскопок на Арке (Бухара) выработать подробный план работы.

М.М. Цвибак Желательно ли при составлении этого плана приглашать представителя академии.

В.В. Бартольд Эта работа может быть проделана без Академии, а затем переслать для обсуждения.

М.Е. Массон Говорит о необходимости тщательной съемки местности, предназначенной для раскопок с горизонталями. Необходимо приглашение топографа на 2 ½ месяца.

М.М. Цвибак Начало работ в Арке, постановка в этом году обследования и съемки. Цифра, предназначенная на эту работу, уменьшится незначительно.

Раскопки в Ташкенте, произвести ли эту работу теперь, пригласив специалиста или использовать местные силы.

М.Е. Массон Поднимается вопрос об исследовании очень интересного места, уничтожаемого теперь в Аулие-Ата, где вряд ли можно рассчитывать на остановку работ. Если бы нашлось на это 200 руб., то лучше было бы использовать эти деньги там, чем в Ташкенте. Подготовка экскурсии.

В.В. Бартольд Поддерживает М.Е. Массона, отмечая, что письменных источников нет и работа этим осложняется, т.о. это работа даже не будущего года, а значительно более далекого будущего.

И.И. Умняков Новый район кладоискательства в сел. Димитриевке.

⁷⁸ Народный комиссариат просвещения.

⁷⁹ Василий Лаврентьевич Вяткин.

М.Е. Массон Был в Димитриевском в 1925 г. Копают кладоискатели там, где никакой археолог Средней Азии копать не будет. Раскапываются края городища, почему испортить там они почти ничего не портят. Охранить же городище не представляется возможным.

В Алмата не предпринимать никаких крупных земельных работ. Может быть, понадобится два-три мардикера. Выяснение топографии Старого Таласа.

И.И. Умняков Находит доводы М.Е. Массона достаточно убедительными. Принять.

Принимается.

И.И. Умняков Обследование Туркменистана: городище Нисы – поверхностное обследование и район Кушки, где в прошлом году были найдены древние погребения. Если бы поехал туда А.А. Семенов, можно было бы поручить ему это обследование, в том же случае если Туркменистан не даст денег А.А., то может быть командировать его от Средазкомстариса.

Поездки для обследования памятников старины и искусства. Археологическая карта. Фотосъемка и т.д.

1. Семиречье –
2. Фергана – В.А. Шишкин
3. Хорезм – И.И. Умняков

Обследование памятников старины и организация Хорезмской комиссии в Хиве. То, что организовано в Бухаре, не особенно возбуждает радостные чувства, т. что, может быть, и не стоило бы ее организовывать.

И.И. Умняков Наркомпрос Узбекистана настаивает на организации этой ячейки в Хиве.

В.В. Бартольд Полагает, что раньше, чем организовывать ячейку в Хиве, нужно привести в порядок Бухарскую комиссию. О чем нужно поставить на вид Наркомпросу Узбекистана.

М.М. Цвибак Считает, что этот вопрос о приведении в порядок Бух. Комиссии должен быть возбужден по инициативе высших научных учреждений – например, Академии Наук.

М.М. Цвибак Если нам разрешат на наш счет орган(изовать) Хивкомиссию, то мы посадим там археолога, рекомендованного соответствующими научными учреждениями. В таком виде эта ячейка была бы приемлема.

Возникает вопрос об учете и изучении памятников Туркменистана в этом году. Может быть, именно теперь бы составить план исследования и учета памятников Туркменистана, в чем мог бы помочь Вас. Влад. Просить В.В., Ив.Ив., Ал.Ал.⁸⁰ – пойдем по линии учета и первоначального исследования памятников старины.

И.И. Умняков Может быть, возьмет эту работу на себя Ал.Ал., который собирается поехать туда.

М.М. Цвибак Может быть, ввиду ударности Туркменской работы отложить экскурсии в Семиречье и Фергану.

⁸⁰ А.А. Семенов.

И.И. Умняков Возражает против этого ввиду того, что Средазкомстарис является учреждением Среднеазиатского значения.

Обсужд. Семиреченская экспед.

О Фергане – составить план самому Шишкину.

М.М. Цвибак Последний вопрос – предлагает экспед. В.В. Бартольд.

В.В. Бартольд – отказывается.

И.И. Умняков Докладывает о реставрационных работах. Всего имеется около 8,5 тысяч. Средазкомстарис мог бы предложить 2000 руб. Туркменистану для ремонта мечети в Анау; на самый необходимый ремонт мечети в Ходжа Ахмаде Ясави, наверняка(?) заслуживающего самого серьезного внимания 2000 руб., 900 р. на ремонт Рабати Малик и 1000 р. на Ташкентские памятники. Для детализации необходимо присутствие архитектора Логинова. Средства незначительны, и разбрасываться не приходится. Очередная задача – выправление минарета Улугбека, но, если не будет узбекских средств, эту работу придется остановить.

М.М. Цвибак ставит вопрос: не отпустить ли эти деньги на ремонт какого-либо одного памятника.

В.В. Бартольд – вопрос идет о самом неотложном ремонте, необходимом для поддержания памятников, поэтому передавать все средства на один памятник не имело бы смысла.

М.М. Цвибак Ввиду того, что мы не знаем, что делается в Анау и без нашего контроля, отказать им в отпуске этих денег.

Просить Ал.Ал. Семенова посетить Аннау и послать деньги только тогда, когда Ал.Ал. пришлет телеграмму.

М.Е. Массон предлагает, наметив в общем план работ, оставить конкретизацию вопроса до приезда М.М. Логинова.

М.М. Цвибак Вопросы этнографии, пополнение музейных коллекций. Провести ряд специальных экспедиций мы не можем, поэтому мы выделяем некоторые суммы для покупки различного рода предметов, составляем списки нужных нам предметов. Прикомандирование сотрудников. Поручения лицам, едущим в археологические экспедиции.

М.Е. Массон возражает.

Е.М. Пещерева тоже.

М.М. Цвибак О подготовке следующего тома Известий. Специально побеседовать на следующей неделе. Специально просить В. Влад. (Бартольда) помочь в этой работе. 2-й вопрос об альбоме – составление текста, списка фотографий и т.д.

В.В. Бартольд выражает согласие.

Изготовить макетный альбом, положив в основу список, составленный Вас. Влад. Бартольдом.

Тетрадь № 11⁸¹

Экскурсия в Фергану в 1927 году⁸²:

- Каракчикум – 1, 2
- Шум Курган – 1а, 7
- Махрам – 2а
- Кампыр-Дивал – 3а, 4а
- Мазар Ходжа Таккаравуд – 3а
- Канибадам – 4, 8
- Исфара – 8а, 13а
- Зумрад Ша – 8а, 39а
- Варухское ущелье – 11
- Канкубад-тепе у Яйпана – 15а
- Ак-тепе – 16
- Сары-Курган – 16
- Коканд – 19, 30
- Усыпальница ханов – 19
- Хышм-купрюк – 30
- Медресе Мадали-хана – 31а
- Медресе Хакк-кулы – 34
- Медресе Тункатор – 34а
- Медресе Мохляр Оим – 35а
- Мечеть Джами – 35а
- Медресе Худоярхана – 38а
- Медресе Оли – 39
- Вакуфные документы Кокандского вакуфного управления – 20
- Записи пьес кукольного театра – 57-67
- Заметки к путеводителю по Бухаре 3/IV 31 г. – 68
- Заметки о Самарканде (Музей) 11/XII 31 г. – 73а.

[На обороте страницы с оглавлением приведен план поездки:

- 18 июня выезд из Ташкента
- 19 Каракчикум
- 20 Махрам
- 21 Мазар Канибадам
- 22 Канибадам

⁸¹ Над оглавлением, написанным чернилами фиолетового цвета, зелеными чернилами написано: Василий Афанасьевич Шишкин; внизу страницы теми же чернилами: Научный Сотрудник Среднеазиатского Комитета по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы, Ташкент, Ул. Абдуллы Тукаева, Белый Дом.

⁸² На совещании Средазкомстариса, прошедшем в Ташкенте 27 мая 1927 г., протокол которого, записанный В.А. Шишкиным в тетради № 5, приведен выше, было принято решение командировать его в Фергану. В тетради № 11 приведены записи, выполненные во время поездки, состоявшейся в июне 1927 г. во исполнение данного решения

23 Канибадам – Исфара
24 Исфара – Чарку
25 Чарку – Ворух
26
27 Ворух
28 Исфара
29 Лайан?
30
1 Янги Арык
2
3
4
5
6
7]

[Стр. 1]

16 июня 1927.

Н.М. Бычков в беседе со мной вчера вечером сообщил о некоторых интересных местностях и предметах в Маргеланском районе.

Постараюсь припомнить кое-что из его рассказов:

1) В Яр-Мазаре, где некогда была резиденция кокандских ханов, сохранились остатки массивной городской стены, на месте, где был расположен ханский дворец, разбит теперь питомник, в питомнике – огромные плиты из тесаного камня, в этом же кишлаке остатки зиндана – огромная яма. На склоне горы – толстый чурбан, в который вделан заостренный кол (б.м. орудие казни).

2) В городе Маргелане – мазар Паша-Искандара.

3) В Фергане (Скобелев) – бугор в бывшем губернаторском саду, пещера, хумы.

4) В горах Аркалык, в обрывистом склоне, есть ущелье длиной в несколько верст, чрезвычайно узкое. В этом ущелье – рисунки на скалах.

5) У одного из бугров (в Аувале?) Бычков заметил следы бывшего здесь кяриза, в виде ряда бугорков на равном расстоянии один от другого, вроде тех какие получаются при чистке кяризных колодцев.

19 июня 1927 г.

Выехав вчера с 7-ми часовым поездом, приехали сегодня утром в кишлак Каракчикум⁸³. Перетасили свои пожитки по способу «тащи» со станции Веревкино, поблуждали по кишлаку в поисках чайханы, которые были еще закрыты ввиду слишком раннего времени, наконец, устроились в порядке «михмончилика» у одного аробасоза. Оставив у него вещи, направились с камерой, планшетом и биноклем пешком к Шум-Кургану, виденному мною еще с поезда в бинокль. Вперед

⁸³ «Разбойничьи пески».

прошли по холодку (значительная облачность). Шум-Курган оказался крепостью кокандского происхождения, построенной, по всей вероятности, на пустом месте. Построена крепость из сырцового кирпича на глине и производит довольно внушительное впечатление. Система кладки довольно беспорядочная, тычѐк, ложок, ломанные и закругленные кирпичи положены без всякой системы, причем перевязь, кажется, соблюдалась довольно тщательно. Крепость стоит на обрыве над поймой Сыр-Дарьи, и значительная ее часть, видимо, с воротами, т.к. на оставшейся части крепости следов ворот не обнаружено, (смыта). Уцелела, собственно, южная стена с двумя фланкирующими башнями по углам да небольшие, сравнительно, части восточной и западной стен, в которых зияют над обрывом огромные трещины. Стены весьма солидны – около 3-х [саженей?] толщиной, толщина стен круглых башен, приткнутых к углам, несколько меньше. В стенах башен проделаны четырехугольные бойницы в различных направлениях, есть бойницы, обстреливающие фланговым огнем прилегающие стены. Крепость мною сфотографирована снизу – из-под обрыва – с юго-восточной стороны, с которой она наиболее хорошо сохранилась. По рассказам каракчикумцев, крепость разрушена при занятии русскими кокандского ханства. С тех же трех сторон сохранились остатки неглубокого рва.

Против крепости, на небольшом от нее расстоянии – кладбище живущих на левом берегу казахов. Одна из могил построена в форме оригинального мазарчика, сфотографированного мною.

В 85-шагах от Шум-Кургана к ЮЮВ находится еще один памятник – относящийся уже ко времени русского владычества в крае – колонна из жженого кирпича⁸⁴, служившая, по рассказам все тех же каракчикумцев, пограничным столбом между Ходжентским уездом и Ферганой. Столб сфотографирован.

В самом кишлаке Каракчикум есть остатки прежней кокандской крепости, еще более массивные, чем стены пограничного Шум-Кургана. Стены сохранились только с западной и южной (?) сторон. Сохранилась также одна из угловых башен. О месте ворот узнать мне не удалось, но стену, величину крепости и ее форму можно установить почти целиком. Стена очень массивная, сложена, в отличие от Шум-Курганской, из не из сырцового кирпича, а из комьев глины. Наверху есть валганг с широкими окнами-бойницами на баттлементе. Если будет завтра время перед отправкой в Махрам, зачерчу план этой крепости.

Крепость, по словам местных стариков, построена при Ширали-хане, разрушена русскими, причем все жители крепости были выселены на земли снаружи стен, образовав современный большой кишлак.

Есть в Каракчикуме *сажда* ? или *сажда гунбаз*. Она довольно скромна, состоит из купольного зимнего помещения и летнего айвана на толстых столбах с узором синего бордюра, кой-где протянутого по балкам, что дает впечатление некоторого изящества. Интересны ворота из сырцового кирпича, построенные в 25-26 годах. Пештак с глубокой нишей, осложненной двумя сферическими пандативами. Крыт куполом с такими же пандативами. Любопытен мотив минбара? (м.б. завтра нарисую). Ворота сфотографированы.

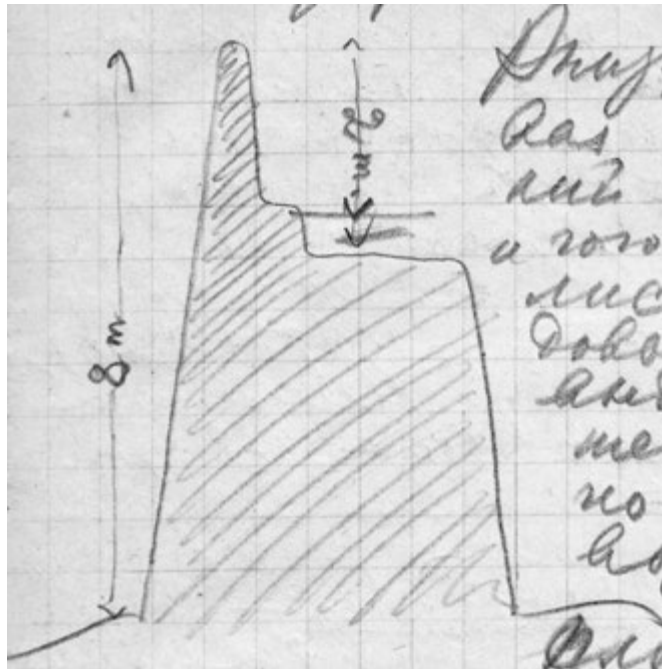
⁸⁴ Прим. автора: «Местное название: Ак-Molla (в таджикском произношении)».

20/VI [1927 г.]

Встал сегодня довольно рано, около половины восьмого. Пока запрягалась арба (по обычаю здешних мест с трехчасовым запозданием), я замерял Каракчикумскую крепость. Описание крепости я сделал еще вчера.

Сегодня же переехали в Махрам и использовали сегодняшний день для осмотра, замеров и фотографирования Махрамской крепости.

Крепость занимает довольно значительное пространство, окружена массивными глинобитными (пахса) стенами, хорошо довольно еще сохранившимися с южной и западной стороны, хуже с восточной и совсем плохо с северной. Причиной разрушения главным образом на северной стороне являются, по моему мнению, грунтовые воды. Наилучшим образом сохранившиеся части стен имеют высоту около 8 м и состоят из 7 рядов «пахсы». Стены очень массивны, состоят из баттлемента, очень высокого с небольшими круглыми бойницами, о которых – после.

Внизу – у баттлемента – стрелковая ступень и еще ниже – широкий валганг. В юго-восточном и юго-западном углах сохранились артиллерийские площадки, довольно обширные. Эти площадки выдаются из углов в виде башен не настолько сильно, однако-же для того, чтобы иметь возможность защищать огнем стены, замыкаемые ими. Площадка окружена стенкой такой же высоты, как battlement стен, но с широкими в виде окон бойницами. В юго-восточной башне эти бойницы разделены трехугольными траверсами, каждая из башен имеет по два скошенных въезда. Особенно поражает в этой крепости нелепое расположение бойниц. Строитель крепости, придав стенам некоторую кривизну, старается обстреливать всем фронтом одну единственную точку и именно в этом месте, где эта стена наиболее вдается внутрь. Из некоторых бойниц ничего не видно, кроме горизонта. В некоторых ме-

стах видны глиняные же лесенки, по которым нужно было подниматься на верх стены.

Ходжа Ним-сар.

22/VI 27. Запоздал с записями. Запишу еще некоторые данные о Махраме. С западной стороны крепости сохранились частично ворота, вероятно, единственные во всей крепости, т.к. большой пролом на восточной стороне, через который проходит дорога, вероятно, сделан позднее – никаких следов приворотных сооружений я там не заметил. Крепость окружена с трех сторон (восток, юг, запад) рвом, представляющим и теперь из себя болота, наполненные водой. С северной стороны рвом для крепости служил неширокий (ок. 50 шагов) (канал?). За воротами – мазар Ходжа Ним-Сар – небольшая купольная постройка.

По дороге в Мазар видели «Кампир-дувал» - тянущийся через *tāshlāq*⁸⁵ от гор к к(ишлаку). Ниязбек. Вал до 1,5-2 м вышины. Говорят, что он продолжается от Ниязбека до Сыр-Дарьи и переходит даже на другую сторону реки. Кто построил и когда неизвестно.

Мазар. Мазар Ходжа Тахравуди. Небольшая постройка с куполом из белого тесанного с одной стороны камня – чирог хона с тремя интересными чугунными и большим каменным чирогом. Собственно, мазаром является естественная щель в скале с родником внизу. Около мазара – Саиль-Тог, место, где устраиваются саили два раза в год – во время цветения тюльпанов (лоля-зор) и осенью – когда успевают дыни. Первый саиль теперь уже не празднуется, но второй удержался до сего времени.

Ходжа Тахравуд воевал с калмаками, бежал от них на горном киике, въехал в гору, где благополучно здравствует и до сего времени.

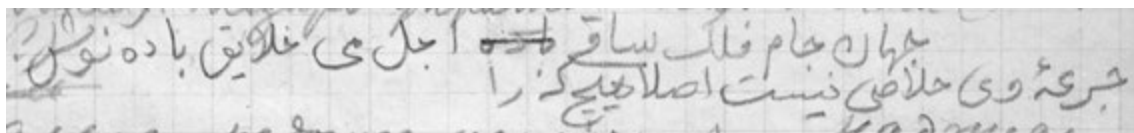
Ходжа Такарабурд – *хваджа таккарабурд*

(по объяснению старцев Мадраса Оим в Канибадаме).

22 июня потратили день на замеры в м. Мараджаб Додхо и фотографирование медр. Мараджаб Додхо и Оим. Описание нужно сделать завтра.

Мадрасаи Оим построено рядом с мазаром Ишонбобо, отца Оим-биби, который умер, заразившись песью (а может быть, и какой-нибудь другой болезнью. Эта болезнь связывается с отношениями Ишана к его слуге, молодому арабу, доставшему для него аргавани-гуль, от которого тот и заболел)⁸⁶.

Мазар украшен надписями (из Хофиза?):

⁸⁵ Россыпь камней естественного происхождения.

⁸⁶ Примечание автора: «Относительно цветка аргавани-гуль: таких цветов здесь нет теперь, не росли они и раньше».

(Дальше надпись испорчена). Надпись штукатурной резной работы. Фасад мазара имеет совсем новый, европеизированный вид. Над входом в мазар имеется неоконченное резное алебастровое панно, изображающее какие-то цветы. Рисунок намечен только вчерне на левой половине панно.

Легенда относительно постройки Канибадама.

Кампырдувал – мать диву давала две таньга за каждые два дня, чтобы он строил дувал. Див давал деньги дочери старухи (его жене), дочь снова передавала их матери (запись легенды на узб. языке).

Приблизительно около 100 лет (по показ. местного жителя) – после Умар-хана (м.б. при Малля-Хане). Сам Ишан-Домулла был дехканином, деньги на постройку мадраса добыл.

(стр. 5 – рассказ местного жителя, запись на смеси узбекского (написано латиницей) и русского языков)

Начал строить медресе ишан-домулло. Потом ишан-домулло умер. Мараджаб-додхо сделал стены на два аршина в высоту. Деньги на это дала Биби Оим. Мараджаб-додхо был слугой Биби Оим. Мараджаб-додхо тоже умер, за два года сделал совсем мало. ... Другие люди построили самый верх. Одна часть вакуфа шла в пользу мадрасы *мухаммад рахим*, две части – *мадраса Оим (ишан дамулла мир алим* – Оим – его дочь).

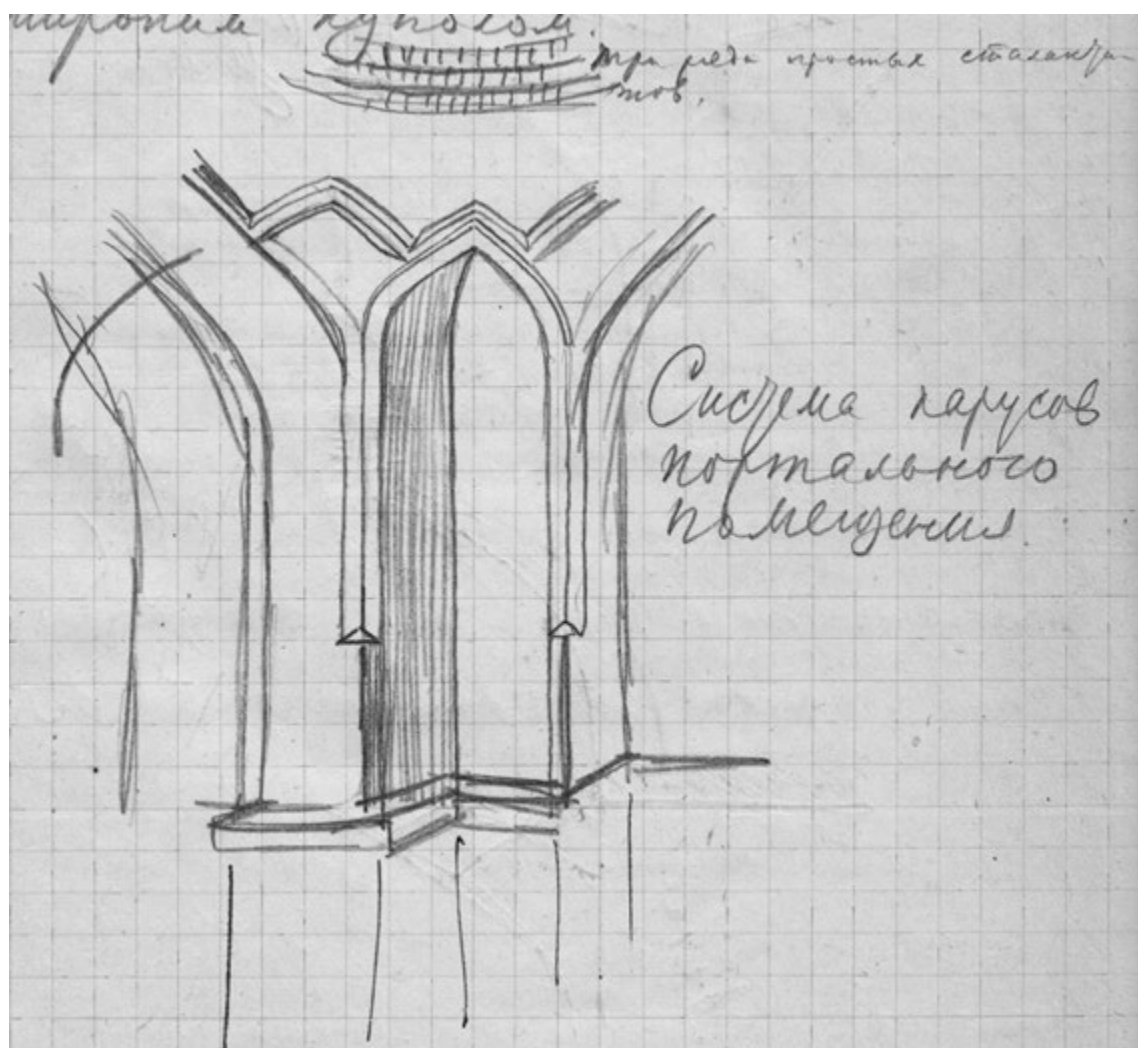
Первая медреса построена на имя самой Биби-Оим, другая (Мараджаб Додхо) на имя Мир-Алима.

Мечеть в медресе Мараджаб Додхо построил Мулло-Джунайдулло-Мударрис, на свои средства и со своим вакфом.

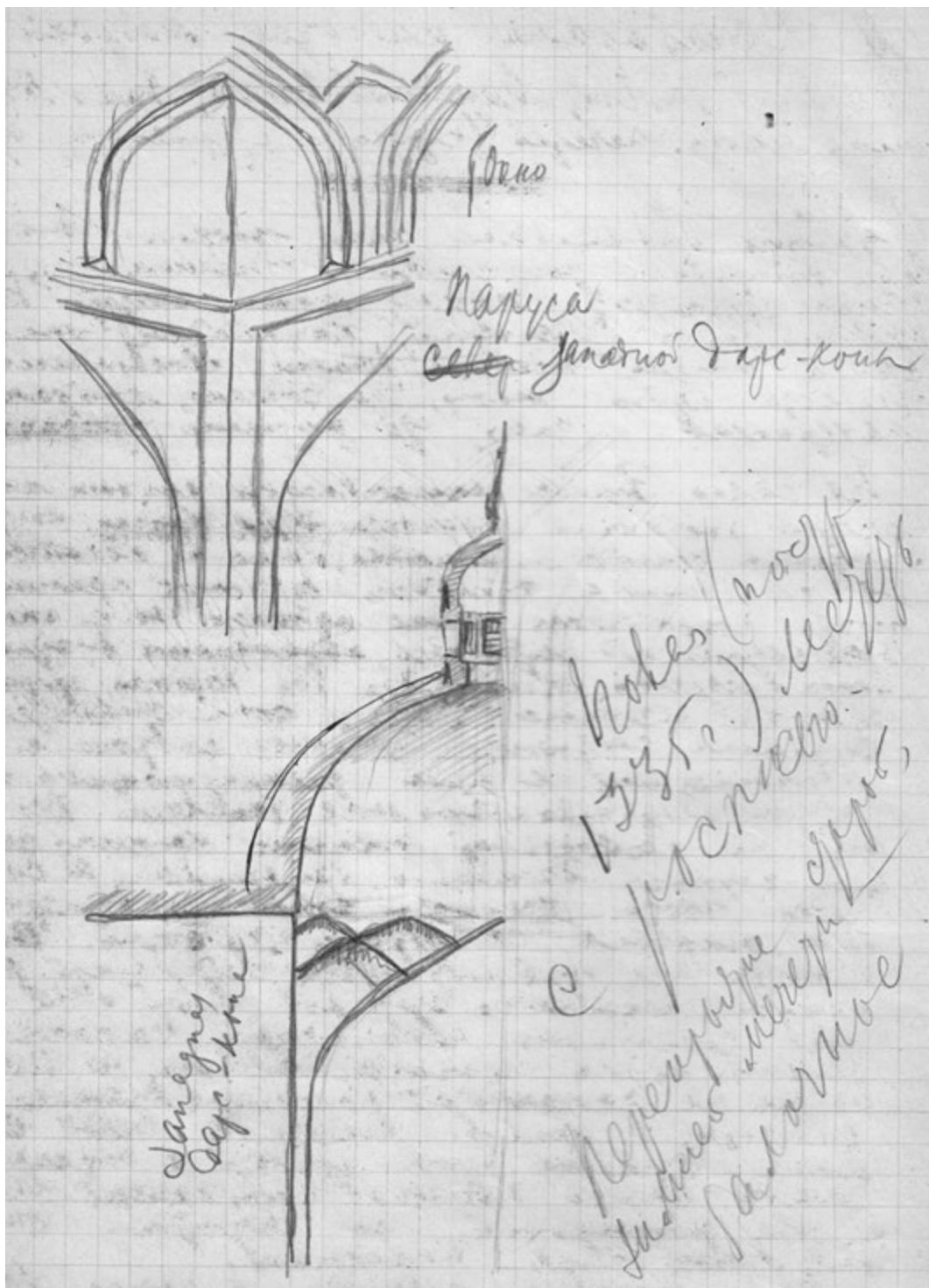
Шаит (Шахид)-Мазар построен над могилой убитых во времена ханов людей (около 200 человек).

Мадраса Мараджаб Додхо (Мир-Алим) построена из жженого кирпича на алебастре. Кирпич – 25х25х6. Пештак и фланкирующие круглые башни облицованы выровненным (обтесанный) кирпичом 22х22х4,5. Высота пештака - 860 и высота стены над худжрами (по фасаду) – 470.

Перекрытия: несколько худжр крыты низкими куполками (угловые), остальные стрельчато-коробовыми сводиками. Несколько худжр в последнее время соединены в более крупные комнаты с целью приспособить их для помещающейся теперь в медресе школы второй ступени. Работа эта продолжается, и теперь разломаны своды двух смежных худжр по восточной стороне. После переделки они перекрываются балочными потолками. У переднего фасада помещаются две дарс-хоны с купольными перекрытиями, имеющие входы из большого порталного помещения также, покрытого широким куполом.

[Стр. 6 Система парусов портального помещения]

[Стр. 6а Паруса западной дарс-хоны]

В Канибадаме имеются мадрасы: Ходжа Рушнои, Мараджаб-Додхо, Оим и Майдон, очень много мечетей (каркасные с деревянными столбами).

Завтра отправляемся рано утром в Исфару, вещи отправили уже сегодня с неким 'абд ал-шукур'ом, сыном 'абд ал-мансур'а. Посему можно считать Канибадамский район (Веревкино – Канибадам) законченным, а посему полагаю вполне своевременным подвести итоги тому, что сделано, собранным материалам и тому, что упущено.

На самом Западе описываемого района мы встретили развалины крепости Шум-Курган, построенной на границе Кокандского ханства одним из кокандских ханов для защиты кокандско-бухарской границы. Крепость сохранилась лишь отчасти, т.к. она стояла на обрыве над Сыр-Дарьей, подмывавшей в этом месте берег настолько сильно, что вся южная сторона крепости обвалилась. Осталась в сравнительно сохранном состоянии северная сторона с примыкающими к ней фланкирующими круглыми полуразвалившимися башнями. Вся крепость была сложена из довольно крупного сырцового кирпича. Башни с бойницами. В сохранившейся части крепости ворот нет, вероятно, они были устроены со стороны Сыр-Дарьи. Вокруг крепости шел сравнительно небольшой ров, откуда наполнялся этот ров водой, мне осталось совершенно непонятным. Никакого поселения около крепости, видимо, не было, стоит она на каменистой россыпи (Ташлак), доходящей в этом месте до самой Сыр-Дарьи. Описание плана крепости я опускаю, т.к. мною сделан подробный глазомерный замер и две фотографии, по которым описание может быть пополнено.

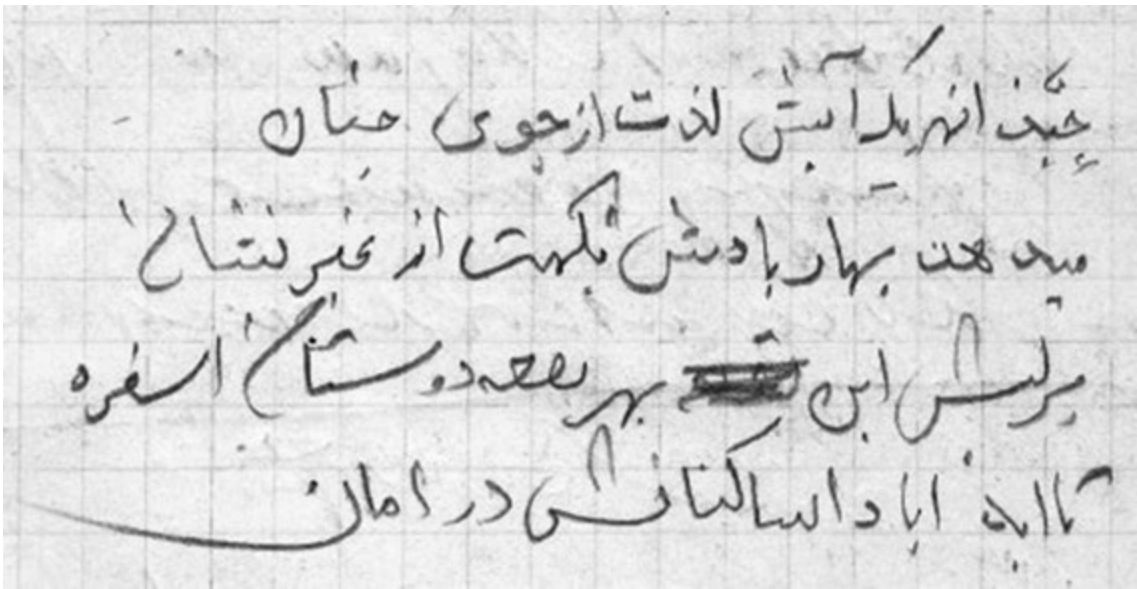
Прямо против крепости у самого рва расположилось теперь небольшое киргизское кладбище (казахи кочуют совсем недалеке по берегу Сыр-Дарьи). Среди холмиков над могилами возвышается примитивный мазарчик или, вернее, надгробное сооружение над могилой какого-либо уважаемого человека. Мазар, конечно, совсем недавний, слеплен просто-напросто из глины.

Дальше на север, в 200 шагах от крепости, возвышается довольно высокий столб, построенный из жженого мусульманского кирпича. Этот столб, служивший пограничным столбом между Ходжентским и Кокандским уездами, является уже памятником русского владычества, сравнительно недавним, но интересным, в силу своего назначения служить отметкой границы между районом Ходжента и Ферганой. Я лично очень доволен, что первым памятником, который мне пришлось встретить за время моей поездки, был именно он.

Дальше на восток, в киш. Каракчикум, находящемся в 1 версте от ст. Веревкино, снова находим остатки кокандской крепости так же, как и Шум-тепе и Махрам, разрушенной при приходе сюда русских войск. По рассказам местных жителей, эта крепость построена Шир-Алиханом.

Мадраса Оим в Канибадаме. Обычная мадраса, по строительным приемам сходна с Мараджаб-Додхо. Произвести детальные замеры не удалось, т.к. все худжры закрыты на ключ, а ключи, как нам сказали, находятся у учащихся помещающейся здесь школы. Этим учащимся теперь в помещении медресе нет, т.к. они заняты полевыми работами.

Медресе построено на площадке-возвышении, сложенном из булыжника. Стены и купола сложены из обычного мусульманского кирпича на алебастре, облицовочного кирпича, примененного в кладке пештака и фланкирующих башен, здесь не видно.

Исфара. К. Наугилим. Мадраса Абдулла Хана.

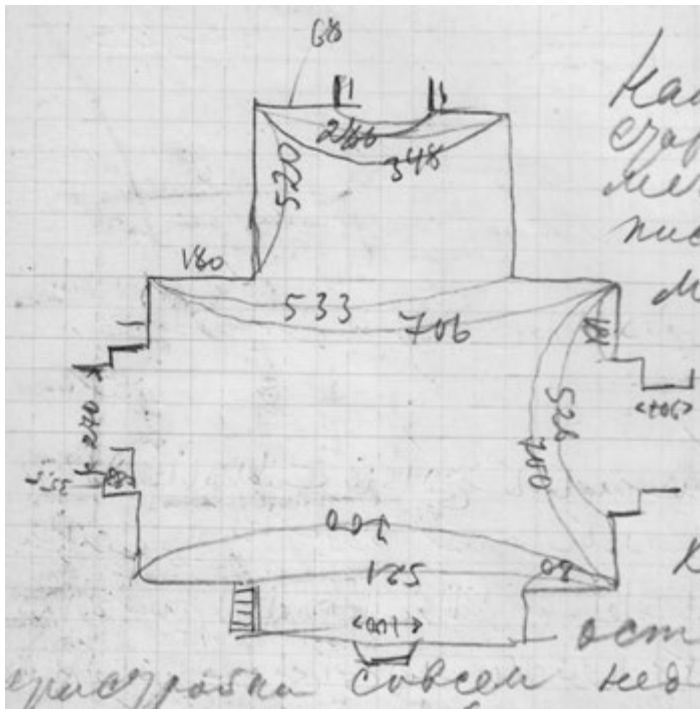
Медресе (по преданию) построено Абдулла-Ханом ок. 358 лет тому назад. Теперь от мадрасы Абдулла Хана остался только центральный купол мечети. Пештак и правая сторона мечети, разрушенные перед этим, были восстановлены 26 лет тому назад. Левая половина мечети построена Худояр-Ханом. Худжры вокруг двора совсем новые, кирпичные.

Зумрад-ша-Калъа (построена Зумрад) (остатки старой крепости). Куш-Дивал (больше тысячи лет).

Надписи на камнях: Матча – *хазрат Дауд*

مقدس بیک عثمان بیک شرک
کونہ کونہ
نواد ملکو بید ثواب غفران بنای مان احمد بامیر حمزہ خان
لکست بعد مقدس - مقدس
آورد
مانا عالیستانا سلطنت بناها لنتی سنا ما عا حد رسیده کنادت
میخواستم ما جرای را با میرزاد گذارسته در جواب کاغذ سما نوشته بفرستیم
دوم باره کشیدیم که شما انا العلاب و انا الان ل و انا الطاهر و الباطن و اناریکم
الاعلی گفته بفرستیدم ما می آیی اعتماد و بید الله فوق انما کم کرده جواب را
بحضرت حق که الشیم انشاء الله تعالی اگر از ان مرتبه فرود آیی آنچه معقولست
گفته و فرستاده میشود پارسل سینه خان را فرستاد ما را دوست
بود مدد لنتی و میخواستی که بر سر امیر لیسگر آیی الحمد لله بازی نتوانستی
داد امسال انقدر ساده بعقل تو اعتماد کرده بچنگ ما آمده است اگر
صحن حق تعالی بحق است آن سو کند که در شب تاریک در قزوین شورده
و خلاف کرده جز او خواهد داد ساگر مر خدایا تا بدار المرز آیدیم
نمی توکل بر بسها ظاهر بلکه انشاء الله تعالی
عذر غریب نیز ظاهر خواهد شد

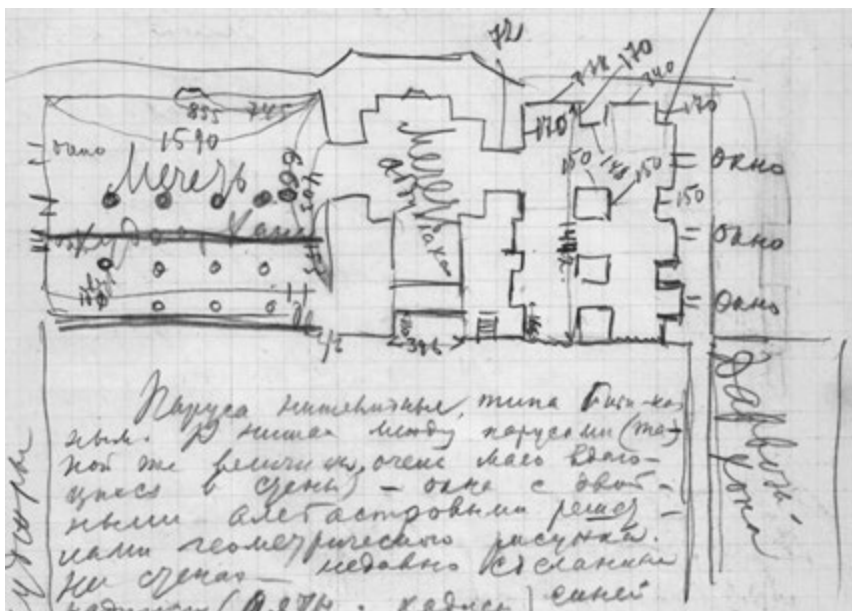
[Стр. 9 Копия с копии письма. На полях заметка: «Абул Латиф выдает дрянную бумажку за подлинное письмо Ахмад Хана»]

[Стр. 9а Схематический план старой части мечети]

Наиболее старая часть мечети, приписываемая местными жителями времени Абдулла-Хана. Все остальные постройки совсем недавнего происхождения (около 25-15 лет тому назад). Говорят, что купол сохранился старый.

На пештаке мечети (также новом) – алебастровая мозаика, подражающая *кошин*'у.

[Стр. 10 Схематический план мечети]

Паруса нишевидные, типа Биби-ханым. В нишах между парусами (такой же величины, очень мало вдающихся в стены) – окна с двойными алебастровыми решетками геометрического рисунка. На стенах – недавно сделанные надписи (аяты-хадисы) синей и красной краской. Над михрабом, в передней нише, небольшое окно с алебастровой решеткой. Внутри зимней мечети Худояр-Хана – балочное перекрытие и никаких украшений. С левой стороны две алебастровые решетки. Летняя мечеть расписана. Сталактитовые капители.

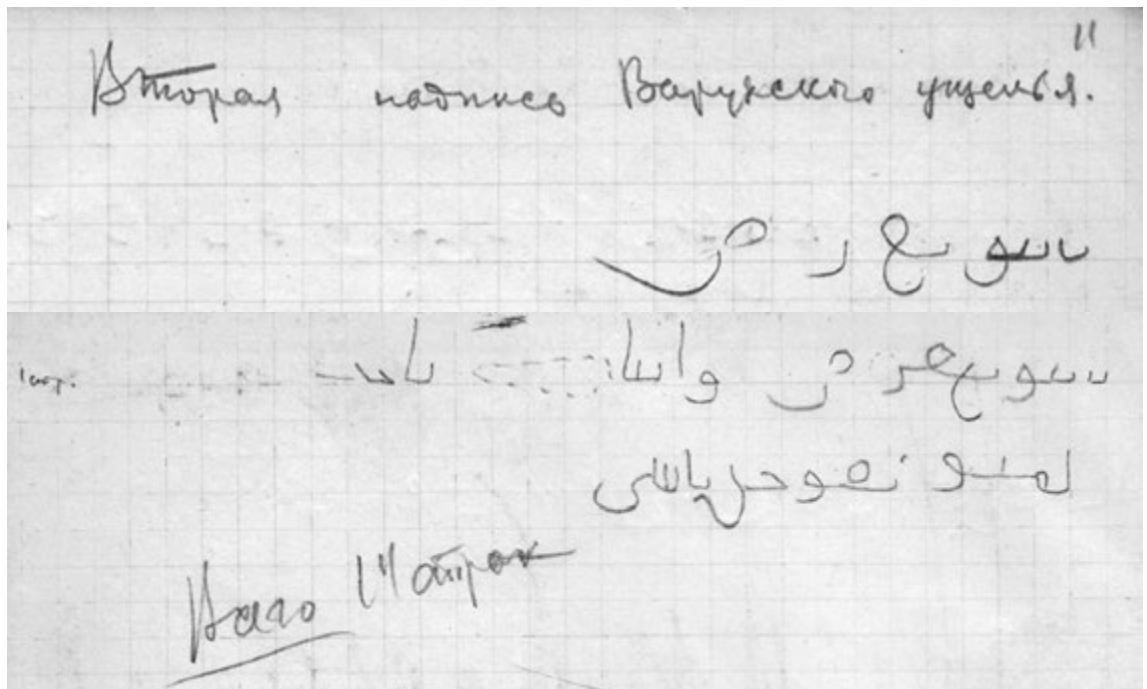
Формат кирпича на более старой постройке – ..., на новых 25×25×4,5 [см].

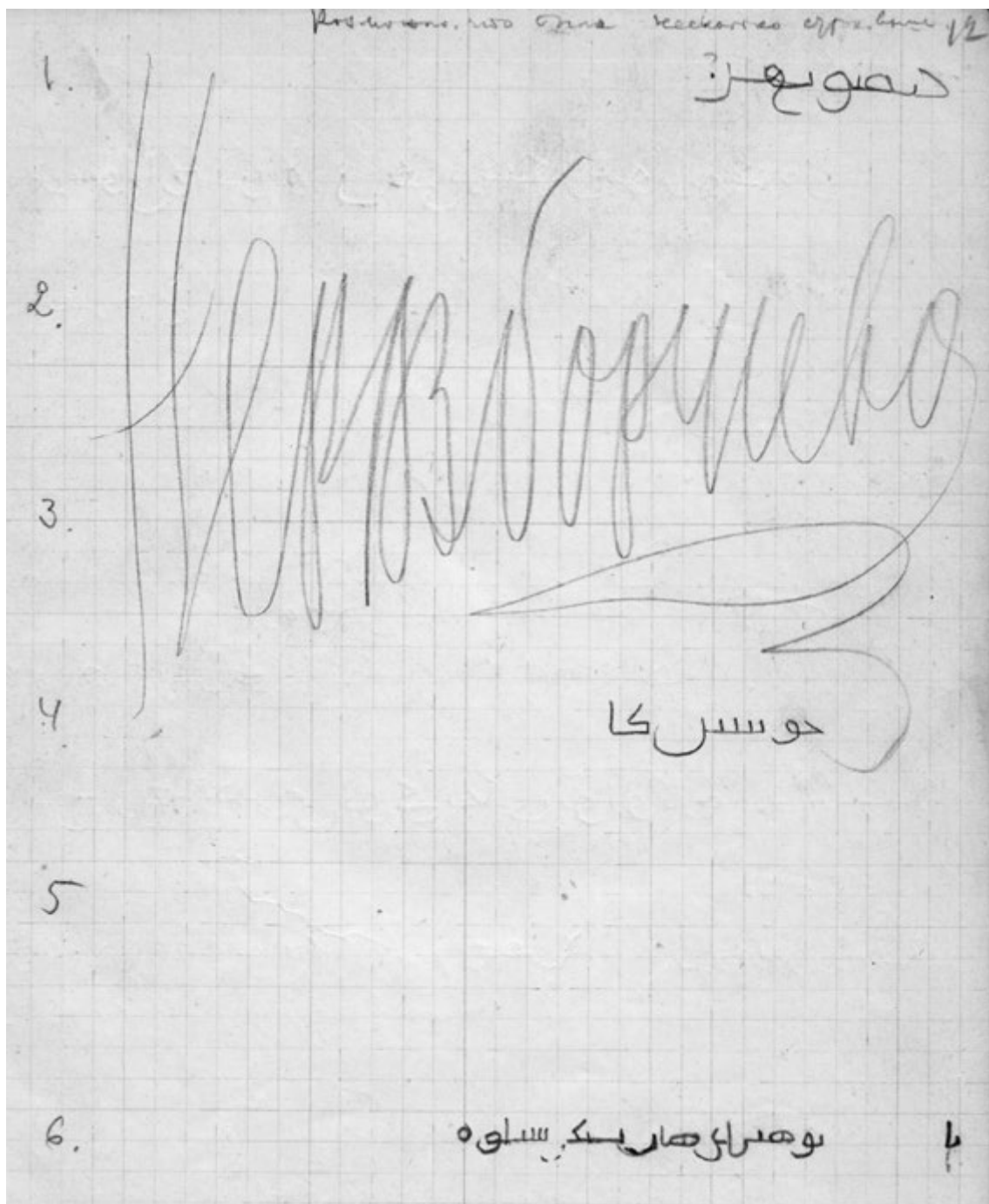
Худжры мадрасы окружают огромный двор, посередине которого стоит минарет из русского кирпича.

Чарку – неподалеку есть залежи угля. Не разрабатываются.

Рассказ о золотой колыбели [Не записан].

[Стр. 11-13] Вторая надпись Ворухского ущелья

7

لڑائی اور سردیوں کی بریکنگ سوپر نوکویں

8

حصہ حنی

9

10

سرمو حرکت کو ایک کھمبہ حای
و فاسر سو حرکت کو ایک کھمبہ حای

11

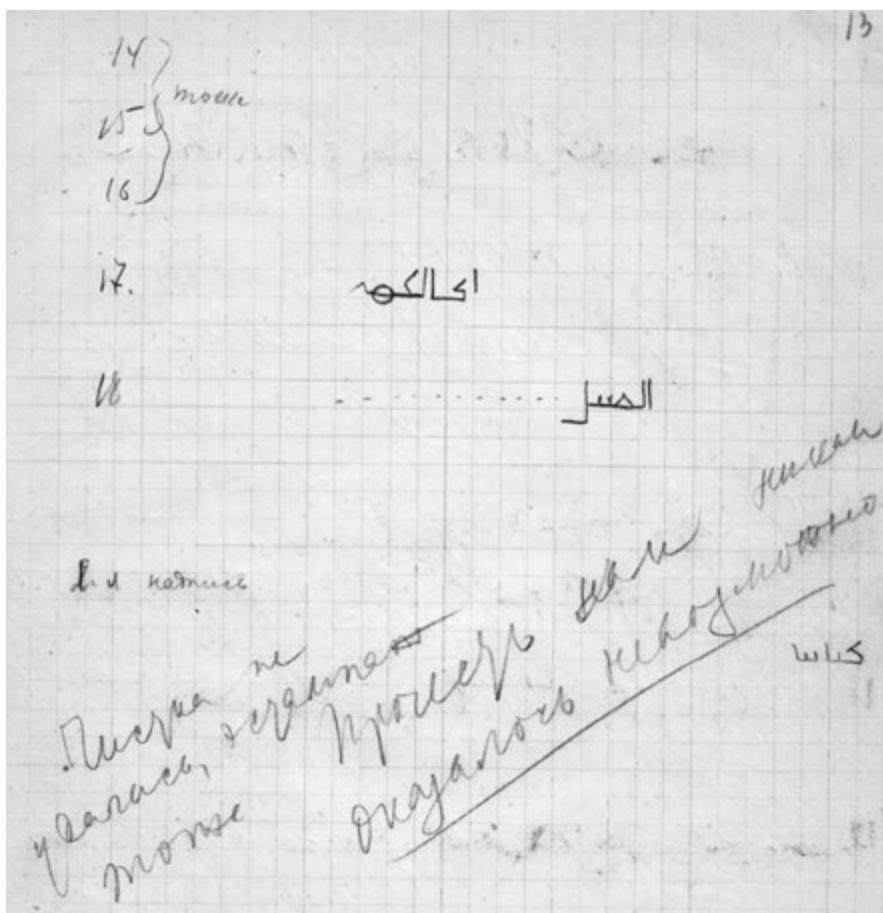
امسا حرکت ربع حسی بوی تکای تو او کرم سہاسا

12

تو صر حوا سہ نو ^{(انہ) واحد} او سہ ~~ص~~ حار واربانور واسد
(کو اجم)

13

Нарта не соаранисае
حر و ارون کی سہاسا

[Стр. 13] Чистка не удалась, эстампаж тоже. Прочесть нам никак оказалось невозможно⁸⁷.

Танги Сурх. Тешек-Арык. Разакон у кишл. Пешомад.

Исфара – урда. Построена при ханах (старик). Над рекой. В северо-западном углу. Место ворот теперь застроено. Постройки внутри крепости сложены из русского кирпича и старого мусульманского жженого кирпича серого и светло-желтого обжига разм. 36×17×8,5 [см].

Три крепостцы вдоль Исфара Сая – одна у Чарку, вторая при входе в Танги-Сурх у арыка Тешек-Арык и третья верстах в двух от второй на левом берегу реки, называется Разакон (у кишл. Пешамад). Последняя самая большая. Все на обрывистых высоких (отдельных) скалах, строены из сырцового кирпича. Сфотографированы – вторая и третья. По словам Абду-Джабора, везшего нас из Чарку в Исфару, никто не знает, когда и кем были построены, но судя по тому, что сырцовый кирпич в таком сравнительно сыром и ветряном месте мало оплыл, считать имеющиеся теперь следы сооружений особенно древними не приходится.

⁸⁷ О чтении и переводе одной из надписей Ворухского ущелья см.: Blair 1992: 115-117.

Совсем другое дело – Исфаринская цитадель. По словам местных жителей (опять же старик), она построена во времена кокандских ханов и разрушена русскими. Однако, разнообразие наслоений (снизу галька с землей, изредка встречаются неполивные черепки красного цвета, тонкие и средней толщины. Затем идет слой чистой земли, на которой уже видны следы кладки из сырцового кирпича) заставляют предполагать более старое происхождение если не укрепления, то жилья на этом именно месте. Крепость только с одной стороны – от реки – производит впечатление холма. Берег довольно круто повышается здесь, а потому восточная часть крепости сравнивается в уровне с поверхностью остальной части кишлака. Крепость удалось проследить только по северной стороне на протяжении 110 шагов и по западной на протяжении 120 шагов. Южная и восточная стены сплошь застроены частными домами, и их проследить не представляется возможным. Северо-западный угол и вся северная сторона заняты полуразрушенными и совсем разрушенными постройками, о которых упоминалось уже выше. Есть фундамент из тесанного серого камня. Этого камня вообще в Исфаре довольно много не только в фундаментах мечетей (напр. двухэтажная соборная мечеть), базаров, но и частных домов. Откуда этот камень взят (я предполагаю, что, по крайней мере, для частных домов, он не вытесывался специально)? Напрашивается невольное предположение, что он взят с какой-то древней постройки (необходимо опросить стариков!!!).

Угольные копи около к. Чоркишлак. Разноцветные горы у Исфары. Мазар Кызыл.

Калъаи-боло.

Замбрад Шоһ.

Кайкубад в 4 (5) в(ерстах). от Яйпана – низкий холм (вернее система холмов) занимает значительную площадь. Высота (над уровнем дороги) – 2-3,5 метра. Длина – 1000 насколько удалось проследить. Редкие черепки, куски красноватой глины. Верх холма весь распахан, края проследить невозможно.

21/VI 27.

Курган у сел. Сары-Курган Бувайдинского района. Холм высотой ок. 16 м со стороны реки и 12 м со стороны дороги. Оригинальна конструкция: массив из огромных кирпичей (50×30×10 см) одет толстым футляром (ок. 2 саж. = 4 м) из пахсы. Проломы. Отмыв и обвалы со стороны реки, обнажены внутренние стены. Ходы в нижней толще массива холма. Места входов в крепость возможны с южной и западной стороны. Наверху холма можно проследить расположение некоторых построек (неясно). Керамика: довольно грубая, поливная (голубая, зеленая, желтая, белая) и неполиванная. Найден небольшой кусочек стекла, зеленого с патиной. Следов рва вокруг крепости незаметно.

Крепость расположена на узкой полоске земли между двумя большими арыками, выходящими немного выше крепости из Сох Сая.

Никаких следов поселений на этой полоске, кроме самой крепости не заметно. Вся площадь покрыта толстым слоем галечника и булыжника, каким здесь наполнено все русло сая и вытекающих из него арыков. Сохская крепость сильно похожа, в общем, на осмотренную нами раньше крепость Замбрат Шо.

Около кишлака Ак-Тепе, находящегося рядом с Яйпаном, имеются остатки небольшой крепости, сложенной из сырцового кирпича 42×30×16 см. Высота этой крепостцы всего около 4 м, длина ее с Ю на С около 45 шагов при такой же примерно протяженности с З на Восток.

В общем, за поездку нами отмечены следующие памятники:

1. Кокандская крепость Шум-Курган.
2. Кокандская крепость Каракчикума.
3. Кокандская крепость Махрама.
4. Кампыр Дувал.
5. Мазар Ходжи Тахравуда.
6. Медресе Мараджаб-додхо.
7. Медресе Оим с мазаром.
8. Араб-хона в Канибадаме.
9. Медресе Абдулла Хана в Нау Гиляме.
10. Развалины крепости в Исфаре.
11. Мечеть Калъа в Исфаре.
12. Надписи Ворухского ущелья.
13. Крепость у Чарку.
14. Крепость в ущелье Сурх.
15. Крепость у Чор-Кишлака.
16. Крепость в Замбрад Ша.
17. Остатки поселения в Койкубаде.
18. Крепостца у Ак-Тепе.
19. Сохская крепость.
20. Крепость Кара-Янтак.

Итак, первый этап нашей первой поездки можно считать законченным. Осталось зарегистрировать 5-6 памятников, находящихся в Коканде, а затем ехать в Ташкент. Следовательно, можно уже подвести некоторые суммарные итоги: Работа шла неудовлетворительно: фотографирование велось без всякого контроля, и пока я еще совершенно не знаю, что получилось из моих фотографий. Кроме того, есть крупные пропуски и в самом фотографировании. Не сфотографирован Кампыр-Дувал, не сфотографированы остатки поселения у Кайкубада, не сфотографирована старая надпись Ворухского ущелья. Необходимо еще дополнительное обследование Кампыр-Дувала и Караянтока (может быть, остается проделать это при возвращении в Ташкент). Дополнительное исследование второй надписи Ворухского ущелья, Рабади-Кабуд в Ляканской долине, развалины крепостей в верховьях Соха, рабад, построенный по преданию Абдулла Ханом (войско с кирпичами и мастерами) к юго-западу от Воруха.

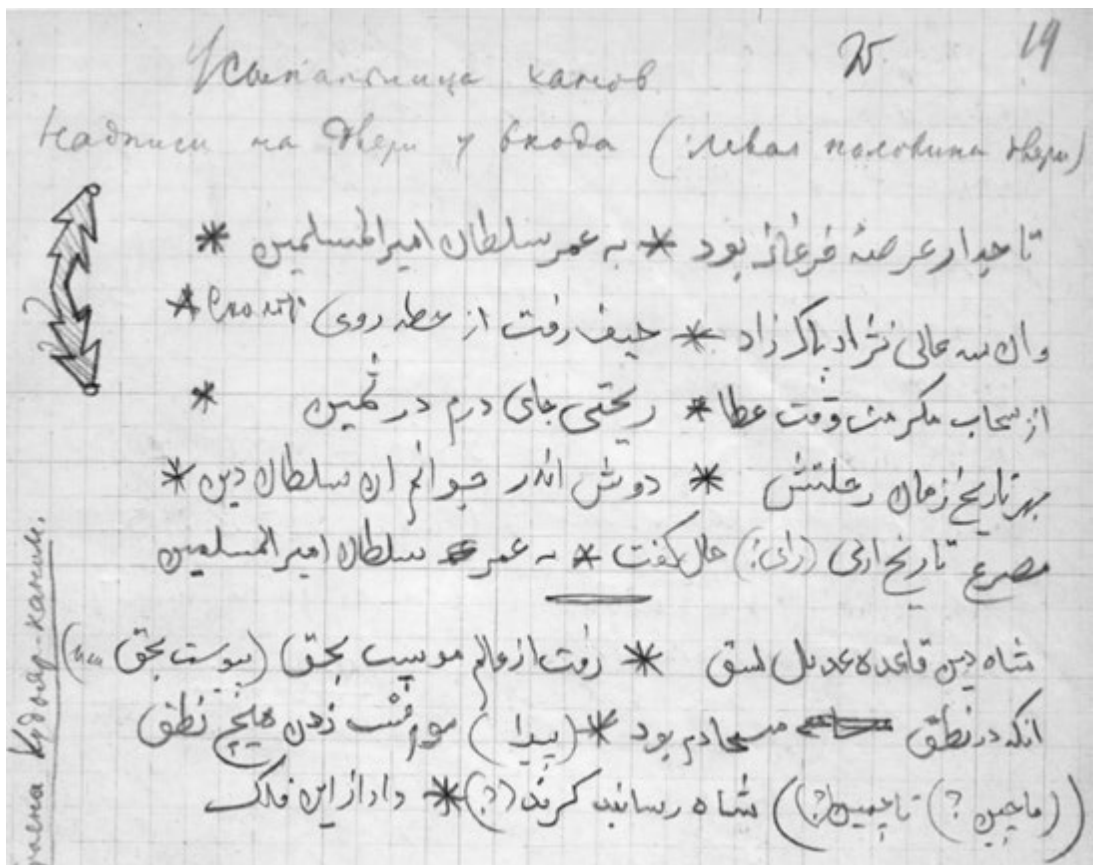
Для последующих поездок необходимы: верховая лошадь, мешок для перезарядки пластинок, бачок для медленного проявления. Меньше бумаги для рисунков и чертежей. Бумагу подобрать более тонкую и компактную. В том случае, если представится возможность попасть в Ворухское ущелье, взять коленкор и прочие принадлежности для снятия эстампажей. В Ворухское ущелье попадать раньше утром.

Памятники Коканда.

√ 1. Усыпальница ханов.	
√ 2. Усыпальница Умар-хана.	35 памятников
√ 3. Медресе Мир.	
4. Медресе Мадали.	5 июля – 1, 2, 3, 6, 7, 8
5. Медресе Худояр-хана.	6 июля – 4, 5, 9, 10
√ 6. Медресе Чильпак.	7 июля – 11, 12, 14, 15, 13
√ 7. Медресе Хаитама.	
8. Медресе Ясаул.	
9. Медресе Ханим-Оим.	<u>Мечети – ?</u>
10. Медресе Мохляр-Оим.	<u>Мазары – ?</u>
11. Медресе Саид Мурад Бека.	
12. Медресе против предыдущего.	
13. Урда Худояр-хана.	
14. Медресе и мечеть Джамъи.	
15. Мост.	

[Стр. 19]

Усыпальница ханов. Надписи на двери у входа (левая половина двери):

[Стр. 20-29 – тексты вакфнама кокандских памятников]

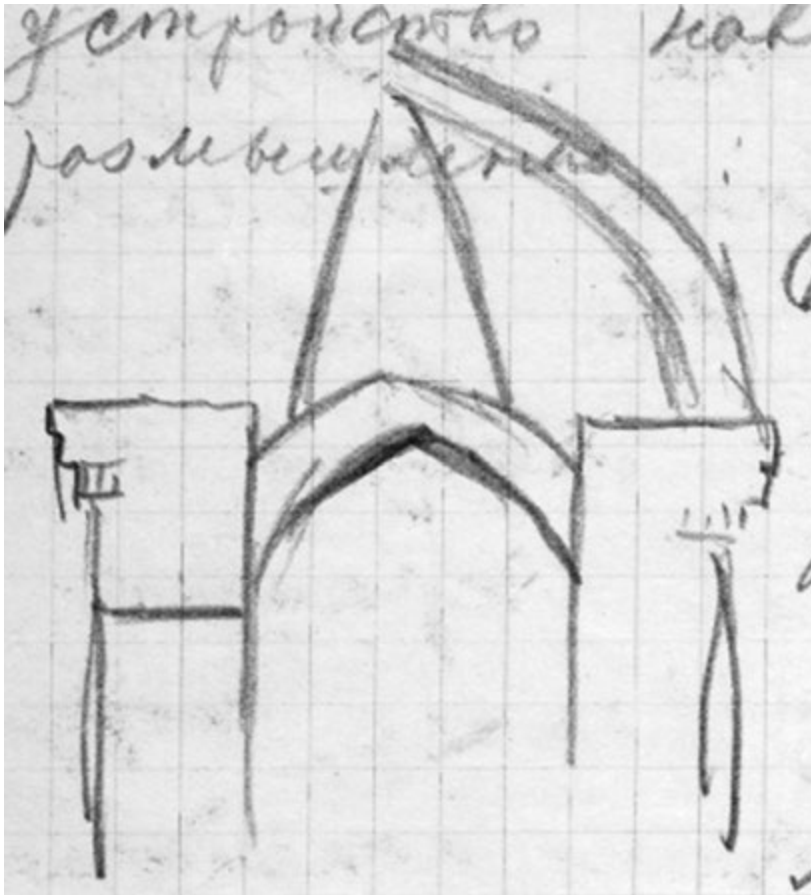
[Стр. 30]

Кокандские памятники.

Запись 7/VII 27 г.

Хышт-купрук через Коканд-Сай. Кирпичный мост из обычного мусульманского кирпича (кокандского), построен, по словам местных жителей, при Малля-Хане, т.е. лет 80 тому назад (sic!). Длинной мост = 81 шагу, ширина между боковыми парапетами, возвышающимися на 50 см = 8 шагам + парапет = 1 шагу x 2 = 2 шагам, всего 10 шагам.

Мост семипролетный, на неправильных (сниженных или сплюснутых циркульных арках, переходящих по отрезу моста в декоративные стрельчатые. В обоих концах моста с той и другой стороны стоят круглые башни диаметром ок. 2 шагов, высотой метров 5 или 5,5. Башни увенчаны павильонами-фонариками с узкими стрельчатыми окнами (по 8-ми). Фонари перекрыты куполами, над которыми возвышается ложный купол, имеющий оригинальное устройство, наводящее на некоторые размышления:

Северо-восточный из этих куполов в настоящее время обвалился.

Дальше: к башне примыкает поставленная на парапет декоративная арка. По обе стороны среднего пролета, где быки моста несколько более солидны и укреплены выступающими вперед круглыми полуколоннами, стоят полубашни с арочками, вышиной ок. 3 м.

В парапете сверху видны поперечные углубленные пазы, в которых кой-где уцелели еще остатки бревен. Здесь были некогда балки, свешивавшиеся с обеих сторон над саем. На помосте, образованном этими балками, были построены в два ряда лавки, и всё вместе с мостом было перекрыто деревянной крышей (тим-бозор). Эти деревянные сооружения сгорели во время кокандских событий 1919 г.

Уровень воды ниже моста ниже, чем верхний, поэтому мост служит также и плотиной, повышающей уровень воды. С нижней стороны моста устроен перепад высотой до ... м. Никаких следов украшений или строительных записей на мосту нет.

Мадраса Мадали-хана.

Южный фасад. Длинной 112 шагов. В середине фасада пештак высотой около 15 м (sic?). Арка пролетом ок. 8 м. Вышиной м 12. Верх пештака украшен сквозными арками (8 арок), составляющими баллюстраду (входная ниша – сечения с

арками в обоих этажах). По фасаду по обе стороны пештака симметрично расположены 14 арок со входами в худжры в верхнем этаже и такое же количество их в нижнем. Последние от краев арки меньшей величины.

Оба конца фасада заканчиваются стройными фланкирующими башнями. Западная выведена в виде слабо сужающегося кверху усеченного конуса на высоту 1 м. Выше фасада над худжрами, над конусом с переходом посредством орнаментированного фигурной кладкой облицовочным кирпичем пояса – фонарь со сквозными окнами, состоящий из 8 арок. Устои между арками украшены той же фигурной кладкой, но один из них выложен синими поливными кирпичиками. Фриз над арками – из поливных плиток голубого и зеленого цвета. Такими же поливными плитками украшен цоколь башни (восьмиугольного сечения) и неширокий орнаментированный пояс непосредственно за ним. Узор сложен из маленьких ромбиков, дающих звездный узор. Как вверху, так и внизу эта мозаика очень сильно пострадала и продолжает осypаться. Полива очень непрочна, трескается и облетает с терракотовой подкладки. Верх башни над майоликовым фризом заканчивается небольшими терракотовыми зубцами и увенчан куполом (конус башни

выложен кирпичами таким образом –).

Восточный минарет имеет совсем другой вид. Он богато орнаментирован облицовочными терракотовыми кирпичиками. Возвышаясь над верхним обрезом фасада метра на полтора, он имеет вид также слабо сужающегося кверху усеченного конуса. Чередованием узких и широких орнаментированных поясов (четыре узких

и четыре широких) достигается определенно художественное впечатление благодаря богатой светотени. Орнамент геометрический, некоторые мотивы напоминают Узген (особенно крестики). Следы разрушения замечены в нижних арках восточной половины (в первой и пятой от пештака), подпертых теперь бревнами.

Под аркой пештака большая резная дверь прекрасной работы, как обычно в Коканде, на двери цепочка (занджир) с надписью *'амал уста мухаммад наср 1267* (1850-1851).

Восточный фасад. Пештак выше предыдущего, ок. 17-18 м. Симметрично расположены в двух этажах 20 ниш перед худжрами (по 5). Фасад заканчивается двумя фланкирующими башнями. Южная описана выше (как восточная). Северная башня украшена кладкой и узенькими полосками зубчиков, образованных ребрами кирпичей. Фонарь с 8 арками над фризом из четырех выступающих один над другим полосок кирпичей ребрами. Пилоны – фигурная кладка. Фриз над пилонами – выступающие полоски (3) кирпичей ребрами. Купол, перекрывавший башню, упал. Сама башня начинает отрываться от стены, и тело ее пронизано трещинами. Пештак с боков и над главной аркой украшен мелкими декоративными нишами. По бокам – полуколонны, орнаментированные фигурной терракотовой кладкой.

Длина фасада – 86 шагов.

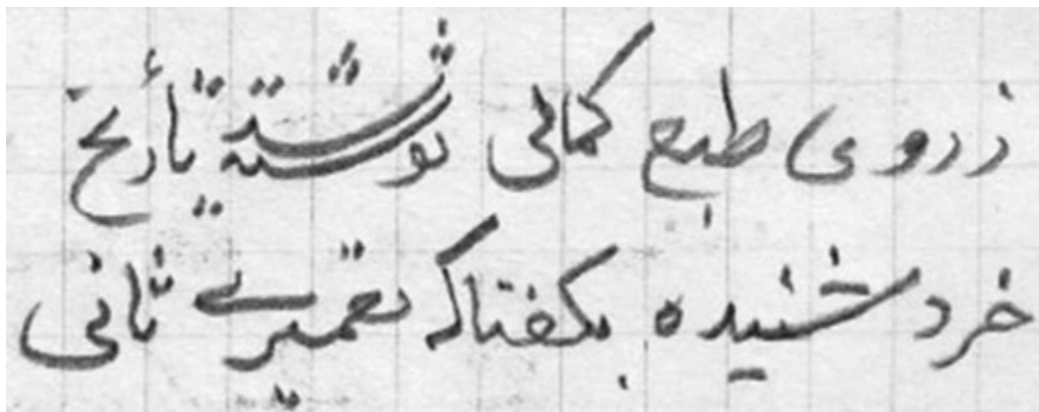
Под главной аркой отличные резные ворота. Прекрасно орнаментированны косяки и притолка. На фигурном занджире та же надпись *'амал уста мухаммад наср 1267* (1850-1851).

Вдоль обоих фасадов – широкая платформа, выложенная квадратным кирпичом. Под цоколем – подкладка из бревен 20 см, связанных бронзовыми резного узора скобками.

Против входа в окне из дарвоза хона во двор бронзовая (литая?) решетка.

Двор 52 (Ю-С) × 62 (В-З) шага окружен одним этажом худжр. Со всех четырех сторон высокие арки (по 10 м тахминан [примерно]). К южной арке примыкает айван мечети, построенный, видимо, недавно.

В северной арке надпись:

В северо-восточном (хонако) и юго-восточном углах большие купольные помещения «крестообразного» плана с нишевидными парусами. Такое же помещение, несколько меньше в юго-западном углу. Купольное помещение над восточной *дарвоза ханой*.

Мадраса брошена, пустует. От ваكф-отдела есть сторож, который следит за ней по ночам. Особенно пострадали (вернее, уничтожены) от разрушений худжры (каркасные) выходящие в сторону двора на южной стороне.

Южные ворота – филинчатые. Северные – массивные.

Хакк-кулы. Небольшая, сравнительно, мадраса. Пештак высотой – 11 м. С каждой стороны пештака, в двух этажах 6 худжр (по 3 в ряду). Два этажа только по фасаду. Фасад обращен к северу. В восточном и западном углах два купольных помещения. Западное с нишевидными парусами – *хонако*. Восточное – с открытым фонарем сверху. Резные ворота с надписью. На бронзовой кованой решетке в *дарвоза хона* против входа надпись: *уста мухаммад 1261* (1845), дальше неразборчиво.

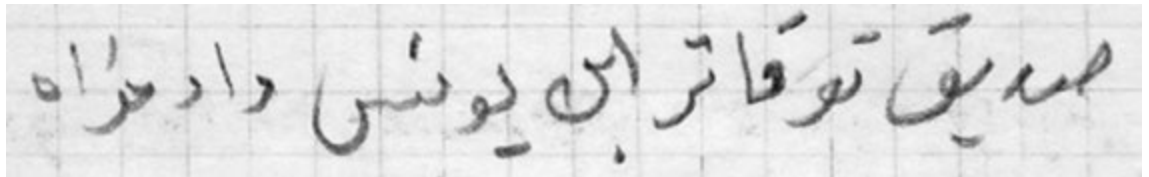
Массивная резная дверь. На двери надпись, арабская, не разобрана.

На резной притолке дата *1261* (1845).

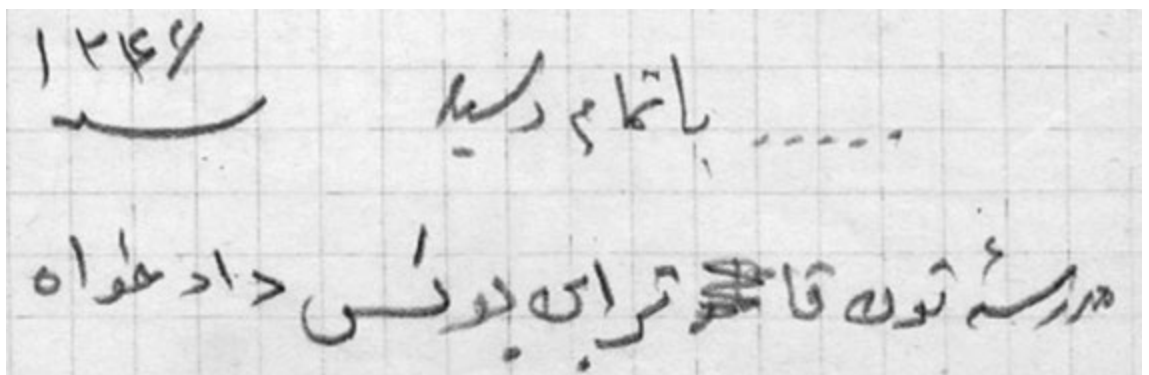
Фланкирующие башни с фонариками. Пилястры между нишами – терракотовая орнаментировка.

Совсем маленькая мадраса Тункачар.

В айване мечети, пристроенном внутри двора к *дарвоза хона*, дата краской в нестарой видимо живописи *сана 1257* (1841-1842).

Над внутренней решеткой в *дарвоза хона* читается написанное краской (черной) по штукатурке:

При последующих побелках эта надпись не забеливалась, а оставлялась, видимо, нетронутой. Сохранилась плохо. Медресе внутри во дворе носит следы многочисленных ремонтов и поправок.

Резная массивная дверь. На ней надпись.

Длина фасада – 46 шагов. Высота пештака ок. 6-7 м. Стен – 4,5 м. По сторонам пештака по две мелкие ниши. Выхода в худжры из них нет. Фланкирующие башни с фонариками.

Медресе Мохляр-оим. Уцелела только несимметричная северо-западная стена мадрасы. Пештак невыразителен, почти одной вышины со стенами. В стене снаружи только неглубокие декоративные арки. Худжры (двухэтажные) выходят во двор. С двух других сторон одноэтажный ряд худжр. С правой стороны фасада также ничем не выделяющаяся фланкирующая башня. Прелестные ворота роскошного рисунка. Никаких строительных надписей и украшений нет. Нет хонако и дарсхона.

Мечеть и мадраса Джамии. Огромный айван мечети с 88 высокими колоннами (около 6 метров), длиной в 132 шага, шириной в 27 шагов (примыкает к юго-западной стене). В середине айвана закрытое зимнее помещение. Средняя часть айвана производит впечатление более старой. Сталактитовые резные колонны. На правой половине строительная видимо надпись с датой: **1272** (1855-1856). Самую надпись, как и надпись в левой половине, ввиду ее высоты и мелкого письма мне прочесть не удалось.

Большой двор окружен одноэтажным рядом худжр. Недалеко от мечети с северо-западной стороны двора кирпичные ворота, перекрытые куполом на трехугольных парусах. Все это (кроме самого айвана) производит впечатление совсем новой постройки.

Частью из русского кирпича. Посередине двора – высокий, но нестарый минарет.

Пештака так же, как и значительной части худжр и верхнего и нижнего этажа уже не существует. Верхний этаж сохранился частично на фасадной стене. Деревянные арки, на западной и южной стенах. В северо-западном углу сохранилось хонако.

Кв. – 9 шагов

Ниши: Ю – 1 шаг

З – 3 шага

С – 6 шагов

В – 7 шагов

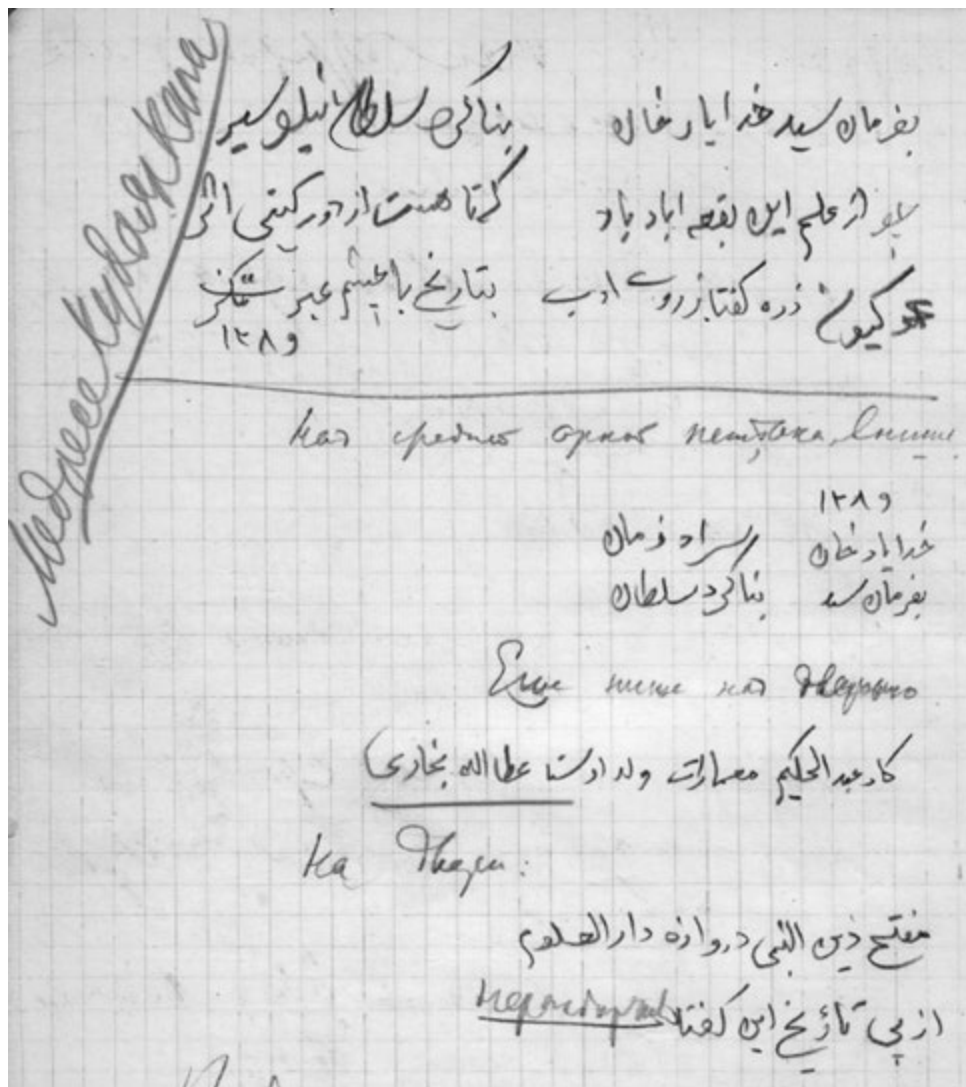
Нишевидные паруса с окнами между ними. В окнах алебастровые решетки. Окна снаружи застроены и, кроме одного восточного, света не дают. Открытый фонарик с окнами, забранными решетками. Изящно разделан сталактитами с синей окраской в звездах.

Сохранилась дарвоза хона с купольным перекрытием.

Михраб хонако со сталактитами.

Надписей нигде, кроме ворот, нет.

[Стр. 37а] Медресе Худояр-Хана

В большой хонако паруса нишевидные. Двухэтажная кругом во дворе и снаружи. Во всех четырех углах купольные помещения с открытыми фонариками. Левый изразцовый куполок разбит снарядом и скреплен железными полосами.

Мадраса-и Оли.

Хонако с парусами типа *имам бахр* [?] и открытым фонариком.

Постройки трех сроков:

древняя – остатки нижней части стен и башня,

средняя – нижний двор мадрасы

новая – верхний двор.

Дарвоза с западной стороны. Резная дверь [неразборчиво] очень хорошей работы.

Хыштын мадраса = м. Оли.

Наливкин. *джахон нома* [?] (до 1740 года) – на месте Медресе-и Оли был дворец Абду-Карим-бия (Кратк. история, стр. 59).

Могила Мухаммад-Амина – старшего сына Нарбутабия. Умер в 1212 (1797) году, не оставив после себя потомства.

Зумрад-ша-Кал'а служила местопребыванием хакима Исфары Бай-бута-бия при Норбута. Когда Алим-Ханом был назначен сюда Маъсум хан Ходжа, Бай-тура не сдал ему крепость. Алим обложил Калъу (Зумрад), во время осады был убит Байбута.

Ввиду того, что время, которое могло быть использовано на поездку по учету и первоначальному изучению памятников старины Ферганы, оказалось очень ограниченным, из-за учебного сбора, на который я должен явиться 9 июля с.г., пришлось отказаться от слишком больших и требующих большего времени для своего выполнения работ. Кроме того, рассмотрев еще раз намеченный ранее маршрут, мне пришлось прийти к заключению, что изучение гор Могол-тау против Ходжента будет гораздо удобнее осуществить при возвращении из Ферганы, т.е. в конце намеченных моим планом работ, ограничившись на первое время объездом районов: Канибадамского, Исфаринского, Яйпанского и Сохского, захватив также, если окажется достаточно для этого времени, город Коканд с его памятниками.

Объезд намеченной территории был начат мною с приглашенным для этой поездки В.Ф. Дружининым, студентом Восточного Факультета САГУ, со станции Веревкино, куда мы прибыли рано утром 19 июня с.г. Оставив тяжелые вещи в сел. Каракчикум, мы вышли пешком по направлению к Ходженту до бывшей границы Кокандского и Ходжендского уездов, находящейся в том месте, где река Сыр-Дарья сближается с железной дорогой. Местность между Каракчикумом и этим местом – пустынная, совершенно открытая равнина – каменистая россыпь, лишь кой-где покрытая зарослями колючки (jantog). На самой границе между бывш(ими). Ходжендским и Кокандским уездами стоит довольно высокий кирпичный столб – пограничный знак, поставленный, как говорят местные жители, около 30 лет тому назад. Сложен столб из жженого местного кирпича $22,5 \times 22,5 \times 4,5$ см на алебастре. Внизу имеет квадратное сечение со стороной в 160 см. Туземное название этого столба «Oq-molla». Несмотря на то, что памятник относится ко времени уже русского владычества в Средней Азии и сравнительно недавний, по своему положению в совершенно пустынной местности – значению межевого, пограничного знака, я счел его заслуживающим интереса, зафотографировал и пометил на вычерченном мною кроки местности.

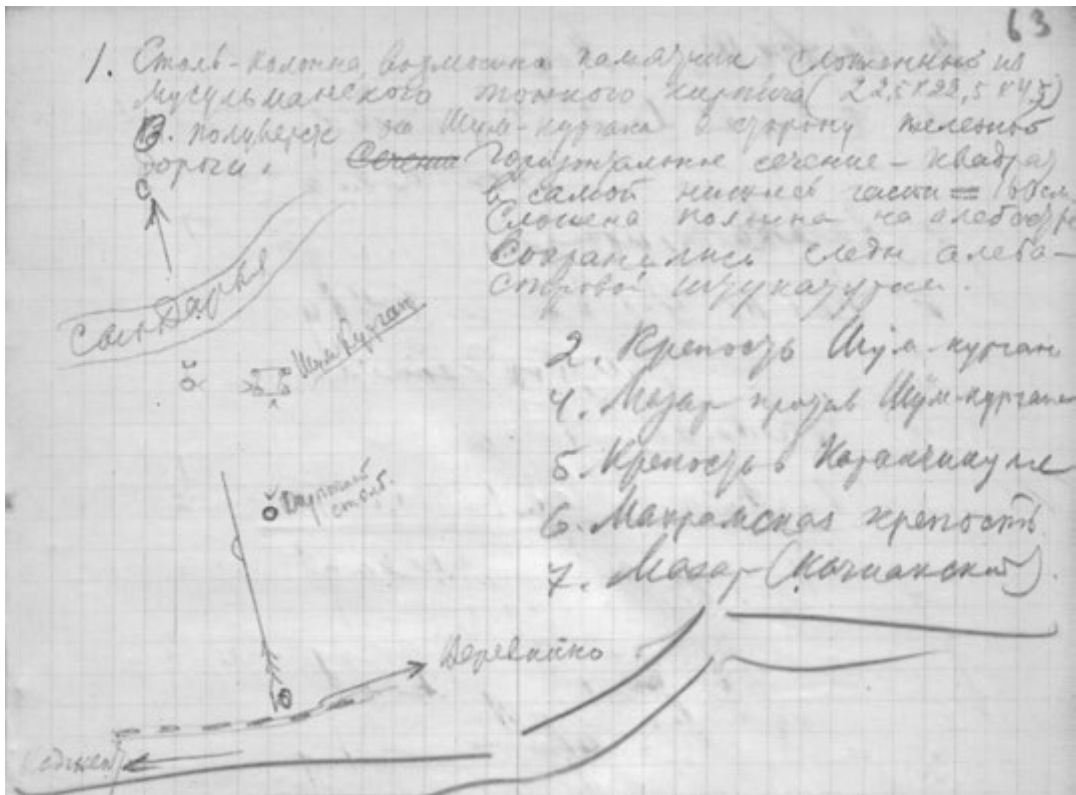
Против этого каменного столба, на самом обрывистом берегу Сыр-Дарьи, стоит больше чем наполовину свалившаяся уже с этого обрыва кокандская пограничная крепость Шум-курган. По характеру местности можно заключить, что крепость была построена на совершенно пустом месте. Нет никаких следов ни оросительных каналов, ни жилья. Питьевая вода могла добываться непосредственно из Сыр-Дарьи. На мой взгляд (чего я не могу утверждать и высказываю только предположительно), даже и ров, окружавший крепость вряд ли заполнялся водой, т.к. ее неоткуда было провести, а уровень Сыр-Дарьи слишком низок для наполнения неширокого, мелкого и высоко расположенного рва. Самая крепость, вернее то, что осталось от крепости, состоит из южной стены с двумя круглыми фланкирующими башнями, наполовину развалившимися. Стены довольно массивны, сложены из крупного сы-

рцового кирпича. Как сам кирпич, так и кладка неправильны и неоднородны, хотя перевязь везде довольно тщательно соблюдается. Ворот на сохранившейся части крепости нет. (Примечание автора на полях: Стены около 3х [саженей?] толщиной. В башнях четырехугольные бойницы, некоторые из них дают возможность обстреливать фланговым огнем стены). Несмотря на то, что от крепости остались лишь жалкие остатки, можно определенно сказать, что это не был укрепленный город, а только лишь передовой пограничный форт. Против крепости, по другую сторону рва, расположено, видимо, недавнее кладбище с небольшим глиняным мазарчиком, не представляющим из себя ничего интересного ни по историческим, ни по архитектурным признакам. Здесь много зафотографировано, крепость Шум-Курган со стороны уцелевшей стены и со стороны Дарьи и упомянутый мазарчик, а также произведена глазомерная съемка местности.

Крепость была взята. Два сына Байбуты были зарезаны.
Мохляр-Оим (дочь Рахман-кула, дяди Алима и Омара) – жена Омар-Хана.
Где могила Алима?
Хак-Кулы – Тункатар (см. стр. 123-124).

[Стр. 57-67 – запись пьес кукольного театра (зоча бози) от 21 июля 1929 г. (пьеса Фарроха бози), от 23 июля 1929 г. (пьеса Бобои каландар)]

[Стр.63]

1. Столб-колонна, возможно памятник, сложенный из мусульманского тонкого кирпича (22,5×22,5×4,5). В полуверсте от Шум-Кургана в сторону железной дороги. Горизонтальное сечение – квадрат в самой нижней части – 160 см. Сложена колонна на алебастре. Сохранились следы алебастровой штукатурки.

2. Крепость Шум-Курган.

3. Мазар против Шум-Кургана.

4. Крепость Каракчикума.

5. Махрамская крепость.

6. Мазар (казахский).

1928 год

Тетрадь № 5

	Стран.
Вакуфные документы:	
Шейхантаур – 1335 г.	1.
Мечети Кесак-курган	2
Выписки – Ходжа Ахрор	3
Медрессе Барак-хан	4
Муи Муборак	4
Занги-Ата	5
Медрессе Кукельташ	7а
Мечети Пули Афанди	10
Иноят-нома Саид-хана 1863 года	12
Дело медр. Муи-Муборак	12а
Медр. Шукур-хан Вали	16
Вакфия Муи Муборак	16
Вакфия Шукур-хан	20
Список медрессе в Ташкенте	21
Дело Бешагачской мечети	21
Мечеть Иски-Намазгох	22
Мечеть Тохлы Джаллят	23
Медр. Иса Ходжа Кази-калян	24
Меч. махалли Раис	29
Меч. Ходжи Мумоль	29
Меч. Хатун-Мачит	29
Вакфы мазаров Имама Мухаммеда и Ходжа-Мохруи	30
Медр. Ходжа Ахрор	32
Заметки, сделанные при поездке в <u>Карши</u> и <u>Шахриябз</u> (1928 г.)	34
Заметки, сделанные при поездке по <u>Бухарскому оазису</u> в 1929 гг.	53а
Выписки: <u>Д.Н. Логофет</u> . Бухарское ханство под русским протекторатом, т. I.	62
Заметки: поездка в <u>Джизак</u> , 1930 г.	70а
Мелкие заметки о <u>Бухаре</u>	75
Выписки: Казбеков Ю. Праздник (<i>тамаша</i>) в Занги Ата	87

[Стр. 10-11]

Дело поземельно-податного комиссара IV участка
Ташкентского уезда № 20 за 1888-1891 гг.

О вакфах мадрасы Муи Муборак, учрежденной Мирзою Ахмадом Кушбеги, сыном Мухаммад-Амина.

Мирза Ахмад Кушбеги жил в махалля Пули-Арандж (Сибзарской части) (Дальше он называется жителем махалли Укчи Шейхантаурской части).

1. Подлинника *вакфнома* не имеется (копию см. на стр. 16). Есть только перевод. Содержание вкратце следующее: Славословие Аллаху. Вакуфодатель – Мир-

за Ахмет Парваначи Мухаммад Аминов, в месяце Рабби-уль-Авваль 1274 года, употребил свое состояние на оживление пустых земель и пожертвовал их в вакуф м(адрасы). Муи-Муборак, находящей в мах(алла). Пули-Арандж на площади Махуд. Первый участок (2 ½ таш × ½ таш) в местности Иски Ташкент между Зенги Ата и Чиназом. Граничит с востока с общественной дорогой и речк(ой). Чирчиком (где находится мазар Бадр-Ата), с севера – арыком Куркульдак⁸⁸, с запада – с землей Нор-Ходжи Ишана Шады-ман Ходжаева, с юга – частью [...] земли Махмуда и частью с речкой Чирчик, частью с землей киргиз⁸⁹ рода Киршавлы и частью с мазаром Хазрат Садр-Ата.

Второй участок за воротами Тахта Пуль в ¼ таша от города и называется Ак-тепа. С запада граничит с вакуфной землей м(ечети) и м(едресе). Ходжи Ахрара, с севера с землей Ходжи Ахрара, с востока с рекой Кунгираа и арыком Тархан.

Третий участок с севера от Ташкента в местности Сары Агач. Граничит: с севера⁹⁰ – с землями киргиз рода Казакия[?], с запада – с арыком киргиз рода Кунград, с севера – с арыком Кунгураа (котловиной) и с юга – с арыком Тархан.

Условия вакуфодателя.

Приписка: Верность перевода никем не засвидетельствована и т.д.

Там же другие переводы, значительно разнящиеся от приведенного.

[Стр. 12-32 – выписки из вакфов; простым карандашом, арабская графика, краткие примечания]

[Стр. 12а-16]

Из протокола от 10 июля 1891 г. составленного податным комиссаром IV участка Натв. (?) Сов. Благовещенским:

Показания Мирзы Ахмад Кушбеги: Во время Худояр Хана он занимал пост «военного министра и генерал губернатора» всех местностей Ташкентского района. Земли между Зенги-Ата и Чиназом «населения не имели и служили пристанищем грабителей и воров, которые грабили проходящие между Чиназом и Зенгиатами торговые караваны, а хозяев их убивали и топили в Чирчике». С разрешения Худояр Хана был выведен арык (кутерма) из Крукульдака и доведен до Юль-Тышкена. Сделан был вызов людей, желающих поселиться в местности Иски-Ташкент. Переселенцы собрались из разных кишлаков Туркестана и Коканда, занялись хлебопашеством. Мирзо Ахмад пожертвовал всю землю в вакф Муи-Муборак. В настоящее время «значительное количество (земли) отмыто р. Чирчиком, кроме того, захвачено полковником Жемчужниковым и ныне состоит во владении его наследников 76 дес. 2800 саж. Танапный сбор с земель = 1500 руб., харадж = 70 батманов разл. хлебов. Общий доход не выше 1850 руб. в год».

Земля в местности Ак-Тепе орошена желобом, выведенным из Боз-су.

⁸⁸ Искажённое «Курук кўлтик» (узб.) – «сухой рукав».

⁸⁹ См. примечание 4.

⁹⁰ Возможно, правильное было бы «с востока».

Участок в местности Сары-Агач (в Ниязбекской и частью в Булатовской волости) орошен арыком Сары-Агач из Зах-арыка.

В 1864 и 1865 годах Мирзо Ахмад советовал командующему Кокандскими войсками Алим-Кулу вступить в подданство России. Это вызвало подозрение в приверженности Мирзы Ахмада к России и заставило его бежать в Маргелан. В 1865 г. после смерти Алим-Кула и падения Ташкента М. А. предполагал возвратиться в Ташкент, но боялся вражды со стороны киргизов и сартов, оставаться в Маргелане, подчиненном Худояр Хану было также небезопасно. С 12 тысячами киргиз, сартов и кипчаков М. А. отправился в Кашгар к Якуб Беку, «которого он же сам назначил управлять этой окраиной». Дорогою киргизы взбунтовались и разграбили караван М. А. По прибытии в Кашгар Якуб Бек принял М. А. ласково, но, опасаясь его самостоятельности, не отпускал от себя. Здесь М. А. провел 12 лет. В 1878 году, когда Кокандское ханство было присоединено к России, а Якуб Бек убит в войне между китайцами и кашгарцами, М. А. бежал в Ташкент.

«В настоящее время вакуфную землю (2117 десятин 1200 саж. по съемке 1889-90 гг.) киргизы родов: чаншклы, рамодан, уймаут, чакчам и сарты. На вакуфной земле расположено целое селение Иски-Ташкент, в котором еженедельно по средам бывает базар. При усадьбах в Иски-Ташкенте и при курганах, разбросанных на всем пространстве вакуфных земель разведены сады и произведены древесные насаждения».

Из Журнала общего присутствия Сыр-Дарьинского Областного правления по временному поземельно-податному отделению 27 марта 1892 г. № 10.

Показание жителя аула Катартал Зенгиатинской волости Бохадур Ходжа Азамат Ходжа Оглы (опрошенного в июле 1890 г.).

Лет 68 тому назад (следов., ок. 1822 года. – Ш.) правитель Ташкентского района Ляшкар Бекляр Беги убедился в пригодности земли между З.-А. и Чиназом. В р. Крукульдак воды было недостаточно. Ляшкар Б. Б. предпринял прорытие канала из Салара. Арык Крукульдак был доведен до Чиназа. Ляшкар Бекляр беги устроил в Чиназе крепость, базар и по приказанию Мадали Хана вызвал туда различных воров, убийц и проч., обещав им помилование. Проведенный Ляшкар Б. Б. арык имел неправильное течение. Бохадур Ходжа (автор показаний) обратил на это внимание, обратившись за помощью к Ляшкар Бекляр беги, который дал наряд на рабочих и Крукульдаку было придано другое направление, посему явилась возможность увеличить размеры орошаемой площади. Бох(адур). Х(оджа). обратился к новому хакиму Ташкентского вилайета Мирзе Ахмаду, который приказал собрать 3000 человек мардикеров. Собралось только 1000, остальные откупились деньгами. Работа была закончена в три года.

По показанию Абдураима Мазакирова со времени орошения земель Иски-Ташкента прошло около 30 лет (т.е. с 1858 года примерно).

Из прошения М. А. Кушбеги, записанного со слов просителя А. Диваевым 10 апреля 1896 года (Русский текст).

Отец М. А. Мухаммад-Амин-Мирза был визирем у Мадали Хана в течение 20 лет. «Ханство Мухаммад Амина было обширно, оно простиралось с запада до Джи-

зака, с востока до Кашгара, с юга до Кара Тегина, с севера до гг. Верного и Казалинска. Мадали Хан царствовал 22 года, вскоре после его смерти умер и Мухаммад Амин Мирзо. После Мадали воцарился Ширали-Хан, назначивший М. А. государственным казначеем. В 1840 году (приблиз.) Шир-Али был убит Мурад Ханом, который процарствовал всего девять дней, а затем был свергнут и убит Худояр Ханом. М. А. назначается хакимом по всему течению Ангрена и Курамы, за службу здесь пожалован чином «дотхо». Затем М. А. назначается правителем Ташкента в чине «парвоначи» «с ханским уполномочием и подчинением /мне/ войска». По прибытии в Ташкент он построил мадрасу Муи-Муборак.

На границе Бухары и Туркестана был ограблен большой караван с товаром до 1 миллиона рублей. М. А. удалось поймать хищников, за что эмиром бухарским он пожалован чином «Куш-Беги».

М.А. расширил Чимкент, устроил в Сайраме базар. Хакимом в Чимкент он (М.А.) назначил Сайид Ходжу. Основал базар в Аулие-Ата, назначил хакимом Атабек-додхо. В Мерке и Асфаре провел каналы, хаким. назнач. Муллу Мухаммед Ризо-додхо. В Ит-кучу вывел крепостцу, поставил там гарнизон, подчинив его Рустам-бек додхо. Восстановил Пишпекскую крепость, назначил туда 500 человек под начальством Рахматулла-батыра. В местности Манар заложил крепостцу, хаким – Кипчак Хангельдыбай. Укрепил Карабаткан, начальником войска послал Абду Расуль Бия. Заложил крепостцу в Кызыл Джаилма Ташти, назначил Пардабек-понсата с 500 людей. Возведены крепостцы в Чулак Кургане, Сузаке, Джулеке, Чардаре и Чиназе. Оросил местности: Иски-Ташкент, Сары-Агач, Ак-тепе и Хан-курган (последняя пожертвована в вакуф мадр. Зенги Ата). Когда М.А. было 38 лет Эмир Музаффар арестовал Худояр-Хана и отправил его в Бухару, а М.А. назначил регентом ханства. Затем, после отъезда Эмира из Коканда, он получил приглашение покорить Кашгар Кокандскому ханству, выступил в поход и вместе с Якуб бекем занял Кашгар, Янги-Хиссар, Яркенд, Каргалик, Хотан, Туить (?), Ак-су, Байсарам, Кара Шаар, Урумчи, Манас, Дованча и Хамадан. Кашгарская провинция сделалась вассальной Кокандскому ханству, а Якуб-бек – ее владетелем.

В 1898 г. М.А. уже не было в живых, как показывает прошение его наследников.

[Стр. 21-21а]

Местности Ак-Тепе (та самая, о которой говорится в вакфнома Мирзы Ахмада Кушбеги) тождественны с местностью Ат-Чапар.

Махалля Хафиз-Кухаки в Кукчинской части.

Мадрасы Ташкента в 1899 г. (список не полный):

Ишан Кулы Додхо, Ходжа Ахрар Вали, Барак-Хан, Бекляр Беги, Махмуд Да-стурханчи, Мат-Карим Хальфа, Кукельдош, Абдул Касым-Хан-Ишан, Муи-Муборак, Казы-Калян и др. (Джуманбай, Чархчи-Куча, Калля Хона, Хон-Бово-бой, Ахмад-Махдум (в м. Арпа Пая – упразднено?) Хонходжа Ходжи, Иса Ходжа Козы, Ходжа Ахмад Ходжи Касымтай, Атабай-Ходжа, Рузы Мухаммад Ходжи) / 21.

[Стр. 28а]

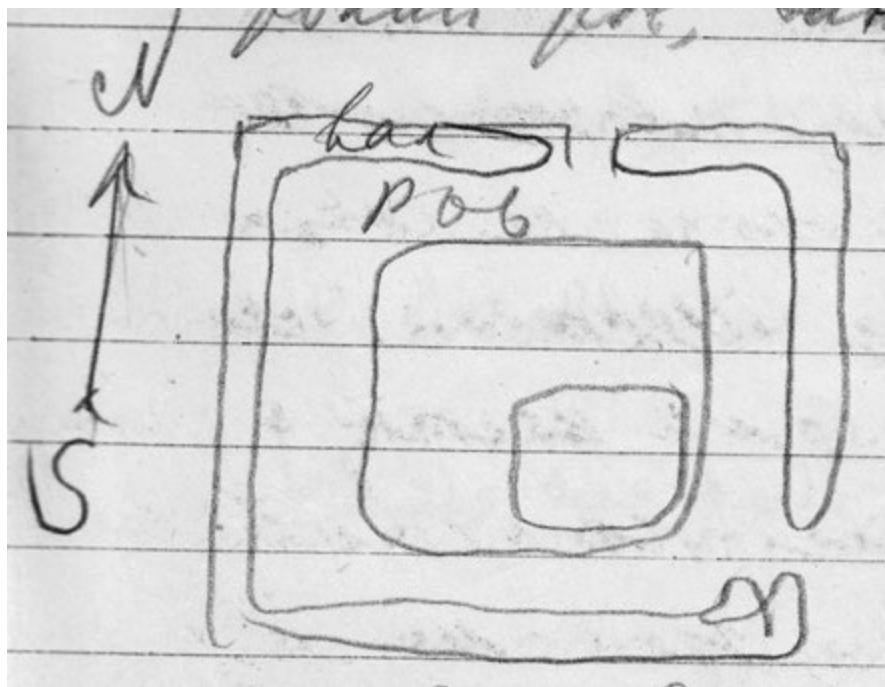
Сведения о медресе Иса Ходжа Козы-Каляна Юнус Ходжа Ишанова, находящемся в махалле Кизыль-Курган, Сибзарской части г. Ташкента (выписка).

«Медресе основано 55 лет тому назад ташкентским казием Иса Ходжа-Козы-Каляном Юнус Ходжа Ишановым на собственные средства – сначала была построена мечеть и спустя пять лет учреждено медресе. Мечеть 6 лет тому назад отремонтирована заново, так как бывшие землетрясения испортили купол мечети. Здание медресе капитальному ремонту не подвергалось, за исключением подштукатуривания стен и смазки крыши. В данное время медресе состоит из одной мечети и 15 худжр, которые все требуют большого ремонта». Составлены капитаном Чертовым в 1892 году.

[Стр. 36а]

7 ноября [1928 г.], город Карши (Бехбуди)

1. Городище около станции (вправо от дороги в город, в нескольких десятках саженей от нее)⁹¹. Городище имеет большие особенности. Снаружи оно окружено массивным земляным валом-насыпью, образующим четырехугольник. Стена-вал имеет перерывы: перерыв примерно в середине северной стороны и на восточной стороне около ЮВ угла. Снаружи вала следы рва или же углубления, из которого брали землю для насыпи. За насыпью, внутри снова глубокий и широкий ров, занятый теперь посевами.

⁹¹ Городище Калаи Зохаки Морон.

За рвом уже идет самое городище, занимающее площадь, вероятно, всего в 2-3 десятины. Юго-восточный угол более возвышен. Поверхность неровная, бугристая. Никаких интересных образцов керамики мне обнаружить не удалось (правда, я и не искал их специально). В нескольких местах как внутреннего городища, так и внешнего рва вырыты кем-то небольшие ямы; в некоторых местах как будто бы с кладоискательскими целями.

С вершины холма виднеется много искусственных холмов различной формы и величины, наибольшее число их расположено на западной стороне. Всего мне удалось насчитать их шестнадцать.

2. Город Карши окружен глинобитной стеной со рвом вокруг. Стена очень сильно разрушена, ворота не сохранились.

3. Парад на площади. Шествия дехкан с огромными букетами цветов и хлопковых кустов с распустившимися коробочками, лопатами, ураками и т.д. Плясуны. Пантомимы с ножами.

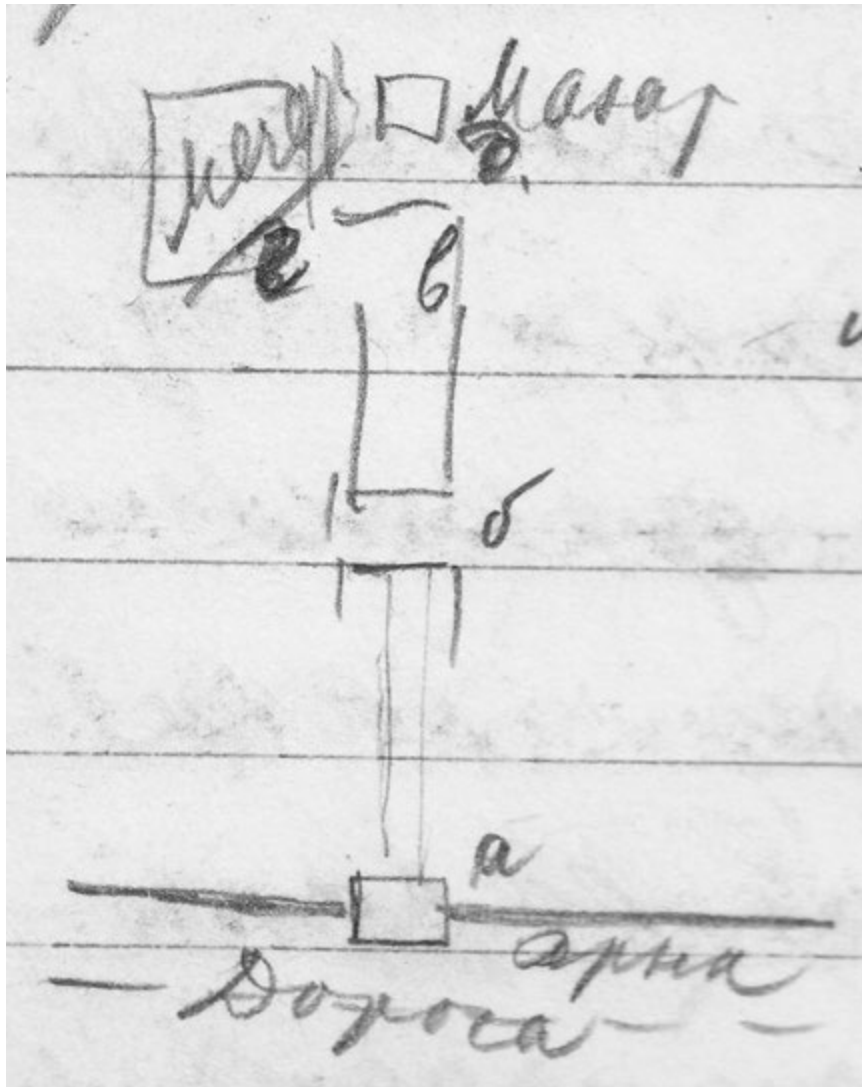
4. Медрессе Абдулла-хана в том же состоянии, как и в первый мой приезд. Подробно не осматривал.

5. Одина-мечеть. Не осматривал. Дверь оказалась закрытой. Интересный старинный замок в виде рыбы. Следовало бы вынуть и взять в Бухарский музей.

6. Бековская Кал'а. Окружена невысокими и не имеющими оборонительного характера глинобитными стенами с баттлементами. Чрезвычайно интересна резьба больших ворот кал'ы. Эта поздняя неглубокая резьба в два плана (в двух плоскостях), но интересна она по трактовке заполнения поверхности, в арочках декоративного вида стилизованные деревья – нечто от Абдал-Азиза. Внутри кал'ы плохо сохранившиеся каркасные ничем не замечательные постройки. Есть и интересные резные двери, тонкие алебастровые панджара хорошей работы.

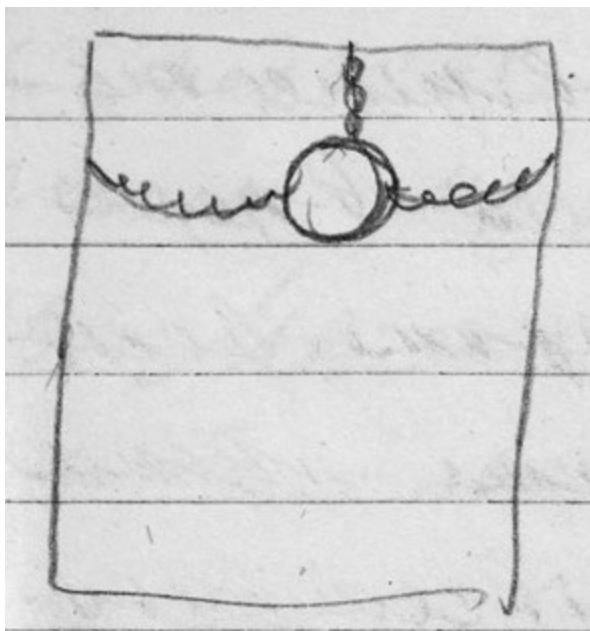
7. Мечеть Дарвоза-Тута с мазаром Ишан-Шахида. Старенькая мечеть с навесом. Интересна тем, что внутри мечети имеются два тонкой работы резные столба. Хорошей работы алебастровый орнамент над михрабом. Мазар небольшой, обращенный фасадом в сторону мечети. На фасаде мазара вставлено несколько кусочков довольно хорошей цветной майолики, и даже небольшой кусочек резной терракоты с геометрическим орнаментом (Мусатгас). Там же вставлена каменная белая плитка с надписью грубо вырезанной и содержащей восхваление Аллаха и пророка. Надпись датирована 1218 годом хиджры. Самый мазар открывается с фасада только небольшим окном с алебастровой решеткой. Перед фасадом, под его аркой – чирог-хона, в ней несколько любопытных светильников, а на чирог-хона бараньи рога.

8. Мазар Хаджи Убайда, находится верстах в полутора от города с северо-восточной (?) стороны. Чрезвычайно интересный ансамбль построек.

а) Деревянный пропилен – вход к мазару и в то же время мост через арку. Образец монументальной среднеазиатской архитектуры из дерева, так редко встречающейся в такой форме.

б) Вход во двор, где находятся мечеть и мазар, еще более монументального вида. Прекрасные ворота чрезвычайно массивные и тяжелые, вероятно, сравнительно недавнего происхождения, но чрезвычайно интересны своим простым и выразительным расчленением филенок и резной обработкой их, напоминающей, скорее всего, итальянский ренессанс. Все полотнища двери усажены разной формы и величины бронзовыми кольцами и подвесками, инкрустацией из кости, металлическими пластинами. Отсутствует одно массивное бронзовое кольцо на левой створке ворот и одна металлическая пластина с надписью с инкрустированным из кости обрамлением на правой створке. Перед полотнищами двери висит массивная железная цепь с кольцом. Назначение этой цепи мне неизвестно и нигде раньше такого типа украшений двери мне встречать не приходилось.

Нестарая по времени дверь вместе со всеми ее украшениями является удивительно цельным и монументальным художественным произведением, сохранение которого было бы в высшей степени желательно. К сожалению, в постройках, находящихся во дворе, размещаются в настоящее время инвалиды, что грозит прекрасному памятнику порчей, если не уничтожением. Взять дверь в музей из-за ее тяжести и величины невозможно, взять декретом на учет не имеет смысла т.к. обеспечить наблюдение за ее сохранностью вряд ли бы удалось.

в) Другие ворота, тоже с бронзовыми кольцами и украшениями, но в менее значительном количестве, чем в первом случае. Имеется также висючая цепь с кольцом, также менее массивная.

г) Мечеть совсем новая, но имеет интересные особенности в своей конструкции. Во всех ее четырех углах на каждой стороне находятся большие окна, забранные деревянными решетками. Под ними такие же широкие двери, украшенные сравнительно простой резьбой.

д) Самый мазар не виден за низенькой кирпичной стенкой его окружающей. Перед мазаром туз'и две чирог-хона.

9. Хонако в махалля Курганча. Большая мечеть с айваном на высоком основании. Потолок айвана незатейливо расписан. Интересны покрытые резьбой столбы. Перед мечетью хауз. Рядом со двором мечети небольшой мазар с высокими туз'ами. Часть надписи с надгробного камня, находящегося на этом мазаре приводится много выше.

10. Мечеть Намозгох (Кок-Гумбаз) находится за чертой собственно города в махалля Кал'а-хона (1-й район). Мечеть типа «Намазго» двух-наосная(?). Фасад богато украшен довольно хорошо сохранившейся облицовкой из майоликовых плиток, глазурованных кирпичиков и местами мелкой мозаикой. Тимпаны главной арки заполнены геометрическим белым по синему звездным орнаментом. Вся облицовка

соответствует таковой же на медресе Абдулла Хана в Бухаре, и при первом взгляде на мечеть я признал ее произведением Абдулла Хана. Купол на высоком, также выложенном изразцами куполе в настоящее время не существует. Мечеть ввиду, вероятно, недавно производившегося ремонта (правая часть здания, как отмечено на моем кроке, выложена заново из русского кирпича с большим искажением формы: совершенно испорчена кривая арки) сохранилась довольно хорошо. Лишь только в крайнем левом (южном) нефе имеются возбуждающие опасение трещины, да крайняя южная арка с фасада имеет значительную деформацию, на эти изъяны следует обратить внимание при следующем приезде в Карши.

По Карши:

- а) Смета и акт на медресе Абдулла-хана.
 - б) Обдумать способ сохранения ворот мазара Хаджи-Убайда.
 - в) Приехать и взять для музея дверь и решетки из бековской кал'ы и замок Одина-Мечети.
 - г) В будущем зафотографировать: 1) стену города, 2) городище у станции, 3) Абдулла Хана, 4) Мазар-Ходжи Убайда, 5) Одина-Мечеть, 6) Медресе у базара, 7) Кок-гумбаз.
- бытовые: 1) базар, 2) ишак с кувшинами (водоснабжение).

Шахрисябз.

Ак-Сарай.

Мавзолей Имам-Зода.

Мазар Гумбаз-и-Сайидон.

Мазар Шемс-ад-дина.

Мечеть Кок-Гумбаз.

8/XI [1928 г.]

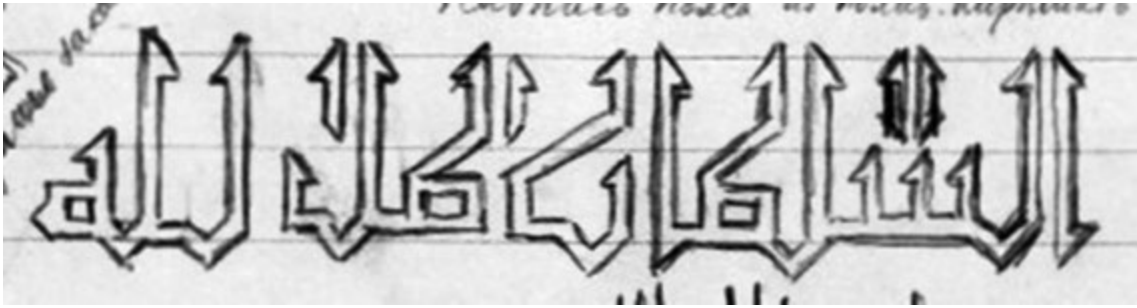
Дорога из Карши в Шахрисябз. Голая неприглядная степь, кой-где прерываемая небольшими кишлаками почти без всякой зелени. У кишлаков (один из них был довольно близко к полотну железной дороги, и мне его удалось хорошо рассмотреть) тот же вид, что у аулов Красно-Текинской волости: жилыми помещениями служат юрты, которые стоят во дворах, обнесенных глинобитными заборами и постройками. За станцией Якка-баг, на некотором расстоянии от нее, начинается обильный водой и растительностью Шахрисябзский оазис. От станции Китаб к Шахрисябзу ведет незаконченное шоссе. Невероятная пыль. Интересно отметить одно обстоятельство: на всем 122 километровом протяжении Китабской ветви ж.д. нет ни одного буфета, ни одной перронной лавки. Нам нигде не удалось купить папирос, а поезд, отойдя от ст. Карши в 6 ч 25 м утра, прибыл в Китаб (где на станции тоже ничего нет) около 4 часов дня (122 километра: 8).

Шахриябз, как на меня, так и на Павла Петровича⁹² первое впечатление произвел весьма благоприятное. Детализировать буду завтра.

9/XI. [1928 г.]

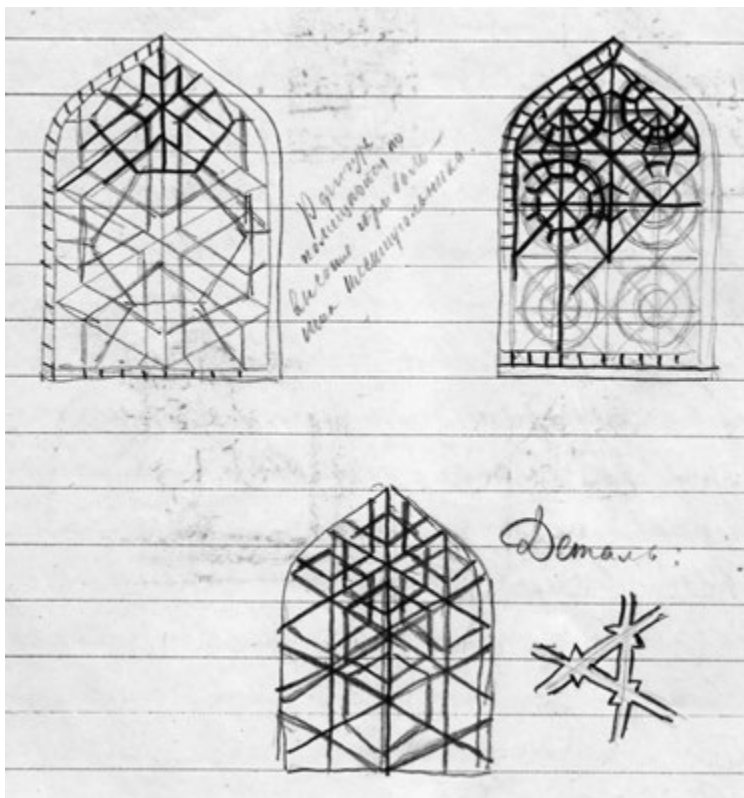
Ак-Сарай

Надпись пояса из полив(ных). кирпичиков на фланкирующих башнях портала [стр. 42]

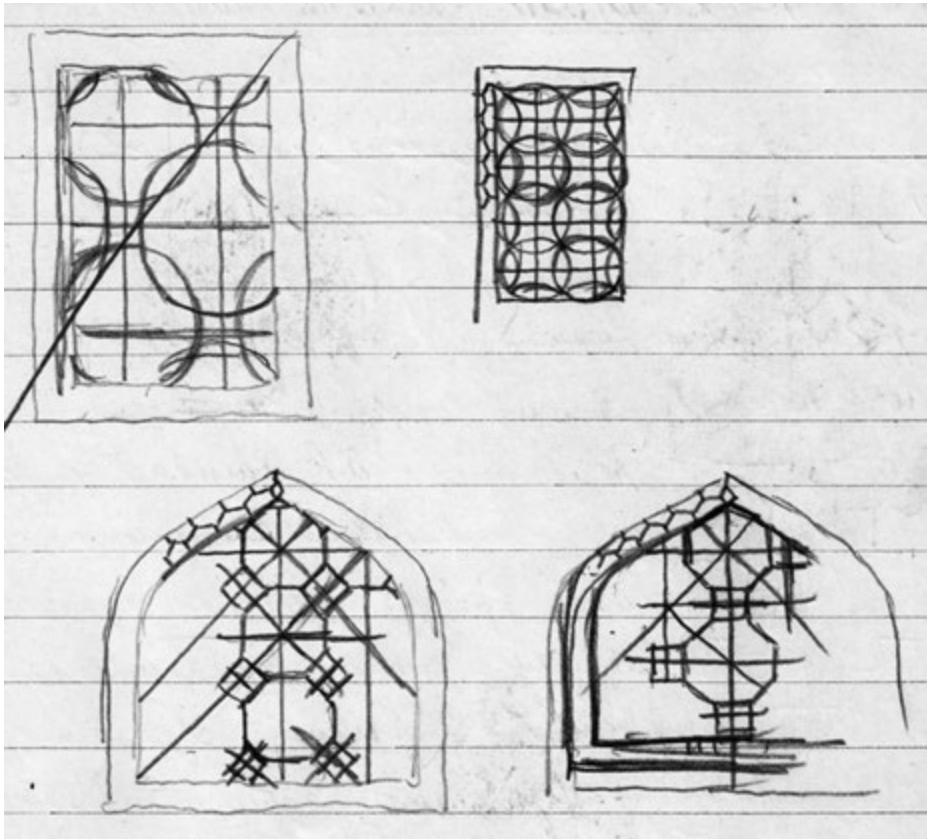
[Стр. 42а]

Гузар Малик Аждар, новая (русский кирпич) мечеть

[Стр. 43]

Мечеть гузара Капкон

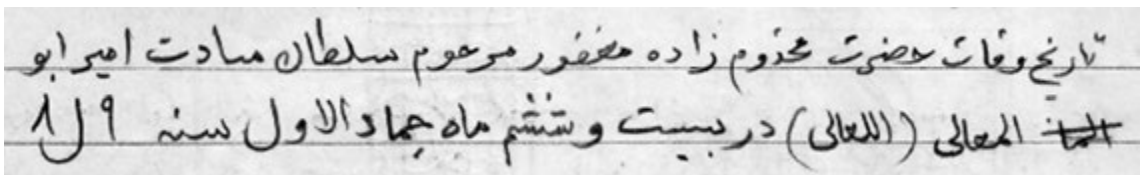

Гузары [Шахрисябза:] Кулялик, Малик Аждар, Зингарон, Капкон, Кундузак)

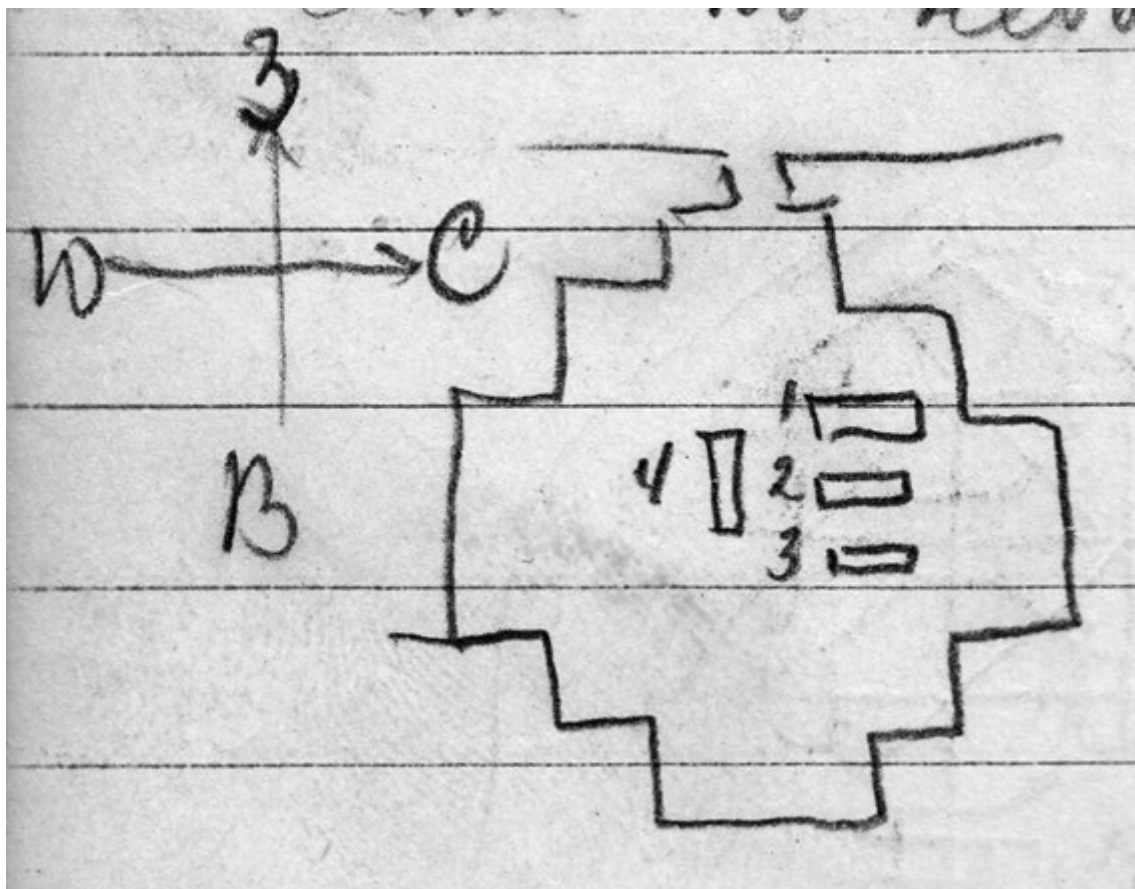
[Стр. 43]

Кок-таш (Хазрат Шайх)

Надпись на южном конце большого камня: (1)

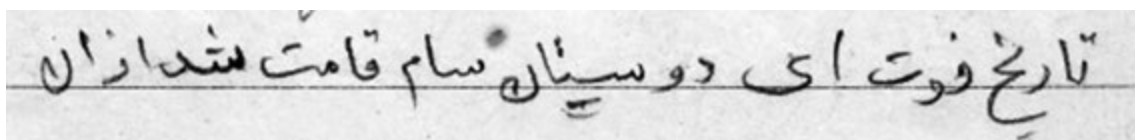

Паруса нишевидные. В арках между парусами по небольшому окну.

Живопись: Б.Н.⁹³ ошибается, считая, что живопись выполнена только синей краской. Синяя краска лучше, чем другие, сохранилась. Роспись в высшей степени тонкая и изящная. Орнамент растительно-геометрический весьма богатый. Есть пояс надписи «сульси», прочесть которую невозможно без лестницы или лесов. Четыре камня⁹⁴. Самый большой и хорошо сделанный тот, с которого я списал приведенную выше надпись.

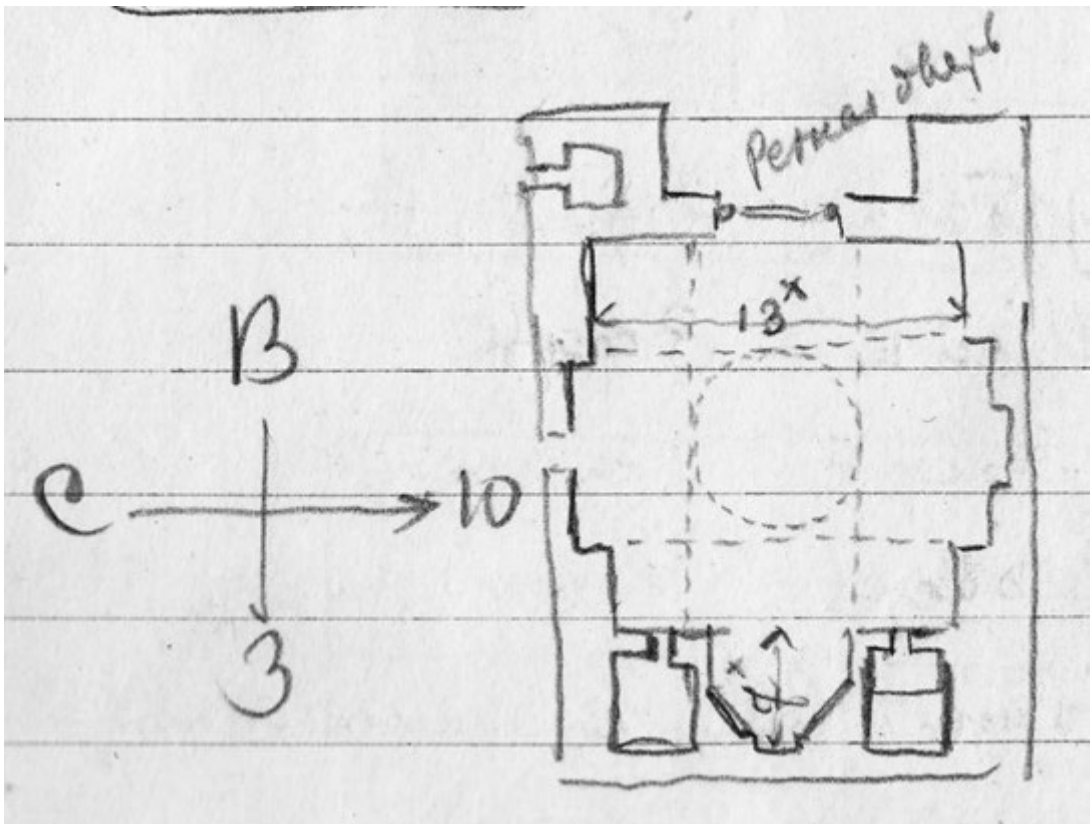
На втором камне буквенная дата:

Мечеть

⁹³ Б.Н. Засыпкин.

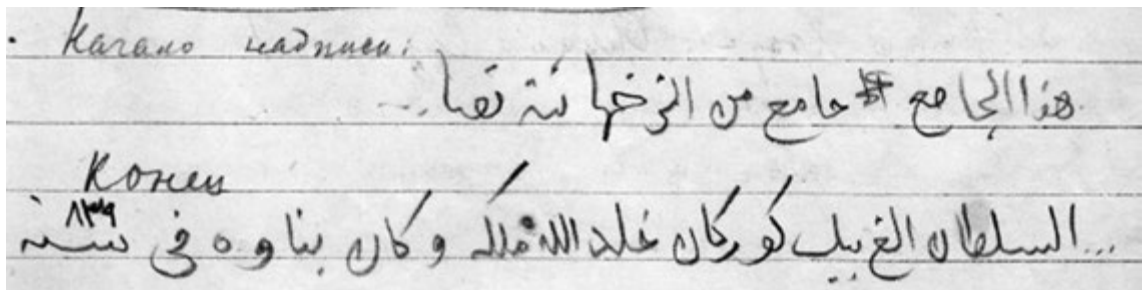
⁹⁴ Надгробия.

Нервюрный купол. Масса трещин, особенно сильно разрушен юго-восточный угол. Панель из поливных кирпичиков синего, голубого и белого цветов с терракотовыми кирпичиками (простой геометрический орнамент) сильно напоминает эпоху Абдулла-Хана, чему соответствуют и конструктивные данные мечети. Панель сохранилась фрагментарно. Мечеть служит в настоящее время складом леса и клевера. Приземистый вид снаружи.

Мечеть Улугбека

Начало надписи:

Конец

... *ас-султон Улугбек Куракон халид Аллах малик ва кони бановаху фи сана 839*
[1436 г.].р

Майолика и мозаика из кирпичиков. Мечеть внутри выбелена. Паруса нишевидные тимуридские.

10/XI. [1928 г.]

Завтра сфотографировать:

1. Ак-Сарай – 2 фот.
2. Мечеть Улуг-бека – 2 фот.
3. Хазрат-Шайх – 3 фот.

1. Дверь

2. Дверь

Общий вид с южной стороны.

5. Хазрат-Имам – 2 фот.

Или так:

1. Ак-Сарай – 1 фот.
2. Улугбек – 1 фот.
3. Хазрат-Имам – 1 фот.
4. Дверь Гумбази-Сайидон – 2 фот.
5. Хазрат-Шейх – 1 фот.

Хазрат-Имам – внутри 1 (фот.)

Ворота Шахрисябза:

1. Китоб-дарвоза
2. Куш-хона
3. Чаримгар
4. Сим-хона
5. Кунчикар.

Каймок.

Высота стены около Китабских ворот = 4 1/2 саж. Считая от рва – 6 саж. (примерно). Стена имеет кой-где зубцы и башни. Полотнища ворот замечены мною (в плохом состоянии, скоро развалятся) только в Китабских воротах.

1929 год

Тетрадь № 10

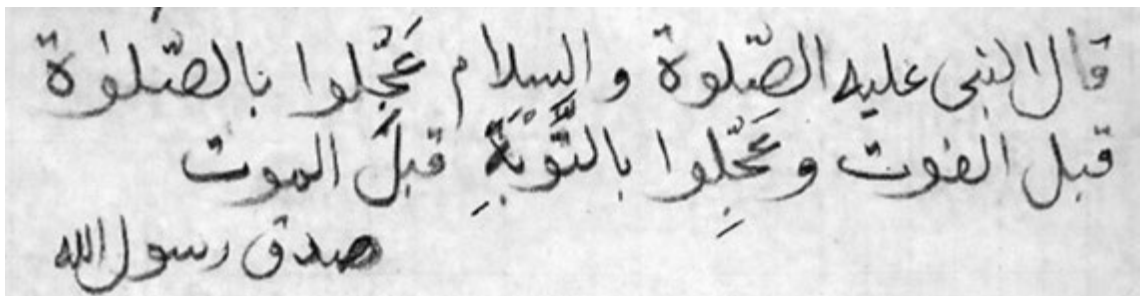
Заметки: Мечеть Мухаммад-Яр Аталык в Бухаре	1
Сарай Домулло Шир	3
Мечеть Ляби Хаузи Арбаб	3
Мечеть Би-сутун	4
Медресе Мири Араб	4
Медресе Улугбека	4
О раисе, созанда, биби-хальфа и мурда-шуи	4а
Список гузаров Бухары	6а
Мечеть Боло Хауз (надпись и прочее)	11
Записи пьес кукольного театра	14-72

6/VI 1929. Мечеть Мухаммад-Яр-Аталыка.

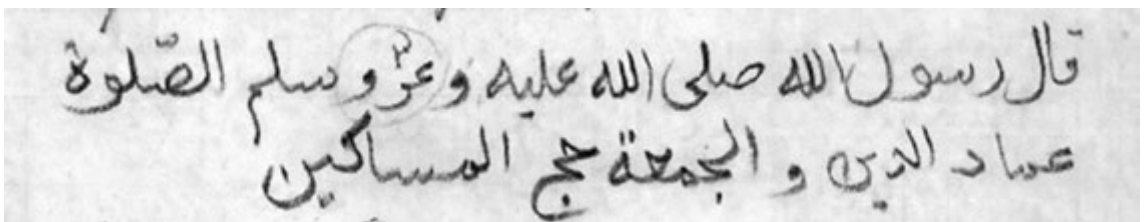
1055-1091 гг.х. (1645-1680) Шейбанид Абдал-Азиз.

Дата 1079/1669. Содержится в сине-белой майоличной надписи, обрамляющей пештак.

Резная деревянная большая дверь под главной аркой. Резьба – неглубокая и довольно грубая. В верхней части полотнищ двери надписи. Левая сторона:

Правая сторона:

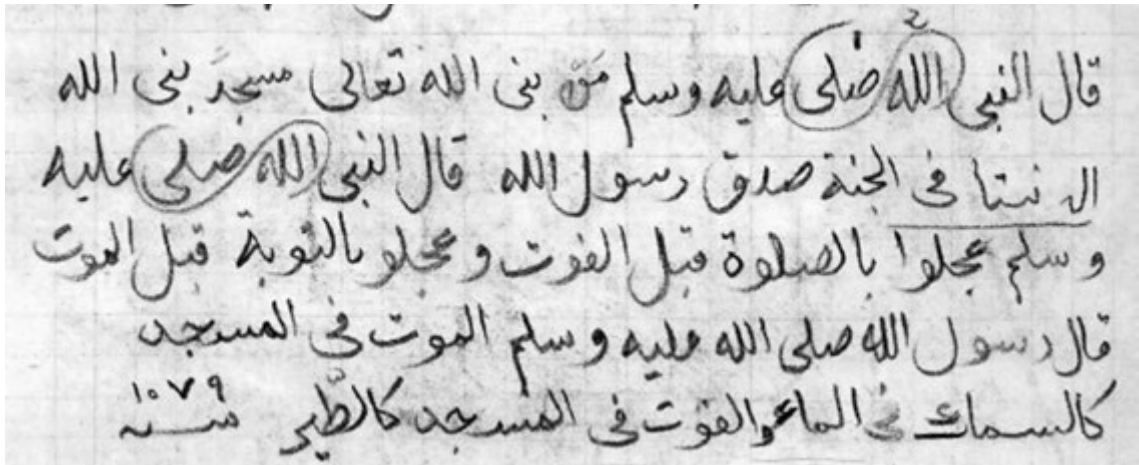

Переводы: 1) Сказал пророк, да будет над ним молитва и благословение: спешите к молитве раньше погребения, спешите к покаянию раньше смерти.

2) Сказал посланник аллаха, да благословит его Аллах, да возвеличит и приветствует: Молитва – опора веры, а собрание на молитву (в пятницу) – хадж бедняков.

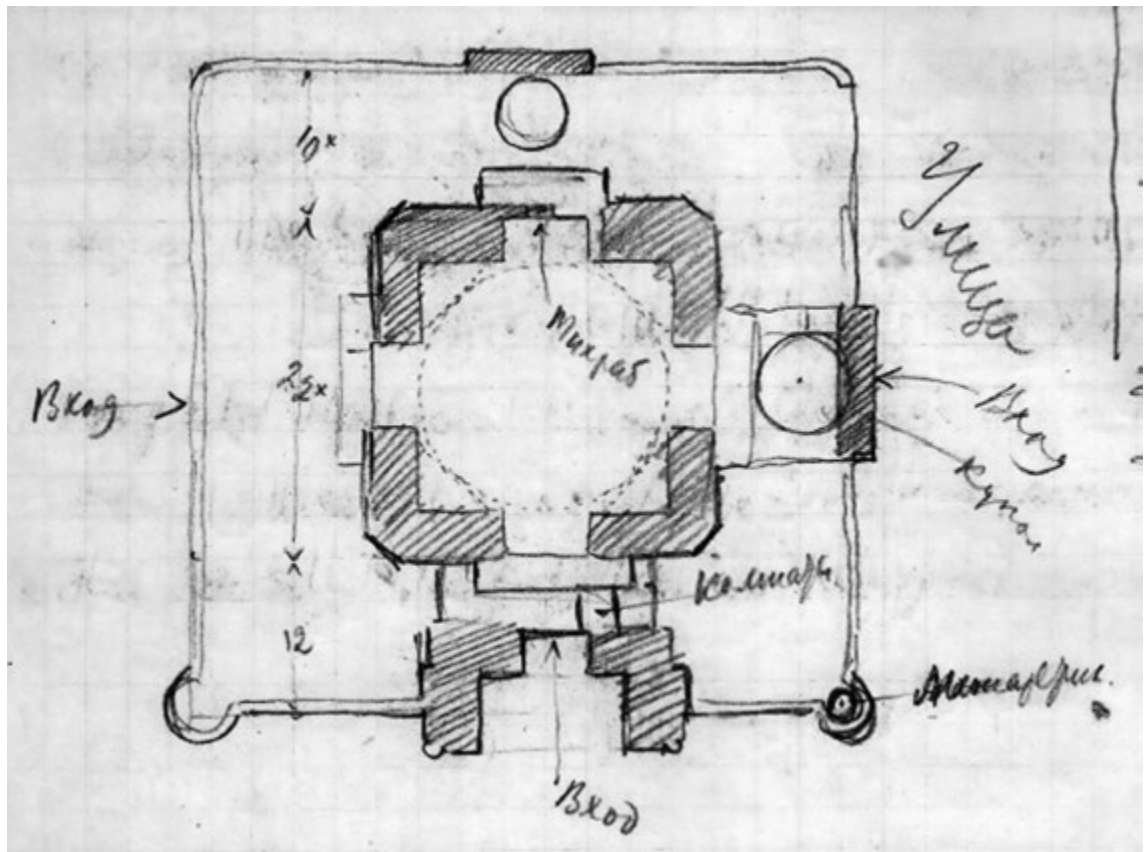
Внутри мечеть никаких украшений не имеет. Паруса арочные стрельчатые, очень широкие. Между парусами большие окна с алебастровыми решетками; в настоящее время окна эти замазаны снаружи глиной. Купол – типа мечети Диванбеги⁹⁵, но с интересной особенностью: в четырех местах, над парусами в куполе сделаны окна, небольшие, четырехугольные, укрепленные сверху арчовыми балками. Несмотря на такое ослабление конструкции, купол держится, видимо, довольно хорошо.

Над аркой, в которой заключается входная дверь (стр. 1) имеется также надпись, выполненная майоликой – белые буквы по синему фону (одна строка):

Пространство между этой полосой надписи и аркой (тимпаны) заполнено сине-белой с незначительным количеством зеленого майоликой. Растительный спиралевидный орнамент этих тимпанов напоминает скорее эпоху Абдулла Хана по своему общему впечатлению. Сохранность 50%. Надпись цела вся. Вообще скромное изразцовое убранство мечети сохранилось довольно хорошо.

⁹⁵ Прим. автора: «С гребнями – нервюрами».

[Стр. 2а] План по крыше.

В левом устье главного портала ход на крышу.

1079 – 1668/1669 г.

1079 г. начался 11 июня, т.о., скорее всего, мечеть и была закончена в 1668 г.

Выше, над этой надписью, имеются три прямоугольных окна, расположенных так: [два в ряд и одно над ними] украшенные изразцовыми решетками (простые шестиугольные ячейки). Одна из решеток на 1/3 разбита.

В плане мечеть представляет основной квадрат мечети с четырьмя нишами, окруженный со всех сторон одноэтажным рядом худжр.

Dar kuča budám rah guzár
Omad sadó az pušti sar
Jak mardaki oqi padár
Meguft bo sad qarr u farr
Šaxbudi ku(h)na xast mi jo
(musaddas)

[Слева на полях страницы] Возглас старьевщика (ku(h)па-хаг): Ђахbuthoi ku(h) па хаст mi-jó.

Кино помещается в Сарои Читти (чатти).

По дороге от Кукельдаша к Могоки-Аттари с левой стороны перед поворотом в пассаж: *сарои домло шайх*.

Ляби-хаузи-арбоб – мечеть с интересными резными столбами айвана. Из старых резных столбов уцелели только два, один из них сохранил сталактитовую капитель.

[Стр. 3а] Орнаментальный столб мечети Ляби Хаузи Арбоб.

Столб довольно высокий, обычного типа, на каменной (серый мрамор) базе также обычного типа.

Самый ствол столба оканчивается внизу шарообразной формой, полуприкрытый сверху стилизованными зубчатыми листьями. Тип обычный.

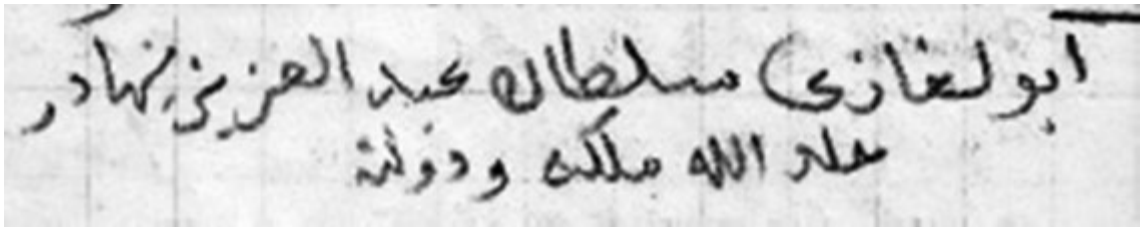
Мечеть Ляби Хаузи Арбоб каркасная с балочным перекрытием. Обращена в настоящее время в клуб. С северной стороны на айване имеется какая-то новая каркасная постройка. Сломана деревянная решетка, ограждавшая дворик мечети со стороны хауза Арбоб. Хауз небольшой, выложен тесаным камнем, обсажен деревьями. О датировке мечети данных не имею. Судя по столбам – не меньше 100 или 120 лет.

8/VI 29.

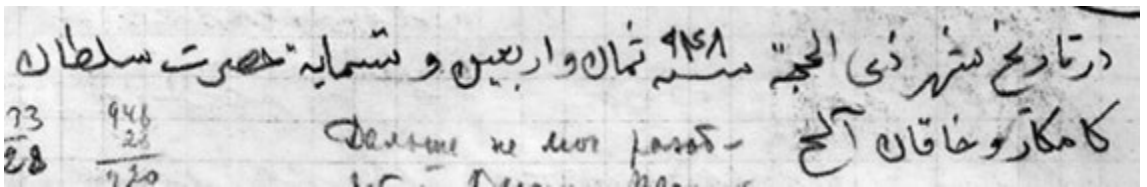
Сталактиты капители очень мелки, зачерчиванию поддадутся с большим трудом. Следует зафотографировать (9×12, до 12 часов).

Недалеко от мечети хауза Арбоб, несколько выше по тому же арыку, имеется небольшая мечеть Би-Сутун. У мечети, теперь заброшенной и начинающей разрушаться, интересен бронзовый дверной молоток (кольцо) с надписью. Следовало бы его взять в музей ([синими чернилами приписка:] кольцо украдено на следующий день после записи).

Дата постройки Мачити Калян – 948 (1542) при

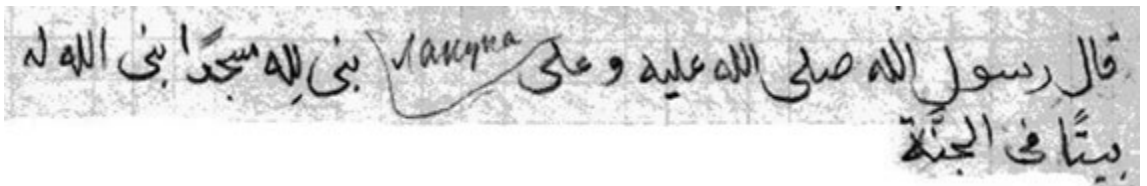

Надпись на мраморной доске

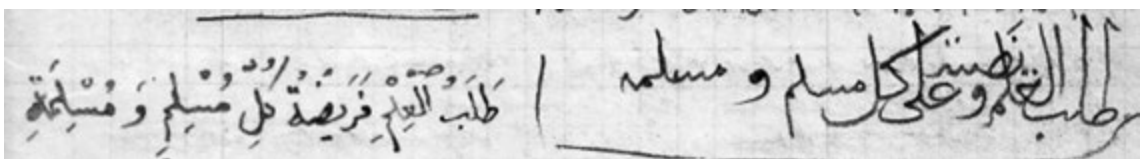

Дальше не мог разобрать. Высоко. Пестрит в глазах.

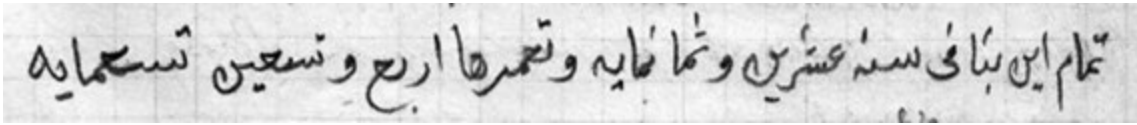
Мири Араб. Справа от портала. Фасад:

Улугбек. Левая створка ворот:

Конец большой надписи (левая сторона портала):

Построена – в 1418 г., ремонт – 1586.

[Стр. 4а]

Раис. Определял наказание плетью за преступления против нарушения установленных мер и веса, принятых цен и проступков религиозно-этического характера (см. л.5а), причем назначалось всегда нечетное количество ударов от одного до тридцати девяти. (Проверить). Наказания свыше этого числа ударов назначались кушбеги и миршабом. Причем наносились они не плетью, а палками. Палач раиса наносил удар только кистью и локтевым суставом руки, предплечье оставалось неподвижным, локоть прижат к боку (в качестве примера говорится, что если бы палач раиса положил под мышку яйцо, то оно при ударе не должно выпасть).

Два вида наказаний:

Таъзир – наказания за преступления, налагаемые в административном порядке.

Хадд – наказания, налагаемые по шариату.

Самые богатые женщины:

1. Созанда.
2. Биби Хальфа.
3. Мурда-шуи.

Крупный заработок имели по временам маддах, носившие например шубы ценой свыше 1000 руб. и т.д. Маддахи путешествовали из одного города в другой. Перекочевывали с одного места в другое, иногда на старом месте заработок становился слишком мал. Темы речей (нутк) маддахов побольшей части были злободневными (пример: вражда ирани с мулло-бача, неурожай, налет саранчи и т.д.).

Маддах одевался как обыкновенный мулла, носил посох, но никаких других отличительных признаков не имел.

О раисе. В качестве примера М.Р. рассказал о нищем, который имел растрепанную большую шевелюру, заросшее лицо, большие красные на выкате глаза и одевался в джанди. Вид имел настолько страшный, что его все боялись. Он был страшно надоедлив и беззастенчив в своих просьбах.

Об этом доложили раису, когда он был в мечети Ляби-Хаузи Диван Беги. Раис призвал его и спросил, какого рода ниществом он занимается и какие слова говорит при этом. Нищий повторил слова, которыми он обращался с просьбой о подаении. Раис нашел такой способ просить подаение неблагопристойным и приказалсыпать ему двадцать пять плетей. Затем позвал сартгараша, приказал обрить и выслал из города. Через некоторое время нищий снова появился в Бухаре и снова просил подаение, но употреблял уже формулу: [не написана].

Двенадцатилетний годовой цикл:

1. Мышь	<i>мӯш</i>	mūš
2. Бык	<i>бақар</i>	baqár
3. Тигр	<i>паланг</i>	paláng
4. Заяц	<i>харгӯш</i>	xargūš
5. Рыба	<i>наханг</i>	nahang
6. Змея	<i>мӣр</i>	mōr
7. Лошадь	<i>асп</i>	asp
8. Баран	<i>гӯсфанд</i>	gūsfánd
9. Обезьяна	<i>хамдӯнах</i>	hamdūná
10. Курица	<i>мӯрғ</i>	murğ
11. Собака	<i>саг</i>	sag
12. Свинья	<i>хӯк</i>	xūk

Список гузаров Бухары

1. Мирза Раби:

Шейх Рангриз. Привокзальный район, Мирза Раби.

2. Мухаммад Саид.

Мухаммад Саид, Ходжа Таб банд, Саадакан

3. Мехнат.

Мухаммад Косым, Кокиля Калян, Холля бафон, Куи Мург-Куш, Ходжа Тулгар.

4. Кори Гулям.

Мехтар Амбар, Кори Гулям, Фазлетдин, Мирза Раби (часть).

5. Корхона.

Корхона, Кальбабад.

6. Ислахат.

Ходжа Абдусаттар, Михтар Тафи, Ислам, Баркиян, Ишан-Пир.

7. Таракка.

Мир Масъуд, Арабон, Шейх ша, Кутулук, Мулла Хакира.

8. Пустундузон.

Абиравон, Пустундузон, Сисук, Гаукушан (часть).

9. Кучабог.

Джаъфар Ходжа, Каракамоль, Кучабаг, Делькушаи Дарун.

10. Азад.

Ходжа Нур Абад.

11. Мирза Сахаба.

Мирза Сахаба, Ходжи Газни, Мирза Гафур, Мир Хошим.

12. Мирза Фаяз.

Мирза Рахматулла, Мирза Фаяз, Мечеть Бисутун.

13. Мирза Рахматулла.

Алямабандон, Ходжа Низамеддин, Катаган, Калтачиян (часть), Рахзада (часть).

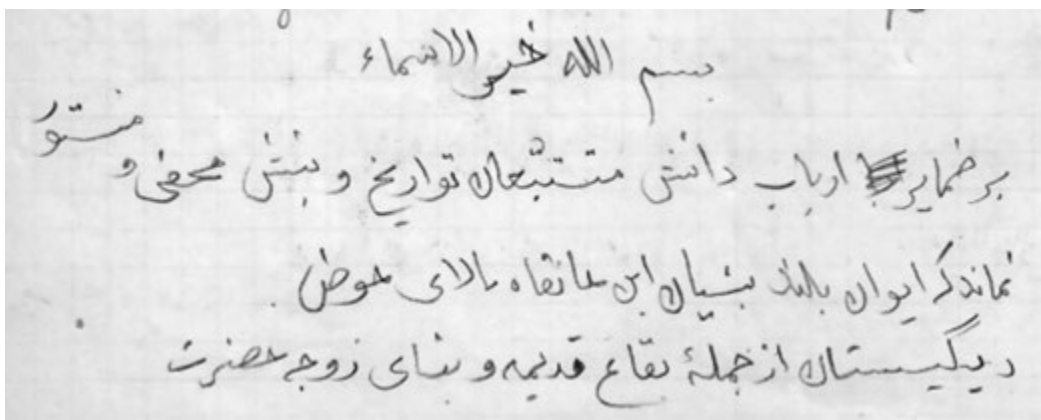
14. Мирза Сачак.

Мирза Ахмед, Мирза Сачак, Абдуллаходжа (часть), Усман Ходим (часть).

15. Мирза Ахмад.
Ходжа Зайнуддин, Сидикиян, Сузангаран, Хафиз Кунгурат.
16. Муртаза-ходжа.
Мухаммад Али Ходжа, Мир Табиб Маддахон, Чоршамба-Казак, Муртазаходжа.
17. Мирза Усман.
Мирза Усман, Такбанбафан, Касым Шейх.
18. Кимухт-гаран.
Базари Гуль, Дегриз, Мавляна Шариф, Кимухт-гаран, Мулла Ша, Забуда, Ма-
хи-Табан.
19. Усман Ходжа.
Могаки-курпа, Хаб, Сиякорон, Гау-кушан (часть).
20. Мир-Масъуд Ходжа.
Ходжа-Аулие, Тупхона, Сараджон, Кальтакиян (часть), Рахзада (часть).
21. Делькуша.
Хаджи Амонбой, Махтуми Азам, Газиян.
22. Абдулла Ходжа.
Чар-Харас, Кун Дарахт, Усман Ходжа (часть), Абдулла Ходжа (часть).
23. Хамид Ходжа.
Забиян, Мирзаджан Кассаб, Хамид Ходжа, Бабаи Канхаш (?).
24. Хаят.
Мирза-бади, Кукальдаш, Ходжа Убани, Шарифджан.
25. Пухтабафан.
Миракон, Шайхджалаяль, Ураганджи, Хаузи Нау, Пухтабофон.
26. (пропуш.). Косагарон?
27. Мирза Махди.
Мирза Махди, Ханака, Чакар (Джуйбар).
28. Азад.
Старая Махалля, Мачити Альванч, Ходжа Халим, Шамсуддин Мухаммад.
29. Янги-Махалля.
Новая махалля, Абдусамад.
30. Ходжа Сиродж.
Ходжа Сиродж, Дастарбандон, Джуизар.
31. Абдулла Ходжа.
Шахринау, Джанафар, Абдулла Ходжа.
32. Чармгарон.
Ходжа Хабибулла, Капчигай (?), Халифаи Худойдод, Чармгарон, Кыргыз Оим.
33. Абу Кадыр.
Сабунгарон, Абдукадыр.
34. Чукур-Махалля.
Валуд-хан, Таки хан, Чукур-Махалля.
35. Абдул Халиль.
Абдул Халиль, Ахтачи, Мачити-Баянд, Ходжа Туйгун.
36. Гулам Ризо.
Гулям Ризо, Хусайн Ходжа.

37. Мирза Мустафа.
Каплан, Куш Медресе, Мирза Мустафа, Ходжа Аспгардон.
38. Рауган Гарон.
Кук Хонака, Сари Пули Рауган Гарон, Мусульман Инага (?).
39. Мирхан.
Шиша Хона, Хаузибалинд, Кори-Мустаким, Мирхан Узбекходжа.
40. Мирза-Шариф.
Мирза-Шариф, Мачити Кунчак, Калмак, Ак Мечеть, Кулмухаммад Ходжа, Зинда Филь, Кабул Ата, Ходжа Джуракул, Лянги Араб (?), Пахса.
41. Шухада.
Дарбазай Шухада, Имля, Мухаммад Пай, Писташиканон, Уста Рухи.
42. Узбек Ходжа.
Муддао, Такиа, Дурман, Шикаста-банд, Чашма Аюб.
43. Кори Мустаким.
Мирза Шамс, Джиляу хона, Асири, Мир-Масъуд Ходжа, Табибан.
44. Мирза-Шамс.
Абдул-баки, Шер-Мухаммад Джувад-канд, Ходжа Курбон, Назирчи.
45. Ходжа-Разги.
Коса-Пулат, Джан Кувват (1 и 2).
46. Мулла Вафа.
Мулла Вафа, Пай-Рази, Азизон, Мурод ?, Чупбаз, Шахи Занджир.
47. Самарканд.
Алим Ходжа, Турная-баф, Чар-бакколи-Самарканд.
48. (Нов.) Узгариш.
(Стар.) Шаахси.
49. Муфти Зада.
Мир Ибрагим, Муфти Зада, Мехча гарон.
50. Абду Вакиль.
Ходжа Замуча, Ходжа Парса, Абду вакиль, Кокиля Хурд, Абдулла Кучкар.
Постановление Президиума Старо-Бухарского горсовета (проект, без № и без даты).

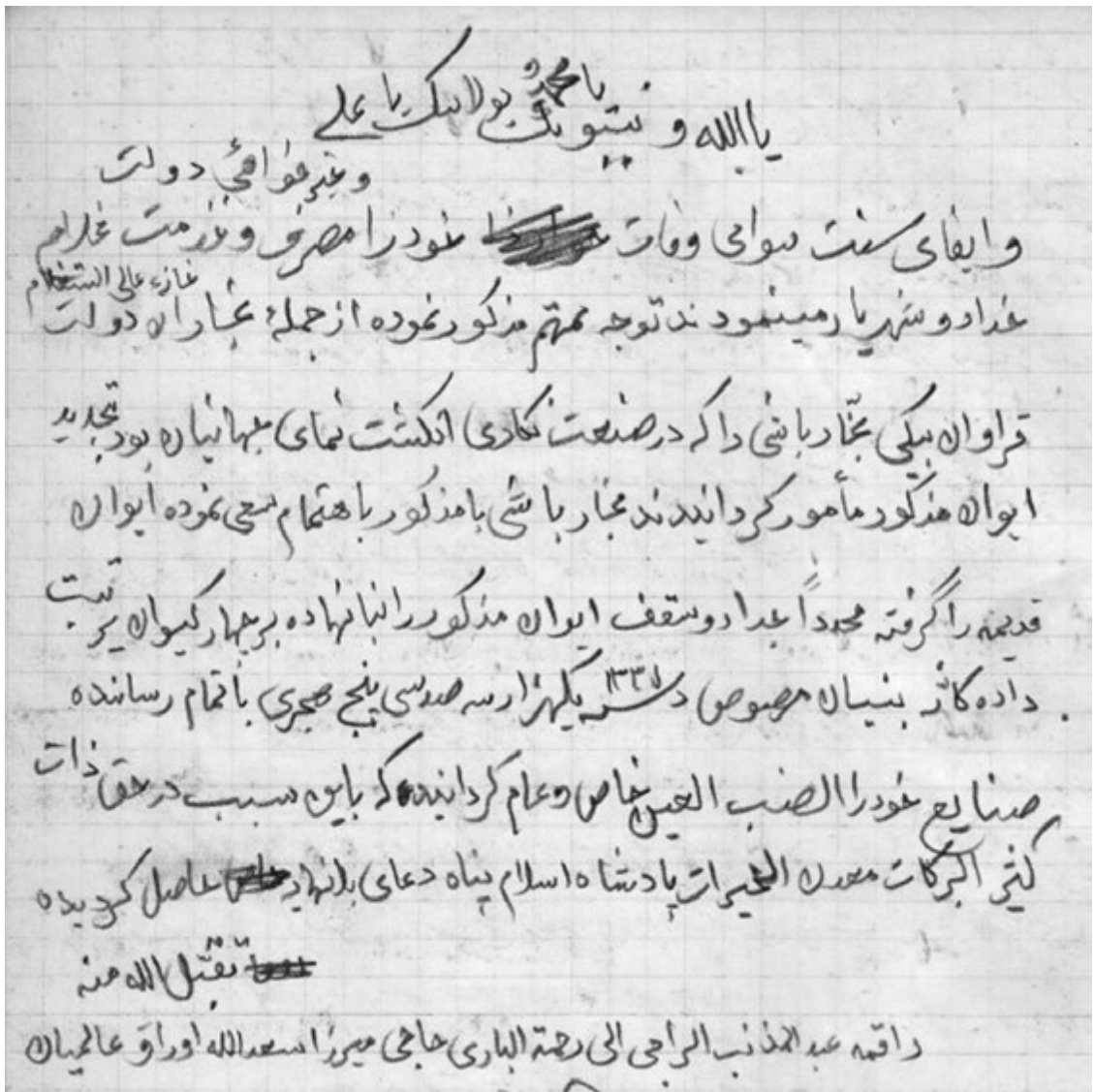
[Стр. 10а-11а] Надпись на мечети Боло-Хауз:

سید سیدانقلی خان نور مرقدہ در سبز یکنوار یکصد بیست چہار
ہجری سئہ کی در مدت متمادی و مرور دو مور در استحکام
مسقف و جہادش فطور و واقع شدہ محتاج مرمت بلکہ تجدید
عمارت کردیدہ بود در این عصر و آوان دولت غیریت و سعادت
دستان و سلطنت عدالت ترا مان حضرت خلیفۃ
ظہل اللہی مروج السریع العثر المحب العلماء و الفضلاء
الفقر السلطان ابن السلطان ابن السلطان سید
امیر عالم خان محمد بہادر خداد اللہ تعالیٰ ملکہ و سلطانہ
و افاض علی العالمین برہ و احسانہ الی یوم القیام کہ
از علو بہمت بی نظیر و مقتضای نیت غیر و صفای ضمیر

Левая:

سعادت شجرش الترقاع غیر قدیمہ و مدارس و مساجد
کہنہ بلاد مسلمین مرمت و تعمیر تا دوزینت اندازہ باقہ آباد کردیدہ
مکرم نافذ و امر لازم الامتثال شہر بار عالم مطیع جہان مطاع
بتجدید ایوان مذکور نیز صرف و ریاف امتثالاً الامرہ العالی

То. мечеть Боло-Хауз построена в 1124/1712.

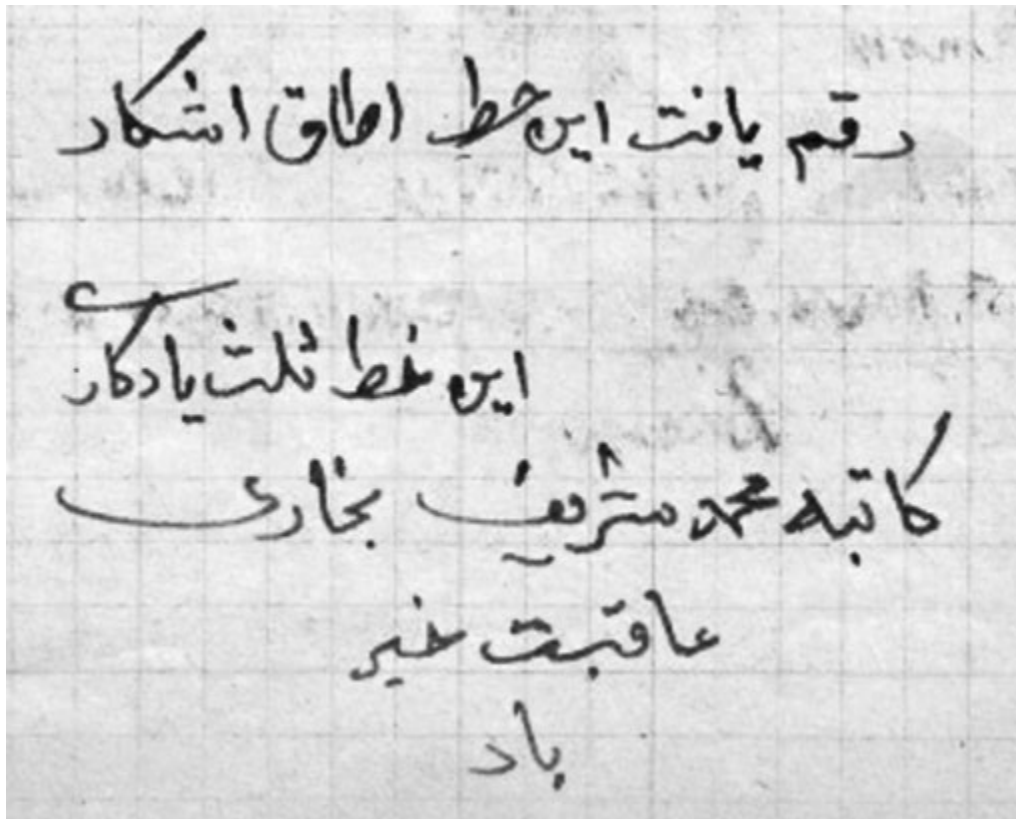
Ремонтирована в 1335/1917.

На фасаде мечети (под айваном) употреблен метод укрепления майолики ко-стылями (железными), очевидно, при ремонте мечети в 1917 году. Мечеть Боло-Хауз сохранила в основном свой первоначальный вид только лишь в основном здании мечети, покрытом все-же заново украшениями в 1917 году (лепные алебастровые орнаменты, инкрустация цветного алебастра, роспись масляными красками). В 1917 году пристроена к пештаку новая стена с арками, а площадка перед мечетью закрыта айваном на очень высоких деревянных столбах на деревянных постаментах и с богато развитыми деревянными сталактитовыми капителями. Плафон расписан, частями-же имеются также очень причудливые и с богато развитыми формами на-борные сталактитовые плафоны-куполки, покрытые росписью. На фасаде уцелела изразчатая (майоличная) надпись XVIII века. Часть этой надписи, находящейся в

верхней части старого пештака, скрыта в настоящее время крышей айвана. Кроме этой надписи, фасад под айваном имеет значительное количество не особенно выдержанных в стиле алебастровых украшений. По обеим сторонам довольно интересной двери, изготовленной, видимо, в 1917 г., на двух мраморных раскрашенных досках надпись, приводимая текстуально выше.

Надпись белыми буквами сульси по синему фону (вокруг пештака) (Коран, сура 62, Джамъа).

Надпись оканчивается четырьмя поперечными строками, прочесть полностью которые мне не удалось, разобранные слова значат:

При сегодняшнем осмотре обнаружено:

1. Новая роспись около двери (вокруг) мраморных досок с надписями сделана на фанере, прибитой к стене. Равным образом на фанере же выполнена роспись в тимпанах большой арки портала.
2. Отрыв новой стены от старой постройки.
3. Плохая конструкция перекрытия айванов в его наборных частях.
4. Необходимо закрыть выход на крышу.
5. Купол мечети типа Диван-беги, круглый барабан пробит четырьмя окнами.

(12/VI 29)

[Стр. 14-29а, 30а-52, 54а-72 – записи пьес кукольного театра, осуществленные 14, 19, 20, 26, 28, 29 июня 1929 г., на таджикском языке, латиница]

[Стр. 30]

Эту пьесу представляют только в кишлаке, т.к. она требует обязательно чадыра, который в городе зочабозы (кукловоды) не носят.

Sari-puli-oʻshiqon (Сари-пули-ошикон), мост у Ригистана (рис. 29). Непосредственно около моста у арыка (ниже моста) находится дом Кори Абдул Муъмина, про которого говорят, что он только один знает о том, кто и когда построил этот мост (человек, сидевший рядом со мной, сказал: реъ аз Ablullo-хон).

[Стр. 52а-54]

31/VI 29 г.

Шараф, сын Болта зочабоз, живущий в гузаре Чашма Аюб, занимается, по его словам, этой работой с десятилетнего возраста, теперь ему исполнилось пятьдесят пять. Пьесы и игру он изучил со слов своего отца также зочабоза, зочабозом был также его дед, дяди и вообще вся семья. Один из его дядей занимается этим ремеслом и в настоящее время.

Ни с каким другим видом зрелищ он свою зочабози не соединяет (не знает ни тос-бозы, ни оташхура, ничего другого), умеет играть на барабане и бубне. В Бухаре есть еще несколько зочабозов, которые выступают то в городе, то в кишлаках.

При игре требуется три человека – корфармон, зочабоз, нагорачи (иногда бывает сурнайчи).

По словам Шарафа бухарские зочабози славятся своим умением.

В 1925 году Шараф выезжал с группой артистов (хафизы, музыканты) в числе 6 человек на гастроли в Самарканд.

Человек он почти нигде не бывавший, Самарканд видел однажды, в других крупных городах не бывал (кроме Бухары, конечно).

Рисоля была, но потеряна.

О Кенджибае и его палатке он знает, видимо, понаслышке.

Свой театр называет «Чодыри-Хаяль».

Репертуар его театра делится на две части: пьески, разыгрываемые в чадыре, и пьесы, представляемые без чадыра «хо рафта». К первым принадлежат все те, в которых имеются сложные движения, или где участвует по временам только одно действующее лицо, что изображать, лежа под халатом, было бы затруднительно.

Первый вид пьес разыгрывается главным образом в кишлаках, куда зочабозы выезжают на осле, нагрузив на него принадлежности театра. В городе, где зочабозам в поисках работы приходится ходить по улицам, ударяя время от времени в барабан, где их случайно приглашают в тот или иной дом, таскать с собой всегда чадыр было бы затруднительно, почему здесь и разыгрываются пьесы только второго вида.

К первым принадлежат:

1. Палвон качаль у Биче-хоним.
2. Офтобджону Махтобджон.

3. Каракули бай бача.
4. Ирназар Маймунчи.
5. Шафъи Кукнори.
6. Хунди.

Ко вторым:

7. Полвонджону Ойимджон.
8. Йору дугонахо.

Заработок зочабоза в настоящее, по крайней мере, время, видимо, в высшей степени незначителен. Им дают несколько рублей за вечер на больших туях, да перепадает по несколько «таньга» при случайных заработках: игре при родах и т.д.

3/VII 29 г.

В Фашхабаде рядом с хонако недалеко от входа, вниз под черным камнем, на котором сохранились надписи, находится могила изв. каллиграфа Мирали.

Проверить, на месте ли камень. Камень находится над суфой.

[Стр. 66-66а]

6/ VII

Экскурсбаза «Сов. Турист». Первая группа. Запоздали на час. Явившись в 7 часов утра, ждал до 8 ч.

Вчера после записи пьес зашли с Розой на мазар (вернее кадамгох, как это выяснилось позднее) Имам Мухаммада Газали. Особенно интересного мазар ничего не представляет. Просто сагона за деревянной решеткой. Человек при мазаре, пожилой, из старой местной интеллигенции, о времени погребения Имама Газали не знает – знает только о существовании его брата Имам Ахмада Газали. Имам Мухаммад Газали погребен в Балхе.

Мазар Ходжа Рушнои, находящийся несколько дальше первого известен тем, что там женщины избавляются от лишней плодовитости! Ходжа Рушнои является пиром Раугангаров (Джувози рауган). На мазаре мы не были. Посетим его в следующий раз.

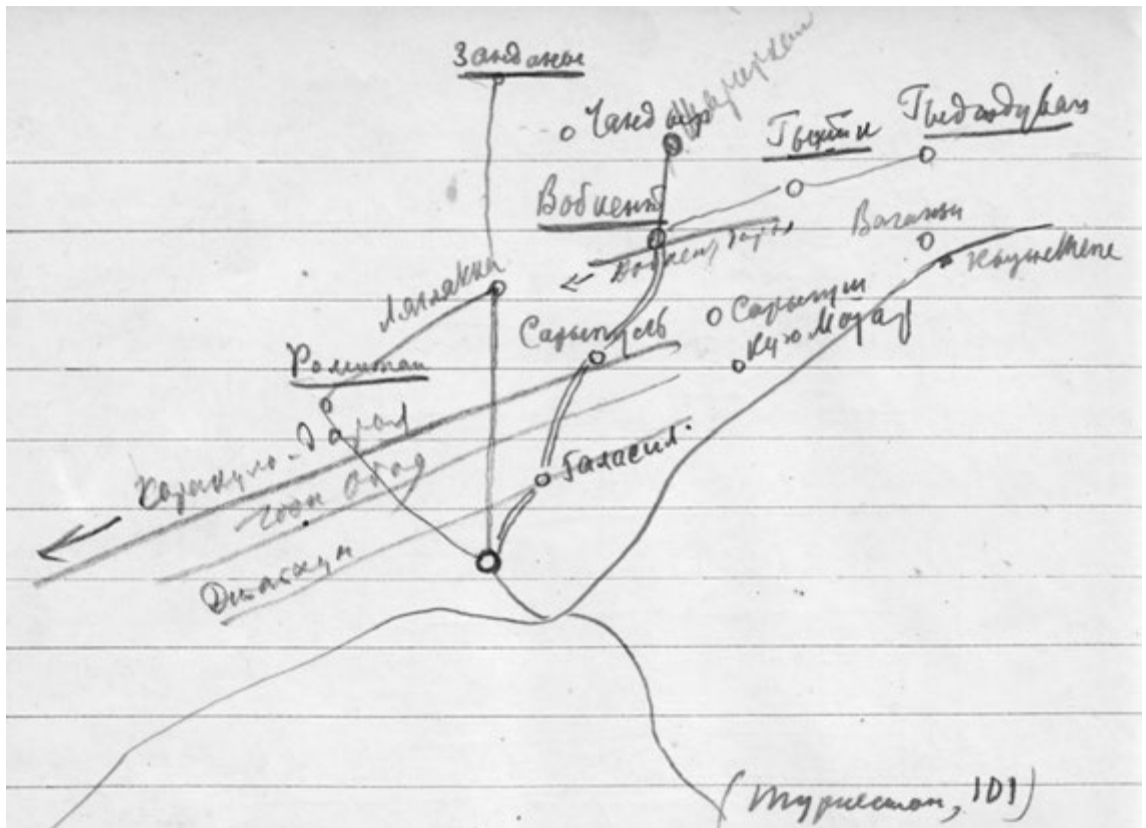
Сделать выборку имен святых Бухары по Бычковскому переводу *китоби муллозода*⁹⁶.

Тетрадь № 5

Заметки, сделанные при поездке по Бухарскому оазису в 1929 гг. 53а
Выписки: Д.Н. Логофет. Бухарское ханство под русским протекторатом, т. I. 62

[Стр. 45а-53 – выписки из В.В. Бартольда, данные Наршахи, Якута и Самъани]

⁹⁶ «Книга потомков мулл».

(Туркестан, 101)

Путь из Бухары в Тававис совершали иногда в один день, иногда в два. Во втором случае станцией служило селение Шарг или Джарг, в 4 фарсах от Бухары, на берегу арыка Самджен (впоследствии Харамкам); в XII в. Арслан Мухаммад построил здесь мост из жженного кирпича. Против Шарга на другом берегу арыка – селение Искиджкет – или Сикахджкет.

В Искиджжете базар был каждый четверг, в Шарге – каждую пятницу.

Искиджкет принадлежал халифу, отдан был Мухамм. б. Тахиру, продавшему его Сахлю б. Ахмеду ад-Дагуни. Сахль построил на берегу арыка большой дворец, разрушенный водой Заравшана. В XI в. при Шемс аль-Мульке построена мечеть. В XII при Мухаммад Арслан-хане – построен рабат.

В Шарге в XII в. (Мух. Арслан-хан) – соборная мечеть.

Вблизи Шарга и Искиджкента селения:

Бемиджкет – от Бухары 4 ф(арсаха)., ½ ф. к северу от дороги.

Секбиян, около Бемиджкета.

Димес – от Бухары 3 ф.

(Ibidem, 115)

Постройка длинных стен приписывалась Абу-л-Аббасу Фадлу б. Сулейману ат Туси (782-787). Ворота и башни на расстоянии ½ мили (ок 1 версты) одни от других. Постройка окончена в 215 (830).

Внутри стен находились селения Мугкан (5 фарс. от Бухары и 3 фарс. к северу от Хорасанской дороги).

Зендана, к северу от Бухары (в 4 фарс.).

(Стр. 116)

Арыки:

1. Арык Кермин.

2. Шапуркам, получил название от персидского царевича Шапура, который переселился в Бухару, получил от Бухар-Худдата землю, построил здесь замок и деревню Вардану, к этой деревне и был проведен арык. Владетели Варданы, носившие титул вардан-худдатов, до начала VIII века были соперниками бухар-худдатов. Вардана считалась даже древнее Бухары. Селение имело важное стратегическое, промышленное и торговое значение. В новейшее время эта местность составляла туман Варданзи, значительная часть которого была засыпана песком в 1868 году.

3. Верхняя Харкана, вал стены.

4. Харканруд, доходил до селения Зуш, около Нура.

5. Гав-хитфер (возможно Неджар-хифтер или Бухар-хифтер), доходил до сел. Хармистан или Курмитан (местоположение не указывают). По Нершахи, не был искусственным арыком – вода сама проложила русло.

6. Семджен (Руд-и Джарг и Харамкан), пересекал Самаркандскую дорогу в 4 ф. от Бухары.

7. Пейкан, протекал до сел Варки (2 фарс. от Бухары по дороге в Карши), откуда брали камень для бухарских улиц.

8. Верхний Феравиз (или Фераваз). Внутри стены. Доходил до сел. Убукар (?).

9. Нижний Феравиз (Деймун). Так называлось селение в 2 1/2 ф. от Б. по дороге в Пайкенд.

10. Арван, доходил до сел. Танеб(?).

11. Гифер.

12. Зер (Шахруд) – то же название носила одна из волостей⁹⁷.

13. Науканда.

14. Фарахша, доходил до селения этого имени (встречаются формы: Барахша, Варахша, Афрахша и Фаракшан). Селение находилось в 4 фарс. от Бухары по дороге в Хорезм и носило также название Дахфендун. По Нершахи, здесь было 12 арыков. Фарахша расположена внутри великой стены, составляла собственность бухар-худдатов и считалась древнее Бухары. Здесь был старый дворец Бухар-худдатов, простоявший, по преданию, более 1000 лет. В VIII веке был восстановлен бухар-худдатами Хунук-худатом и Буниятом. Имение, приносившее 20.000 дирхемов, конфисковано Саманидом Исмаилом, предложившим переделать дворец в соборную мечеть, что выполнено не было. Дворец разобран по приказанию Ахмеда с. Нуха с. Насра. Название древнего селения сохранилось, по-видимому, в названии колодца Варакчин.

15. Кушка, один из городских арыков.

16. Рамитан.

⁹⁷ Карандашом написано: «Название Зар сохранил один из отводов Шахруда».

17. Хама, доходил до селения того же имени.

Внутри великих стен 15 волостей:

Зер, Фарждад (?), Сахар, Тававис, Бура или Бурун (?), Нижняя Харкана, Бума (?), Неджар-хитфер или Бухар-хитфер, Бакуштуван, Андияр-Кендман(?), Передний Самджен, Задний Самджен, Нижний Феравиз, Арван и Верхний Феравиз.

Нершахи описывает:

Нур.

Афшина – к западу от Бухары Кутейба выстроил мечеть. Возможно, что это местечко Месджид (Табари) на расстоянии фарсаха от Бухары.

Баркад, древнее селение с крепостью. Куплено Исмаилом Самани.

Исвана.

Сакматин.

Самтин⁹⁸.

Самдун, м.б. тождественно с предыдущим.

Суфну.

Сиванч.

Гиждуван или Гудждуван, 6 фарс. От Бухары.

Крепость Нершах или Нерджак – в окрестностях Бухары, недалеко от Вабкены.

Аушар, большое сел. на границе с влад. тюрок.

Зермитан, укрепл. сел. с соборн. мечетью.

Вахсун, укрепл. сел.

Селения, не упоминаемые географами из словарей Якута и Самани.

1. Агдун – в окр. Бух.

2. Азгун – по Якуту, вероятно тожд. с предыдущим.

3. Анбердун или Анбердуван, в окр. Бухары.

4. Андак, в 10 фарс. от Бухары.

5. Анджаферин или Анджуарин, в окр. Бух.

6. Анисун – то же.

7. Афшаван, в 4 ф. от Бух.

8. Баден – в окр. Бух.

9. Бардиза – в бухарской культ. полосе.

10. Барсхан – 2 фарс. от Бухары по пути в Берран.

11. Бедакед – в окр. Бухары.

12. Бадихун, в 4 фарс. от Бухары, вблизи Мугкана по пути в Сурмару.

13. Бейдера – окр. Бух.

14. Беракед или Беракедан (возможно тождественно с Бедакедом и м. б. с Баркадом).

15. Берран или Фауран, 5 фарс. от Бухары.

16. Берфашх, в окр. Бухары.

17. Бесба, тоже.

18. Бесикаир, тоже.

⁹⁸ Карандашом приписано: Чор-Бакр. Есть кишлак Самитан около Рамитана.

19. Бирмес, тоже.
20. Вабкена или Вабекна – 3 фарс. от Бухары на пути из Хорезма в Бухару, ныне Вафкенд.
21. Вазвин, в окр. Бухары⁹⁹.
22. Ванендун, в окр. Бухары на арыке Харамкам, на пути из Беррана.
23. Вануфаг, в окр. Бух.
24. Вейбуд, тоже.
25. Гаген или Джаджен – тоже.
26. Гадан или Гадана – тоже.
27. Гашид, Гашида или Гашти – тоже.
28. Гишти (вероятно тожд. с предыд.)¹⁰⁰.
29. Гудашфердер, в окр. Бух.
30. Дахфендун, тоже.
31. Деръайна – в окр. Бухары
32. Джарахашт – тоже.
33. Дибадван – тоже.
34. Замитан или Замитана (Якут назыв. форму Замитан ошиб. Форм. Рамитана)¹⁰¹.
35. Зебагдуван, в окр. Бух.
36. Зендермитан, тоже.
37. Зенд, тоже.
38. Зерахш, тоже.
39. Зеренгера или Зеренджера – 5 фарс. от Бухары¹⁰².
40. Зимлика, в окр. Бух.
41. Каишкен, тоже.
42. Камдед или Камдиз, тоже.
43. Кемера, тоже.
44. Кендасерван, тоже.
45. Кетга, 4 фарс. от Бухары, по дороге из Сурмары в Муг Кан.
46. Кефсисиван или Кефшишиван – в окр. Бух.
47. Куфин – тоже.
48. Маргбун – тоже.
49. Меджбес, Меджбест, Меджбус или Меджубет – тоже.
50. Мезренкен, в окр. Бухары.
51. Миг, тоже.
52. Мидждун (Биздун) – тоже.
53. Мудъянкен – тоже.
54. Мудъянкет – тоже.
55. Мурзин, Мезрин – тоже.
56. Науджабад, Нуджабад, тоже.

⁹⁹ В оригинале начиная с этого номера счет идет с цифры 29. По-видимому, автор сбился, и его список заканчивается на цифре 109, хотя приведены названия 101 населенного пункта.

¹⁰⁰ Карандашом: «Кишлак между Вобкеном и Гиждуваном».

¹⁰¹ Карандашом: «Зармитан 6 верст от Вагонзи».

¹⁰² Карандашом: «К сев. вост. от Гиждувана».

57. Наузабад, Нузабад – тоже.
58. Накль – тоже.
59. Некабун или Некебун – тоже.
60. Нершах, недалеко от Вабкены.
61. Нукас, тоже.
62. Рамен, в окр. Бухары – 2 фарс.; недалеко от Кунбуна, при Самъани лежали в развалинах.
63. Резманах – 1 фарс. от Бухары.
64. Ривартун – в окр. Бухары.
65. Ривда – тоже.
66. Ригдамун или Ригадмун – 4 ф. от Бух.
67. Саркун – в окр. Бух.
68. Себедмун, Субедмун или Себедгон – ½ фарс. от Бухары.
69. Себира или Сибара в окр. Бухары.
70. Сердер – тоже.
71. Сияра или Сияза, тоже.
72. Субидгук – тоже.
73. Сурмара, в 3 ф. от Бухары.
74. Сутикен, в окр. Бухары.
75. Сутифагн или Сутифагна, тоже.
76. Сутхан, тоже.
77. Суфердан, тоже.
78. Таден, тоже.
79. Тадиза, тоже.
80. Тараб, тоже, около Хунбуна.
81. Тарвак, Турвака, Тарака, 4 ф. от Бухары.
82. Турнавед, в окр. Бух.
83. Тусен – тоже.
84. Удана, тоже, в местн. Гифер на арыке одного имени.
85. Фагандиза, Фагандиз, в окр. Бухары.
86. Фагдин, Фигдан или Фигдиз – тоже.
87. Фагитусин, Фагитисин – тоже.
88. Фамин – тоже.
89. Фашук – тоже.
90. Фуядсун, Фиядесун – в окр. Бухары.
91. Хараджер, в окр. Бух. в вол. Верхний Феровиз.
92. Харадин, в окр. Бухары.
93. Худабад – 5 ф. от Бухары на краю степи. Одно из главных селений.
94. Хумхисера, Хумхайсера, в окр. Бухары.
95. Хунамета – в окр. Бух.
96. Хурмитан, тоже.
97. Шерефдан, Ширефдан – тоже.
98. Шикан, в окр. Бух. (?).
99. Ширван, в окр. Бух. около Бимиджкета.

100. Ширгавшун – в окр. Бухары.

101. Шия – 4 фарс. от Бухары.

[Стр. 53а-59 – Бухара, Вабкент]

1929 г.

25 /XII

Бухара – Вобкент

За Ситора-Мохасса ехали не по большой дороге, а стороной, через местность Коһ-Каѓѓ, где стоит мечеть по одну сторону дороги, а против нее группа построек. Вместе с деревьями – интересный ансамбль. Первый крупный кишлак – Галасиѓ (Galasiö), через этот кишлак, являющийся центром Бухарского района, протекает многоводный арык – Джайхун. Арык Гози-абад.

Сари-Пуль (Sárgi-rúli-mihtár-qōsim) у моста через реку, являющуюся рукавом (как будто бы не арыком). Это, вероятно, естественное русло, имеющее даже небольшую пойму.

Мост, построенный из камня и кирпича Михтар Косимом около 60 лет тому назад, разобран и заменен новым деревянным в 1927-8 годах. За мостом свернули влево и проехали не по обычной дороге, а через кишлаки.

Известны: 1. Наршах. 2. Вобкент. 3. Вардана.

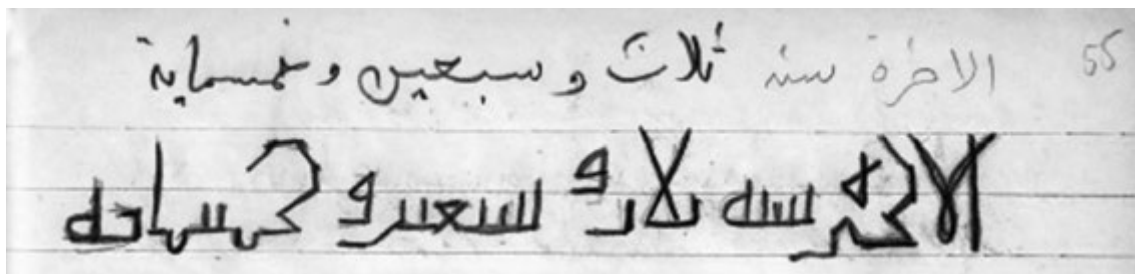
Арык Гав Хифтер возможно тождественен с современным Вабкент-дарьей (?).

Кишлак Мугиян находится в окрестностях Вобкента (около 1 версты к NNW).

Зармитан есть около Розмоза.

Местность Розмоз (кишлак) в 12 верстах от Вобкента.

بسم الله الرحمن الرحيم امر ببناء هذه منارة
 لتشرق الالهة الارضية التي في امر ببناء هذه المنارة
 العهد الحرس في سنة عشر العشر
 ابن الصدق الامام الاجل الشهيد السيد
 امر الصدر الامام الاكبر الشريف السعيد
 رحمة الله عليه ووالده محمد ابن الصدر الامام
 هو ابن الهادي والدي محمد ابن الصدر الامام
 الشريف حسام الملقب والدي عمر
 الاكبر السعيد الحسن من الملوك والدي عمر
 ابن صدر الامام الاكبر الملقب بالبربر
 الذي هو العزيز عفو الله عنه ووالده في الجهاد
 الحسين عشر العشر عمر الله في الجهاد

[Стр. 54а-55 – Прорисовка нижнего пояса надписи на Вабкентском минарете]¹⁰³

27/XII [1929]

Ввиду необходимости возвращения в Вобкент описание последнего (так же, как и фотографирование его памятников) оставляю до завтрашнего дня. Также и дорогу Вобкент – Шафурком.

Шафурком. Небольшой кишлак с небольшим базаром. Памятники: Мазар Ходжа Орифа, мюрида Ходжи Абду-л-Халика Гиждувани (? 715).

Ходжа Ариф Мохи-Тобон.

Лет 16 тому назад возведена существующая теперь стенка вокруг могилы, состоящая из деревянной рамы с резьбой, в которую вставлена плита из серого синеватого мрамора. Размеры стенки: восточная и западная стороны – 10,75 м, северная и южная – 7,5 метров при высоте в 2,5 метра. В середине западной стороны вверху небольшая каменная ажурная решетка с надписью, работа газганского мастера 1331 года, с южной стороны на стенке также вверху имеется камень с надписью мастера, построившего стенку.

До возведения стенки, по словам местного жителя, на этом месте не было ничего, кроме земляного холмика. С трех сторон дворик, заключающий мазар окружен навесом мечети, с четвертой (восточной) – забором. Два входа.

К северо-востоку от мазара, примыкая к нему, имеется небольшой бугор, на вершину которого видны остатки какой-то постройки (возможно небольшого укрепления) из крупного сырцового кирпича.

К югу от этого мазара, шагах, примерно, в 50, возвышается здание хонако, довольно интересное, с высокими куполом и пиштаком, по виду оно может быть отнесено к концу 16 или 17 веку.

По преданию, сообщенному местным стариком-чайханщиком, пользующимся в Шафуркаме репутацией сведущего человека, хонако построена Абдулла Ханом.

Обычная в плане с пештаком с восточной стороны, внутри имеет четыре глубокие ниши. Паруса нишевидные.

Внутри мечеть оштукатурена и выбелена, алебастровая декорация, штукатурка купола дает некоторый намек на нервюрное строение купола (конечно, в декорации – купол сложен кольцами и представляет собой обычную [?]). За недостатком времени, обмеры мечети не производил.

¹⁰³ Постройка минарета была начата по приказу Абд ал-Азиза из династии бухарских Садров в апреле-мае 1196 г. Чтение и перевод Б.М. Бабаджанова см.: Шедевры 2011: 227.

По рассказу того же чайханщика, рядом с могилой Хаджи была когда-то построена Тимуром хонака, теперь не сохранившаяся.

В беседе вечером у ПредРИКа¹⁰⁴ два древних старика сообщили о некоторых памятниках древности, находящихся в районе Шофуркама:

Бугры:

1. Шур-Тепе.
2. Ок-тепе (в степи).
3. Яушон-тепе.
4. Джиляу-дор (в степи).
5. Калъа-и-Мир Араб (в Султан Абадском районе).
6. Тариджата-тепе (в тумане Ходжа-Джахон).
7. Юксун-тепе (около Калъа-и Мир Араб).
8. Ганч-тепе, курган, сложенный целиком из сырцового кирпича.

Где-то на запад от Шаффрикона находятся:

Кук рабат (ок. 9 верст).

Амир Работ (ок. 3 верст).

Как ни жалко, но осмотр этих памятников приходится оставить или до другого раза или же кому-нибудь другому.

По приезду в Бухару необходимо достать список населенных пунктов и карту орошения Бухарского округа.

«Для того, чтобы сохранить свои нервы, чтобы всегда иметь сознание, что ты свое дело сделал, не откладывай на двенадцать часов того, что ты можешь сделать в одиннадцать».

¹⁰⁴ Председатель районного исполнительного комитета.

1930 год

Тетрадь № 5

Заметки: поездка в <u>Джизак</u> , 1930 г.	70а
Мелкие заметки о <u>Бухаре</u>	75
Выписки: Казбеков Ю. Праздник (<i>тамаша</i>) в Занги Ата	87

29/I-30 г.

Проект резолюции

1 и 2. О возвращении экспонатов с выставок искусства народов СССР и Постоянной выставки Узбекистана в Москве. В будущем – должны быть соответствующие гарантии.

3. Содействие Упол(номоченному). Комстариса со стороны Горсовета.
4. Ассигн(ования). из Госбюджета на пополнение музея экспонатами.
5. 10.000 руб. из 61.000 на покупку экспонатов.
6. Ликвидация ненужных вещей.
7. Предложить Бухокроно изъять из учреждений вещи, принадлежащие музею.
8. Помещения и арендная плата.

[Стр. 61-61а – Выписки из работы Б. Засыпкина «Архитектурные памятники Средней Азии», М., 1928; стр. 62-70 – выписки из работы Д.Н. Логофета «Бухарское ханство под русским протекторатом», т. 1, Спб., 1911]

21/II-30 г.

Джизак

Приехал вчера. Сегодня ходил в старый город. Город небольшой. Достопримечательность – небольшое городище недалеко от базара почти в середине города. Городище имеет форму неправильного четырехугольника. Края его приподняты, в некоторых местах сохранились остатки стен из сырцового кирпича. В середине городища небольшой бугор в форме цитадели. В обрывах городища образовавшихся от выемки земли на постройки можно проследить довольно мощные наслоения, происходящие, по-видимому, от мусора, выбрасывавшегося за стены (прослойка пепла с костями, перепрелых нечистот и т.д.). При беглом осмотре городища интересных в каком-либо отношении черепков посуды и др. вещей не обнаружил, но при более внимательном обследовании возможны и интересные находки.

Древние стены городища, которые можно наблюдать в упомянутых выше обрывах, сложены из массивного сырцового кирпича и очень тонких слоев пахсы. В непосредственной близости городища вырыты (как сообщил мне Ходжа) еще в старое время два колодца. По этим колодцам видно, что культурные наслоения начинаются гораздо ниже современного горизонта и что грунтовые воды могут быть никак не выше, чем в 6-7 метрах от него.

Городище это носит название «Урда». Здесь до русского завоевания находилась крепость правителя. На одном краю городища находится небольшой мазар. Видимо, довольно старый, но по наружному виду ничего особенного из себя не представляющий (Бобо ...?).

Дальше за городом виднеется другое городище, как будто бы больших размеров, верстах в двух от первого. Называется Катай-тепа.

Есть еще городище недалеко от станции Джизак, а около него несколько разной формы и величины бугров насыпного происхождения.

Интересное и довольно значительное по размерам городище находится еще недалеко от полотна железной дороги у станции Обручево.

25/IV-30 г.

В.Л. Вяткин рассказал:

Недалеко от Болохауза на Регистане (примерно в том месте, где теперь стоит навесик для машкобов) находился пень (чурбан), на котором резали горло преступникам. Он сам попал на это место лет тридцать тому назад вскоре после казни и видел этот пень, испачканный кровью. Зарезанного преступника взвалили на верблюда поперек туловища и возили по городу, через собиравшиеся по этому случаю толпы народа дорогу прокладывали люди, шедшие впереди, палками разгоняя любопытных.

Резали сравнительно редко, чаще вешали. Относительно сбрасывания с минарета большой мечети есть упоминание об одном случае в Тарихи Муким-Хони: Один найрам-боз¹⁰⁵ с помощью специально изготовленных кошек взобрался на минарет. Когда об этом рассказали хану (одному из Аштарханидов) он не поверил и потребовал, чтобы найрам-боз взобрался на минарет в присутствии хана. Тот легко взобрался и второй раз. Тогда хан приказал: так как этот человек может взобраться куда угодно, он может залезть в любой дом и украсть что ему вздумается, ergo¹⁰⁶ – он человек опасный и его нужно сбросить с минарета. Это было выполнено.

У Саиджанова есть статья, передающая кратко содержание вакфия Дору-ш-шифо.

* * *

Купол Заргарон построен в 970-980 гг. Хиджры. Есть вакфия.

* * *

Л.М. Исаев сообщил: на берегу Боло Хауза, между дорогой у Усто Рукн и виноградной лозой, растущей над хаузом, была расположена постройка, в которой и находились приемные четырех специалистов по извлечению ризта. У д-ра Исаева есть фотографии.

[Стр. 87]

План работы:

1. Подробное описание с зарисовками и чертежами по возможности всех сколько-нибудь примечательных построек Ташкента.

¹⁰⁵ Правильнее найранг-боз – фокусник, трюкач (тадж.).

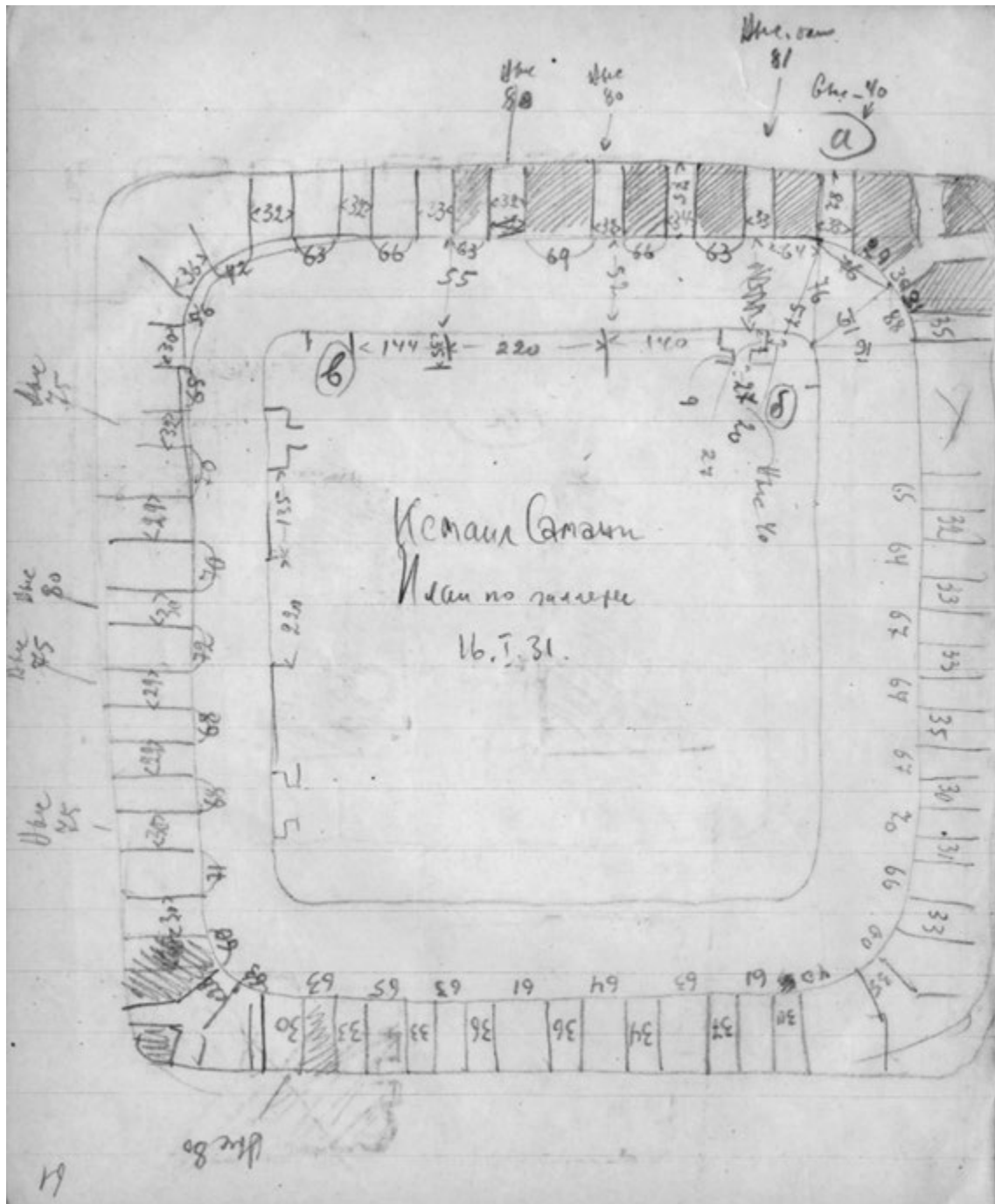
¹⁰⁶ Следовательно (лат.).

2. Обследование, хотя бы поверхностное, курганов, городищ и проч(его). в Ташкентском вилайете.
 3. Рассмотрение вакуфных документов.
 4. Исторические сведения древних и средневековых авторов.
 5. Сообщения очевидцев после завоевания края.
 6. Сделать попытку увязать сообщения географов с наличными городищами.
- Просить, если будет хоть какая-нибудь возможность к этому, некоторой помощи от Средазкомстариса.

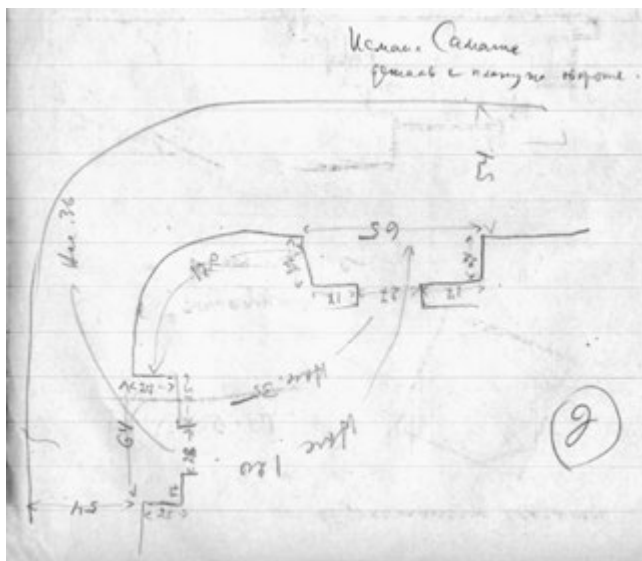
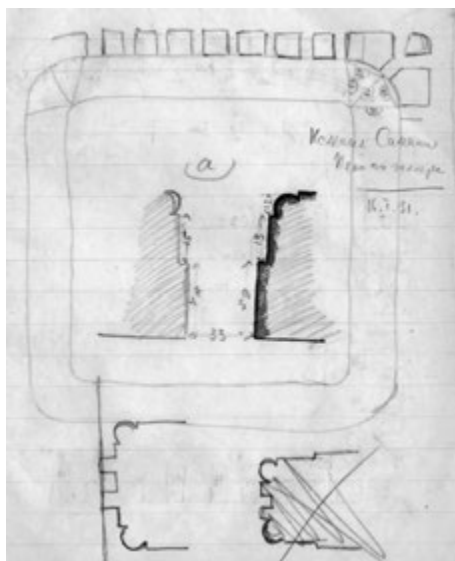
1931 год

Тетрадь № 7

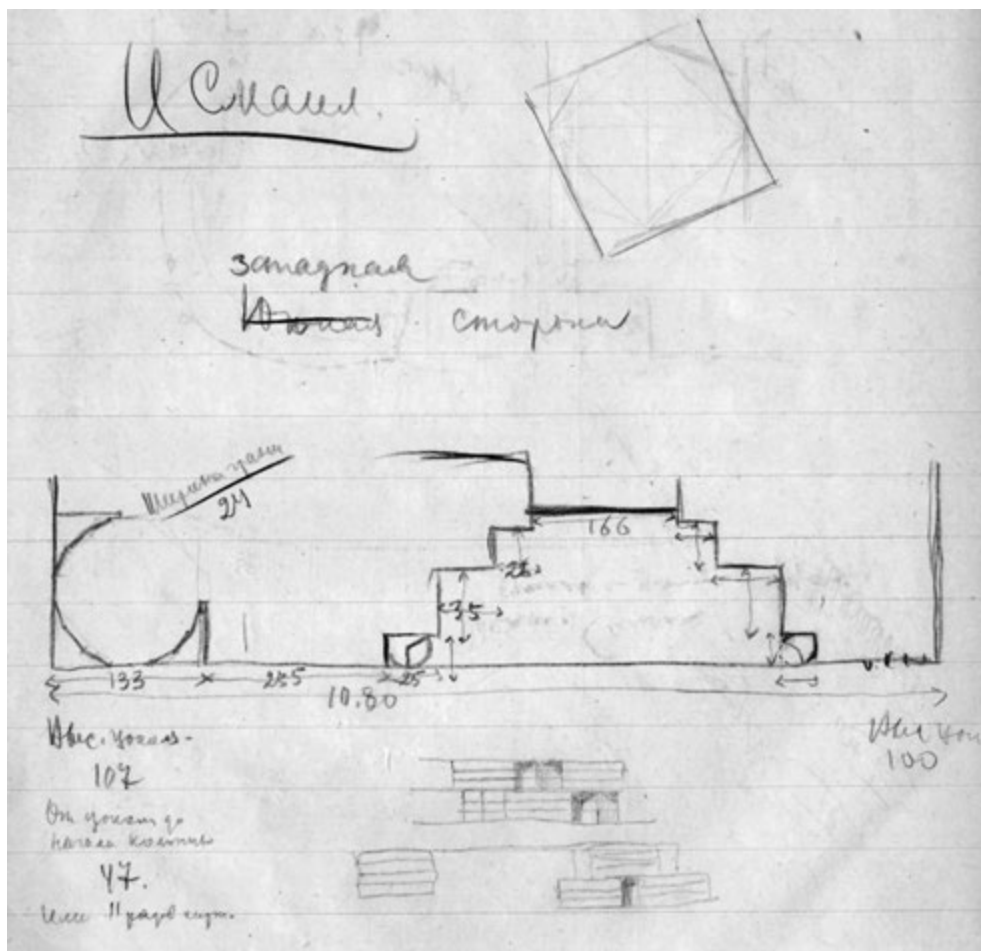
[Стр. 61]

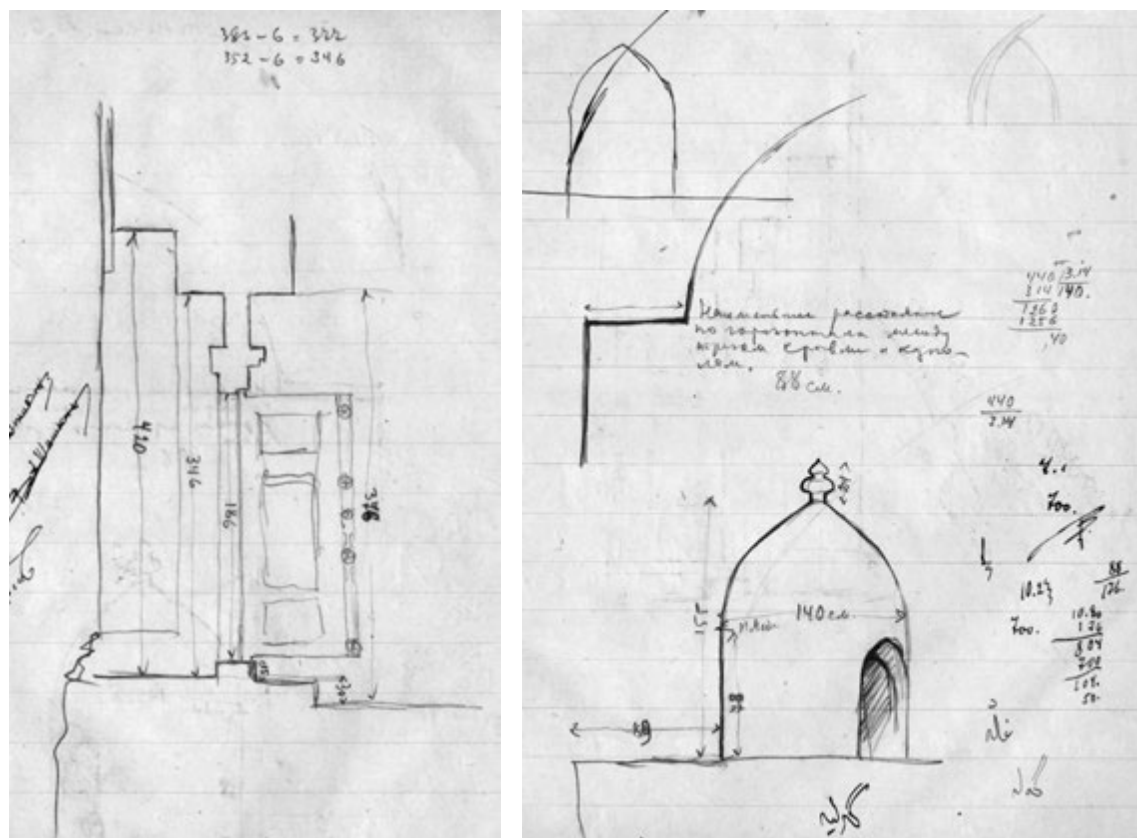

[Бухара, мавзолей Исмаила Самани, план по уровню галереи. 16 января 1931 г.]

[Стр. 60а, 61а-62. Бухара, Мавзолей Исмаила Самани, схемы и обмеры. 16 января 1931 г.]

[Стр. 62а-63. Бухара, Мавзолей Исмаила Самани, схемы и обмеры. 16 января 1931 г.]

Тетрадь № 11

Самарканд, вокзал, 2 часа ночи 3/IV 31 г.¹⁰⁷

I

Бухара, если взглянуть на нее сверху, из окон господствующего над городом древнего минарета Арслан Хана, похожа на кучу тесно сдвинутых серых коробочек, беспорядочной массой заполняющих обширную площадь сохранившегося до двадцатого века средневекового пережитка – города. Такие же серые купола мечетей и громады медресе не нарушают этого серо-желтого лессового однообразия. Воздух подернут пылью, залитые ослепительно яркими лучами бухарского солнца, дрожат и колышались серые массы построек. Вспоминается есенинское «хрустальная хмарь Бухары».

¹⁰⁷ Ниже мы имеем пример интенсивной работы ученого: набросок плана будущей обширной работы, посвященной истории города Бухара и Бухарского эмирата, который В.А. Шишкин начал писать простым карандашом в два часа ночи на самаркандском вокзале. Возможно, для очерка по Бухаре, который упомянут ниже в данной тетради. Автор наметил закончить его до 10 марта, но, видимо, не успел осуществить это намерение и начал работать над ним на вокзале, в ожидании поезда.

Спуститесь с минарета и пройдитесь по городу. Узкие кривые коридоры-улицы замкнуты с обеих сторон двухэтажными глиняными стенами без окон, без украшений, только лишь двери, ведущие в дома, прерывают их гладь. Сложной, прихотливо запутанной сеткой-паутиной пререзают они по всем направлениям город, связываясь в сложные узлы, делая капризные изгибы, образуя многочисленные тупики. В сетку улиц и переулков ввязываются многочисленные хаузы-водоемы, иногда осененные туковыми деревьями, которые отражаются в их желтовато-зеленой воде, громадные медресе и мечети высоко взметывают к знойному небу могучие арки-порталы, характерные бухарские кладбища громоздятся многоярусными грудами сводчатых могил. Центром города – последней крепости среднеазиатского феодального деспотизма – был базар, протянувшийся на большом расстоянии от огромного водоема – хауза Диванбеги до Ригистана – древней торговой площади, над которой гордо высится Арк – городская цитадель, резиденция повелителя и его ближайших сановников, расположенная на высоком крутобоком холме и казавшаяся такой непоколебимой и неприступной за зубцами высоких стен.

Бухара – ремесленно-торговая, Бухара – «купол Ислама и веры», Бухара – трон деспота повелителя. Что из того, что растеряла она свои владения, что сам эмир сделался вассалом неверного «белого царя», он оставался, тем не менее, преемником великих завоевателей старых времен – Чингиз-хана и Тимура, умевших своей не знавшей жалости рукой завоевывать и опустошать далекие страны.

Болодои фохираи Бухорои шариф – «город возвеличенный, священная Бухара» – гордо звучал титул столицы.

Эмир окружен пышной свитой сановной знати, золотом, серебром, драгоценными камнями, шитыми золотом тканями, причудливым китайским фарфором были наполнены его склады и кладовые. Многочисленный гарем всегда готов доставить ему утеху и забвение. Ведь он не только правитель, он хозяин страны, хозяин жизни и имущества своих подданных, хозяин – вотчинник. Богатства страны – его богатства, государственная казна – его казна.

Последний отпрыск династии, ..., слабовольный и вялый с полуевропейским-полуазиатским воспитанием, беспечный, богатый и праздный, жил он в своих дворцах, деля время между гаремом, бездельем и поездками в мечеть на торжественную пятничную молитву, охраняемый своим немногочисленным, каким-то ненастоящим, плохо обученным и плохо вооруженным войском. Такова была первая сила страны: эмир, чиновники, войско.

Второй могущественной силой было многочисленное духовенство, безраздельно господствовавшее в сфере воспитания, науки и суда, строгим неусыпным оком наблюдавшее за поведением и нравами правоверных подданных эмирата.

Правительственный аппарат и духовенство. Опекаемые. Придавленные, угнетаемые, обнищавшие.

Подготавливается взрыв. Растет капитал. Передовая буржуазная молодежь. Страна готова к взрыву. Помощь с севера.

Пала суровая эмирская цитадель. Сгорели дворцы. Лишь тени прошлого блуждают по унылым развалинам, да кладоискатели тщетно ищут небывалое огромное сокровище.

И мы верим, что, вместо средневекового феодального города-базара, вырастет новый город социалистического производства. Высятся первые трубы и т.д.

И пусть останутся в этом новом городе (наши памятники).

Картины в худ. галерее, редкие документы в архивах. Предметы древнего обихода в музее. Охрана памятников.

II

Мы не знаем времени, когда основана Бухара, всего лишь за два с небольшим тысячелетия до наших дней проник в глубь прошлого глаз историка.

Широкие песчаные степи. Путь мировой торговли. Административно-политический центр.

Древняя топография города.

Войны, порабощения, освобождения.

Скрещение этнических групп.

Саманиды, Чингиз, Тимур, Шейбаниды.

Падение мировой торговли – падение произ. страны.

Мангыты.

Русское завоевание.

Проникновение европейского капитала. Формирование местной буржуазии.

Кризис феодализма.

Революция.

III

Памятники древности (религиозная архитектура).

Наивно-элегантный Исмаил Самани.

Памятники Караханидов.

Монголы.

Мирзо Улугбек.

Шейбаниды: Мир-Араб – Абдулла Хан.

Аштарханиды: Диванбеги – Абдулазиз.

Мангыты: Боло-Хауз. Молодые медресе. Гузарные мечети.

IV

Гражданская архитектура.

Арк, дворцы.

Стены и башни.

Базары.

Хаузы.

Бани.

Частный дом

Караван-сарай.

V

Население.

Национальный состав, язык.

Быт

Положение женщины

Семья

Рождение

Брак

Смерть

Суеверия и ...

Промыслы и ремесла.

1. Земледелие

2. Скотоводство

3. Кустарные промыслы

1. Шелко-текстильные

2. Хлопковые (изделия)

3. Золотошвейные, заргары и т.д.

VI

Правительственный аппарат

Чиновники

I. Общий вводный очерк. Местоположение, орошение.

II. Исторические судьбы Бухары.

Исторические памятники:

а. Памятники религии.

б. Памятники гражд. архитектуры.

III. Народное хозяйство.

Пути сообщения.

а. Земледелие.

б. Скотоводство.

в. Ремесла.

Колхоз, совхоз, индустриализация.

IV. Правительство, войско, суд, народное образование.

V. Быт населения.

Племенной состав. Социальный состав.

Быт города, деревни, кочевья.

Суеверия.

Новый быт.

Женщина в быту.

Заключит.

Комплексный метод.

1. Вводный очерк 1 1/2
2. Краткий историч. очерк. 1 1/2
3. Экономический центр.
Базар, лавка, мастерская, каравансарай.
4. Адм.-полит.центр. Индустриализация.
Цитадель, дворцы.
Прав. – чиновники и т.д.
Бух. Н. Р., БССР, округ, район.
5. Религиозный центр.
Мечеть, мазар, суеверия: маддах, каландар, дуо-хан, фольбин.
Развлечения. Клуб, театр, кино.
6. Центр учено-учебный.
Мактаб, медресе.
ВПИ, школы, техникумы.
7. Коммунальное хозяйство:
Водоснабжение.
Хауз, машкоб, водопровод.
Баня.
Куль.
Дороги.
Железная дорога. Шоссе.
8. Жилище.

[Стр. 72а]

План работ на ближайшее время.

1. Очерк о Бухаре до 10/III.
2. Конспекты: Осборн, Ханьков, Diez, *Наршахи*.
3. Статья о реставрац(ионных). работах.
4. Документы Центр(альной). Биб-ки.
5. Очерк по истор(ической). топогр(афии). Бухары (по плану).

9 – 11. Канцелярия и работы.

11 – 2. Обследование города.

2 – 3 Канцелярия.

По приезде в Бухару.

Закончить работы на Таки-Тильпак.

Зайти в Соцстрахкассу.

[Стр. 73а, фиолетовыми чернилами]

11 декабря 1931 г.

Возвратился сегодня из поездки в Самарканд. Цель поездки: выяснить некоторые дела, касающиеся Узкомстариса и, в частности, о моем отпуске.

При первой же встрече Василий Лаврентьевич, работающий в настоящее время над изданием казийских документов, прочел мне большие выдержки из введения к этим документам, содержащие историческую справку об эпохе Абдулла Хана.

Прочел он отрывок, касающийся военного искусства времен Абдулла Хана. Войска были вооружены тогда луками и стрелами в колчанах, копьями, шестоперами, бердышами, саблями, шашками и ружьями (туфанг), кольчугами, пластинчатыми латами и щитами (на лошадь также надевался панцырь-кольчуга). Имелись пушки (замбурак) и мортиры (дег), стрелявшие каменными ядрами весом до 3-х пудов.

Гвардия самого Абдулла Хана делилась на два крыла – ишик-ага и чухра.

Чин топчи-боши появился также при Абдулла Хане.

По поводу казийских документов В.Л. завел разговор о «феодализме» в Средней Азии. Он считает совершенно доказанным право на земельную собственность даже для самых мелких землевладельцев (?!).

Самаркандский музей.

Осмотрел в присутствии гр. Питошиной, заведующей историческим отделом, ее отдел. Главное внимание обратил, конечно, на керамику, да и представлена в отделе опять-таки почти только одна керамика. Имеются, правда, еще кой-какие картограммы и надписи. Керамика представлена [Стр. 74] довольно хорошей коллекцией посуды красного лощения. Домусульманская керамика Афрасиаба – несколькими белыми с простым, расплывчатым узором, нанесенным голубой краской (примитив, в некоторой степени), богато орнаментированными блюдами и чашами с черно-коричневым орнаментом по белому фону (две чаши) и несколькими блюдами с расплывчатой зеленой поливой (общеизвестного типа)¹⁰⁸.

Мусульманская (ранняя) керамика – белые чашки с черными надписями.

Посуда Саманидской эпохи (в довольно значительном количестве экземпляров).

Караханиды (спорно отнесение к караханидской эпохе двух отличных блюд, в орнаменте которых встречается светло-зеленая полива (этот тип был найден мною, между прочим, у медресе Абдулла Хана).

Тимуровская и тимуридская керамика – по большей части белая с голубым и синим рисунком.

Коллекция завершается несколькими образцами позднейшего керамического искусства.

Кроме поливной керамики – кувшины разного вида, довольно хорошая коллекция сферо-конических сосудов и образцы стеклянных изделий. Есть образец (фрагмент) расписного сосуда.

Афрасиабские панели, облицовки, надгробия и другие материалы на выставке пока не использованы.

В общем, отдел производит впечатление недоработанного. Питошина – работник, несомненно, не твердый и не созревший.

¹⁰⁸ Отнесение к домусульманской керамике упоминаемых поливных керамических сосудов отражает недостаточную на тот момент разработанность хронологии глазурованной керамики. Скорее, речь должна идти о посуде раннеисламского периода.

Но все-таки исторический отдел производит выгодное впечатление по сравнению с отделом доистории, организованным В.Р. Чейлытко.

[Стр. 74а] Отдел заполнен стандартной коллекцией гипсовых слепков, изготавливаемых с целью антирелигиозной пропаганды. Но, наряду с этими копиями, имеется в этом отделе ряд первоклассных вещей. Керамика т.н. «трипольского типа», прекрасные очажки с интереснейшими орнаментами, из которых в особенности интересно изображение жертвенника сасанидского образца. Затем имеется один оссуарий. Но гвоздем выставки являются найденные лично Чейлыткой две терракотовых плиты с прорезным рисунком, очень богато орнаментированные. По мнению Чейлытко, это решетки, которыми закрывались ниши с поставленными в них оссуариями.

Если прибавить к этому любопытную коллекцию по гончарному искусству горных таджиков, то больше и упомянуть нечего. Ни этикетаж, ни картограмм или какого-либо другого объяснительного материала нет.

Отдел истории революции посмотрел мельком – в содержание не вникал. Внешне оформлено неплохо. Картина П.П. Бенькова производит впечатление неведомо для чего увеличенного до громадных размеров поспешно набросанного эскиза.

Работы по выпрямлению минарета. Уложено(?) шесть двутавровых(?) клепаных балок из восемнадцати, кажется. Мауэр надеется в январе, если не будет препятствовать погода, начинать крутить минарет в нужном направлении.

Случайно встретил Е.Д. Поливанова и З.Л. Амитина-Шапиро.

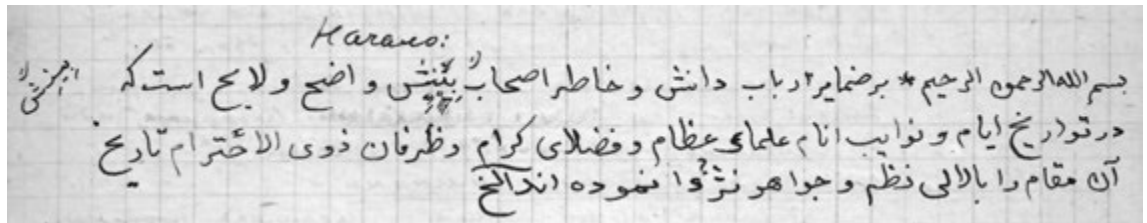
Виделся с Лурье, Беньковым, познакомился с Татевосяном.

[Стр. 75]

ТАРИХИ САЙИД РАКИМ

Рукопись 1282 года, Бухара. Л. 213.

Начало:

2 г. Дата смерти Абу Саида, сына Худабенде, с. Аргун-хана, сына Хулагу, сына Тули, сына Чингиз-хана.

Раби-уль-ахир 736 г.х.

Продолжительность жизни 40 лет, правил 13 лет. После его смерти начались междоусобицы. Наследников он не оставил.

4. О некоторых потомках Хулагу и Тули. После Абу Саида Арпа-хан, Муса, Мухаммад-Амин, Муган-Тимур, Сулейман (Санги-бег и Нуширван (Лэн-Пуль, 183) не упоминаются). Т.к. из Чингизидов никого не осталось, на трон возведен Джалаир Султан Увейс, сын Шейха Хасана Нуяна, с. Амира Хусейна, с. Акбука, сына Илькан Нуяна.

6. Основание династии Музаффаридов. Музаффаридов было семь человек. Они правили в Иезде, Исфагане, Кермане и Фарсе. Время их правления – 70 лет. Родоначальник – Эмир Гияс-ад-дин Ходжи. У него было три сына: Абу-Бекр, Мухаммад и Мансур. У Мансура три сына: Эмир Али, эмир Музаффар и ? (пропуск?). Амир Музаффар воспитывался у Юсуф-шаха б. Ала-ад-давля (правнук Хулагу, отец Сулеймана. Так, по Лэн-Пулю, по Сайид Ракиму – Сулейман не чингизид. Лэн-Пуль, 184). В молодости служил при султানে Худабенде. Его сын Мухаммад у Абу Саида был **амир ал-амиран** его войска. После смерти Абу Саида овладел сначала Ширазом, затем Исфаганом, а потом Ираком. Правил сорок два года (по Лэн-Пулю – с 713 по 760): двадцать два года в Иезде, тринадцать – в Кермане и пять лет в Фарсе и Ираке. Сыновья его Шах Шуджа и Шах Махмуд составили против него заговор, схватили его однажды, когда он читал коран, и заключили. В пятницу 19 рамазана Шах Шуджа его ослепил. Шах Шуджа правил в Ширазе (по Лэн-Пулю с 760 по 786). После него правил его сын Зайн-уль Абидин, а затем Шах Мансур, сын Музаффара, дяди Зайн-уль-Абидина (Лэн-Пуль-789-795 (в Исфагане)).

8а. Тарих Шейха Ала-уд-давля Симнани.

Ала-уд-давля ваддин Ахмад б. Мухаммад происходил из Симнана. Умер в 736 году, прожив семьдесят семь лет. Погребен в Суфи-Абаде у могилы Ходжа Имам-ад-дин Вахаба.

9. О сербедаридах. Они происходили из селения **пйшшии** (Лэн-Пуль. Баштин). Родоначальник Шихабалдин Файзаллах. У него пять сыновей: Амин-ад-дин, Абдар-раззак, Ваджих-ад-дин, Масъуд, Насрулла и Шамсиддин.

1935 год

Тетрадь № 7

[Стр. 45]

Рем.рест. раб-ты 35 г.¹⁰⁹

По плану – 25 000 руб. 1) Мечеть Калян.
2) Тахт
3) Ходжа Зайниддин.
4) Тими Абдулла-хан.

Дополнительно: 1) Ситора Мохасса 25 000
2) Мири-Араб 25 000
3) Хазара 12 000
4) Рабаты-Малик 15 000

102 000

Научно-исслед. Работы: 1) Могоки-Аттари – 4 000 руб.
2) Кампыр Дивал – 3 500 руб.
3) Хазара – 8 000 р.
4) Сардоба – 8 000 руб.

23 500

Тетрадь № 9

18 ноября 1935.

Сегодня выезжал на южную сторону оазиса для того, чтобы выяснить, что за странный знак ... имеется на двухверстной карте и не имеет ли он какого-либо отношения к КД (Кампыр-Дувал). Выехал в 10.30. via Сепулок, Чакыр, Лаша (карта Леляк) прежде осмотренный безымянный бугор, что у дороги Ширабад-Дегасия (отм. 99,6), затем к холму, что находится на восточной окраине Дегасия, откуда выехал в степь прямо на юг на расстояние примерно около 3 км. Отсюда выехал на дорогу Урта-Рабад – Загракаш, приблизительно на середине между этими селениями и возвратился в Бухару через Урта-рабад, Битуга(?) и по старой дороге.

Безымянный бугор с отметкой 99,6 – небольшой округлый холм с отлогими склонами. На нем ничего нет.

¹⁰⁹ Этот небольшой список средств, видимо, выделенных в 1935 г. на ремонтно-реставрационные и научно-исследовательские работы на территории Бухары и Бухарской области, наглядно показывает, какое внимание данным вопросам уделяла молодая республика.

Холм у к. Дегасия очень интересен. Это остатки кёшка, сложенного из массивного сырцового кирпича. Заметил (на вост. стороне) остатки свода, очень сходного с таким же в Ильмирзатепе, сложенного наклонными полукольцами. К югу от этого сооружения – довольно длинный низенький холм, частично занятый кладбищем. Холм и его окрестности на большое расстояние усеяны черепками. Среди собранного мною подъемного материала есть интересные образцы расписной керамики: обычный – светлый ангоб с черным или красным рисунком, но кроме того – часть горлышка большого сосуда и часть крышки, расписанные по красному белым. Кусочки керамики, орнаментированные рельефной резьбой. Возможно – куски оссуариев.

Дальше на юг до «дор. в г. Карши» и за нее вспаханная некогда и теперь заброшенная местность. Последний километр ехал по чистой степи, на которой не заметил каких-либо остатков культуры.

Точно так же раньше была занята культурными землями треугольная площадка между южными концами Дегасия и Загракаша и Урта Рабадом.

Никаких следов КД в обследованном районе заметить не удалось. Какие-то мощные валы имеются только лишь у кишлака, что к востоку от Леляка, названного местным жителем Ходжа-Рабат (на карте обозначен, но не подписан). Так как в этом районе находятся крупные арыки, возможно, что это просто высокие берега к-н. арыка. Обследовать не удалось, т.к. начался проливной дождь и было поздно.

Заинтересовавший меня непонятный знак оказался ... арыком (вернее – захкашем).

20 декабря 1935 г.

Восемнадцатого декабря с Мурадом и А.Я. Федоренко выехали из Бухары по направлению к западной границе оазиса. Ввиду позднего выезда до вечера мы доехали только до Джандара и вынуждены были там заночевать в одной из чайхона недалеко от моста через Зеравшан.

Утром 19/ХІІ выехали дальше в к. Ойтогды. По дороге осмотрели мельком мазар и мечеть (не представляющие выдающегося интереса) на древнем холме к северо-востоку от кишл. Арабхона (см. карту 2-х верст. масштаба). Мечеть купольная небольшая, построена из жженого кирпича. С восточной и северной стороны пристроен айван: кладка стен, вероятно, XVI-XVII века. Мазар – в каркасной полуразрушенной постройке. Надгробие – массивный оштукатуренный алебастром параллелепипед, закрытый простеньким «кабрпуш». Все постройки вокруг мазара (каркасные) полуразрушены и покинуты. По верху холма, кроме того, имеется небольшое кладбище и на нем маленькая глинобитная постройка с куполом из сырцового кирпича.

Наверху холма по его периферии – глинобитная и сырцовая стена бывшей здесь, по-видимому, недавней крепости.

Древняя основа стен холма сложена из массивного сырцового кирпича.

Интересны погребения, окружающие бугор. На склоне холма вырыты ямы, углубленные в сторону под склон холма, закрытые хворостом и землей. Таких погребений

ний очень много. Они слабо заметны, на первый взгляд. Название мазара и холма – Тараб.

Прибыв в Ойтогды и устроившись с нашей квартирой в колхозе, отправились с А.Я. пешком к пескам (около 11 часов дня). Дошли до к. Дингиль Тепе (10-верстная карта) и прошли дальше километра на три западнее. Вернулись довольно сильно усталые только через час после наступления темноты, разыскивая ощупью дорогу к ночлегу.

Местность тотчас за культурной полосой пересекается многочисленными и мощными грядами барханных песков, между которыми виднеются пространства, где песок сдут, покрытые черепками и некоторыми другими следами оседлой жизни. Сначала, от границы культурной полосы, на землях, заброшенных недавно, этих черепков встречается очень мало. Только на расстоянии около километра был встречен впервые черепок с росписью ангобом.

Примерно в двух километрах от границы оазиса черепки встречаются сплошной массой до самого Дингиль-тепе, и еще на один километр за ним, но встречаются в значительно меньшем количестве и дальше еще на 3 – 3 ½ километра, насколько нам удалось зайти в пески.

К сожалению, эти все черепки до такой степени выветрились и подверглись разрушающему действию песков, что определить ее типы очень затруднительно. Ни ангоба, ни поливы на поверхности черепка определить невозможно. Только по форме, толщине и характеру черепка можно сказать, что, по-видимому, здесь имеются весьма разновременные типы.

Дингиль-тепе оказался небольшим – высотой ок. 5-6 м, наибольшей длины ок. 30 м (внизу) холмом, вытянутым с севера на юг, сложенным из сырцового кирпича. Форма его характерная – танкообразная. На холме сверху довольно скупая керамика, также сильно разрушенная (возможно, что в разрушении керамики сыграла немалую роль очень сильная засоленность почв – местами она носит характер настоящих пухлых солончаков).

К югу от этого холма очень плоский и невысокий холм, покрытый сплошь черепками. Здесь – копилки, расписная керамика, черепки с рельефным орнаментом – найден железный предмет, напоминающий наконечник копья и костяная пуговица.

Дингиль-тепе окружен со всех сторон песками.

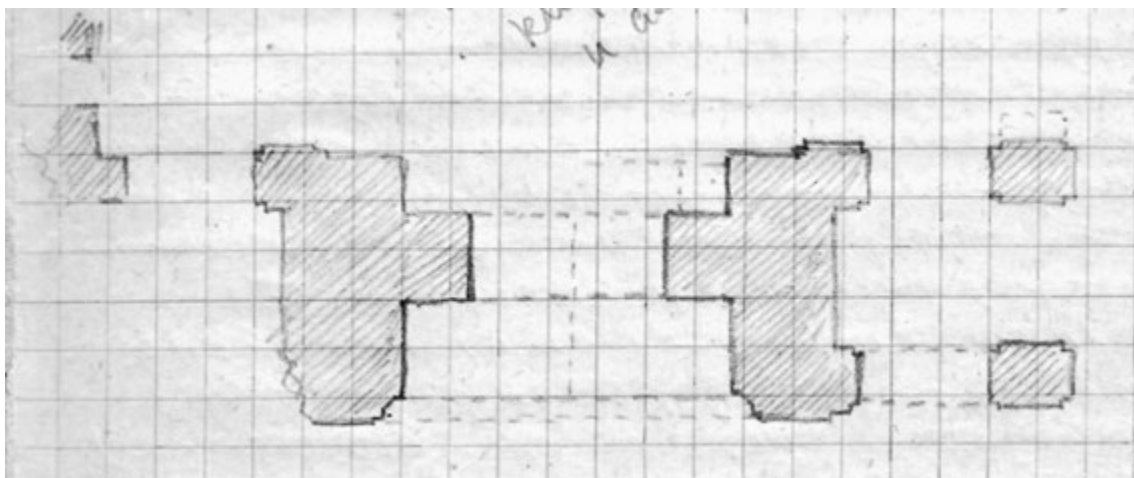
Фотографировал: 1) Бугор к северо-востоку от Арабхона

2) наступающие на оазис пески (2 фото)

3) Движение песков.

Никаких следов КД не обнаружено.

[Стр. 48] Таш-Мечеть

Кирпич 27 x 27 x 5,5, h – ок. 7 м. Хорошо построена, чистая кладка. Внутри оштукатурена алебастром. Тимпанов бывлой арки нет. Изразцов не обнаружено. Время постройки XVI-XVII вв.

20 декабря.

Сегодня с А.Я. направились на рекогносцировку по краю современного оазиса на юг, по направлению к обозначенным на карте развалинам Таш-Мечети. Шли сначала по той обособленной гряде песчаных барханов, достаточно уже в большинстве случаев укрепившейся, которая в виде разной ширины вала проходит вдоль границы оазиса. В большинстве случаев по другую сторону этой гряды имеются также возделанные культурные участки, и даже деревья, через эту полосу некогда прошли упомянутые гряды.

Следов КД не обнаружили, не выяснена также и западная граница бывшего культурного оазиса. Нам удалось просмотреть ее шириной не больше 2-х километров. На этом расстоянии не удалось обнаружить среди множества встреченных черепков никаких образцов древней керамики. Т.о., мое прежнее представление о том, что в этом месте граница древней земледельческой полосы неширока, потерпело, по-видимому, фиаско.

Попутно осмотрен небольшой, но интересный холм к юго-западу от кишлака Джуисафид на границе с песками. Холм состоит из двух соединенных частей, низкой продолговатой северной и более высокой южной. Склоны сглажены. Строение нигде не заметно. На холме – кладбище, у могил собран небольшой подъемный материал – крышка, поливная чашка.

Мечеть Таш-Мечеть – остатки довольно значительного сооружения, похоже – типа Намазгох (см. план на пред. странице).

В одном км к западу от мечети небольшой мазар.

Вокруг мечети много черепков (XVIII-XIX вв.) и шлаков. Вероятно, здесь некогда существовало поселение.

Фото: у к. Джуи Сафид – продвижение песков на оазис (3 шт.)
Таш-Мечеть (3 шт.)
Бугристые пески против к. Ходжакент (1 ф.).

Шифры на подъемном материале:

- 1 – пески к зап. от Дингиль-тепе.
- 2 – Дингиль-тепе.
- 3 – пески к востоку от Дингиль-тепе
- 4 – бугор к юго-зап. от Джуи-Сафид.

21 декабря. Собрался сегодня ехать в направлении холма Ляйлак-Хур, обозначенного на карте, но обещанной райсом лошади до сего времени нет. Уже девять часов. Подожду еще минут двадцать, да, пожалуй, пожертвовав Федоренкой, двинусь один, очень ведь жалко время упускать. Погода сегодня великолепная.

После многих хлопот, второго коня достать не удалось, и план работы на день пришлось в корне изменить. Предполагаемая поездка к Ляйляк-Хуру, а если оказалось бы возможным – к Кампыраку, не состоялось. Я верхом, а А.Я. пешком направились к бугру Катта Ходжа, что к северо-западу от кишлака Ай-Тугды. По пути пришлось пересечь громадную цепь барханов, за которой началась стена, частично занесенная песком. Сам бугор Катта-Ходжа снова окружен барханами, которые тянутся дальше на запад непрерывными волнами, переходя примерно в полтора километрах в мощную гряду барханов, тянущуюся с севера на юг.

Бугор Катта-Ходжа оказался весьма мощным холмом – остатками укрепленного замка, высотой в 18-20 метров. В плане – четырехугольник, вытянутый с севера на юг и довольно точно, по обыкновению, ориентированный. Наиболее возвышенная часть – юго-западная. В северо-восточном углу заметны следы бывшего здесь помещения с сводчатым перекрытием, трудно установить какой формы. В северо-западном углу заметны остатки угловой башни с бойницами в двух ярусах, расположенными в шахматном порядке. Вверху они заканчиваются остроконечно – поставленными наклонно сырцовыми кирпичами. Кладка стен сырцовая. Толщина кирпича – 12 см, толщина слоев глиняного раствора – 10 см. В замок вели, надо полагать, два входа – с севера и с юга.

К югу от замка, насколько можно судить по местам свободным от барханов, имеется довольно значительное возвышение, сплошь покрытое черепками посуды. Какие-то холмы намечаются в песках на северной, западной и восточной сторонах. Также много черепков и шлаков. Похоже, что кроме шахристана, здесь намечается зачаток рабадов. Поселение по своему времени, надо думать, было довольно значительным.

Керамика богато и разнообразно представлена как на главном холме, так и в других местах: расписная ангобная, серая, котелки, с грубой белой поливой и грубым рисунком, голубая глазурь, резьба, штамповка, лепка, стекло. Керамика дает типичную картину до- и раннеисламской культуры. Более поздней керамики при довольно тщательном осмотре бугра обнаружить не удалось. Вероятно, что поселение было заброшено еще в досаманидскую эпоху.

Шифр керамики (подъемный материал) – 5.

Покончив с осмотром холма, я направился конно на запад; отъехав с полкилометра, увидел между барханами какое-то подобие очень сглаженного вала, тянущегося в OON – WWS направлении. Поехав дальше на запад, удалось в нескольких местах проследить его продолжение, пока, наконец, он не исчез под барханами упомянутой выше мощной гряды, где пустых, не покрытых песком пространств не было видно. Что это за вал – решить затрудняюсь, возможно, остаток стены (кстати, за этим валом почти не встречается черепков, рельеф бугристый, есть засоленные низменности). Может быть, это берег древнего арыка – направление вполне соответствует этому предположению. Кроме этого вала в песках скрыто множество мелких валов, остатков построек, арычков, по-видимому, дорог и т.п.

Упершись в гряду барханов, я вынужден был вернуться назад к Катта-Ходжа – так как времени до вечера оставалось еще довольно много, избрал другое направление – на северо-запад, выбирая дорогу между барханами, которые здесь значительно ниже и закрывают не больше 60-70% площади. Проехал (по прежнему направлению). Точка стояния в конце пути определена по створам и обратной засечкой по карте) около 3 километров.

Картина давно знакомая – степь (между барханами) покрыта черепками, насколько рассмотрел – раннеисламского (и доисламского) типа. Видел, правда, и поздние черепки (XVIII-XIX вв.), но в очень незначительном количестве.

- Фото: 1. Стена и дерево, засыпанные песком.
2, 3, 4. Пески с высоты Катта-Ходжа.
5, 6, 7. Катта-Ходжа.
8. Вал к западу от Катта-Ходжа.
9, 10. Федоренко с конем и на коне.

23/ХІІ 35.

Шифры находок – 6. Бугор Калъа-и-Малля Бек.

7. Степь к востоку от Талли Варахш (1 – 1 ½ км).
8. Чагиль-тепе.
9. Степь к востоку от Т. Кампирак.
10. Т. Кампирак.

Фото: Т. Кампирак (1).

Маршрут: Неизвест. бугор.

- Вал.
Обширное городище.
Чагиль-тепе.
Кампырак.

Ввиду того, что на старом месте не налаживалось дело с наймом коня для Федоренко, а также для удобства поездок в глубь степи в самом широком месте заброшенной части оазиса, решили переменить место и переехали в к. Ширбуян (10-ти верстная карта – Шир поян) уже в Ромитанском районе, на самой границе песков.

По пути видели два довольно значительных бугра – кешка, один у к. Джингар, другой севернее – у Шуристана. Оба холма сложены из сырцового кирпича, керамикой бедны. И тот и другой бугор окружены кулем (водоемом).

В тот же день вечером прошли на бугор Калъа-и Малля бек. Вторичный осмотр подтвердил наблюдения, сделанные в прошлом году. Собрана разнообразная керамика.

Сегодня – 23 декабря, достав в колхозе Ахунбабаева второго коня, направились в степь, по направлению к обследованной мною в прошлом году Талли Варахша. У бугра, обозначенного на карте «Б. Талипупа» с северной стороны, не доезжая до холма около $\frac{1}{2}$ км, заметили сильно смытую дождем и разрушенную песком стену, которая направлялась к югу от бугра. Объехав бугор, нашли, что эта стена, переходя затем в отлогий сглаженный вал, огибает Талипупа и тянется в северо-западном направлении, делая зигзаги, примерно на холм без названия, показанный на карте к северо-востоку от Варахши.

Все пространство к востоку от этого вала, насколько охватывает взгляд, заполнено остатками построек, сильно сглаженных и разрушенных, представляющих теперь ряды глиняных холмиков, вытянутых в направлении господствующих ветров – с севера на юг. Такими же остатками поселения (или поселений, быть может, последовательно сменявшихся друг другом) занята и восточная сторона, но здесь их значительно меньше. Среди остатков построек заметно много следов стен, арыков и, как будто-бы – дорог. Арыки, как и должно ожидать, имеют направление с северо-востока на юго-запад. Остатками керамики забиты буквально все пустые пространства, бугры, холмы и холмики.

Последовав дальше мимо холма Талли Варахш, на который в этот раз, ввиду недостатка времени, я не заезжал, достигли бугра, показанного на карте под названием Чагиль-тепе. К северу от Варахша, на уровне Чагиль-тепе, видели 3-4 казахских кибитки, а в степи – детей, собирающих топливо.

Бугор Чагиль-тепе средней величины. Сырцовый кирпич, много керамики. С восточной и северной сторон прекрасно сохранил вид укрепления. На холм два въезда – с восточной стороны и с южной. Керамика, собранная на холме показывает, что укрепление, а также поселение на нем, находившееся с южной стороны, были обитаемы еще в саманидские времена – встречаются в большом количестве фрагменты «согдийской» керамики.

От бугра Чагиль-тепе двинулись дальше, к бугру, обозначенному названием «Калтрок». Как и А.А. Зимин, я предположил возможную связь между этим названием и Кампир-Дивалом (у Наршахи «Кампирак»). Но Зимин почему-то бугор Кампирак искал восточнее Калъа-и Симич.

Маленькое отступление: название Калъа, по-видимому, присвоено тем буграм, на которых находились позднейшие – узбекской эпохи – укрепления. Такова Калъа-и Малля Бек, Калъа-и Симич, Калъа-и Заргарон, прочие называются – тепе, талль.

Пространство от гряды песков, проходящей по границе современного оазиса, до Чагиль-тепе открыто, почти свободно от песков. За Чагиль-тепе снова начинаются довольно значительные пространства, засыпанные песками. Снова встречаются остатки построек, очень сходные с описанными выше, арыков, стен. Сначала за

Чагиль-тепе заметно как будто бы полное исчезновение фрагментов керамики, но дальше – ближе к Кампирак – снова много черепков. Очень много осколков крупных речных раковин.

Бугор Кампирак оказался несколько сходным с бугром, описанным выше (Чагиль-тепе). Так же обрывисты стены, с юга расположен продолговатый низенький холм. Керамика носит тот же характер – видны несомненные образцы «согдийской керамики».

Заехав далеко и увлекшись осмотром холма, запоздали с возвращением, и большую часть пути сделали ночью, надеясь, главным образом на чутье колхозного коня.

24 декабря.

Сегодня прекрасный, солнечный, очень ясный день. Но с утра неудача: председатель не дал коня, отговариваясь тем, что в колхозе все лошади заняты. Скрепя сердце, оставил Федоренко дома, отправился в степь один.

Маршрут: бугор Тагамас, бугор Ходжа-Хатын, бугор Ляйляк-Хур, бугор Амуран. На Тагамас и Амуран не заезжал, а проехал за недостатком времени мимо.

Выехал от Калъа-и Малля Бек прямо на запад, по направлению к Ляйляк-Хуру. Дорога проходила (без дороги, конечно) сначала через низенькие гряды песков, следы разрушенных стен и т.д. Поравнявшись с Талли-пупе, обнаружил, что те следы построек и массивных стен, которые, примыкая к нему с севера, занимают весьма значительное пространство, имеются также на довольно большом пространстве и с этой стороны. Одну стену, отходящую от холма на юг, я проследил на весьма значительном расстоянии – около двух километров. Сначала она имеет вид стены, затем переходит в низенький вал и теряется в песчаных барханах.

Объехав кругом (с юга) небольшой бугор Тагамас, направился прямо к Ходжа-Хатыну. Степь здесь почти без песков. Встречаются следы построек и арыков.

Ходжа-Хатын оказался довольно интересным холмом, состоящим, как обычно, из двух частей: первая – высокая на севере и низкие отлогие холмы, неправильной формы на южной стороне. Первая часть не очень высока. В плане почти квадратна. Стены сохранились на северной и восточной сторонах. Хорошо видна кладка. Западная и южная стороны потеряли форму стен, отлоги. В северо-восточном углу возвышение – видимо, главная часть укрепления. Керамика дает типы домусульманские, «согдийские» и совсем поздние – XVIII-XIX вв. Возможно, более поздняя керамика занесена кочевниками, которые и теперь располагаются около холма в нескольких кибитках. Рядом с холмом – колодец.

Местность вокруг холма засыпана черепками. Для того чтобы, если удастся, проследить, где кончается заселенная прежде полоса, я поехал дальше на восток, стараясь более или менее строго выдерживать направление. Черепки и другие признаки оседлой жизни окончились в 1 ½ километрах от бугра. Дальше черепков нет. Начинается всхолмленная местность, отчасти покрытая песком. Характер окультуренной земледелием эта местность уже не носит. Проехав по ней, чтобы вернее убедиться в своих наблюдениях еще около полутора километров, повернул круто к холму Ляйляк-Хур. По пути у встреченных казахов-охотников расспрашивал название холмов. Они знают далеко не все названия, но правильность названий Кампырак,

Варахш, Ляйляк-Хур, Ходжа-Катын, Катта-Ходжа, Суббук и Джингиль (Дингиль) подтвердили.

Кстати – не названный на карте холм к северо-востоку от Варахша называется Ширин-Кудук.

По пути к Ляйляк-Хуру я проезжал через пустые места, размытые весенними водами (?) и лишенные признаков древней оседлости. Примерно за ½ км от холма Ляйляк-Хур начало снова встречаться огромное количество черепков. Черепками покрыт сплошь сам бугор сверху, несколько низких отлогих холмов на южной стороне и вся местность, непосредственно примыкающая к холмам.

Бугор Ляйляк-Хур оказался довольно мощным и высоким укреплением с очень крутыми стенами-боками. Въезд с юго-восточного угла, особенность – керамики – не нашел «согдийского» типа и более поздних.

На обратном пути, направившись прямо на видневшийся вдали Калъа-и Малля Бек, но взял затем несколько правее и наткнулся на длинный довольно мощный вал, сильно напоминающий Кампыр-Дивал, как он выглядит на западной стороне оазиса, но ровнее, это, может, объясняется сглаживающим действием сыпучих песков. Поверхность вала, как и там, покрыта мелким галечником. Вал идет в направлении с севера на юг, отклоняясь к западу. Проследил его примерно на 1 километр.

Направившись дальше, к востоку, снова встретил похожий вал, идущий в северо-восточно – юго-западном направлении. Здесь я его проследил примерно на два километра. И тот и другой конец упираются в барханы. Ввиду позднего времени, мне не удалось сегодня проследить – не являются ли все три вала: найденный вчера и два сегодняшних частями одного и того же вала. Если это так, то общее протяжение валов составит около 8-9 километров. Это слишком много для местной стены какого-либо поселения и тогда, пожалуй, частично проблему Кампыр-Дивала на западной стороне оазиса можно будет считать решенной. Сделаем попытку проделать эту работу завтра.

Шифры на подъемном материале.

11 – Ходжа-Хатын

12 – Ляйляк-Хур.

Фото: 1. Ходжа-Хатын (1 ф.)

2. Ляйляк-Хур (1 ф.)

3. Стена в западную сторону с Ляйляк-Хура (с верблюдами).

4. Стена в восточную сторону (с несколькими холмами).

5. Остатки построек, с Талли Варахш.

6. Остатки построек.

7. Остатки стены.

25/ХII.

Сегодня выехал опять один. Снова Федоренко не дали коня. Проследил после многих ошибок и напрасных поисков, но зато теперь вполне уверенно, найденный вчера вал. Он начинается в километре к северо-западу от Ходжа Хатына и тянется непрерывно до Талли Пупе за исключением небольшого участка к юго-западу от Талли-Пупе, где его уничтожили более поздние постройки. Продолжения вала

к юго-западу от начальной точки нет, здесь он, постепенно снижаясь, исчезает, и проследить его не удалось, возможно, что он закрыт песчаными барханами. В другую сторону от Талли-Пупе он продолжается на север. Это тот самый вал, который обнаружил Федоренко еще 23/ХІІ.

Вал иногда понижается, иногда он представляет собою весьма заметную возвышенность. Есть в некоторых местах уширения и повышения, возможно – следы укреплений.

- Фото:
- 1) КД – вал.
 - 2) Кибитки.
 - 3) Стена.
 - 4) Песок.
 - 5) Барханы.
 - 6) Барханы.

День с утра туманный, но около 10 час. утра прояснилось. Было ясно, с белыми облаками, видимость превосходная.

26/ХІІ, 1935. Выезжал вместе с Федоренко. Задачи поездки – проследить продолжение вала, найденного в предыдущие дни, дальше – в западную сторону, т.к. по моему мнению, направление вала, если удастся проследить его продолжение, дает возможность вывести надежное заключение о его природе и происхождении.

По пути фотографировал дехкан в праздничных нарядах, шедших и ехавших толпами со всех сторон к мазару Кыз Биби, т.к. это был праздничный день (Иди-фитр).

Выехали мы первоначально на тот отрезок вала, который теряется в низких бугристых песках к северу от Талли-Пупе. Отсюда мы разъехались по двум направлениям: Федоренко поехал к западу по направлению к Варахшу, а я на север, к необозначенному на карте бугру. Проехав некоторое расстояние через барханы, на продолжении прослеженного раньше вала, я наткнулся действительно на низкий, слабо заметный вал, который тянулся сначала в северном направлении, затем обогнул упомянутый необозначенный холм и к северу от него исчез. В этом месте к нему с севера подходит широкий вал – явный след двух параллельных арыков с бывшими когда-то повышенными берегами. Такой же вал составлял продолжение двух вышеописанных, направляется из этой точки к юго-востоку, огибая бугор с другой стороны.

С севера к этому месту вновь примыкает обширная площадь, занятая сплошь остатками глинобитных построек обширного поселения.

Видя невозможность разобрать что-либо в этом месте, проехав некоторое расстояние по руслу старых арыков – прямо на север, убедился, что здесь имеется, собственно, не два арыка, а целый пучок их. Затем повернул на запад и вскоре встретился с Федоренко, который обнаружил вал, поехал по его направлению и подъехал т.о. к тому же месту, к которому подъехал я.

Возвратились по направлению вала, прослеженного Федоренко, занесли значками вал на карту, а затем вернулись к месту встречи, чтобы проследить продолжение

на север. Но здесь нас ожидала полная неудача: вал вскоре исчезает, теряясь в упомянутых уже остатках более позднего поселения.

Поездив еще некоторое время по степи в поисках утерянного продолжения вала и не обнаружив его, повернули прямо по направлению к мазару Кыз Биби.

По пути наткнулись еще на один довольно длинный вал, отмеченный мною на карте.

Дорогой сфотографировали мазар Кыз Биби.

27/XII – туманный день. Переезд на следующую стоянку – в Калъа-и Чорбог около Чоршамбе-Ромитана. Такой неудобный пункт избран, главным образом, по тому, что здесь находится проучасток, где, по мнению Федоренко, можно легче найти коня и удобнее устроиться в бытовом отношении.

28/XII. Надежда на коня для Федоренко снова не оправдалась. Коня он не получил и мне пришлось снова ехать одному. Выезжая из оазиса в степь, сбился несколько с дороги и выехал вместо прямого направления к мазару Бобои-Самоси к кишлаку Боги-Туркан, откуда, пользуясь картой, направился напрямиком к Калъа-и Симинч. При выезде из полосы крайних кишлаков, проехал через значительной величины бугор со сглаженными, но довольно крутыми склонами, заросшими травой. Бугор (обозначен на двухверстной карте к югу от к. Хазар-бог) состоит из двух частей: высокого мощного бугра, имеющего вид усеченной пирамиды на южной стороне и широкого холма неправильной формы, расположенного на севере. Именно здесь оформились до некоторой степени мои мысли о двух резко довольно различающихся типах городищ этого ряда: обычный, наиболее часто встречающийся – с замком правителя на северной стороне и другой – где поселение по отношению к замку расположено на северной, западной или восточной стороне. Следовало бы по этому вопросу собрать побольше материала. Возможно, что это не простая случайность. Не кроются ли здесь какие-либо причины этнического, религиозного или, наконец, просто хронологического свойства.

К востоку от Калъа-и Симинч снова обширное поселение, судя по черепкам, нестарое – XV-XVII веков. На западной окраине этого поселения – обширное кладбище, на котором довольно много камней в форме параллелоипеда, некоторые из них – прекрасной работы. Надписи сильно стерты, и на разбор их у меня не было времени. На двух камнях видел даты: 882 и 998.

Несмотря на очень большой круг, сделанный по степи, мне не удалось найти здесь (к западу и юго-западу от Калъа-и Симинч) никакого продолжения потерянного вала.

29/XII – ввиду того, что время, намеченное для поездки, истекло, возвратились в Бухару.

Библиография

- Алпаткина Т.Г.** Дневники В.А. Шишкина в архиве Государственного музея Востока // Российская археология. 2001. № 1. С. 117-124.
- Алпаткина Т.Г., Иневаткина О.Н., Кулакова Л.Ю.** Зарафшанская экспедиция 1934 г. в Бухарском оазисе // Российская археология. 2008. № 1. С. 130-142.
- Альбаум Л.И.** Живопись Афрасиаба. Ташкент, 1975.
- Архивные материалы Государственного Музея Востока (Москва, Россия) // Археология Центральной Азии: архивные материалы. Т. II. Самарканд, 2015 С. 3-115.**
- Ахун-бабаев Х.Г.** Дворец ихшидов Согда на Афрасиабе. Самарканд, 1999.
- Гончарова П.А.** Золотошвейное искусство Бухары. Ташкент, 1986.
- Горшенина С.** Галина Пугаченкова. Ташкент, 2000.
- История народов Узбекистана. Том 2. От образования государства Шейбанидов до Великой октябрьской революции. Под ред. С.В. Бахрушина, В.Я. Непомнина и В.А. Шишкина. Ташкент, 1947.**
- История Узбекской ССР. Том I, книга вторая. Под ред. М.Г. Вахабова, В.Я. Непомнина и Т.Н. Кары-Ниязова. Ташкент, 1956.**
- Кучкаров Т.** Памяти Василия Афанасьевича Шишкина // История материальной культуры Узбекистана. Выпуск 11. Ташкент, 1974 С. 3-8.
- Левтеева Л.Г., Минасянц В.С.** Эхо ушедших эпох. Ташкент, 2017.
- Лунин Б.В.** Василий Афанасьевич Шишкин как ученый-археолог и общественный деятель (к 70-летию со дня рождения) // История материальной культуры Узбекистана. Выпуск 6. Ташкент, 1965 С. 5-11.
- Лунин Б.В.** Василий Афанасьевич Шишкин // Советская археология, 1967, № 2. С. 301.
- Массон М.Е.** Из воспоминаний среднеазиатского археолога. Ташкент, 1976.
- Мкртычев Т.К.** Художник, который видел форму цвета // Беньков Павел Петрович, 1879-1949. Альбом. Гос. Музей Востока. М., 2009 С. 22-24.
- Никулина О.С.** Введение / Архивные материалы Государственного Музея Востока (Москва, Россия) // Археология Центральной Азии: архивные материалы. Т. II. Самарканд, 2015 С. 5-28.
- Нильсен В.А.** Монументальная архитектура Бухарского оазиса XI-XII вв. Ташкент, 1956.
- Нильсен В.А.** Становление феодальной архитектуры Средней Азии (V-VIII вв.). Ташкент, 1966.
- Нильсен В.А.** У истоков современного градостроительства Узбекистана (XIX – начало XX веков). Ташкент, 1988.
- Новоселова К.** Звезда Альтаир. Ташкент, 1983.
- Пиотровский Б.Б.** Страницы моей жизни. СПб., 1995.
- Ремпель Л.И.** Далекое и близкое. Бухарские записи. Ташкент, 1981.
- Ремпель Л.И.** Мои современники. Ташкент, 1992.
- Ртвеладзе Э.В.** Вспоминая былое. Книга I. Ташкент, 2012.
- Ртвеладзе Э.В.** Вспоминая былое. Книга II. Ташкент, 2014.
- Русские ученые-исследователи Средней Азии. Под ред. Е.П. Коровина, Я.М. Серого, В.А. Шишкина. Т. 1. А.П. Федченко. Сборник документов. Ташкент, 1956.**

Русские ученые-исследователи Средней Азии. Под ред. Е.П. Коровина, Я.М. Серого, В.А. Шишкина. Т. 2. Н.А. Северцов. Сборник документов. Ташкент, 1958.

Русские ученые-исследователи Средней Азии. Под ред. А.С. Уклонского, В.А. Шишкина. Т. 3. И.В. Мушкетов. Сборник документов. Ташкент, 1960.

Русские ученые-исследователи Средней Азии. Под ред. А.С. Уклонского, В.А. Шишкина. Т. 4. Г.Д. Романовский. Сборник документов. Ташкент, 1961.

Садыков А.С. и др. Василий Афанасьевич Шишкин (1894-1966) // *Общественные науки в Узбекистане*. 1966, № 12 С. 58-59.

Сильви-Антониони К., Мирзаахмедов Д.К, Адылов Ш.Т., Ильясов Дж. Памяти Василия Афанасьевича Шишкина // *Древняя и средневековая культура Бухарского оазиса. Материалы конференции по результатам совместных Узбекско-Итальянских исследований в археологии и востоковедении, Бухара 26-27 сентября 2003 г.* Самарканд - Рим, 2006 С. 5-8.

Шедевры архитектурной эпиграфики Узбекистана. Ташкент, 2011.

Шишкин В. О названиях ташкентских махалля // *Бюллетень Ташкентского новгородского исполкома*. Ташкент, 1925, № 4, 5.

Шишкин В.А. Архитектурные памятники Бухары. Ташкент, 1936.

Шишкин В.А. Археологические работы 1937 г. в западной части Бухарского оазиса. Ташкент, 1940а.

Шишкин В. Мазар Ша-Абду-Малик // *Известия Узбекстанского филиала Академии наук СССР*. Ташкент, 1940б, № 8, с. 56-61.

Шишкин В.А. Исследование городища Варахша и его окрестностей // *Краткие сообщения Института истории материальной культуры*. Вып. X. М. – Л., 1941а. С. 3-15.

Шишкин В.А. К исторической топографии Старого Термеза // *Труды Узбекстанского филиала Академии наук СССР*. Серия I: История, археология. Выпуск 2. Термезская археологическая комплексная экспедиция 1936 г. Ташкент, 1941б. С. 123-153.

Шишкин В.А. «Курган» и мечеть Чор-Сутун в развалинах старого Термеза // *Труды Академии наук УзССР*. Серия I: История, археология. Термезская археологическая экспедиция. Т. II. Ташкент, 1945. С. 98-132.

Шишкин В.А. Архитектурная декорация дворца в Варахше // *Труды Отдела Востока Государственного Эрмитажа*, т. IV. Л., 1947а. С. 225-292.

Шишкин В.А. Надписи на портале Большой мечети в Бухаре // *Бюллетень АН УзССР*, 1947б, № 8. С. 25-26.

Шишкин В.А. Археологические работы 1948 года на городище Варахша // *Известия АН УзССР*. Ташкент, 1948, № 5. С. 62-70.

Шишкин В.А. Минарет в Джар-Кургане // *Труды Института истории и археологии Академии наук УзССР*. Вып. II. Ташкент, 1950. С. 58-70.

Шишкин В.А. Обсерватория Улугбека и ее исследование // *Труды Института истории и археологии АН УзССР*. Вып. V. Обсерватория Улугбека. Ташкент, 1953. С. 3-100.

Шишкин В.А. Некоторые итоги археологических работ на городище Варахша (1947-1953 гг.) // *Труды Института истории и археологии Академии наук УзССР*. Вып. VIII. Ташкент, 1956. С. 3-42.

Шишкин В.А. Варахша (предварительное сообщение о работах 1949-1953 гг.) // Советская археология, XXIII, М., 1957. С. 101-130.

Шишкин В.А. Варахша (Опыт историко-археологического исследования). Автореферат на соискание ученой степени доктора исторических наук. Ташкент, 1961.

Шишкин В.А. О мнимом мавзолее «Улуг-бегим» в Шахи-Зинда // Общественные науки в Узбекистане. Ташкент, 1962, № 11. С. 66-67.

Шишкин В.А. Василий Лаврентьевич Вяткин (к тридцатилетию со дня смерти) // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 4. Ташкент, 1963а. С. 144-151.

Шишкин В.А. Варахша. М., 1963б.

Шишкин В.А. Фирман 1541 г. на портале большой соборной мечети Бухары // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 5. Ташкент, 1964, с. 161-167.

Шишкин В.А. Афрасиаб – сокровищница древней культуры. Ташкент, 1966.

Шишкин В.А. Надписи в ансамбле Шахи-Зинда // Зодчество Узбекистана. Материалы и исследования. Вып. II. Ансамбль Шахи-Зинда. Отв. ред. П.Ш. Захидов. Ташкент, 1970. С. 7-71.

Якубовский А.Ю. Краткий полевой отчет о работах Зарафшанской археологической экспедиции Эрмитажа и ИИМК в 1939 г. // Труды Отдела Востока Государственного Эрмитажа. Том II. Ленинград, 1940. С. 51-70.

Қўчқоров Т. В.А. Шишкин – археолог ва шарқшунос (Туғилган кунига 80-йил тўлиши муносабати билан) // Общественные науки в Узбекистане. 1974, № 2. С. 39-44.

Blair Sheila. The monumental inscriptions from early Islamic Iran and Transoxiana. Leiden, 1992.

Compareti Matteo, De la Vaissiere Etienne (eds.). Royal Nauruz in Samarkand. Proceedings of the conference held in Venice on the pre-Islamic paintings at Afrasiab. Pisa - Roma, 2006.

Mode Markus. Sogdien und die Herrscher der Welt. Türken, Sasaniden und Chinesen in Historiengemälden des 7. Jahrhunderts n. Chr. aus Alt-Samarqand. Frankfurt am Main, 1993.

Naymark A. Returning to Varakhsha // The Silk Road, Volume 1, no.2 (2003), pp. 9–22.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие (Дж.Я. Ильясов)	5
Основные вехи биографии и научной деятельности В.А. Шишкина (Дж.Я. Ильясов)	10
В.А. Шишкин. Дневники 1923-1935 годов	21
1923 г. (тетрадь № 1)	23
1925 г. (тетрадь № 2)	41
1926 г. (тетради №№ 8 и 9)	65
1927 г. (тетради №№ 6 и 11)	112
1928 г. (тетрадь № 5)	144
1929 г. (тетради №№ 10 и 5)	158
1930 г. (тетрадь № 5)	181
1931 г. (тетради №№ 7 и 11)	184
1935 г. (тетради №№ 7 и 9)	194
Библиография	205
В.А. Шишкин. Рисунки 1921-1944 годов	209

Рис. 1. Автопортрет, 1913 г.

Рис. 2. Турғунхон Аъзимбой кизи, 1922 г.

Рис. 3. Хадича, 1923 г.

Рис. 4. Ташкент, Шейхантаур, 1921 г.

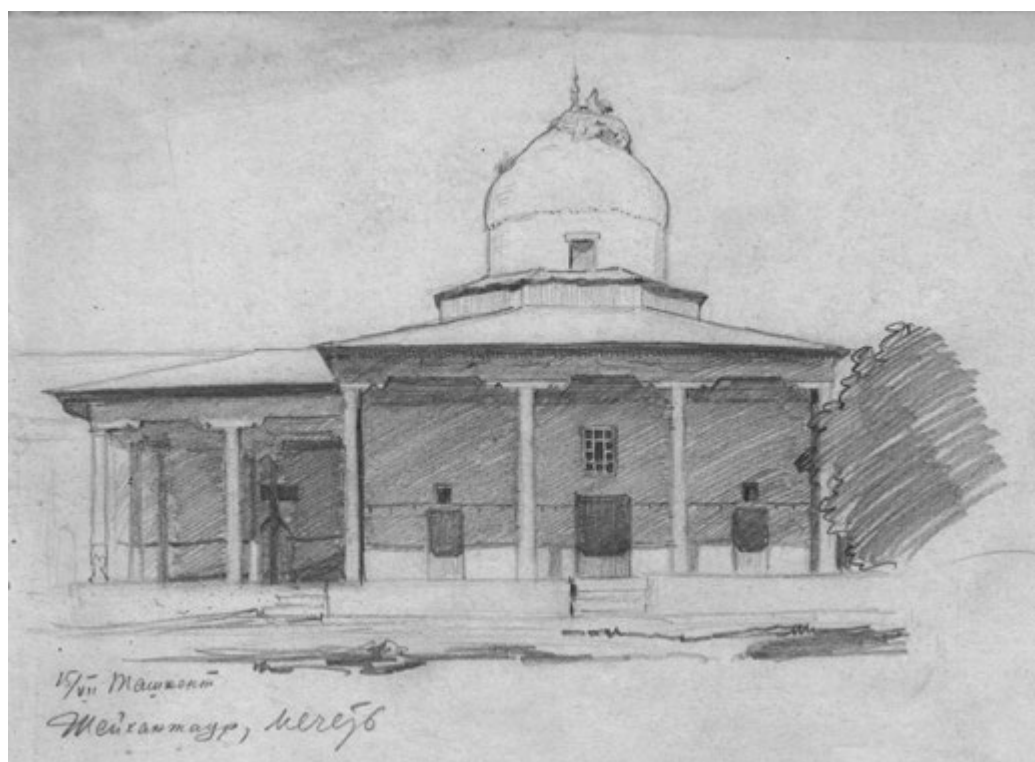

Рис. 5. Шейхантаур, мечеть. 1921 г.

Рис. 6. Шейхантаурская часть, 1921 г.

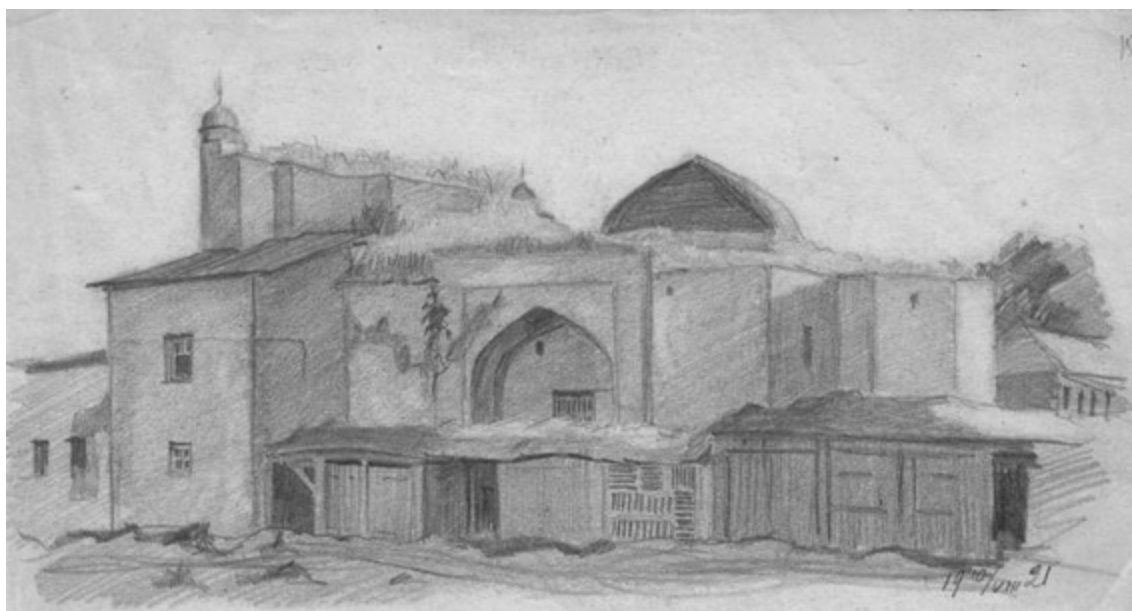

Рис. 7. Ташкент, 1921 г.

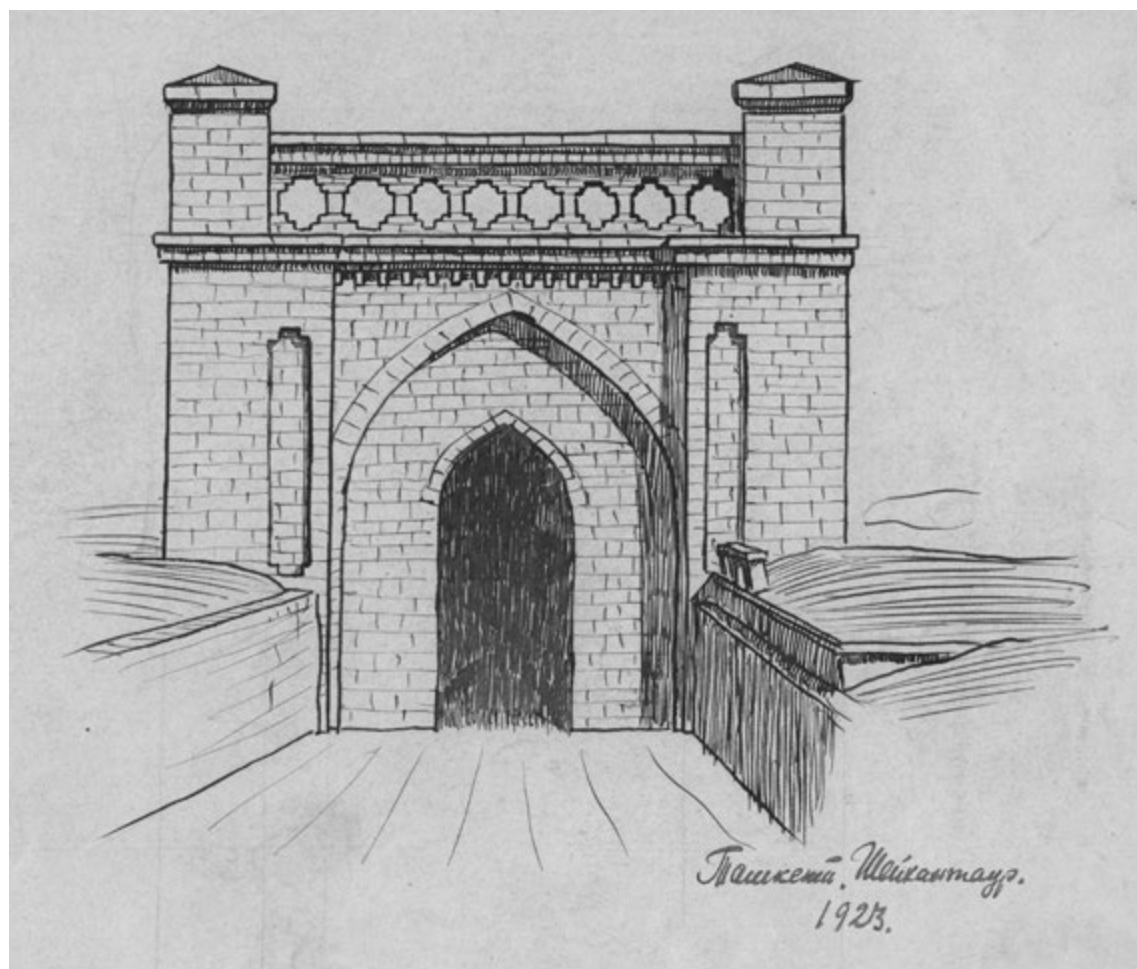

Рис. 8. Шейхантаур, 1923 г.

Рис. 9. Шейхантаур, 1921 г.

Рис. 10. Канибадам, 1924 г.

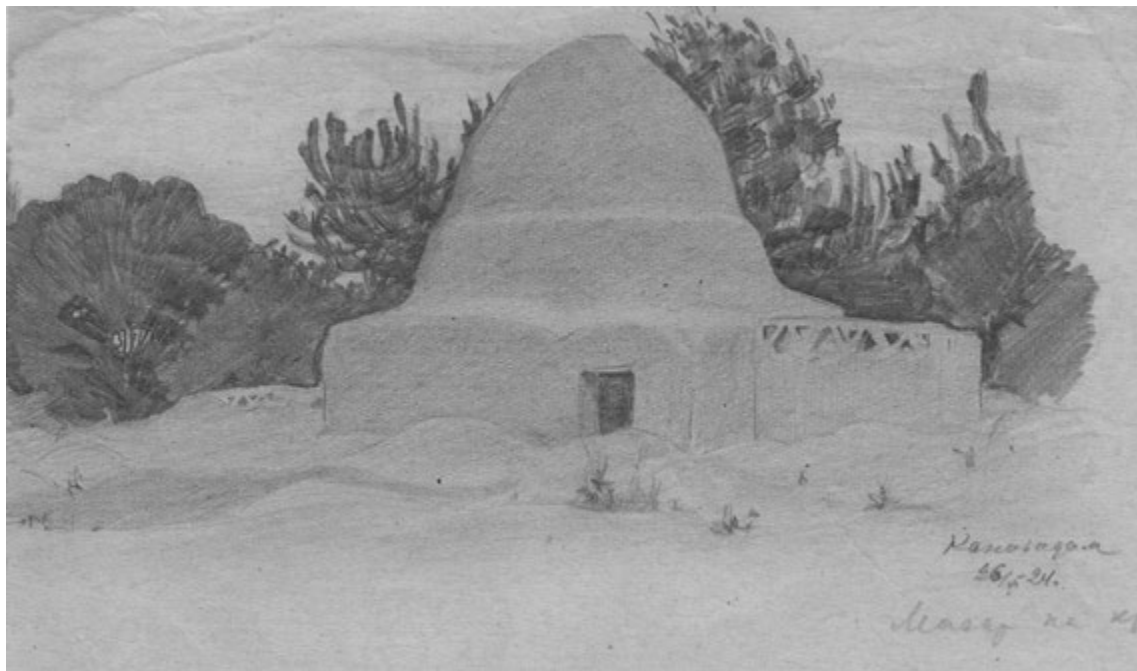

Рис. 11. Канибадам, 1924 г.

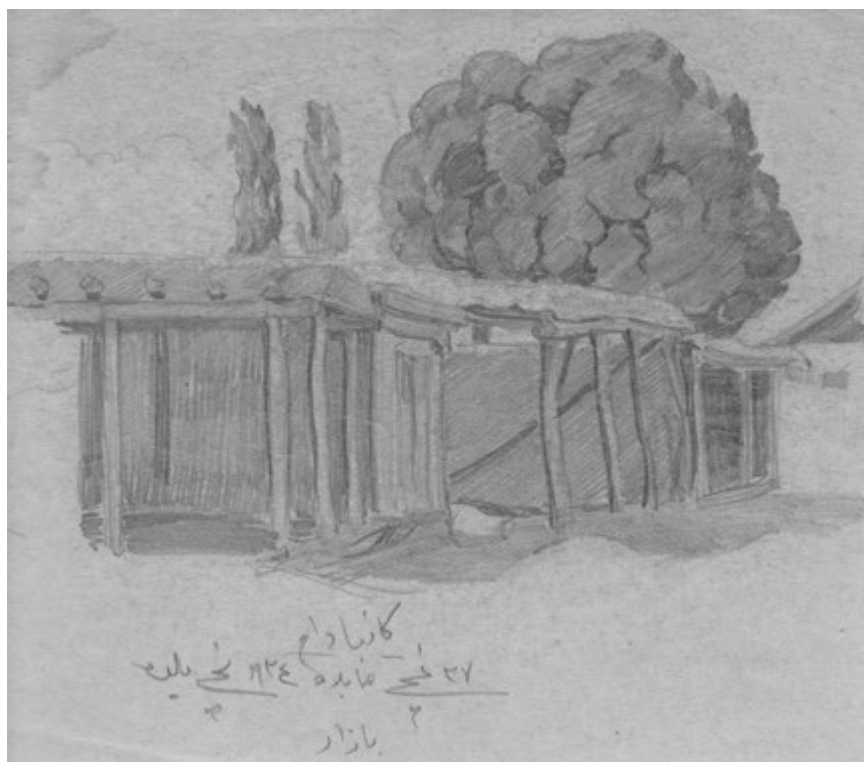

Рис. 12. Канибадам, базар, 1924 г.

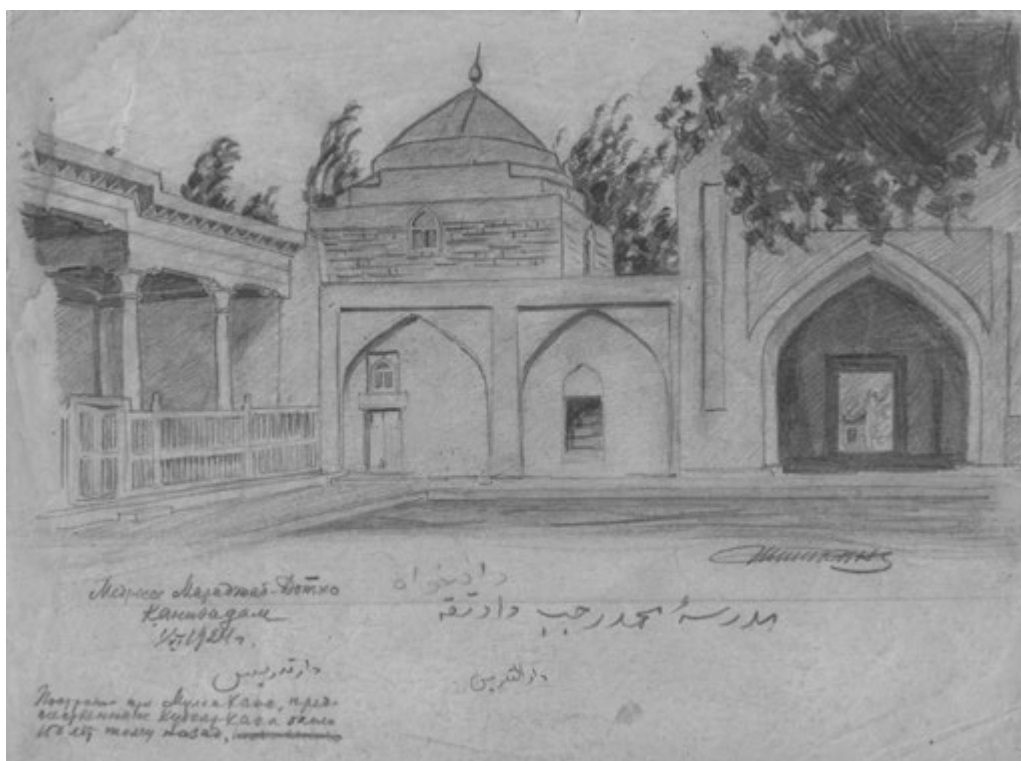

Рис. 13. Канибадам, медресе Мараджаб Дотхо, 1924 г.

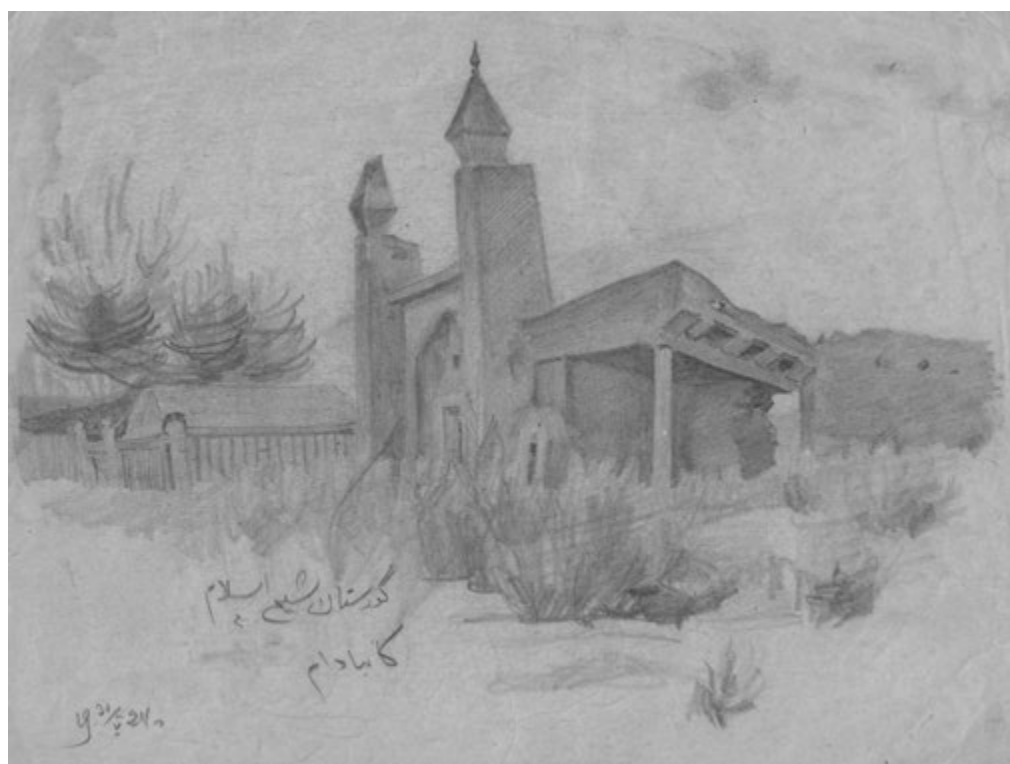

Рис. 14. Канибадам, 1924 г.

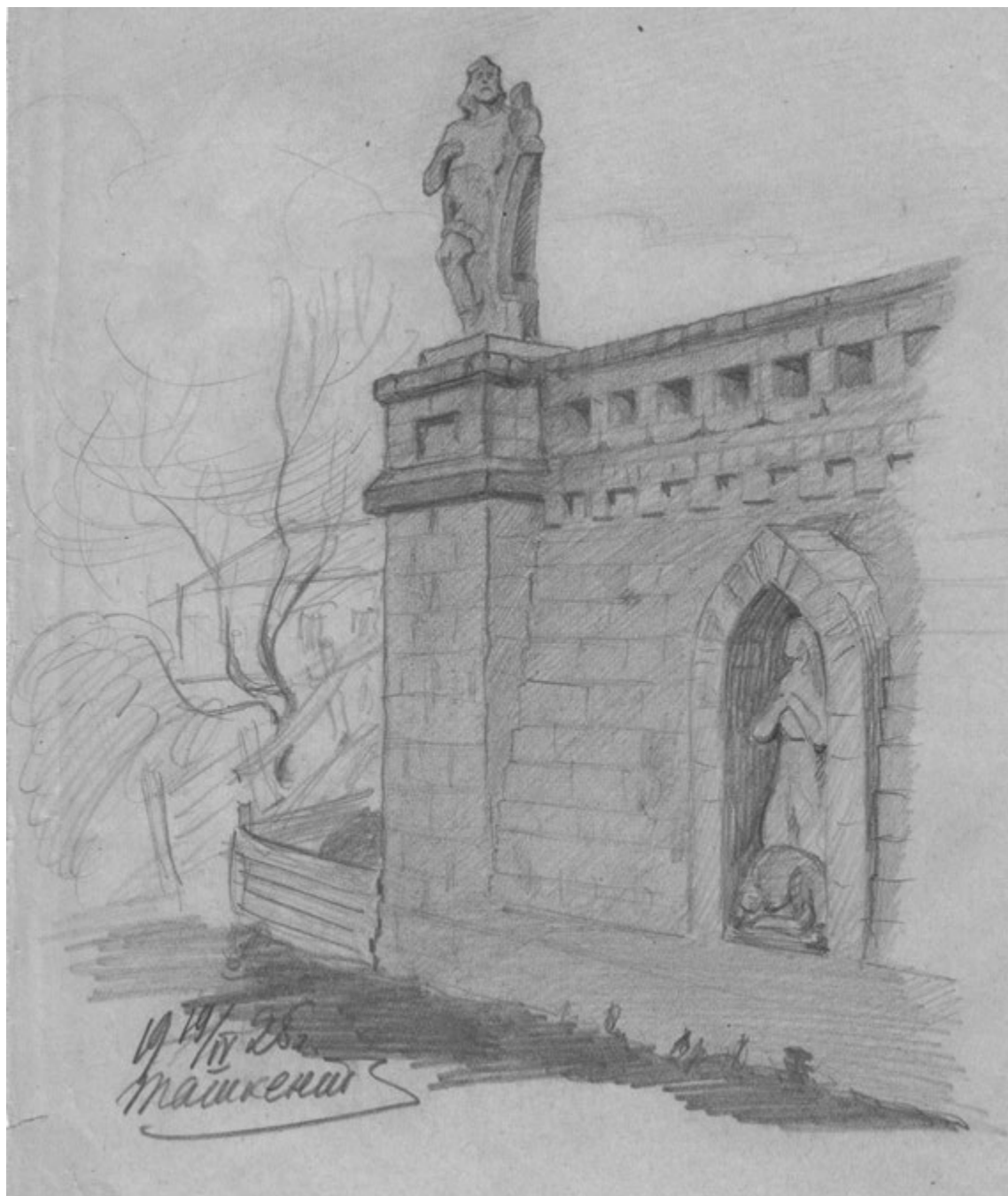

Рис. 15. Ташкент, костел, 1925 г.

Рис. 16. Ташкент, 1925 г.

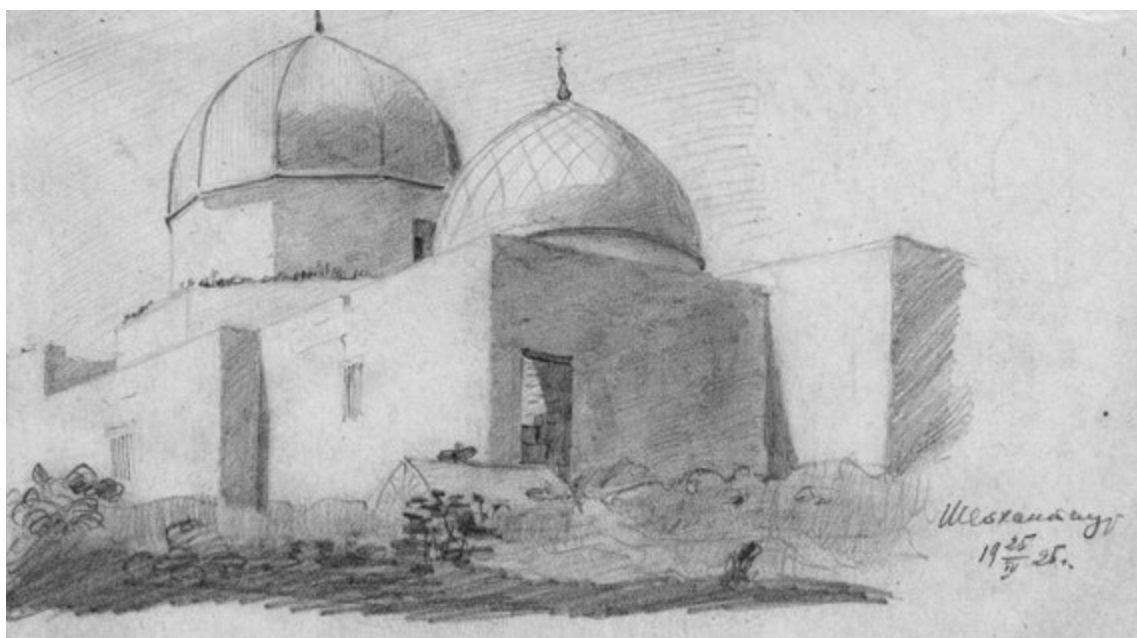

Рис. 17. Шейхантау, 1925 г.

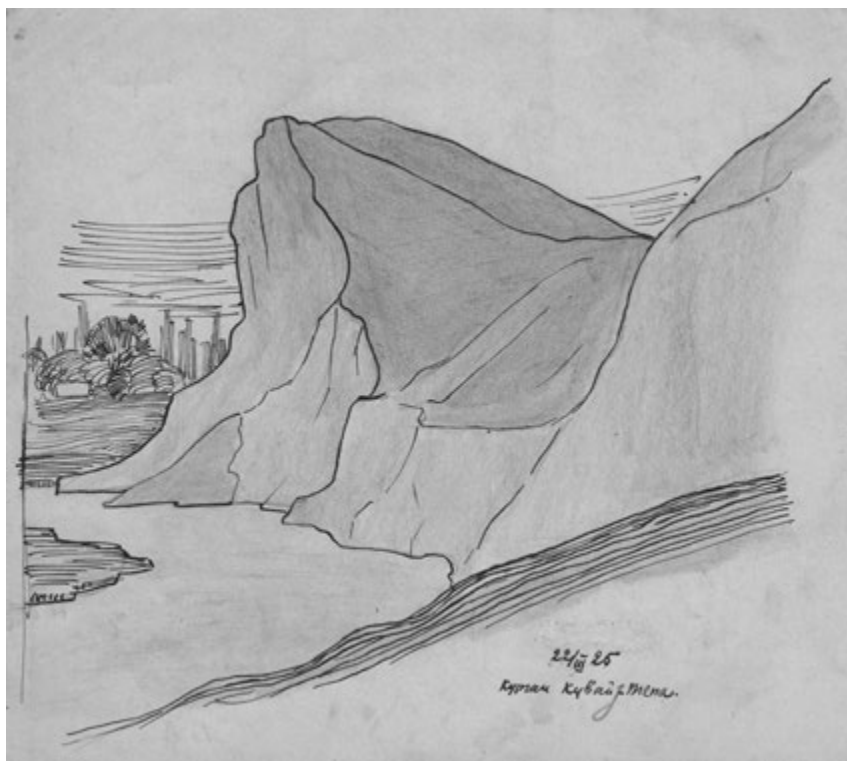

Рис. 18. Кувайт тепа, 1925 г.

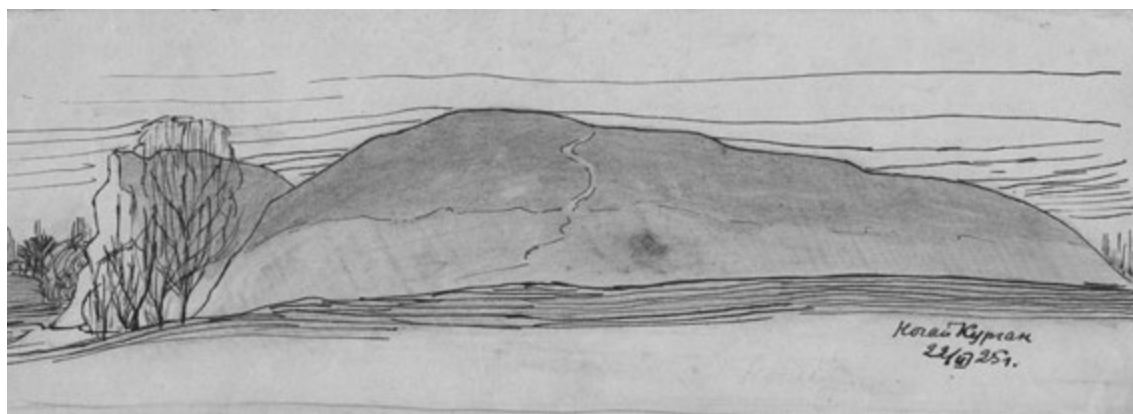

Рис. 19. Ногай Курган, 1925 г.

Рис. 20. Ногай Курган, 1925 г.

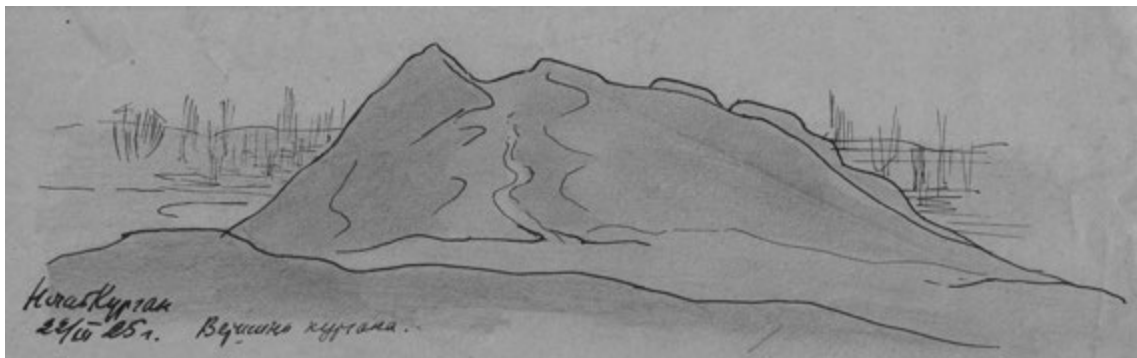

Рис. 21. Ногай Курган, 1925 г.

Рис. 22. Биби Ханым, 1925 г.

Рис. 23. Кладбище в окрестностях Ташкента, 1926 г.

Рис. 24. Шахриябз, Ак Сарай, 1928 г.

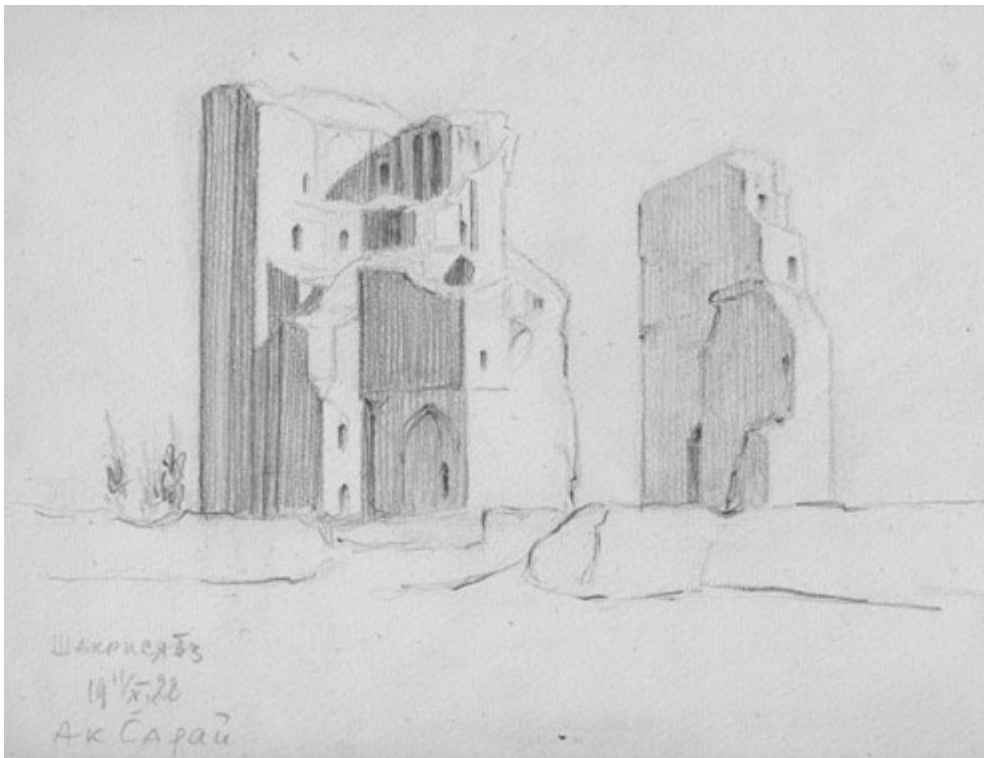

Рис. 25. Шахриябз, 1928 г.

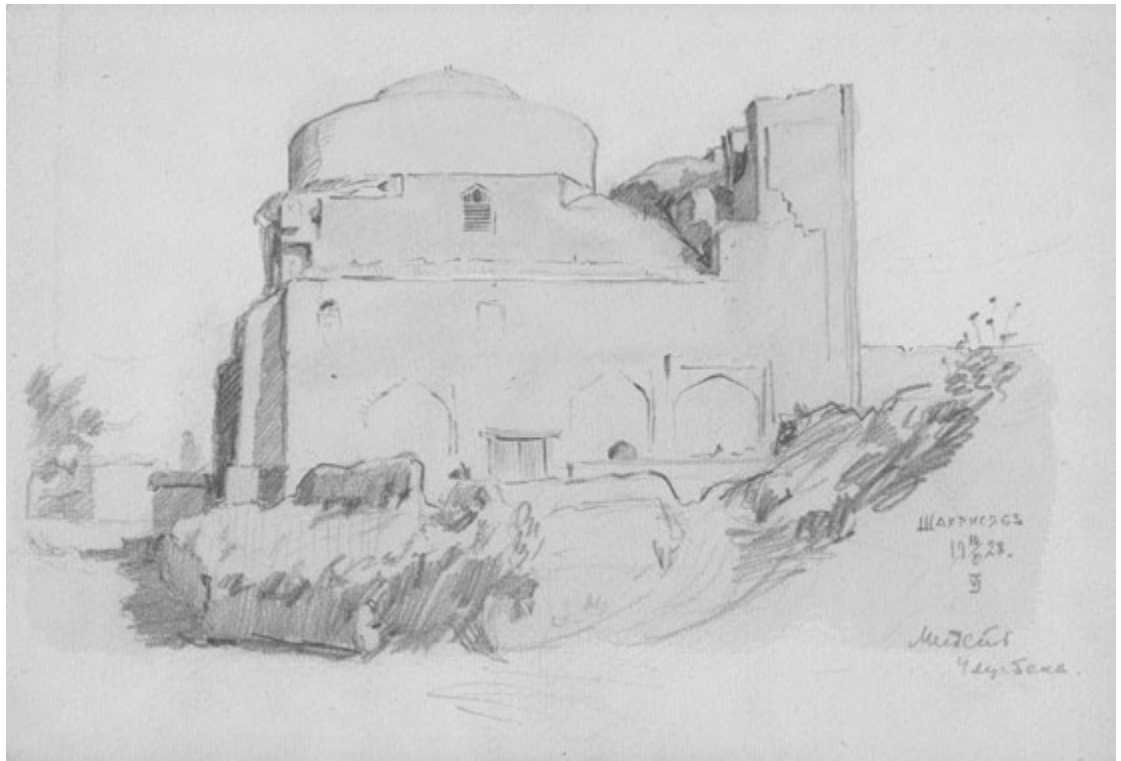

Рис. 26. Шахриябз, медресе Улугбека, 1928 г.

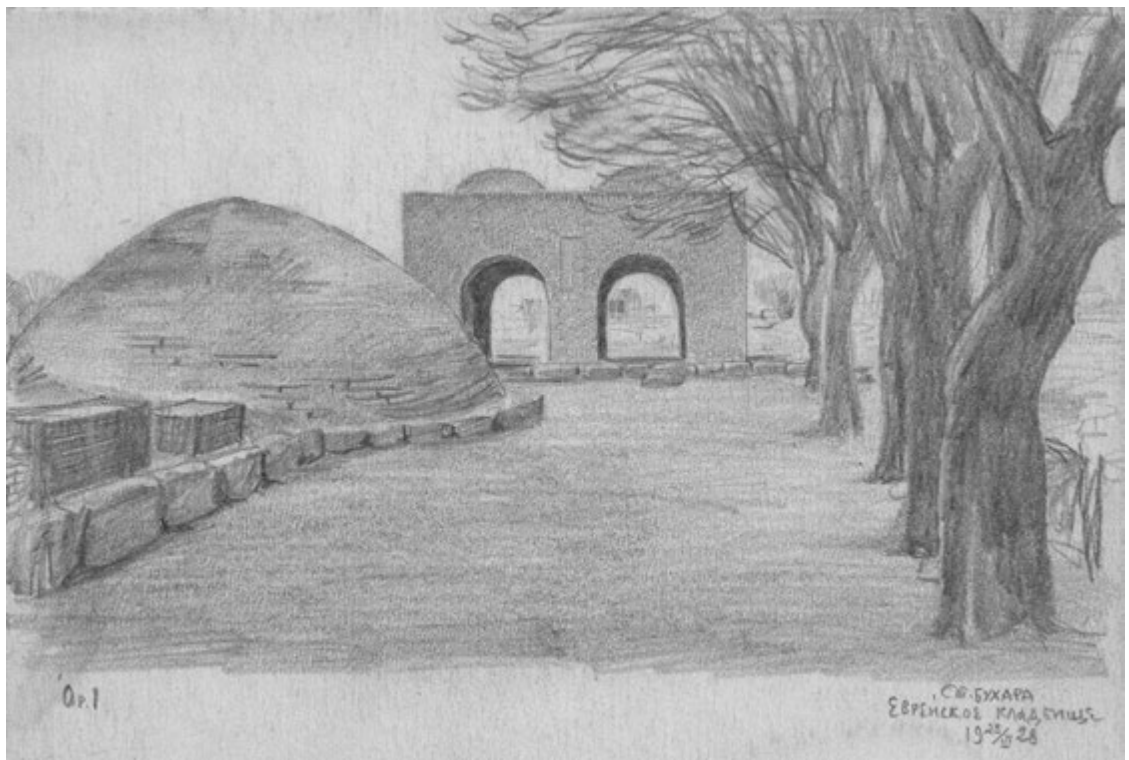

Рис. 27. Бухара, еврейское кладбище, 1928 г.

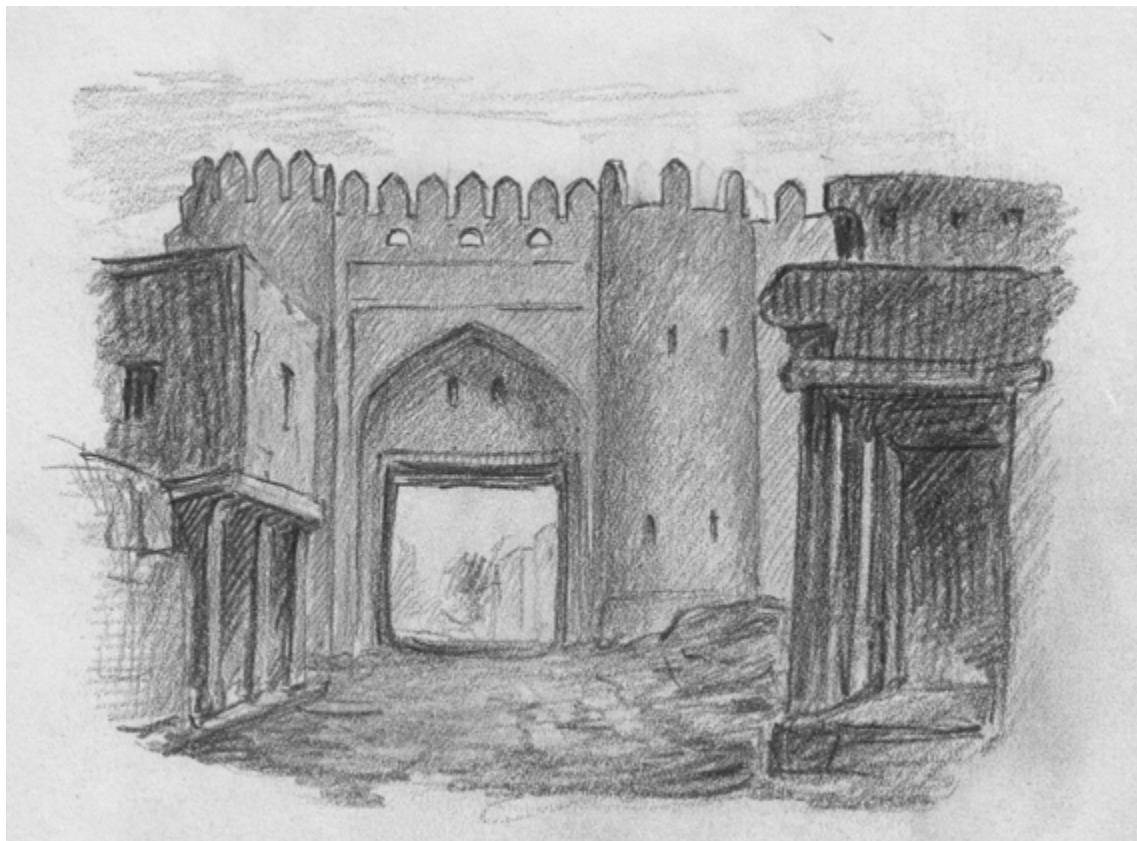

Рис. 28. Бухара, Каракульские ворота, 1929 г.

Рис. 29. Бухара, Сари Пули Ошкон, 1929 г.

Рис. 30. Бухара, мазар Ишани Имла, 1933 г.

Рис. 31. Самарканд, Шах-и Зинда, 1936 г.

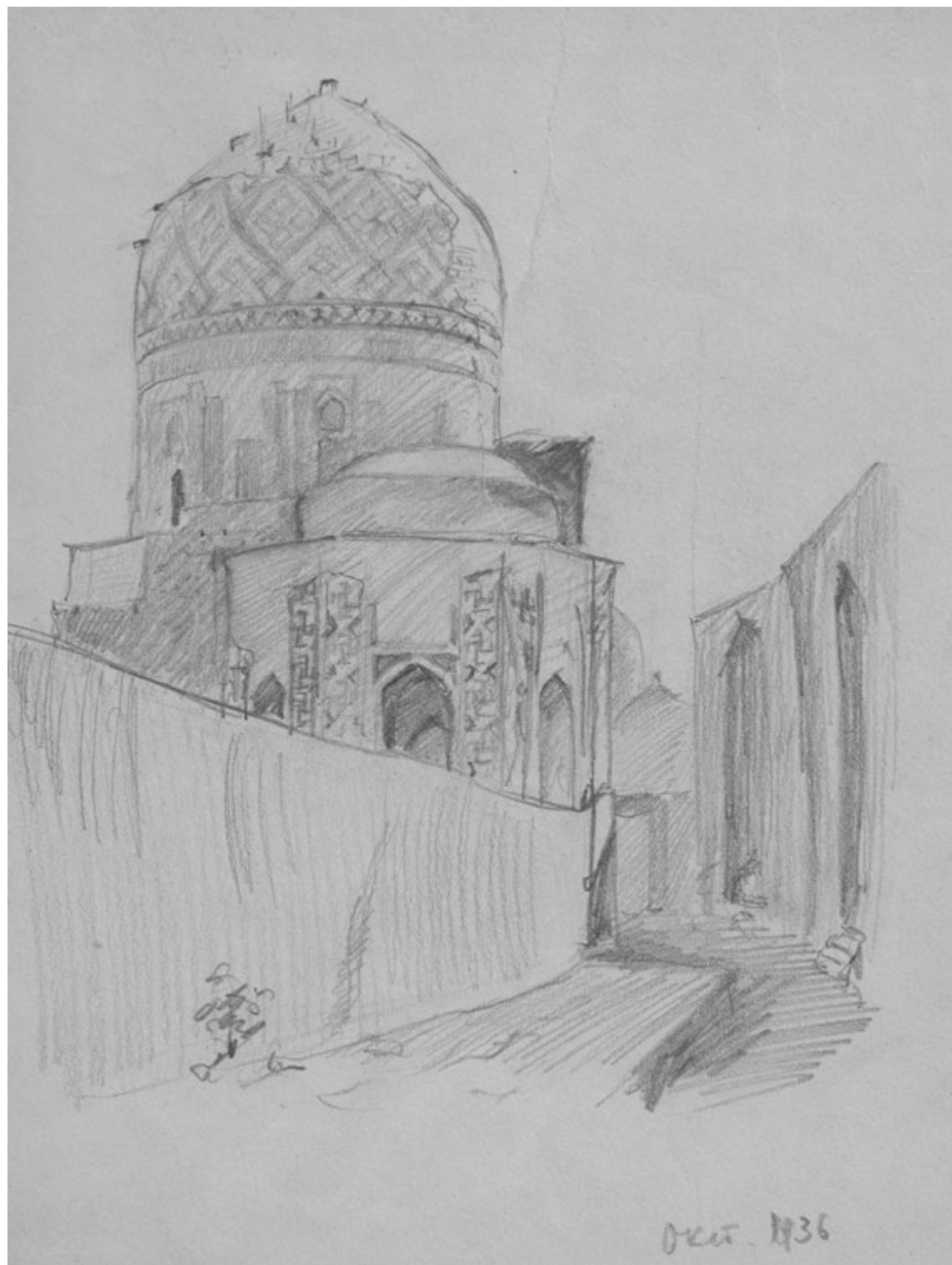

Рис. 32. Шах-и Зинда, 1936 г.

Рис. 33. Гиждуван, 1944 г.

Рис. 34. Гиждуван, 1944 г.

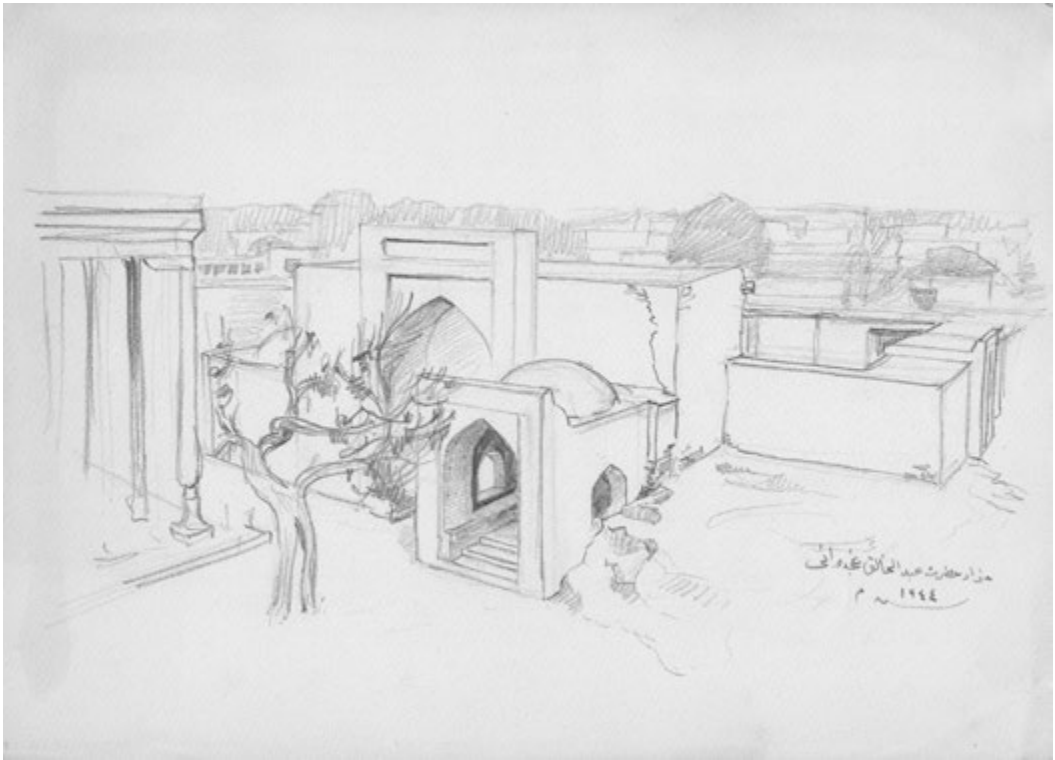

Рис. 35. Гиждуван, 1944 г.

Рис. 36. Дахма Абулхалика Гиждувани, 1944 г.

Рис. 37. Кишлак Камчинбоф, Гиждуванский район, 1944 г.

Рис. 38. Чупан Ата, Самарканд, 1946 г.

Рис. 39. Шахрисябз, Ак Сарай, 1928 г.

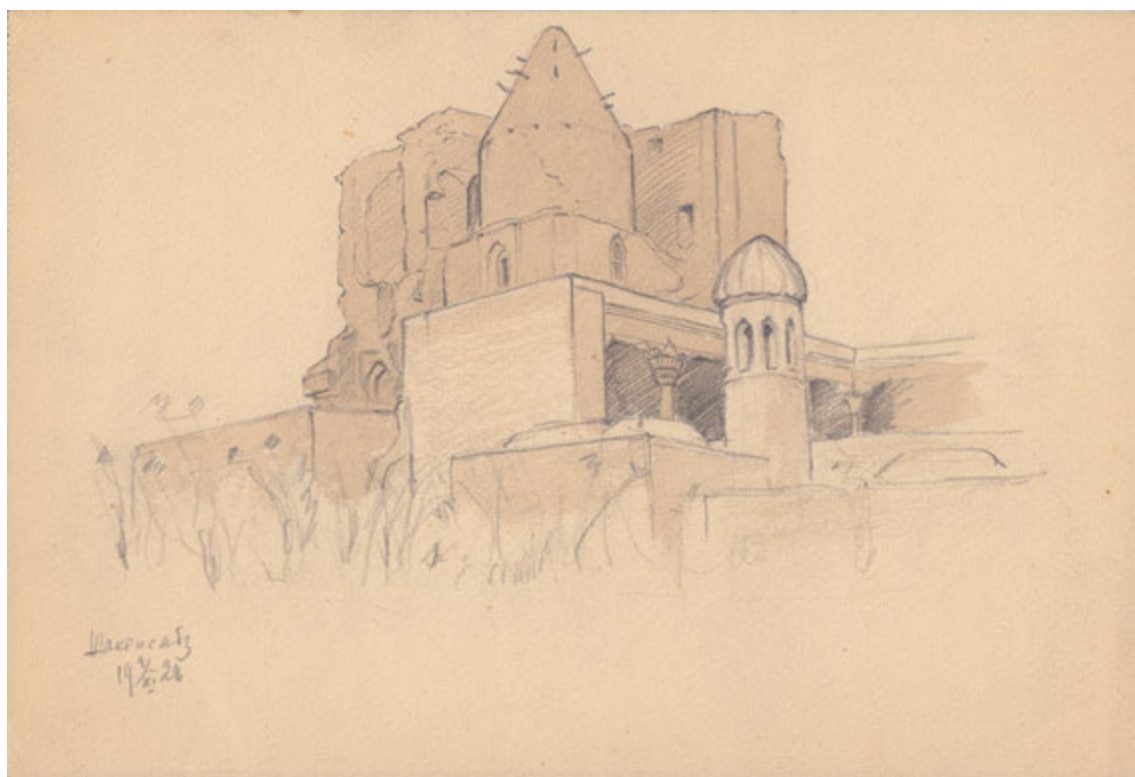

Рис. 40. Шахриябз, Хазрат Имам, 1928 г.

Рис. 41.

Рис. 42. Гишты, 1944 г.

Рис. 43. Гиждуван, 1944 г.

Рис. 44. А.В. Каплун, П.А. Гончарова, Н.М. Бачинский, Чор-Бакр, 1933 г.

Рис. 45. Адриан Каплун, Бухара, 1933 г.

Рис. 46. Георгий Свецкий, Бухара, 1930-е гг.

Рис. 47. Мухитдин Рахимов, керамическое блюдо, 1964 г.

Археология Центральной Азии: архивные материалы Том V. «Восток во всем».
Дневники и рисунки В.А. Шишкина. – Самарканд: МИЦАИ, 2019. – 241 с.

Технический редактор: Абдуллаева Л.Х.

Подписано в печать
Тираж 150 экз.
ISBN 978-9943-357-49-5 (МИЦАИ)

МИЦАИ: Самарканд, Университетский бульвар, 19
www.unesco-iicas.org